Олег Максимович Нечипоренко

КГБ и тайна смерти Кеннеди

От автора

В 1993 году в США на английском языке вышла моя книга «Паспорт на убийство». Настоящее издание представляет собой ее переработанный и дополненный вариант.

Книга едва ли состоялась бы без участия и помощи многих людей. Поэтому пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность за оказанное содействие руководству Службы внешней разведки России, тогдашнего российского Министерства безопасности и КГБ Беларуси, а также сотрудникам перечисленных организаций, уделившим мне свое внимание и время в период работы над архивными материалами.

Сердечно признателен всем друзьям-коллегам, которые дополнили книгу живыми воспоминаниями о событиях, так или иначе связанных с далласской трагедией.

Также премного благодарен экспертам в отдельных областях знаний, особенно специалистам по баллистике ГУВД Москвы. Они своими оценками помогли мне лучше осмыслить суть ряда вопросов.

Мой поклон авторам, чьи работы в той или иной мере использовались при подготовке книги. Независимо от того, разделяю ли я теории различных исследователей, они были для меня весьма важны, поскольку позволяли смотреть на проблему Далласа с разных, подчас прямо противоположных, точек зрения и тем самым стимулировали творческую мысль.

Я в большом долгу перед Джозефом Ричи – бывшим представителем американской телекомпании «Си-би-эс ньюс» в Москве и бывшим московским корреспондентом этой компании Энтони Мейсоном, с пониманием отнесшимися к моим информационным нуждам и снабдившими меня изданиями, которые, как мне известно, очень непросто найти в США. Сравнительный анализ этой литературы был для меня не менее важен, чем

исследование архивных материалов советских органов госбезопасности.

Трагическая загадка Далласа

//-- (вместо предисловия) --//

В конце ноября 1963 года в техасском городе Далласе в течение трех дней прогремело восемь выстрелов, жертвами которых стали три человека: тридцать пятый президент США Джон Фицджералд Кеннеди, патрульный полицейский офицер Типпит и предполагаемый убийца их обоих, бывший морской пехотинец Ли Харви Освальд. Тяжело был ранен также находившийся в одном автомобиле с президентом губернатор штата Техас Джон Коннелли.

Если прибегнуть к театральной терминологии, потрясшее Америку (да и не только ее) «представление наяву», которое началось с далласской трагедии и продолжается по сей день, распадается как бы на три действия.

В действии первом, самом скоротечном, происходит завязка и развязка трагедии. Все развивается по канонам древнегреческого театрального искусства: единство места, времени и действия. Главные герои одновременно появляются на авансцене, исполняют свои роли и уходят навсегда не только с подмостков, но и из жизни. Все события укладываются в несколько дней.

В четверг, 21 ноября, посещением города Хьюстон президент Кеннеди начинает свой давно планировавшийся визит в штат Техас.

В тот же день Ли Харви Освальд, работавший в Далласе на складе школьных учебников и живший отдельно от семьи, после смены просит своего сослуживца подбросить его к жене – благо сослуживец обитал по соседству с домом в пригороде Далласа, где она квартировалась. Поскольку такой визит не вписывается в обычные посещения семьи по пятницам, Освальд объясняет поездку необходимостью забрать «палки для занавесок», чтобы перевезти их в снимаемую им в городе квартиру. Вечер и ночь он проводит в кругу семьи, играет с детьми, какое-то время находится в гараже хозяев дома – здесь у него, завернутая в одеяло, хранится ранее приобретенная винтовка с оптическим прицелом. Вечером происходит разговор с женой, которая отвергает его предложение снять квартиру и съехаться. По существу, разговор заканчивается ссорой.

Утром 22 ноября Освальд с тем же сослуживцем возвращается в город, имея при себе бумажный самодельный сверток продолговатой формы, который он проносит на склад учебников.

С небольшой разницей во времени в Даллас прибывает президент. На аэродроме перед посадкой в машину, как бы предчувствуя судьбу, он произносит пророческую фразу: «Если кто-нибудь действительно желал бы застрелить президента Соединенных Штатов, это не составило бы труда: единственное, что убийце нужно было бы сделать, – это найти высокое здание и винтовку с оптическим прицелом, и никто не смог бы ничего предпринять, чтобы защитить президента от такого покушения».

С аэродрома автокортеж начинает движение по улицам города, направляясь на противоположную окраину, где запланирован официальный прием и обед. Поскольку шедший всю ночь дождь прекратился и выглянуло солнце, прозрачный верх из стекла не был поднят над кузовом автомашины президента, что позволило собравшимся техасцам увидеть его воочию в непосредственной близости. Маршрут проходил по центральной

деловой части Далласа, улицы которого были заполнены встречающими президента горожанами. Кеннеди дважды останавливал машину и выходил для приветствия. Неоднократно кортеж, и так двигавшийся с малой скоростью, практически останавливался: толпа почти перекрывала пространство для продвижения.

Около половины первого пополудни автомашина с президентом выехала на площадь Дили-Плаза, проследовала мимо здания склада школьных учебников и стала удаляться от него. Один за другим, с промежутком в несколько секунд, сзади сверху прогремели три выстрела. Одна пуля поразила президента в спину, вышла через шею и ранила сидевшего впереди губернатора. Последний выстрел стал роковым – пуля пробила голову Кеннеди. На часах было 12:30.

Первым, кто вбежал в здание склада, оказался полицейский патрульной службы Бейкер. На втором этаже около буфета он заметил и остановил человека, державшего в руках бутылку кока-колы. Шедший следом администратор склада Трули признал в нем своего служащего, о чем сказал Бейкеру, и они побежали на шестой этаж, откуда предположительно стреляли по президенту. Этим служащим был Ли Харви Освальд, и встреча произошла спустя минуту-полторы после третьего выстрела.

Еще через полторы минуты Освальд беспрепятственно покидает склад, пешком, а затем на автобусе и такси добирается до своей комнаты, снимаемой в городе, быстро переодевается, берет с собой револьвер и направляется в сторону малолюдной жилой зоны города. В это время по полицейской радиосети уже передают описание внешности предполагаемого убийцы президента. На одной из пустынных улиц около Освальда тормозит полицейская патрульная машина, и офицер просит его остановиться, после чего следует краткий разговор через окно. Патрульный полицейский Типпит выходит из машины и начинает огибать ее, чтобы подойти к Освальду. Последний трижды в упор стреляет в приближающегося полицейского и четвертый раз – в уже лежащего на земле. Прошло сорок пять минут с момента покушения на президента.

Освальд, перезаряжая револьвер, бегом удаляется с места происшествия и на ходу снимает и бросает в кусты куртку. Пройдя несколько кварталов, он, не взяв билета, проскальзывает в зал кинотеатра. Заподозривший неладное свидетель его поведения предлагает кассирше вызвать полицию. Прибывшие полицейские не без борьбы задерживают Освальда и доставляют в городское полицейское управление. Принадлежащая ему винтовка, найденная на шестом этаже склада, уже находится здесь.

Освальд упорно повторяет, что он непричастен к покушению на президента, проходя мимо телекамер, выкрикивает, что ни в чем не виноват, что он козел отпущения. На допросах полностью отрицает свою вину. Тем не менее в ночь на 23 ноября ему официально предъявляется обвинение в убийстве президента. В тот же день проводится короткая пресс-конференция с его участием, Освальд стоит на своем. Властями принимается решение о переводе его утром в воскресенье, 24 ноября, из камеры полицейского управления в муниципальную тюрьму.

В воскресное утро подвальное гаражное помещение полицейского управления Далласа заполнили полицейские в форме, детективы в штатском, шерифы в знаменитых техасских шляпах, сотрудники ФБР. В нетерпеливом ожидании толпились допущенные журналисты, над ними возвышались юпитеры и телекамеры на треногах. Все пришло в движение, когда из глубины гаража, у лифта показался Освальд в сопровождении двух дюжих шерифов, с одним из которых он был скован наручниками. Вспыхнули юпитеры, заработали камеры, репортеры тянули к приближающимся микрофоны, выкрикивая вопросы. Шла прямая

трансляция, миллионы американцев прильнули к экранам телевизоров. Внезапно в кадре возникла рука с револьвером, направленным в сторону конвоируемого, затем спина и голова в серой шляпе. Выкрикнув: «Ты убил президента, крыса!» – человек выстрелил Освальду в живот. Началась свалка, сбитый на пол стрелявший кричал: «Я Джек Руби, вы все знаете меня».

Освальд умер, не приходя в сознание, в том же Парклендском госпитале, где за двое суток и семь минут до этого скончался президент Кеннеди. Обоих похоронили в один день, 25 ноября 1963 года, с разницей в два часа. Опустился занавес, завершилось первое действие…

29 ноября тридцать шестой президент Соединенных Штатов Линдон Джонсон, до покушения бывший вице-президентом и принявший присягу в самолете в день гибели Кеннеди, своим указом учредил специальную государственную комиссию по расследованию его убийства. Комиссия, состоявшая из семи видных государственных деятелей Америки, получила название «Комиссия Уоррена», по имени ее председателя, судьи Верховного суда Эрла Уоррена. Большой аппарат сотрудников, приданный комиссии, приступил к делу.

Прозвенел звонок. Началось второе действие.

Девять месяцев продолжалась повседневная кропотливая работа по восстановлению истинной картины происшедшего в Далласе 22 ноября 1963 года. В расследовании принимали участие ФБР, ЦРУ, Служба разведки Военно-морского флота, Секретная служба (охрана президента), полиция Далласа и Нового Орлеана. Были осуществлены сотни экспертиз, взяты показания у 552 свидетелей, приобщены многочисленные вещественные доказательства, проведены следственные эксперименты. Итоги проделанной работы сконцентрировались в заключительном докладе комиссии, опубликованном 27 сентября 1964 года. Помимо тома основных выводов было издано 26 томов, содержащих показания свидетелей и другие рабочие материалы.

Заключение Комиссии Уоррена звучало однозначно: убийство президента Кеннеди совершено одним лицом – Ли Харви Освальдом. Иностранный или внутренний заговор не имел места.

Второе действие формально завершилось, но зрители не думали расходиться. Теперь они превратились в действующих лиц, и стало разворачиваться действие третье – самое продолжительное, длящееся вот уже более 30 лет.

Третье действие зарождалось в ходе второго: параллельно с работой Комиссии Уоррена начались многочисленные независимые расследования, выдвигались версии «широко разветвленных» иностранных и национальных заговоров, росло количество стрелков и число выстрелов на Дили-Плаза, разыскивались свидетели с сенсационными показаниями. Американцы любили президента Кеннеди. Они видели в нем воплощение американской Идеи: свободное демократическое государство, способное защитить свои национальные интересы по всему миру. Убить такого президента – значит посягнуть на американскую Идею. Как можно было поверить заключению Комиссии Уоррена, что это сделал неврастеничный фантазер-одиночка, вооруженный старой винтовкой, преодолев мощную президентскую охрану? Нет, нужно искать тайные силы, подрывным антиамериканским интересам которых противостоял президент. Положительно восприняла выводы комиссии меньшая часть американского общества. Большинство же весьма критически оценивало их. Преобладало мнение, что расследование велось тенденциозно, главной целью было доказать, что действовал убийца-одиночка, и в интересах правительства скрыть от

общественности подлинных вдохновителей и исполнителей покушения.

В последующие годы вал неофициальных расследований и исследований нарастал, сторонники существования заговора довели число версий до трех десятков. За истекшие десятилетия по этой теме вышли тысячи и тысячи публикаций – от газетных заметок до фолиантов в несколько сот страниц. Время перемешало добросовестных искателей истины с предприимчивыми производителями «новых доказательств» и «сенсационных разоблачений». Но главным является то, что все, кто занимался исследованием далласской проблемы, работали практически на основе одного и того же информационного массива. Одни и те же факты служили «подтверждением» взаимоисключающих версий, в зависимости от аналитических способностей и личных пристрастий их авторов. В результате вокруг отдельных эпизодов, в частности из биографии Освальда, накопилось огромное количество неимоверных домыслов и спекуляций. И в их ряду, пожалуй, первое место принадлежит «версии» о «русском следе» Освальда – ведь он два с половиной года жил в СССР.

Весть о «русском следе» предполагаемого убийцы президента с молниеносной быстротой разнеслась по всему миру уже на следующий день после покушения в Далласе.

Газетчики ринулись в советские учреждения за рубежом за дополнительной информацией. Но их встретила… стена молчания. Советские должностные лица понятия не имели, кто такой Освальд, когда и что он делал в СССР, имел ли контакты с его представителями после возвращения в США.

Московское руководство само находилось в шоке, стремилось разобраться, что к чему, и понять, чем все это может кончиться. Никаких указаний или разъяснений из столицы в первые дни не поступало. Естественно, недостаток или неопределенность информации по тому или иному вопросу всегда порождает слухи, домыслы, спекуляции. Так произошло и на сей раз. Немедленно появилась «версия» о причастности Советского Союза к событиям в Далласе: Освальд и его русская жена – агенты КГБ, он прошел специальную подготовку в России и был направлен в США с целью убийства президента. Ажиотаж немного спал после приезда на похороны Кеннеди первого заместителя председателя Совета министров СССР Анастаса Микояна, который передал администрации США некоторые официальные документы, касающиеся пребывания Освальда в Союзе, и сделал устные заверения о непричастности СССР к покушению.

В ходе работы Комиссии Уоррена белое пятно в биографии Освальда (проживание в Советском Союзе) постепенно исчезало по мере того, как выслушивались показания его вдовы Марины, изучалось содержание «политического дневника», предположительно написанного им уже после возвращения в Америку, анализировались отдельные материалы американских спецслужб и других официальных учреждений США. В ответ на обращения американской стороны в условиях той политической ситуации советские власти предоставили лишь отрывочные данные о жизни Освальда в Союзе. И это притом, что недостатка в них не было. Ведь практически с первого дня появления Освальда на советской земле он попал в поле зрения органов государственной безопасности, а с декабря 1959-го вплоть до дня отъезда в мае 1962 года находился под колпаком КГБ, разрабатывался по оперативному делу «Шпионаж американский». На день сдачи дела в архив (в связи с отъездом его фигуранта) оно насчитывало шесть объемистых томов.

В феврале 1964 года изменил Родине и перебежал на Запад руководящий работник советской контрразведки Юрий Носенко. На допросах в США он заявил, что имел непосредственное отношение к делу Освальда (это соответствовало действительности) и

что КГБ не рассматривал его ни как источник разведывательной информации, ни как потенциального кандидата на вербовку в качестве агента. Он охарактеризовал его поведение в Союзе и негативное в целом отношение к нему со стороны органов госбезопасности. Однако ЦРУ, в распоряжении которого находился Носенко, отнеслось к сообщению с большим недоверием, считая перебежчика подставой (агентом) КГБ, а его сведения – кознями Советов с целью дезинформации американцев по делу Освальда. В результате Носенко не вошел в число свидетелей по покушению в Далласе, не был официально допрошен Комиссией Уоррена и его информация по Освальду, то есть по «русскому следу», не нашла отражения в заключительном докладе Комиссии. ЦРУ, изолировав Носенко в одиночном бункере на три с половиной года, безуспешно пыталось разоблачить его как подставу, применяя физическое и психологическое воздействие.

Так, в обстановке холодной войны и жесткого противоборства спецслужб, сложилась ситуация, когда в течение 30 лет на одной стороне плодились фантазии об отношениях предполагаемого убийцы президента США и советского КГБ, а другая, располагая подробной и достоверной информацией об этих отношениях, не спешила сделать ее достоянием гласности, подчас и в ущерб себе. И здесь особое место занимают сведения о двух визитах Освальда в советское посольство в Мехико за два месяца до покушения в Далласе. Поскольку подробности посещения и содержания бесед с ним в консульском отделе никогда за 30 лет не оглашались, этот эпизод оброс многочисленными антисоветскими измышлениями. В то же время сведения о поведении визитера и характере разговоров с ним безболезненно для советской стороны могли быть переданы Комиссии Уоррена и иметь определенное значение при анализе действий Освальда в Далласе. Но общеизвестно, что История не терпит сослагательного наклонения. Прежние решения, кажущиеся неразумными сейчас, принимались в конкретной обстановке с учетом и под воздействием определяющих факторов того момента. Ну а что же теперь?

Завершилось двухполюсное противостояние мира: социализм – капитализм. Понятие «холодная война» воспринимается как исторический отрезок времени, закончившийся во второй половине 1980-х, с 1991 года стали достоянием истории Советский Союз и КГБ, прекратившие свое существование как действующие реальности. В новых условиях появилась возможность устранить некоторые белые пятна далласской трагедии, в частности «русский след» Освальда, достоверно поведав о нем и на документальной основе показав истинный характер его взаимоотношений с КГБ. В 1993 году в США вышла моя книга «Паспорт на убийство» (Passport to assassination. New York, 1993), как мне кажется, закрывшая тему «русского следа». Но сложилась парадоксальная ситуация: теперь американская сторона продолжает держать в строгом секрете большой объем материалов по делу о покушении. А это означает, что сохраняется основа для подозрений, домыслов и спекуляций. Сохраняется источник подпитки психологической травмы американского общества, которую унаследуют даже новые поколения. Иллюстрацией могут служить результаты социологического опроса американцев, проведенного телекомпанией «Си-би-эс» в октябре 1993 года. Ответы на вопрос «Кто был причастен к убийству Джона Кеннеди?» распределились следующим образом: «Ли Харви Освальд в одиночку» – 11 %; «ЦРУ» – 49 %; «мафия» – 37 %; «кубинцы» – 22 %; «Советский Союз» – 13 %.

Следует подчеркнуть, что только 8 % американцев, родившихся после 1963 года, считают Освальда убийцей, а двое из троих подозревают в содеянном ЦРУ

Размышляя над всем этим, невольно задаешься вопросом: а что, если в третьем действии

в течение более 30 лет меньше усилий действительно направлялось на прояснение истинной картины покушения, а больше на то, чтобы мистифицировать события, придать очевидным фактам «тайный» смысл, подбросить головоломные «версии», подогревая свойственную американцам тягу к детективным сюжетам? Ведь это давало некоторым лицам неплохие дивиденды. Возможно, здесь и кроются причины незавершенности действия третьего? Тем более что судьба клана Кеннеди может претендовать на роль самой трагической в истории уходящего века. Прошло всего полтора года после гибели племянника президента Джона Кеннеди, разбившегося на горнолыжной трассе, как последовали новые смерти! В авиакатастрофе гибнут 38-летний Джон Кеннеди – младший, его жена и ее сестра. А всего месяц спустя после этой катастрофы, потрясшей мир, новое сообщение: в возрасте 40 лет скончался от рака его двоюродный брат Энтони Радзивилл, сын сестры Жаклин Кеннеди. Именно он три года назад был свидетелем на свадьбе погибших Кеннеди-младшего и его жены Кэролин…

Но не все смерти списаны на рок. Не успели близкие и друзья погибших в авиакатастрофе снять траур, как в США поползли слухи: падение самолета, который пилотировался Кеннеди-младшим, – результат «заговора с целью убийства единственного сына бывшего президента». Появились версии: Кеннеди-младший, издатель и главный редактор журнала «Джордж», приступил к расследованию обстоятельств гибели своего отца и тем самым разбудил страшных врагов. Якобы сын убитого в Далласе президента получал открытые угрозы и настоятельные предложения не ворошить ту трагедию…

Близится к концу четвертое десятилетие со дня «убийства века». Уже подросли новые поколения, не очень осведомленные об обстоятельствах того покушения, но его эхо периодически прокатывается по всей планете, и всякий раз с ошеломляющими сенсационными отзвуками. «Теория заговора» снова и снова выплывает на поверхность.

Глава 1
ФАКТЫ

КТО КОГО?

Этот раздел написан как предисловие к книге «Паспорт на убийство», вышедшей в США в 1993 году, и первоначально был рассчитан только на американского читателя: ведь в США очень мало знают о быте и обстановке в СССР 1950–60-х годов.

Однако я решил включить его и в это издание, так как для молодых читателей сегодня СССР того времени почти такая же terra incognita, как и для американцев.

//-- * * * --//

За окнами поезда мелькали припорошенные свежим снегом деревеньки, перелески, дачные поселки родного Подмосковья. Было утро одного из первых дней декабря 1959 года.

Около двух недель назад, когда поезд уносил меня в обратном направлении – из Москвы на Запад, снега еще не было, стояли довольно хмурые осенние дни ноября, и настроение мое было под стать погоде, хотя я старался этого не показывать.

Дело в том, что я, как оперуполномоченный одного из отделов Московского управления

КГБ, был включен в состав группы молодых выпускников советских высших учебных заведений, выезжающих в Шотландию по линии недавно организованного Бюро молодежного туризма «Спутник». Официально являясь заместителем руководителя группы, на самом деле я должен был, как тогда говорили, «осуществлять обязанности по ее контрразведывательному обслуживанию». В те времена такое «обслуживание» туристских групп только-только внедрялось в практику, но впоследствии, по мере расширения зарубежного туризма в составе группы (индивидуального туризма, если дело касалось поездок за пределы Союза, тогда фактически не существовало), оно стало привычной рутинной практикой советских органов госбезопасности.

Мне уже довелось в течение нескольких месяцев поработать в составе персонала советского павильона на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году, так что кое-какой контрразведывательный опыт в условиях заграницы был приобретен. Но там я работал в оперативной группе, рядом с опытными старшими коллегами, в постоянном контакте с резидентурой КГБ, а сейчас на меня ложилась полная ответственность за любые ЧП, которые могли произойти с каждым отдельным туристом или с группой в целом, причем я был оторван от советского посольства и резидентуры в Лондоне плюс было известно, что английские спецслужбы проявляют пристальное внимание к приезжающим советским гражданам.

Действительно, такое внимание мы ощущали на себе в течение всей поездки. Начать хотя бы с того, что, как случайно выяснилось, сопровождавший нас гид изучил русский язык во время службы в частях специального назначения английской армии. Общаясь с нами, «обкатывали» русский язык слушатели разведшколы, расположенной то ли в окрестностях города Данди, то ли вблизи Абердина. Позднее некоторые из них с ответным визитом приехали в Москву в составе такой же молодежной группы шотландских туристов. От общения с нами «не удержались» и преподаватели этой школы, часть которых была из числа русских эмигрантов, а часть – из так называемых перемещенных лиц, бывших советских граждан, осевших на Западе после Второй мировой войны. Очевидно, они испытывали потребность в пополнении языка свежими российско-советскими словообразованиями для использования в своей преподавательской деятельности. Кстати, при проверке уже в Москве по учетам КГБ выяснилось, что некоторые из тех, кто общался с нами, во время войны сотрудничали с нацистами.

Любопытные эпизоды происходили при нашем размещении в отелях. Однажды мы остановились в типично английском старинном особняке из тех, что описаны в классической литературе: со скрипучими лестницами и просторной гостиной с темной деревянной обшивкой стен. Нам объяснили, что этот дом полностью предоставлен в наше распоряжение и находиться в нем будет только наша группа. Вечером того же дня из одного из помещений, примыкавшего к холлу первого этажа, до нас донеслись какие-то звуки и человеческие голоса. Кто-то из наших, памятуя, что в большинстве старых английских домов обитают привидения, решил полюбопытствовать и приоткрыл ведущую туда дверь. В комнате наподобие небольшой гостиной в свободных позах расположились несколько бравых молодых людей вовсе не призрачного вида, которые с удовольствием потягивали пиво. Стороны обменялись изумленными взглядами, после чего «привидения» притихли и шум за дверью прекратился. Вероятно, таким образом кто-то решил попрактиковаться в русском языке, но на сей раз – без прямого контакта.

В целом поездка проходила в обстановке гостеприимства и доброжелательности,

обоюдным дружеским контактам способствовали и некоторые познания ряда членов группы в английском языке. Но без ЧП все же не обошлось. В середине поездки во время одной из ночевок впала в истеричное состояние одна участница группы, к тому же жена высокопоставленного комсомольского лидера из Московской области (сам он оставался дома, в Союзе). Хорошо, что в группе оказались супруги-медики, которые полночи приводили ее в нормальное состояние, однако предупредили, что сильная депрессия может повториться, и с более серьезными последствиями. Так как они считали, что для предотвращения рецидива было бы полезным, чтобы мужская часть группы уделяла ей максимум внимания, мне пришлось попросить моих доверенных лиц из числа ребят, чтобы в оставшееся время они во имя общих интересов поочередно ухаживали за этой особой. Надо признать, что они молодцы: действительно окружили ее заботой, в глаза и за глаза, но так, чтобы она слышала, говорили в ее адрес комплименты. И это сработало – до конца поездки, вплоть до пересечения советской границы, улыбка не сходила с ее лица.

В последний день пребывания в Великобритании, пока члены группы знакомились с достопримечательностями столицы и тратили шиллинги на сувениры, мне пришлось провести полдня в лондонской резидентуре КГБ, отчитываясь по результатам увиденного и услышанного во время поездки.

Я позволил себе расслабиться только тогда, когда на обратном пути наш поезд пересек советскую границу в Бресте и каждый мог убедиться, что поголовье вверенного мне «стада» такое же, что и при выезде.

Пока на вагонах меняли колесные тележки для перехода на другую ширину железнодорожной колеи (в Советском Союзе она отличалась от европейского стандарта), в привокзальном ресторане я расправился с двумя порциями шашлыка и доброй дозой коньяка. Потом, забравшись на верхнюю полку, со спокойным сердцем и чувством выполненного долга завалился спать, пожелав своим соседям по купе спокойной ночи. Теперь каждый из них сам отвечал за себя, любой мог впадать в истерику, бегать по крышам вагонов или прыгать с поезда на ходу, сойти и остаться на любой станции – мое «контрразведывательное обслуживание» закончилось.

Наутро, подъезжая к Москве, я был в приподнятом настроении – предстояла встреча с женой, радовало наступление лыжного сезона и благополучное завершение миссии «туриста».

Все эти воспоминания всплыли в моей памяти, когда летом 1992 года, работая над материалами к этой книге, я сидел в архиве Службы внешней разведки России и с интересом читал совершенно секретный документ одного из отделов внешней разведки КГБ, подготовленный в ноябре 1959 года и озаглавленный «Справка о пребывании в Москве американского туриста Ли Харви Освальда». Очевидно, ассоциации, которые вернули меня в прошлое, были связаны со словом «турист» и совпадением сроков проживания Освальда в Москве со сроками моей «туристской» поездки в Шотландию.

Листая пожелтевшие страницы старого дела, я настроился на философский лад. Как интересно, думал я, что в те же далекие дни, когда я усиленно пекся о том, чтобы никто из вверенных моим заботам молодых советских туристов не стал перебежчиком на Запад, молодой американский турист, гражданин государства – оплота империализма, отчаянно, даже с риском для собственной жизни, прилагал усилия, чтобы стать гражданином государства – оплота социализма.

Мог ли я представить, если бы даже знал тогда о нем, что волею судьбы в будущем не только встречусь с этим человеком при странных обстоятельствах, причем не на его или

моей родине, а в третьей стране, да еще за два месяца до того, как он станет не разгаданной до сих пор загадкой и американской, и мировой истории, но и всерьез займусь исследованием этой загадки и к тому же публично выскажу свое мнение на этот счет.

Но прежде чем начать повествование о появлении в Советском Союзе странного туриста и его «московском следе», остановлюсь на оперативной обстановке в Москве той поры, чтобы читателю было понятней, на каком фоне разворачивались события, связанные с главным персонажем книги – Ли Харви Освальдом.

Сразу оговорюсь: я не политолог, и мои рассуждения – всего лишь ретроспективный взгляд на прошлое бывшего кадрового контрразведчика и разведчика КГБ, основанный на некоторых личных впечатлениях об отдельных событиях, в которых мне пришлось поучаствовать. 1950-е годы можно назвать десятилетием перепадов на шкале градусника холодной войны: международные отношения напоминали состояние больного лихорадкой, когда температура то неожиданно резко повышается, то снова падает.

С одной стороны – события в Иране (1953), Гватемале (1954), Венгрии (1956), египетско-израильская война (1956), другие локальные кризисы. С другой – перемирие в Корее (1953), Женевские соглашения по Индокитаю (1954), первая послевоенная встреча глав четырех великих держав в Женеве (1955), хотя и не приведшая к конкретным результатам, но породившая «дух Женевы» и характеризовавшаяся как «первый из серии периодов детанта в американо-советских отношениях». Большой международный резонанс получило и разоблачающее культ личности Сталина выступление Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 года, которое положило начало антисталинской кампании в Советском Союзе и расколу в мировом коммунистическом движении.

Здесь, очевидно, необходимо пояснить, что именно политический фактор, включающий два аспекта – международный и внутренний, определяет ту «оперативную обстановку», в которой отдельным спецслужбам приходится решать как «свои», национальные, задачи, так и «общие», на полях сражений, совместно с коллегами из противоположного лагеря.

В период описанных выше перепадов, когда политические лидеры разных государств то произносят конфронтационные речи, то прогуливаются друг с другом по газонам резиденций, мило улыбаясь и выступая с совместными миролюбивыми декларациями, разведкам и контрразведкам этих государств приходится туго. Такой падеграс никак не меняет в принципе функциональных обязанностей указанных служб, поэтому нередко бывает, что, в то время как они проводят операции по решению задач, поставленных перед ними политиками в период конфронтации, те же самые политики, встретившись, поднимают тосты за мир и дружбу. В таких случаях малейший прокол спецслужб – и они превращаются в мальчиков для битья и громоотвод для разгневанных государственных мужей.

Но за долгие годы существования у спецслужб выработалось своеобразное профессиональное «косоглазие». Оно отличается от обычного тем, что не имеет характерных внешних признаков. Но в чем же его специфика?

Представьте, что вы, побывав на матче по водному поло, который наблюдали с трибуны бассейна, хлопая красивой корректной игре ватерполистов, вернулись домой и смотрите трансляцию этой же игры по телевизору, но в записи, причем идет показ как надводных сцен, так и схваток, зафиксированных телекамерой через иллюминатор, расположенный ниже уровня поверхности воды. И теперь вы отчетливо понимаете, где и каким образом во многом решался исход поединка. Так вот, сотрудники спецслужб постоянно видят с двух

точек самые различные политические события – как международные, например государственные визиты на высшем уровне, с их теплыми рукопожатиями, публичными объятиями и велеречивыми обоюдными заверениями в верности, так и происходящие в собственной стране. Такое «косоглазие» помогает им выжить, держать нос по ветру, по возможности гибко и оперативно реагировать на перепады температуры в политической бане во избежание подзатыльников и даже класть на стол правителям любезную их взору информацию о противниках.

Правда, иногда, чтобы выбрать себе ту или иную хорошую точку для обзора, работникам спецслужб приходится строить головоломные комбинации и в полном смысле слова спускаться под землю или под воду, а то и взмывать в небесную высь, что, как известно, связано с большим риском и не всегда кончается благополучно.

Именно такие истории и произошли в 1950-е годы и занесены яркими эпизодами в летопись холодной войны.

В середине 50-х английская и американская разведки задумали осуществление масштабной и сложной, и не только по тем временам, операции, впоследствии ставшей известной под названием «Туннель», и приступили к ней. Это было действительно сооружение подземного туннеля, ведшего из Западного Берлина на территорию бывшей ГДР, к месту прохождения проложенных под землей коммуникаций советских воинских подразделений и других учреждений. Подключение к ним состоялось, и туннель превратился для западных разведок в «золотую информационную жилу».

Ощущение эйфории от результатов этой операции красочно описано в мемуарах бывшего заместителя директора ЦРУ по информационной работе Рэя Клайна: «В середине 50-х годов ЦРУ затеяло грандиозный проект, который обошелся ему в миллионы долларов, но зато принес горы ценной информации (здесь и далее в цитатах все выделения курсивом мои, кроме особо оговоренных случаев. – О.Н.) о Советском Союзе. Это был проект берлинского туннеля.

…Технические возможности позволяли прорыть такой туннель так, чтобы его не заметили понатыканные на каждом шагу часовые и патрули противника.

Для работы был выбран заброшенный дом поблизости от границы. В него тайком, под покровом ночи, доставили все необходимые инструменты, и работа закипела.

…Сочетание мастерства разведчиков и техников (специалистов по связи) с профессионализмом ученых дало отличные результаты, став одним из ярчайших примеров того, чего может достичь ЦРУ».

Надо отдать должное авторам проекта – операция может быть отнесена к категории высшего пилотажа в разведывательной деятельности. И сам замысел, и его техническое воплощение были блестящими. Меры безопасности обеспечили скрытость работ от «понатыканных на каждом шагу» часовых и патрулей противной стороны. Но, как нередко случается в разведке, никогда не знаешь наперед, где найдешь, а где потеряешь.

Пока исполнители проекта в строгой секретности прокладывали подземный ход на Восток, наземный «крот» из числа посвященных в их среде имел более короткий путь для связи с Востоком.

Ставший широко известным советский «крот» в британской разведке Джордж Блейк, являвшийся в то время сотрудником резидентуры МИ-6 в Западном Берлине, тоже вспоминает об операции «Туннель» в своих мемуарах: «Ночью 22 апреля 1956 года советские связисты, осуществляя срочный ремонт начавшего провисать телефонного кабеля, наткнулись на ответвление. Они обнаружили туннель, ведший к американскому

пакгаузу по ту сторону границы сектора.

…В западной прессе операция «Туннель» расценивалась в основном как один из самых выдающихся успехов ЦРУ периода холодной войны. Хотя и отмечалось, что большая часть найденного оборудования была английского производства, никто не высказал предположения, что англичане участвовали в операции или хотя бы знали о ней. Для Питера Ланна (резидент МИ-6 в Берлине. – О.Н.) это было уже слишком. Как только новость попала в газеты, он собрал весь персонал берлинской резидентуры сверху донизу и рассказал эту историю от ее зарождения до развязки, пояснив, что идея операции принадлежит Интеллидженс сервис и ему лично. Участие американцев сводилось лишь к предоставлению большей части необходимых сумм и средств обслуживания. Конечно же, они участвовали и в дележе результатов.

До этого вряд ли кто-нибудь в резидентуре знал о существовании туннеля. Помимо Питера Ланна и его заместителя я являлся единственным сотрудником, бывшим в курсе, да и то лишь благодаря моей прежней работе в отделе «У»».

Далее Дж. Блейк рассказывает, как он опасался за свою безопасность после обнаружения туннеля, но «последовавшее за этим совместное расследование Интеллидженс сервис и ЦРУ обстоятельств провала операции пришло к выводу о его чисто технических причинах, об утечке информации и речи не шло». В мемуарах также сказано: «Только в 1961 году, после моего ареста, разведке стало известно, что советские власти были детально ознакомлены с операцией «Туннель» еще до того, как первая лопата вонзилась в землю».

Таким образом, то, что с радостью извлекалось из-под земли западными разведками в качестве «гор ценной информации», в свою очередь разбавлялось на «кухне» советской разведки немалой дозой дезинформации, при этом прилагались значительные усилия, чтобы скрыть осведомленность о канале утечки и не засветить ценный источник. Так что и для КГБ «Туннель» превратился в грандиозную операцию, также требовавшую больших трудовых и материальных затрат.

Вторая нашумевшая история, тоже развивавшаяся ниже уровня, но уже не поверхности земли, а моря, поэтому, естественно, в ней принимали участие не «кроты», а «крабы», имела место в Великобритании практически одновременно с «обнаружением туннеля».

18 апреля 1956 года (туннель «нашли» 22 апреля) в Англию с государственным визитом на высшем уровне прибыли лидер КПСС Н.С. Хрущев и премьер советского правительства маршал Н.А. Булганин. Прибыли они на борту крейсера «Орджоникидзе» в сопровождении двух эсминцев.

Пока государственные деятели обеих стран миролюбиво общались между собой, советские военные корабли «припарковались» не где-нибудь, а в ее величества королевском доке в порту Портсмут. Английское политическое руководство на Даунинг-стрит во избежание каких-либо осложнений издало секретную директиву, адресованную своим спецслужбам, чтобы они «оставили в покое» советскую делегацию на период ее пребывания в Великобритании.

Однако британская разведка, очевидно, не находила себе места – ведь прямо у нее под носом был пришвартован советский крейсер новейшего типа! И «зуд» был настолько силен, что вопреки указаниям свыше смельчаки из МИ-6 решились на отчаянный шаг. Для тайного обследования подводной части крейсера «Орджоникидзе» они «зафрахтовали» опытного морского аквалангиста, капитана 3-го ранга в отставке по фамилии Крэбб (произносится так же, как «краб», хотя пишется с двумя «б»), который погружался в воду

два раза – 18 и 19 апреля.

19 апреля на обеде, который давал британский премьер в честь высоких советских гостей, Н.С. Хрущев отпускал какие-то шутки, но хозяин стола никак не мог понять, по какому поводу.

Из своей второй «экспедиции» аквалангист так и не вернулся, что потом, когда эта история (в отличие от Крэбба) всплыла на поверхность, породило множество различных версий и спекуляций.

В одной из книг, посвященных тайным операциям английской разведки, авторы, ирландские журналисты, так описывают это событие: «Крэбб, имевший слабое сердце и страдавший от злоупотребления алкоголем, сделал два погружения под корабль. Из второго он не вернулся. Русские, обнаружившие, что их корабль подвергается обследованию, заявили резкий протест. Разгневанный премьер-министр Энтони Иден приказал выяснить, кто санкционировал эту акцию. Оказалось, что, хотя некоторые сотрудники МИДа были осведомлены о плане, на соответствующем уровне он не обсуждался. В результате генеральный директор разведки Джон Синклер был уволен».

Только 9 июня 1957 года на большом расстоянии отбывшей стоянки советских кораблей был выловлен облаченный в легкий водолазный костюм обезглавленный труп, к тому же без кистей рук, который по ряду признаков был опознан как тело Крэбба. По мнению экспертов, его голову и руки объели крабы.

Но появилась и другая версия, согласно которой русские изловили ныряльщика, увезли его в Союз, где он под другой фамилией стал работать по специальности в советской военной разведке. Публиковались даже фотографии, «подтверждавшие» эту версию, где мнимый Крэбб изображен в советской военно-морской форме.

Вся история с «крабами» на Западе до сих пор считается одной из неразгаданных загадок времен холодной войны.

Удобные точки для взгляда на происходящее, особенно в стане противника, разведчики искали не только на земле, но и под землей и под водой. Во второй половине 1950-х ЦРУ приступило к реализации нового, теперь уже «высотного», проекта.

Архисекретная операция «Перелет» по проведению разведывательных полетов самолета У-2 над территорией СССР продолжалась до 1 мая 1960 года, когда он был сбит под Свердловском, а его пилот, Гэри Фрэнсис Пауэрс, захвачен, судим на открытом процессе в Москве и приговорен к десятилетнему заключению. И хотя потом тогдашние американские политики – президент Эйзенхауэр и вице-президент Никсон – сами признали, что они не только были осведомлены об этой операции, но и санкционировали ее, все шишки свалились на разведывательную службу США.

Справедливости ради надо признать, что перечисленные операции западных разведок все же носили наступательный характер, и КГБ приходилось в этих случаях прибегать к контратакующим действиям.

Но и сам КГБ подыскивал подходящие точки на вражеской территории, чтобы «давить косяка» (то есть подсматривать, наблюдать) за всем там происходящим.

21 июня 1957 года в Нью-Йорке был арестован скромный фотограф по имени Мартин Коллинз, он же Каютис, он же Гольдфус, назвавшийся на одном из допросов Рудольфом Ивановичем Абелем.

На самом деле это был полковник советской нелегальной разведки Уильям Фишер, имевший в КГБ псевдоним Марк.

В августе 1957 года, работая переводчиком на конгрессе Всемирной федерации

демократической молодежи (ВФАМ), проходившем в Киеве, я просматривал американские газеты примерно месячной давности и впервые прочитал об аресте в США советского разведчика-нелегала по имени Абель. На сопровождавшей заметку фотографии был запечатлен человек в наручниках, сидевший в автомашине. Помню, что даже на газетном снимке меня поразил его пронзительный колючий взгляд хищной птицы, попавшей неожиданно в ловушку.

Провал Рудольфа Абеля произошел в результате предательства направленного ему в помощники другого советского нелегала по фамилии Хэйханен – Вика. Впервые в истории американские власти получили фактическое свидетельство того, что советская внешняя разведка имеет на территории США нелегальные резидентуры, руководимые кадровыми офицерами КГБ.

Судебный процесс над Абелем осенью 1957 года в Нью-Йорке проходил так же шумно, как три года спустя процесс над Пауэрсом в Москве, в Колонном зале Дома союзов. Правда, американская Фемида оказалась менее милосердной к Абелю, чем московская – к пилоту: полковник получил 30 лет тюрьмы.

День 10 февраля 1962 года вписан в историю противоборства двух Главных Противников как событие, которое тоже произошло впервые. В этот день на мосту Глиникербрюкке, соединявшем тогда Восточный Берлин с Западным, был произведен обмен полковника Абеля на пилота Пауэрса. Этот прецедент положил начало «джентльменскому взаимодействию» между враждующими разведками и привел к целой серии последующих обменов «сгоревших» шпионов обеих сторон. Но все это – уже в другие десятилетия.

Как-то, после возвращения из Мексики в самом начале 1970-х, в столовой в здании КГБ на Лубянке я с тарелками на подносе приблизился к столику, за которым, склонившись над едой, сидел пожилой человек. Пожелав сидевшему приятного аппетита, я спросил, могу ли присоединиться к нему. Он поднял голову, и я увидел те же глаза, которые поразили меня своим выражением на газетном снимке в 1957 году. Взгляд полковника Абеля – а это оказался он – был по-прежнему пронзительно пристальным, но в то же время в нем сквозила какая-то затаенная грусть. Кивнув в знак согласия, Абель вновь склонился над тарелкой. Видя, что он погружен в свои раздумья, я не решился затевать какой-то банальный разговор и тоже принялся за еду. Закончив трапезу, Рудольф Иванович в свою очередь пожелал мне приятного аппетита, собрал за собой пустую посуду, отнес ее на специально отведенный для этого стол и, сутулясь, направился к выходу из столовой. Это было мое первое и единственное общение с «живым экспонатом», как в последние годы с грустью шутливо называл себя в узком кругу Рудольф Иванович. Спустя несколько месяцев, 15 ноября 1971 года, полковника Абеля не стало. Но, уйдя из жизни, он стал символом классического советского разведчика-нелегала.

«Визави» полковника Абеля по обмену на германском мосту, американский пилот-разведчик Г.Ф. Пауэрс пережил его на шесть лет и погиб в вертолетной катастрофе близ Лос-Анджелеса 2 августа 1977 года.

Увлекшись лирикой, я отклонился от рассматриваемого периода и перепрыгнул в другие десятилетия. Поэтому вновь вернусь в 1950-е.

В те годы в средствах массовой информации и политических декларациях два понятия – «холодная война» и «железный занавес» – почти всегда стояли рядом. Первое определяло жесткое противостояние двух лагерей на грани применения военного арсенала, включая

ядерное оружие, второе – закрытость советского общества и изоляционистскую политику его руководителей. Но именно на этом историческом отрезке стало меняться содержание второго понятия, что в определенной степени сказалось и на содержании первого.

В 1953 году советское общество перенесло шок – смерть «великого вождя» Иосифа Сталина. Спустя три года новый политический лидер и недавний близкий сподвижник Сталина Н.С. Хрущев разоблачил культ «гения всего человечества» и представил его как тирана, проводившего политику геноцида в своем государстве. Это был еще больший шок.

Началась эра десталинизации, и железный занавес постепенно начал приподниматься.

В 1957 году впервые в Москве проводился Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Десятки тысяч молодых людей из других стран, придерживающихся различных идеологических убеждений, политических и религиозных взглядов, буквально лавиной хлынули в советскую столицу, вызвав своего рода «диффузию». Помимо семян политических сомнений гости посеяли и другие семена. Через девять месяцев московские родильные дома пожинали урожай новорожденных с цветом кожи, совершенно несвойственным жителям наших географических широт. Врачи-венерологи схватились за голову значительно раньше, еще в ходе обширной культурной программы фестиваля. Что ж, интернационализм – это не только обмен идеями за круглым столом, как представлялось тогда нашим штатным пропагандистам.

В 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе был сооружен громадный советский павильон, персонал которого насчитывал несколько сот человек. Как участник этого события, могу засвидетельствовать, что интерес к жизни и людям из-за железного занавеса был огромный. Пожалуй, наш павильон был одной из достопримечательностей выставки. По утрам, еще до открытия, у входа уже скапливалось немалое число жаждавших посетить его.

Понятно, что и западные спецслужбы рассматривали павильон и его сотрудников как объект своих интересов и разведывательных устремлений. В действовавшую в составе персонала контрразведывательную оперативную группу от наших источников поступало немало сигналов о повышенном интересе к биографиям советских специалистов, работавших на стендах, переводчиков и других служащих павильона. Особую активность в этом плане проявляли участники антисоветских эмигрантских организаций типа НТС, ОУН и других. Но кадры павильона были основательно отфильтрованы в Москве, и не помню, чтобы в период работы выставки возникли серьезные проблемы с точки зрения государственной безопасности, хотя мелкие ЧП и имели место.

В то же время брюссельскую выставку посетило немалое число туристских групп из разных регионов СССР, которые, напитавшись большой порцией знаний о «западном образе жизни», представленном в концентрированном виде в павильонах многих стран мира, повезли эти знания к себе домой.

Но самый смелый шаг, еще выше приподнявший железный занавес, был предпринят летом 1959 года, когда состоялся обмен национальными выставками между США и СССР. Американская была открыта в московском парке «Сокольники», а советская – в центре Нью-Йорка, в зале «Колизеум». На открытие американской выставки в СССР приехал с большим сопровождением вице-президент Никсон, который встречался в Москве с советским руководством, а затем побывал в Ленинграде, на Урале и в Новосибирске. Тогда же состоялись обоюдные визиты других весьма представительных делегаций,

начались гастроли театральных трупп, рост туризма из США в СССР и обратно, наметилось расширение спортивных связей.

Если внешней разведке КГБ увеличение просвета в железном занавесе сулило даже некоторые преимущества, поскольку расширяло каналы разведывательного общения с Западом, то для контрразведывательных подразделений наступили непростые времена. Резкое возрастание количества прямых контактов советских граждан с иностранцами как за рубежом, так и на территории Советского Союза меняло обстановку, требовало новых подходов, определенной перестройки в тактике и методах оперативной деятельности.

Американская выставка 1959 года в Москве для многих подразделений КГБ явилась серьезным испытанием на прочность и одновременно хорошим полигоном для приобретения новых навыков работы в изменяющейся оперативной обстановке. И хотя кое-какой опыт был уже накоплен в ходе контрразведывательной работы на московском фестивале и на брюссельской выставке, теперь складывалась ситуация с особой оперативной спецификой. Для Брюсселя, например, было достаточно заранее подобрать, а затем направить надежную команду персонала советского павильона и с ее помощью гасить все разведывательные устремления и вербовочные усилия спецслужб противника и эмигрантских организаций. Здесь же, наоборот, требовалось квалифицированно нейтрализовать довольно многочисленную американскую команду, десантированную в советскую среду, которая проявляла большую любознательность к проводимому мероприятию. Было ясно, что противоположная сторона попытается воспользоваться представившейся возможностью для достижения максимального пропагандистского и оперативного эффекта. Соответственно, задачей хозяев было свести этот эффект к минимуму. Короче говоря, ситуация на американской выставке отличалась от всех предыдущих тем, что, говоря языком боксеров, стала «ближним боем» с Главным Противником, причем в нашем углу ринга.

В «обеспечении» американской выставки принимали участие различные подразделения органов госбезопасности, но, поскольку она проходила в Москве, вся повседневная оперативная работа легла на плечи Московского управления КГБ, где в одном из отделов начиналась в то время моя карьера офицера контрразведки.

Специальная группа наших оперработников несла круглосуточное дежурство в помещении отделения милиции, расположенного непосредственно на территории парка «Сокольники», и поддерживала постоянную связь со штабом, размещавшимся в здании управления на Малой Лубянке. Штаб, в свою очередь, координировал все возникавшие вопросы с центральным аппаратом КГБ и его другими службами.

Помимо кадровых оперативных сотрудников выставку «обслуживал» многочисленный аппарат помощников – агентура и доверенные лица. Диапазон их функций был весьма широк: от работы в составе персонала, например переводчиками у стендов в павильонах, до регулярных ежедневных визитов на выставку в качестве посетителей. Задачи помощникам ставились как общего, так и вполне конкретного характера – изучение американских сотрудников и наблюдение за их контактами с советскими гражданами. Встречи с агентурой и «доверенными» проходили по учащенному графику, полученная информация быстро анализировалась, и по острым сигналам немедленно принимались оперативные меры.

Не обошлось и без курьезов. Однажды в штаб сообщили, что задержан и находится в милиции молодой человек, имевший подозрительную беседу на выставке с одним из американских служащих, в ходе которой последний опустил в портфель задержанного

пачку денег. Срочно меня еще с одним офицером направили в «Сокольники», чтобы на месте выяснить подробности. Мы ознакомились с рапортом двух сотрудников службы наружного наблюдения, в котором они детально описывали «конспиративную встречу», и опросили перепуганного иногороднего парнишку, оказавшегося в Москве, кажется, по случаю сдачи вступительных экзаменов в один из институтов. Он подтвердил, что на выставке попросил у кого-то из американцев рекламные проспекты, но категорически отрицал получение денег от кого-либо из них. При себе он имел небольшую сумму денег, полученную, по его словам, в этот день переводом от своей тетки из другого города. Дальнейшая проверка и разбирательство эпизода показали, что двое «наружников» (сотрудников службы наружного наблюдения), увидев, как парень расплачивался в кафетерии в парке, понаблюдали за ним на выставке и полностью «слиповали» его «конспиративную встречу» с вымышленным американским шпионом. Уличенные во лжи, они объяснили свои действия стремлением «отличиться и заработать поощрение за бдительность». Их обоих «поощрили» увольнением из органов КГБ.

Теперь уже с улыбкой можно вспоминать острую «борьбу», с первых дней открытия выставки развернувшуюся между нашей службой и американской стороной у стенда с печатной продукцией, выпускаемой в США. Велась она упорно и молчаливо с обеих сторон. Части нашей агентуры с целью пресечения распространения организаторами выставки «идеологически вредной пропагандистской литературы» было поручено, посещая этот павильон и знакомясь с книгами, прихватывать их с собой и тем самым ограничивать доступ к ним других советских граждан.

Спустя несколько дней после открытия выставки в здании управления, в одном из кабинетов нашего отдела, скопилась довольно внушительная гора американских издании по самой разнообразной тематике. Учитывая мои познания в иностранных языках, начальство поручило мне просматривать литературные «поступления», чтобы можно было решить, что с ними делать. Какая-то часть была передана на курсы иностранных языков, что-то отправили в макулатуру. С разрешения руководства отдельными интересующими меня книгами я пополнил свою библиотеку. До сих пор на книжных полках у меня стоят несколько томов воспоминаний Уинстона Черчилля и некоторые издания по истории и государственному устройству США.

Припоминаю, что через какое-то время поток литературы иссяк – кажется, устроители выставки ужесточили контроль над стендом, усложнив тем самым работу нашей агентуры. Но и это было нам на руку – другие советские граждане тоже не могли уносить «подрывную» продукцию.

В 1958 году, работая по прикрытию в разделе «Культура и искусство» советского павильона в Брюсселе, мне пришлось участвовать в обратном процессе: там уже мы усиленно подкладывали на стенды нашу «вредную» печатную продукцию, которую охотно разбирали иностранные посетители из разных стран. Правда, не знаю, оседала ли она тоже в кабинетах спецслужб или служила широкому распространению наших самых передовых идей среди западного общества.

Неожиданно в Москве натолкнулся на один «брюссельский след». По какому-то поводу просматривая списки американских служащих выставки в «Сокольниках», я обнаружил среди них фамилию знакомой по Брюсселю. Это была сотрудница павильона США, вместе с которой мы состояли членами Международного молодежного клуба служащих Всемирной выставки. Я доложил об этом начальству, и было решено организовать «случайную» встречу с ней и заняться ее изучением. По каким-то признакам она к тому

времени уже попала в категорию подозреваемых «в принадлежности к американским спецорганам» и находилась под наружным наблюдением в отеле, при передвижениях по Москве и на самой выставке. Пришлось некоторое время в составе бригады НН (наружное наблюдение) поучаствовать в наблюдении за моей знакомой, а затем «случайно» узнать ее на выставке, где она работала стендистом у машин для голосования.

При встрече она тоже выразила «искреннюю» радость, мы обменялись телефонами и договорились созвониться. Интересно, что во время нашей милой беседы, как только я сделал движение достать ручку, стоявший невдалеке посетитель поспешно приблизился ко мне, любезно протягивая карандаш и старательно заглядывая, что я буду записывать. «Да, наши люди не дремлют», – подумал я про себя.

Чтобы у читателя не сложилось впечатление, что контрразведывательная работа на выставке носила скорее опереточный, чем оперативный характер, расскажу об одном из эпизодов, который мог бы украсить собой любой остросюжетный детектив и в котором умело проявил себя один из наших негласных помощников. Сложись все по-другому, случай мог иметь далеко идущие негативные последствия для нашей стороны.

В один из дней служащий выставки, в какой-то момент оказавшийся в павильоне лицом к стенду, у которого он постоянно работал, услышал за своей спиной сказанную вполголоса и явно обращенную к нему фразу:

– Не оборачивайтесь, положите руки за спину. То, что я вам вручу, передайте по назначению.

Стендист послушно выполнил просьбу и почувствовал, как ему в руки был вложен пакет. Не оглядываясь, он опустил его в карман и спокойно оставался на рабочем месте, предполагая, что за его поведением после вручения конверта могут наблюдать. Спустя некоторое время, отлучившись в туалет, он достал и осмотрел заклеенный пакет, на котором было написано по-русски: «Передать в американское посольство».

Через пару часов конверт и его содержимое лежали на столе у руководства Московского управления КГБ.

Забегая вперед, скажу, что автор послания вел наблюдение за стендистом в течение нескольких посещений выставки и, только придя к твердому убеждению, что это американский сотрудник, передал конверт в руки… советского гражданина – агента КГБ, прекрасно владевшего английским языком.

Так началась операция, которую условно назову «Дело Романа».

В своем послании анонимный автор, обращаясь к представителям американской разведки, сообщал, что располагает секретными сведениями, в частности о системе противовоздушной обороны Московского региона, и готов за материальное вознаграждение передать эту и другую информацию, которая может представлять интерес. Он писал, что передаст сведения только в случае последовательного выполнения ряда условий, которые убедят его в том, что предложение попало по назначению и принято адресатом.

В качестве первого выдвигалось условие, чтобы в определенный день и час в определенном месте высокопоставленный чиновник посольства США в Москве произвел определенные действия, оговоренные в письме. На выполнение этого условия автором письма отводился короткий срок.

Прибегнув к средствам и методам театрализованного шоу, КГБ выполнил поставленное условие. Место проведения спектакля при этом не «обкладывалось» службой наружного наблюдения, чтобы Роман не заподозрил что-то неладное.

Вторым условием Роман поставил, чтобы из окна вагона электропоезда, когда он отойдет в обозначенное время от платформы одной из подмосковных станций, был выброшен пакет с названной им суммой денег в банкнотах определенного достоинства.

Было подготовлено исполнение и этого желания анонимного автора. Правда, на этот раз местность контролировалась службой наружного наблюдения и в помощь был брошен «десант» из оперативных сотрудников нашего управления, так как предусматривался захват «доброжелателя» в случае его обнаружения в зоне засады.

Поскольку действия Романа выдавали в нем человека, достаточно хорошо знакомого с принципами конспирации и, по всей видимости, как-то связанного с системой органов безопасности, в работе по этому делу участвовал весьма ограниченный круг лиц и все операции проводились при соблюдении строгой секретности.

Роман, соблюдая предосторожность, прибыл на назначенную им станцию в обусловленное в письме время. Приблизившись к месту, куда, по его расчетам, должен был упасть пакет с деньгами, он заподозрил опасность и поспешно вернулся на платформу железнодорожной станции.

И тут, как нередко случается в оперативной практике, сработал закон подлости. Был теплый летний вечер, и в кустах, к которым направлялся Роман, молодая парочка занималась любовью, а он, испугавшись ловушки, немедленно ретировался. Вообще, давно известно, что при проведении ответственных операций спецслужб наибольшую угрозу их срыва создают вездесущие мальчишки и страстные любовные пары – практика показала, что чаще всего все три названные категории облюбовывают одни и те же места для своих забав.

В тот вечер сотрудники НН засекли на малолюдной платформе Романа, однако и он, вычислив их, быстро прыгнул в отходящий электропоезд за мгновение до закрытия дверей и ушел. Но так как описание его внешности все же появилось, вскоре он вновь попал «под наружку» в Москве и в конце концов спустя некоторое время был арестован. Перед арестом при негласном осмотре в его рабочем столе были обнаружены средства, с помощью которых он изготовил послание, переданное «американцу» на выставке в «Сокольниках». На следствии и в суде он признался в своих преступных намерениях, мотивы которых были сугубо материальными – необходимость покрыть карточные долги.

Как и предполагалось по одной из версий, потенциальный шпион оказался оперативным сотрудником одного из подразделений КГБ в Московской области, был судим и понес, как говорят в таких случаях, заслуженное наказание.

Безусловно, масштабы противоборства спецслужб во время национальных выставок в «Сокольниках» и «Колизеуме» были значительно более широки, чем моя осведомленность, ограниченная рамками скромных обязанностей начинающего рядового сотрудника контрразведки.

Но, видимо, тогда противники, чтобы не создавать осложнений политикам, вынуждены были вести себя достаточно достойно, и оба мероприятия – в Москве и Нью-Йорке – завершились без серьезных ЧП.

А между тем политическое руководство обеих стран продолжало тянуться друг к другу. По приглашению президента США Эйзенхауэра в сентябре того же 1959 года Соединенные Штаты посетила советская правительственная делегация во главе с Н.С. Хрущевым. В президентской резиденции в Кэмп-Дэвиде была достигнута договоренность об организации новой встречи глав правительств СССР, США, Англии и Франции в мае 1960 года. Испарившийся дух Женевы сменил возникший в результате переговоров дух

Кэмп-Дэвида.

Десятилетие 1950-х политические лидеры США и СССР завершали первой репетицией детанта в двусторонних отношениях и, следовательно, общей надеждой на снижение «жара» холодной войны.

Ну а их спецслужбы по-прежнему тянули свою лямку.

Американский пилот Пауэрс на специальном самолете новейшей конструкции У-2 продолжал совершать разведывательные полеты над территорией Советского Союза.

Советский разведчик-нелегал полковник Абель томился в американской тюрьме, а его место в строю на территории США готовился занять новый боец невидимого фронта.

В сложившейся ситуации основной принцип деятельности специальных служб – «не проколись» – приобретал особое значение. Лучше в таких условиях поступиться какими-то оперативными результатами, чем вызвать на свою голову гнев властей предержащих и стать без вины виноватым.

В таком потеплевшем климате холодной войны из Финляндии за железный занавес, в Москву, шел поезд, в одном из вагонов которого ехал со своей заветной мечтой недавний морской пехотинец, одинокий двадцатилетний американский турист по имени Ли Харви Освальд.

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ТУРИСТ, или ПЕРВЫЙ РАУНД

Итак, какие же события предшествовали появлению на московской земле американского туриста Ли Харви Освальда?

4 сентября ввиду предстоящего увольнения с военной службы морской пехотинец США Освальд обратился в суд Санта-Аны, штат Калифорния, с просьбой выдать ему заграничный паспорт. В заполненной анкете было сказано, что он собирается уехать из Соединенных Штатов 21 сентября для поступления в колледж имени Альберта Швейцера в Швейцарии и затем в университет в городе Турку в Финляндии, а также съездить на Кубу, в Доминиканскую Республику, в Англию, Францию, Германию и в СССР. Паспорт был выдан на общих основаниях в шестидневный срок.

После увольнения с военной службы Освальд отправился прямо домой и прибыл в Форт-Уэрт 14 сентября. Матери он сказал, что хочет найти работу на корабле или, может быть, в конторе «по экспортно-импортным операциям». Пробыв три дня дома и навестив брата, Освальд отправился в Новый Орлеан.

17 сентября, заполнив в бюро туризма в Новом Орлеане «анкету для выезжающих за границу пассажиров», где свою профессию указал как «экспедитор экспортной конторы», Освальд приобрел билет на грузовой пароход от Нового Орлеана до Гавра во Франции. Отчалив 20 сентября 1959 года на борту парохода «Марион Лайке», 8 октября он высадился в Гавре и в тот же день уехал в Англию, куда прибыл 9 октября. Таможенным чиновникам Освальд заявил, что намерен оставаться в Англии неделю, а затем уехать в школу в Швейцарию, однако в тот день вылетел в Финляндию, в Хельсинки, поселился в гостинице «Торни», а на следующий день переехал в отель «Клаус Курки».

По-видимому, 12 октября Освальд просил советское консульство в Хельсинки выдать ему визу в СССР. Виза была выдана 14 октября на срок до 20 октября и давала право на въезд в Советский Союз и пребывание в нем не более шести дней. Он также купил 10 советских «туристических купонов» стоимостью 30 долларов каждый. На следующий

день Освальд уехал из Хельсинки, пересек советско-финляндскую границу в Вайниккала и двинулся на поезде в направлении Москвы.

Так в отчете Комиссии Уоррена (ОКУ) будут описаны похождения американского туриста в течение месяца с небольшим до того, как его имя впервые было произнесено на советской территории. Обращает на себя внимание то, как конспиративно обставлял свой вояж Освальд – в четырех местах дал четыре разные «легенды» и о целях, и о маршрутах своей поездки.

Впоследствии обстоятельства получения Освальдом советской визы в Хельсинки породили ряд спекуляций и предположений, нашедших отражение и в отчете Комиссии Уоррена: «Предположение. Возможно, что еще до приезда в СССР в 1959 году Освальд уже имел связи с советскими агентами, потому что его прошение о выдаче визы было рассмотрено и удовлетворено в необычно короткий срок.

Заключение комиссии. Нет никаких доказательств, что Освальд до приезда в СССР состоял в связи с советскими агентами. Время, затраченное им в Хельсинки на получение визы для въезда в Советский Союз, было меньше обычного, но в пределах нормального срока для выдачи подобных виз. Если бы Освальд был завербован в качестве советского агента в бытность его в Корпусе морской пехоты, то маловероятно, чтобы его стали поощрять к переходу. Для русской разведки он был бы гораздо полезнее в качестве оператора радара в морской пехоте США, чем в качестве перебежчика».

Естественно, что любой человек имеет право на любое предположение. Что касается ответа комиссии, то он представляется разумным и вполне обоснованным. Что еще можно добавить? Как удалось выяснить автору у одного из ветеранов «Интуриста», в то время, чтобы получить въездную визу в СССР, иностранный турист должен был в той же фирме, где он приобрел тур, заполнить две анкеты и приложить к ним две фотографии. Виза оформлялась фирмой. Непосредственно в посольство фирма отправляла своих клиентов крайне редко, только в случае непредвиденно большого наплыва клиентов. Судя по срокам, маловероятно, чтобы тот сезон был отмечен особым наплывом туристов.

Советское консульство в Хельсинки выдавало визы быстро. Связано это было с географической близостью двух стран, что позволяло оперативно доставлять анкеты иностранцев в Москву, и с хорошими деловыми отношениями «Интуриста» с местными туристическими компаниями.

В 1992 году в Минске автор внимательно изучил анкету Освальда, хранящуюся в его архивном деле в КГБ Белоруссии. В графе 5 «Место работы в настоящее время, занимаемая должность и основная профессия» указано: «Студент».

О цели, продолжительности пребывания в СССР и маршруте следования в другой графе написано: «Хельсинки – Выборг – Москва. 5 дней. Турист». Здесь же по-русски: «Турпоезда (вместо «турпоездка». – О.Н.) в Москву поездом на период 15/10–22/10». Вообще, все ответы анкеты написаны на английском языке почерком Освальда, а рядом следует русский перевод, но, судя по ряду признаков, выполненный нерусским человеком. Это может означать, что анкета заполнялась и переводилась в финском турбюро до отправки в советское консульство. В деле нет данных о том, сам ли Освальд посетил консульство для получения визы, или это было сделано фирмой. В графе «Дата заполнения анкеты» опять же почерком Освальда проставлена дата – «13 октября 1959 года».

Что касается упомянутых «туристических купонов», приобретенных Освальдом в Хельсинки в турбюро, в их стоимость входило размещение в гостинице в Москве, завтрак,

одна экскурсия в день, встреча на вокзале и проводы туриста.

16 октября американский турист Ли Харви Освальд впервые ступил на платформу Ленинградского вокзала столицы Советского Союза.

«На вокзале в Москве он был встречен представителем «Интуриста». Его отвезли в гостиницу «Берлин», где он прописался как студент. В тот же день произошла встреча Освальда с гидом «Интуриста», молодой женщиной Риммой Широковой, которая была назначена сопровождать его во время пребывания в СССР» (ОКУ. Прил. 13. С. 690).

Все происходило именно так, как изложено в отчете комиссии.

Всюду в СССР, куда прибывали иностранные туристы, существовали бюро «Интуриста». В аэропортах, на вокзалах и в морских портах туристов встречали сотрудники таких бюро и отправляли их в гостиницы, где туристов уже ждали гиды-переводчики, занимавшиеся ими до самого дня отъезда из страны.

В отчете Комиссии Уоррена относительно последней категории лиц имеется обобщение, которое нуждается, на мой взгляд, в пояснении с учетом реальностей обстановки того периода: «В 1959 году почти все гиды «Интуриста» являлись осведомителями КГБ, и нет причин полагать, что гид Освальда составлял исключение» (ОКУ. Гл. 6. С. 255).

Массовый обмен туристами начался году в 1956-м, когда в результате политики Хрущева слегка приподнялся железный занавес между Востоком и Западом. Легкое потепление в межгосударственных отношениях, впрочем, отнюдь не сопровождалось изменением в противостоянии спецслужб. И спецслужбы обеих сторон, естественно, не могли оставить без внимания обмен туристами, предполагая использовать его в своих целях.

Государственный комитет СССР по иностранному туризму («Интурист») был в те годы единственной организацией, занимавшейся советским туризмом за границей и иностранным – в СССР.

В КГБ иностранными туристами занимались два основных подразделения – Первое главное управление, ПГУ (разведка), и Второе главное управление, ВГУ (контрразведка).

Разведку интересовали возможные кандидаты на вербовку с последующим использованием агентов за границей. Контрразведка занималась выявлением агентуры противника среди туристов и пресечением ее подрывной деятельности. В ПГУ туристов изучал отдел под номером 15, функцией которого было осуществление разведки с территории СССР, в контрразведке – отдел под номером 7. Эти подразделения КГБ имели полный доступ ко всей информации об иностранных туристах, начиная с анкет и кончая отчетами о работе с туристами, которые составлялись всеми гидами-переводчиками.

Отчетность гидов в «Интуристе» была поставлена хорошо. Все отчеты, в которых также содержалось большое количество информации для работы самого «Интуриста», пожелания, рекомендации и замечания туристов стекались в экскурсионно-методический отдел (ЭМО), где они фильтровались КГБ, который вылавливал сведения, необходимые для решения своих специфических задач.

Однако основным средством проверки поведения туриста, выявления его контактов среди советских граждан, осуществления оперативных комбинаций по «подводу» к нему «нужных людей» была, естественно, собственная агентура, которую КГБ вербовал среди сотрудников «Интуриста». Отбор кандидатур для вербовки шел по очень жестким критериям пригодности для участия в оперативной деятельности. Едва ли половина

«интуристовцев» отвечала этим требованиям.

Работа по интуристам велась разведкой и контрразведкой по-разному. Контрразведка отталкивалась в первую очередь от поведенческих признаков, которые давали основания полагать, что турист выполняет поручение спецслужбы противника, а разведка – от анкетных данных. Предварительная селекция возможных кандидатов на вербовку шла по таким признакам, как указанные в анкете социальная и профессиональная принадлежность туристов, место работы и место жительства. Место жительства изучалось с точки зрения досягаемости для наших заграничных резидентур, поскольку передвижения советских официальных представителей за рубежом и западных в СССР были ограничены определенными зонами. Это необходимо было учитывать при организации разведывательной работы «легальными», то есть находящимися под официальными прикрытиями, резидентурами.

Примерно так же работали с советскими туристами спецслужбы Запада. Они поддерживали с владельцами туристических компаний доверительные отношения, имели агентуру среди их сотрудников. В свою очередь, зарубежные резидентуры разведки КГБ изучали такие компании по линии внешней контрразведки, а вся полученная информация о выявленной агентуре спецслужб противника немедленно направлялась во Второе главное управление. Разведка и контрразведка КГБ взаимодействовали на этом участке очень тесно.

Недавний морской пехотинец США, а ныне «студент» Ли Харви Освальд оказался не совсем обычным туристом и, едва ступив на советскую землю, повел себя совершенно неожиданно. Вновь обратимся к ОКУ: «На следующий день они (с гидом. – О.Н.) отправились осматривать достопримечательности города. Почти сразу же Освальд сообщил ей, что он хочет порвать с Соединенными Штатами и стать гражданином Советского Союза. Как видно из «Исторического дневника», который вел Освальд, Римма позднее сообщила ему, что она поставила в известность о его намерениях Главное управление «Интуриста», которое, в свою очередь, передало эти сведения в Отдел паспортов и виз (вероятно, Отдел виз и регистрации Министерства внутренних дел СССР). Ей было поручено помочь Освальду составить прошение на имя Верховного Совета СССР о предоставлении ему советского гражданства. Это письмо Освальд послал в тот же самый день» (ОКУ. Прил. 13. С. 690).

Естественно, что столь серьезное и поспешное заявление только что прибывшего в СССР молодого американца немедленно стало достоянием КГБ. Вот как были отражены те же события в документе 15-го отдела ПГУ – справке о пребывании в Москве «американского туриста Ли Харви Освальда»:

«Справка о пребывании в Москве американского туриста ЛИ ХАРВИ ОСВАЛЬДА.

16 октября 1959 года в Москву в качестве туриста прибыл американский гражданин ЛИ ХАРВИ ОСВАЛЬД. В первый же день своего пребывания в Москве в беседе с переводчицей ШИРОКОВОЙ Р.С. он заявил, что приехал с намерением остаться в Советском Союзе и принять советское гражданство, и в связи с этим интересовался, кому и куда направить соответствующее ходатайство.

Вскоре он известил ее, что направил в Верховный Совет Союза ССР заявление и ждет решения.

Объектами показа Освальд совершенно не интересовался и весь был поглощен мыслью остаться в Советском Союзе.

О себе он рассказал, что одинок, родителей или других близких родственников не имеет;

до 17-летнего возраста учился в средней школе в Техасе, в 1956 году, в связи с тяжелыми материальными условиями, поступил в армию, военную службу проходил в Калифорнии, Японии и на Филиппинах. Мысль о поездке в Советский Союз и принятии советского гражданства, по его словам, он вынашивает давно. По убеждениям своим является коммунистом, хотя в организации не состоит, в силу своих убеждений не хочет и не может оставаться в капиталистической Америке и желает жить и работать в первой в мире коммунистической стране».

Очевидно, сам того не ведая, заокеанский гость, как говорится, попал с корабля на бал.

Вряд ли он, обращаясь в Верховный Совет СССР со своей просьбой, знал, что менее чем за две недели до его приезда в Союз, 4 октября, в газете «Правда» были опубликованы «Призывы ЦК КПСС к 42-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», в одном из которых было заявлено: «XXI СЪЕЗД КПСС ОЗНАМЕНОВАЛ ВСТУПЛЕНИЕ НАШЕЙ РОДИНЫ В ПЕРИОД РАЗВЕРНУТОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА. НАРОДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! ВСЕ СИЛЫ, ВСЮ ЭНЕРГИЮ – НА ВЫПОЛНЕНИЕ ВЕЛИКИХ ЗАДАЧ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА!»

Так что «новый строитель коммунизма» в лице американского туриста мог оказаться весьма кстати, да и возможностей для приложения его молодых сил и бьющей энергии на этом поприще в Союзе было хоть отбавляй.

Обращение Освальда с ходатайством о получении советского гражданства активизировало работу кровеносной системы государственного бюрократического организма, словно инъекция.

Уже 17 октября из Канцелярии Президиума Верховного Совета СССР с пометкой «Срочно» на имя заместителя председателя КГБ СССР А.И. Перепелицына поступило письмо номер 435 следующего содержания: «В соответствии с договоренностью, направляю Вам поступившее в Верховный Совет заявление американского гражданина Ли Харви Освальда, в котором содержится просьба о его приеме в советское гражданство». Письмо было подписано заместителем начальника Канцелярии Президиума Верховного Совета СССР В. Высотиным.

На письме в КГБ наложили резолюцию: «Срочно. Тов. Прокопенко А.В. Совместно с ПГУ и ВГУ рассмотрите и внесите предложения. Перепелицын. 17.10.59» (Дело Освальда. Т. 1. С. 87). В тот же день Учетно-архивный отдел КГБ (УАО), в обязанности которого входила переписка по подобного рода вопросам с различными организациями за пределами КГБ, запросил Первое и Второе главные управления и немедленно завел на Освальда «дело спецпроверки».

«Дело спецпроверки» в то время обычно заводилось на каждого советского гражданина, кто хоть раз выезжал за рубеж по так называемому каналу частного выезда, то есть по приглашению родственников или знакомых (последнее было тогда крайней редкостью). «Дело спецпроверки», или, как мы его называли, «выездное дело», представляло собой досье, в котором содержались «установочные» и краткие биографические данные человека, сведения о причинах его поездки, результаты его проверок по специальным картотекам КГБ и МВД, справки с места работы о степени осведомленности его в государственных секретах, переписка органов госбезопасности и другие документы. Оперативные документы попадали туда редко, в основном через ПГУ, когда из резидентур поступали сообщения о «плохом» поведении «фигуранта» за границей.

«Дело спецпроверки» сопровождало «путешественника» всю жизнь и пополнялось в

случае его последующих поездок. Эти дела велись и хранились в УАО, и, когда началась официальная переписка о предоставлении Освальду гражданства, там появилось новое «дело спецпроверки», чтобы в нем собирались все материалы.

Спустя всего три дня, что свидетельствовало о воздействии пометки «Срочно», в УАО поступили ответы из обоих главных управлений.

«Совершенно секретно

Заместителю начальника УАО КГБ

Служебная записка

Второе главное управление КГБ при СМ СССР заинтересованности в отношении американского гражданина Ли Харви Освальда не имеет.

Принимать его в советское гражданство считаем нецелесообразным.

Заместитель начальника ВГУ (подпись)

20 октября 1959 г.».

Судя по приведенному ответу, в ВГУ, ознакомившись с первичными данными на туриста, прикинули, что этот молодец, во всеуслышание заявляющий, что он коммунист, и желающий стать советским гражданином, вряд ли перспективен для использования в разработках интересующих контрразведку иностранцев, да и объектов из числа советских людей. Что у него на самом деле за душой и как он поведет себя в дальнейшем, трудно сказать, но все равно его придется держать под наблюдением. Это будет обуза на неопределенное время, требующая физических и материальных затрат без видимой отдачи. Поскольку оперативный интерес к нему явно не просматривается, пусть уж лучше побыстрей отправляется восвояси.

У меня нет никаких конкретных подтверждений того, что именно так думали тогда в ВГУ, но кое-какое знание механизма принятия решений в КГБ в подобных случаях дает мне основание сделать такое предположение.

Видимо, запрос из Учетно-архивного отдела КГБ вынудил Первое главное управление, прежде чем отвечать на него, непосредственно «пощупать» претендента на участие в коммунистическом строительстве. Ознакомительная беседа сотрудника разведки с Освальдом состоялась 20 октября. Поскольку предлогом для этой беседы послужило ходатайство о принятии в гражданство, встреча происходила, выражаясь профессиональным языком, «с позиций», то есть под прикрытием, ОВИРа.

Беседа, продолжавшаяся около полутора часов, касалась биографии Освальда, обстоятельств путешествия из США в СССР, мотивов, по которым он просил политического убежища. Ее результаты отражены в ранее цитировавшемся оперативном документе 15-го отдела Первого главного управления: «20 октября с. г. ОСВАЛЬД в беседе в ОВИРе о причинах, побудивших его подать заявление об отказе вернуться в США и принять советское гражданство, рассказал, что родился в 1939 году в гор. Новом Орлеане, штат Луизиана. Отец был страховым агентом, умер в 1939 году. Мать его вместе с ним переехала в гор. Форт-Уэрт, штат Техас, где проживает по настоящее время по адресу: 3124, Вест, Пятая улица.

В октябре 1956 года он поступил на военную службу и был зачислен рядовым в морскую пехоту («Юнайтед стейтс марин корпс»). Во время военной службы с 18 марта по 5 мая 1957 года в гор. Джексонвилл в штате Флорида прошел курсы по электронике в «Нейвл эйр текникл трейнинг Сентер» и с 4 мая по 19 июня 1957 г. – курсы радарных

операторов в «Кинслер эйр форс бейс»».

О мотивах, побудивших его подать заявление в Верховный Совет СССР, он повторил то же самое, что ранее говорил переводчице, то есть что по убеждениям своим он коммунист, что компартия в США преследуется, что она деморализована и фактически не существует, что никакой перспективы для своей жизни и деятельности в Америке он не видит и поэтому не хочет и не может вернуться туда, что он твердо и серьезно решил остаться в Советском Союзе, принять советское гражданство и быть полезным строительству нового коммунистического общества.

О своем решении в США он никому, даже матери, не говорил. Мать, как он полагает, была бы против этого.

11 сентября 1959 года в Санта-Ане (Калифорния) он уволился с военной службы и запросил заграничный паспорт для поездки в Европу. По получении паспорта на накопленные за время военной службы деньги выехал через Новый Орлеан в Европу. В Хельсинки получил визу на турпоездку в СССР сроком на пять дней и, таким образом, приехал в Москву, откуда он уже никуда не уедет.

В ОВИРе ему было сказано, что на следующий день, то есть 21-го числа, его вызовут и поставят в известность о принятом по его заявлению решении и что, учитывая изложенные им мотивы, вряд ли его просьба в настоящее время может быть удовлетворена и, по всей видимости, ему придется вернуться в Соединенные Штаты.

Беседу с Освальдом проводил Абрам Шахназаров, ветеран органов госбезопасности, работавший в них с 1920-х годов и знавший не один иностранный язык. В начале моей служебной карьеры он был заместителем начальника того отдела Московского управления КГБ, в котором я познавал азы секретной службы. Примерно в это же время он вернулся в Первое главное управление и стал работать по иностранным туристам в 15-м отделе. Именно он автор упоминаемой справки о пребывании Освальда в Москве осенью 1959 года.

Судя по изложенному содержанию беседы с Освальдом, о нем не сложилось впечатление как о возможном источнике ценной разведывательной информации. Получение им советского гражданства и постоянное проживание в СССР вообще не сулили разведке каких-либо выгод. Использовать его в активных пропагандистских мероприятиях в условиях потепления советско-американских отношений едва ли целесообразно. Со своим мнением Первое главное управление тоже не задержалось:

«Совершенно секретно

Заместителю начальника УАО КГБ

Первое главное управление не заинтересовано в том, чтобы американского гражданина Ли Харви Освальда принимать в советское гражданство и предоставлять ему право убежища в Советском Союзе.

Заместитель начальника ЛГУ (подпись)

20 октября 1959 г.».

Не исключено, что оба главка согласовали свои позиции в отношении американского туриста-просителя до направления отрицательных ответов на запрос Учетно-архивного отдела. На основании ответов разведки и контрразведки Учетно-архивный отдел подготовил на имя секретаря Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе ответ КГБ на письмо № 435 от 17 октября 1959 года по поводу заявления Освальда:

«КГБ при СМ СССР прием в советское гражданство Ли Харви Освальда считает нецелесообразным.

Приложение: Заявление.

Заместитель председателя КГБ А. Перепелицын

22 октября 1959 г.».

Таким образом, Ли Харви Освальд стал для Комитета государственной безопасности «туристом нон грата».

Возможно, кто-то другой на его месте смирился бы с судьбой и вернулся в США продолжать осваивать марксизм. Но этот турист оказался крепким орешком.

Вот как драматические события, последовавшие за отказом, без эмоций, сухим деловым языком были отражены все в том же внутреннем документе КГБ: «21 октября из ОВИРа позвонили в бюро обслуживания гостиницы «Берлин» и попросили передать ОСВАЛЬДУ, чтобы он вместе с переводчиком приехал к 3 часам дня в ОВИР. Из ОВИРа поинтересовались, заказаны ли билеты для отъезда ОСВАЛЬДА, и, узнав, что таковые не заказаны, предложили немедленно заказать, так как срок его пребывания в стране истек. На вопрос, имеет ли смысл продлить ему тур на 1–2 дня, был получен отрицательный ответ.

В 12 часов заведующая бюро обслуживания в присутствии переводчицы объявила ОСВАЛЬДУ, что он должен быть в 3 часа дня в ОВИРе и что для отъезда в Хельсинки ему заказаны железнодорожные билеты.

ОСВАЛЬД сказал, что в 2 часа 45 минут он спустится вниз, и ушел к себе в номер. Когда в установленное время он не появился, переводчица забеспокоилась и пошла к нему в номер. Дверь в комнату оказалась закрытой изнутри, и никто на стук не отзывался. Когда дверь была открыта запасным ключом, то обнаружили ОСВАЛЬДА лежащим в ванной комнате без памяти с перерезанной веной на левой руке.

Перед тем как вскрыть себе вену, он написал записку следующего содержания:

«Я проделал такой большой путь, чтобы найти смерть, но я люблю жизнь».

ОСВАЛЬД был доставлен в Боткинскую больницу, где находится по настоящее время на излечении.

23 октября с. г. ОСВАЛЬДА перевели в корпус № 7 Боткинской больницы. В беседе с переводчиками Журавлевым и Широковой профессор ТРАТАКОВСКИЙ сказал, что ОСВАЛЬД человек большой силы воли и что если ему опять откажут в удовлетворении его просьбы, то при здоровой психике он все же может повторить попытку самоубийства.

ОСВАЛЬДА посетил следователь и имел с ним беседу о случившемся. ОСВАЛЬД повторил все то, что говорил ранее, и добавил, что если в США узнают о том, что он хотел остаться в СССР, то его посадят в тюрьму».

После того как Освальда отправили в Боткинскую больницу, в его гостиничном номере произвели осмотр вещей. Среди личных бумаг Освальда было обнаружено письмо, написанное на английском языке. Адресат письма указан не был.

«Я, Ли Харви Освальд, обращаюсь с просьбой и подаю заявление о предоставлении гражданства СССР. Эта просьба, написанная мной, была тщательно и серьезно продумана, с полным пониманием ответственности и связанных с этим обязанностей. На период оформления моего гражданства прошу также предоставить мне убежище в Советском Союзе как коммунисту и марксисту» (Дело Освальда. Т. 1. С. 8).

После случившегося с туристом ЧП первым из государственных советских органов «вздрогнул» «Интурист». Формально отвечающее за его судьбу, как, впрочем, и за судьбы всех иностранных туристов на территории СССР, руководство «Интуриста» решило себя обезопасить и постараться сбагрить возмутителя спокойствия в другие руки. Повод для этого у них имелся прекрасный: все произошло после отказа Освальду перейти из категории иностранных туристов в другую категорию – стать советским гражданином. А это уже заботы других бюрократических структур.

22 октября председатель «Интуриста» Анкудинов направил в ЦК КПСС, в МИД СССР на имя министра А.А. Громыко и в КГБ на имя председателя А.Н. Шелепина справку экскурсионно-методического отдела «Интуриста», в которой излагались обстоятельства пребывания в Москве американского туриста Ли Харви Освальда. В ней, в частности, говорилось об обращении американца по прибытии в Москву с ходатайством принять его в советское гражданство, о попытке самоубийства после получения отказа, об отсутствии интереса к «объектам показа», то есть к посещению включенных в турпрограмму достопримечательностей столицы (Дело Освальда. Т. 1. С. 21–22).

В Секретариате КГБ к поступившему из «Интуриста» секретному письму была приложена записка: «Справка доложена тов. Ивашутину (заместителю председателя КГБ. – О.Н.). Резолюция: заместителю начальника ВГУ и заместителю начальника ПГУ. Ивашутин. 28.10.59».

Упрямый турист превращался в горячую картофелину, которую перебрасывают с одной руки на другую. Понятно, что в КГБ знали о ЧП независимо от «Интуриста» и пристально наблюдали за развитием событий: «24 октября Освальд сильно встревожился. В корпусе № 7 содержится еще один американец, и его часто навещает его друг, сотрудник американского посольства. Последний спрашивал Освальда, регистрировался ли он в американском посольстве и что с ним случилось. Освальд правды ему не сказал. В тот же день звонили из посольства в больницу и спросили, когда его выпишут.

27 октября врач снял швы на руке Освальда. Состояние здоровья у него хорошее, но он заметно волнуется. Из американского посольства никто им больше не интересовался.

28 октября Освальда выписали из больницы и поместили в гостиницу «Метрополь», комната № 233. Ему уже вручили железнодорожный билет до Хельсинки и предупредили, что 29 октября его вызывают к 12 часам в ОВИР.

29 октября Освальд был принят начальником ОВИРа тов. Рязанцевым. Освальд повторил свою просьбу – разрешить ему остаться в СССР.

Тов. Рязанцев сказал, что вопрос еще не разрешен и что он может задержаться в Москве и ждать окончательного ответа Верховного Совета.

Освальд ушел из ОВИРа в хорошем настроении. Он сказал, что надеется, что просьба его будет удовлетворена.

В настоящее время Освальд живет в гостинице «Метрополь», никуда не ходит и целыми днями сидит у себя в номере.

За номер он должен платить с 28 октября 30 рублей в сутки. Денег у него осталось 800 рублей.

1 ноября Освальд в беседе с переводчицей сообщил, что если ему откажут, то он не уедет, а вновь обратится в Верховный Совет и таким образом будет настойчиво добиваться удовлетворения своей просьбы. «Я не думаю, – сказал он, – что Верховный Совет был бы настолько жесток ко мне». С Освальдом продолжает работать переводчица Широкова Р.С.

5 ноября 1959 г. Освальд в беседе с переводчицей Широковой рассказал, что 31 октября он посетил посольство США и там заявил о своем отказе от американского гражданства и сообщил о том, что будет просить Верховный Совет СССР о приеме его в советское гражданство. Принявший его сотрудник посольства «не выразил особой радости и заявил, что это его дело», однако он сообщил об этом журналистам.

1, 2 и 3 ноября Освальда посетило много журналистов, в том числе Стивенс, но он отказался с ними разговаривать.

5-го числа один из журналистов прислал ему письмо с билетами в Театр кукол. Освальд сказал, что собирается отослать обратно этот билет».

4 ноября состоялась новая встреча с Освальдом сотрудника разведки. На этот раз с Освальдом беседовал не сотрудник ОВИРа, а сотрудник «Интуриста», назвавшийся Андреем Николаевичем. Опять говорили о причинах, побудивших Освальда испрашивать советское гражданство, о политических взглядах Освальда, его планах на будущее.

Андрей Николаевич пообещал Освальду помощь с обустройством в СССР и предложил встретиться после ноябрьских праздников, то есть дней этак через пять. Праздники прошли, а Андрей Николаевич так и не появился.

Насторожившись, руководители «Интуриста» обратились в 7-й отдел Второго главного управления за разъяснениями, и вскоре контрразведчики выяснили, что с Освальдом встречался представитель ПГУ и беседовал с ним «на предмет возможного использования за рубежом» (Дело Освальда. Т. 1. С. 18).

По моему мнению, имел место довольно обычный в работе спецслужб случай несогласованности действий между подразделениями. Вероятно, кто-то из Первого главного управления, имевший доступ к спискам иностранных туристов, заинтересовался американским «студентом» и решил организовать знакомство с ним с целью зондажа. Возможно, в процессе знакомства, когда сам Освальд поведал о своих намерениях и посещении американского посольства с заявлением об отказе от гражданства, а может быть, уже после беседы оперработник понял, что «не туда попал», и всякая охота к продолжению контакта у него, естественно, пропала. Подтверждением этому может служить факт, что обещанная вторая встреча с Андреем Николаевичем так и не состоялась.

Вообще, внешняя разведка КГБ, как только стало известно об обращении Освальда в посольство США в Москве, прекратила накопление материалов о его пребывании в Советском Союзе, о чем свидетельствует заключительный фрагмент справки 15-го отдела ПГУ, приведенный выше. Никаких дальнейших «выходов» своих сотрудников на Освальда за весь период его проживания в СССР разведка больше не предпринимала.

Знай она о том, что на военно-воздушной базе США в Атсуги вблизи Токио, где служил радарным оператором Освальд, базировался разведывательный американский самолет У-2, вероятнее всего, отношение к нему было бы другим. Но все говорит за то, что разведке не было известно об этом факте, и совершенно очевидно, что Освальд ни в одной из бесед с советскими официальными лицами не сообщил никакой информации по этому поводу, хотя шантажировал этим посольство США во время беседы там 31 октября 1959 года.

Известие о визите Освальда в американское посольство в сочетании с его попыткой самоубийства еще больше встревожило руководство «Интуриста». Ведь теперь к происшествию подключились зарубежные средства массовой информации, что чревато появлением публикаций разного толка, включая и возможные заявления в печати о том,

что в Советском Союзе иностранных туристов доводят до самоубийства. Это может нанести ущерб и имиджу, и коммерческим интересам «Интуриста», поскольку отпугнет потенциальных туристов от поездок в СССР. Поэтому руководство опять начинает бить во все колокола.

Новое секретное письмо за подписью заместителя председателя «Интуриста» Бойченко и справка все того же ЭМО за подписью и. о. начальника отдела Б-ва направляется 11 ноября прямо заместителю председателя Совета Министров СССР А.И. Микояну. На письме появляется резолюция: «МИД – Семенову КГБ – Шелепину

Разобраться и свои предложения внести в УК КПСС. Микоян. 12.11.59» (Дело Освальда. Т. 1. С. 23–24). Анастас Иванович Микоян, как первый заместитель премьера, курировал все советские внешнеторговые организации, включая «Интурист», а также по должности мог давать указания министру иностранных дел и председателю КГБ.

Новое письмо из «Интуриста», поступившее в КГБ по распоряжению Микояна, вновь докладывается заместителю председателя, и следует новая резолюция:

«Зам. начальника ВГУ тов. Щербаку.
Зам. начальника ПГУ тов. Крохину.
Тов. Щербаку.
Прошу вместе с МИД подготовить предложения.
Ивашутин. 13.11.59.
Начальнику 7-го отдела ВГУ тов. Дубасу.
Исполнить.
Щербак. 14.11.59».

Как следует из этих резолюций, теперь вся работа по «проблеме Освальда» (назовем ее так) сосредоточивается в контрразведке КГБ – Втором главном управлении и его «туристическом» 7-м отделе. В разведку письмо написано только для сведения.

Пока шла вся эта переписка и готовились предложения о дальнейшей судьбе упорного американского туриста, настойчиво стремившегося перейти в «новую веру», в 7-й отдел ВГУ поступала текущая информация о его поведении и контактах. Информации было негусто, учитывая его образ жизни и общение лишь с гидом да редкие контакты с представителями ОВИРа.

«В своем «Дневнике» Освальд характеризует период времени между 2 и 15 ноября, когда он продолжал жить в уединении, как «дни крайнего одиночества».

До конца года, не считая нескольких посещений музеев, редко покидал свой номер в гостинице и даже ел в нем. Большую часть времени он посвящал изучению русского языка: «8 часов в день», как записано в его дневнике. Это времяпрепровождение нарушалось только очередным вызовом в паспортный отдел, случайными визитами Риммы Широковой, которая вместе с другими гидами «Интуриста» давала ему уроки русского языка…» (ОКУ. Прил. 13. С. 694–697).

По результатам почти месячного наблюдения 7-й отдел готовит справку, в которой, в частности, сказано, что «для проверки Освальда по США о нем ориентировано ПГУ». На этот запрос разведка ответила, что такими возможностями не располагает.

Пассивный образ жизни, который вел Освальд, не давал контрразведке возможности сделать выводы о его непричастности к спецслужбам противника, поскольку, в принципе, он мог иметь перед собой долговременную цель. Для окончательных выводов требовалось

время.

Тем временем в МИДе и КГБ трудились над выполнением резолюции А.И. Микояна.

Результатом этого труда стала направленная в ЦК КПСС совместная записка с грифом «Секретно». В ней в сжатой форме излагалась «проблема Освальда»: говорилось о его просьбе о приеме в советское гражданство, о вскрытии вен, о том, что после излечения он продолжает настаивать на принятии в гражданство и отказывается выехать из СССР. Сообщалось, что 31 октября он посетил посольство США и заявил о желании выйти из американского гражданства, а также вносилось конкретное предложение:

«Учитывая, что отдельные принятые ранее в советское гражданство иностранцы (Ситринелл, Афшар), прожив некоторое время в СССР, покинули нашу страну, а также принимая во внимание, что Освальд еще недостаточно изучен, целесообразно предоставить ему право временного проживания в СССР в течение года, обеспечив работой и жильем. В том случае вопрос о постоянном жительстве О. в Советском Союзе и о принятии его в советское гражданство можно было бы решить по истечении этого срока.

Проект постановления прилагается. Просим рассмотреть.

А. Громыко, А. Шелепин.

27 ноября 1959 года».

Нет сомнений, что КГБ не изменил своего отношения к просителю советского гражданства, может быть, развитие событий даже укрепило его в своих взглядах, но, получив четкое указание от заместителя председателя Совета Министров, вынужден был его выполнять.

Пожалуй, в тогдашних условиях это было соломоновым решением: главное – пригасить сложившуюся острую ситуацию, к тому же получившую международную огласку, убрать ходатая подальше от Москвы, пристально понаблюдать за ним в течение года, чтобы понять, что он вообще собой представляет и насколько годится на роль «строителя коммунизма», на чем так упорно настаивает, ну а там видно будет, как с ним поступать.

К этой записке был приложен проект постановления ЦК КПСС:

«ЦК КПСС Секретно ПОСТАНОВЛЕНИЕ по вопросу ходатайства американского гражданина Ли Харви Освальда о приеме в советское гражданство

1. Согласиться с предложением МИД и КГБ при СМ СССР о том, чтобы предоставить гражданину Соединенных Штатов Ли Харви Освальду, обратившемуся с ходатайством о принятии его в советское гражданство, право временного проживания в Советском Союзе в течение года, а вопрос о его постоянном жительстве в СССР и о принятии его в советское гражданство решить по истечении этого срока.

2. Обязать Белорусский Совнархоз трудоустроить Освальда по специальности «электротехника», а Минскому городскому Совету депутатов трудящихся выделить отдельную малометражную квартиру.

3. Поручить Исполкому Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР выделить пять тысяч рублей на оборудование квартиры для Освальда, а также выдавать в течение года пособие – 700 рублей в месяц» (Дело Освальда. Т. 7. С. 31).

В свою очередь, Центральному комитету КПСС было безразлично, о ком именно шла речь – о Ли Харви Освальде, Джоне Смите или о ком-то другом. Налицо была проблема,

которая могла иметь возможные негативные политические последствия и стать раздражающим моментом для высшего руководства государства. Предложения МИДа и КГБ выглядели вполне разумно, и решение по ним было принято положительное.

1 декабря 1959 года Освальд получил право временного проживания в Советском Союзе сроком на один год.

Остальное было уже делом техники. Бюрократическая система заработала. Постановление ЦК КПСС было продублировано распоряжением Совета Министров № 3363-рс.

Этим правительственным документом Белорусскому совету народного хозяйства предписывалось трудоустроить Освальда, а горисполкому Минска – выделить ему отдельную квартиру.

Интересно, что в последующем аналитики из Комиссии Уоррена практически безошибочно «вычислили», как тогда развивались в Москве события, связанные с ходатайством Освальда о приеме в советское гражданство. Это явствует из следующей цитаты из отчета комиссии: «Данные, относящиеся к совершенной Освальдом попытке самоубийства, указывают на то, что его ходатайство о разрешении остаться в Советском Союзе было, очевидно, отклонено приблизительно через шесть дней по приезде в Москву. Так как первый контакт с перебежчиками – непосредственная функция КГБ, то, вероятно, первоначальное решение отклонить ходатайство Освальда принадлежало КГБ. То, что Освальду по выходе из больницы разрешили остаться в Москве, наводит на предположение, что какое-то другое советское министерство вступилось за него… Самой вероятной причиной такого вмешательства была бы нежелательность огласки того, что был отвергнут искренне обращенный в коммунистическую веру человек» (ОКУ. Гл. 6. С. 263).

Фактически в этом выводе содержится информация, переданная ЦРУ предателем из КГБ Юрием Носенко (подробный рассказ о нем – далее, в главе 3) по делу Освальда, в том числе и об отношении к его заявлению о приеме в советское гражданство. Поскольку разведка США не решилась передать Носенко в качестве официального свидетеля комиссии, подозревая его как подставу КГБ, можно полагать, что консультанты из ЦРУ все же снабдили ее этой информацией в форме собственных умозаключений, чтобы укрепить свой престиж и показать уровень осведомленности о советской действительности.

Отвечая на одно из предположений об отношении советских властей к заокеанскому пришельцу, Комиссия Уоррена вновь делает еще один совершенно правильный вывод: «Предложение. Советские власти не доверяли Освальду, что видно из того, что его послали на радиозавод в Минск в качестве неквалифицированного рабочего…

Заключение комиссии. Советское правительство относилось с подозрением к Освальду, как это могло бы быть по отношению к любому американцу, явившемуся в Москву и заявившему, что он хочет жить в Советском Союзе…» (ОКУ. Прил. 12. С. 654).

Пока в связи с указанием правительства другие советские учреждения готовились обустраивать новую жизнь Освальду, КГБ скрепя сердце тоже должен был заняться этим, но по своей линии.

Никаких конкретных оснований подозревать Освальда в принадлежности к американской разведке у КГБ не было. Но поскольку КГБ был вынужден принимать непосредственное участие в решении дальнейшей судьбы Освальда, он должен был обеспечить наилучшие условия для эффективного изучения назойливого американца.

Обеспечить такие условия можно было, только если бы работа велась по так называемой высшей категории дел, то есть по делу о шпионаже.

21 декабря 1959 года все в том же 7-м отделе Второго главного управления КГБ на Освальда заводится дело агентурной разработки. В постановлении о заведении дела сказано: «…Учитывая, что Освальд может быть связан с американской разведкой, постановил: завести дело-формуляр по окраске «Шпионаж американский»» (Дело Освальда. Т. 1. С. 3).

Окраска – термин, существовавший в советских органах госбезопасности с 1930-х годов, а может быть, даже раньше, и обозначавший признак, причину, на основании которых заводится оперативное дело. Дела по «шпионажу американскому» относились к высшей категории оперативных дел. Такая окраска давала подразделению, в чьем производстве находилось дело, преимущество в использовании необходимой агентуры даже из других отделов, средств наружного наблюдения, специальной техники и т. п.

Так отважный американский парень, не добившись своей главной цели – перехода в советское гражданство, благодаря завидному упорству достиг промежуточной – загнал себя под колпак советской контрразведки и одновременно американских спецслужб – ФБР, ЦРУ, служб безопасности и разведки Военно-морских сил США, поставленных в известность о шагах Освальда в СССР после посещения им посольства США в Москве.

В течение двух недель, с 16 по 31 октября, Освальд своим непреодолимым стремлением выйти из одного и перейти в другое гражданство привлек к своей персоне внимание множества людей, и по его проблеме полным ходом заработали государственные бюрократические машины сразу двух великих держав. Своими последующими действиями он так раскрутил маховики этих машин, что и по сей день, спустя более 40 лет после того, как не стало его самого, они все еще продолжают вертеться.

Но вернемся к последним дням «московского следа» Освальда.

Наступил новый, 1960 год. 4 января Освальда пригласили в Отдел виз и регистрации (ОВИР) и выдали документ, предоставляющий ему право проживать в Союзе, – вид на жительство в СССР для лиц без гражданства. Поскольку его паспорт был оставлен им в американском посольстве, формально он являлся для советских властей лицом без гражданства. Там же ему объявили, что местом проживания для него избран Минск, столица Белорусской ССР, куда предстоит выехать в ближайшие дни.

На следующий день в Красном Кресте ему выдали согласно постановлению ЦК КПСС 5000 рублей в качестве единовременного пособия на первоначальное обустройство своей новой жизни.

5 января «турист нон грата» покинул Москву и 6 января поездом прибыл в Минск в качестве лица без гражданства, а 13 января был зачислен на Минский радиозавод регулировщиком первого (низшего) разряда в экспериментальный цех.

Заведенное на Освальда контрразведкой в Москве дело-формуляр проследовало за ним в контрразведку Белоруссии – Второе управление КГБ при Совете Министров БССР. С учетом серьезности окраски дела первыми шагами белорусских контрразведчиков стало составление справки по его материалам и плана будущей работы.

…Лето 1992 года. Из беседы автора с председателем КГБ в 1961–1967 годах Владимиром Семичастным.

«Вопрос. Были ли у КГБ прямые контакты с Освальдом за время его пребывания в Советском Союзе?

Ответ. Официально от имени КГБ с Освальдом ни разу не беседовали. Когда его

изучали, то встречались с ним только под прикрытием других организаций: МИДа БССР, МВД СССР, ОВИРа. В основном изучалась биография Освальда.

Вопрос. Был ли КГБ заинтересован в Освальде с точки зрения разведывательных задач?

Ответ. Из первых встреч с Освальдом можно было понять, что он обладает интересующей нас информацией. Но, как рассказывал мне тогдашний начальник ПГУ Сахаровский, в ходе бесед с Освальдом, особенно тех, что касались его военной службы, стало ясно, что уровень его осведомленности крайне низок, а специальные знания, по словам Сахаровского, «весьма примитивны и не выходят за рамки учебников». Отсюда и отсутствие к нему интереса со стороны разведки.

Вопрос. Кто и почему принял решение направить Освальда именно в Минск?

Ответ. Из бесед с ответственными сотрудниками КГБ, которые занимались в то время Освальдом, мне известно, что вопрос о месте жительства в СССР решался одновременно с вопросом о предоставлении ему статуса лица без гражданства. После предварительного согласования выбрали Прибалтику или Минск.

От Прибалтики Освальд отказался, что насторожило комитет, и с трудом согласился поселиться в Минске. Как только Освальд переехал в Минск, Центр потерял к нему всякий интерес, и им стал заниматься Комитет госбезопасности Белоруссии».

Пожалуй, теперь можно было бы поставить точку на «московском следе» Ли Харви Освальда в 1959 году. Но противоречивая информация о некоторых обстоятельствах того периода никак не дает мне покоя, поскольку пока не могу найти ей объяснение. Речь идет об одном эпизоде, который условно назову «боткинским инцидентом».

Напомню: в процитированной выше справке КГБ сказано, что в корпусе № 7 Боткинской больницы, куда Освальда перевели из психосоматического отделения, находился еще один американец, которого «часто навещает его друг, сотрудник американского посольства». Далее говорится, что 24 октября Освальд сильно встревожился из-за того, что этот сотрудник спрашивал его, регистрировался ли он в американском посольстве и что с ним случилось. «Освальд правды ему не сказал. В тот же день звонили из посольства в больницу и спросили, когда его выпишут». Затем в документе отмечается, что после снятия швов здоровье у Освальда хорошее, но он заметно волнуется, а из американского посольства никто им больше не интересовался.

В Минске в деле Освальда о больном американце дополнительно сказано только, что это коммерсант.

В отчете комиссии тот же эпизод представлен несколько по-иному, в интерпретации самого Освальда: «Судя по дневнику… его единственная жалоба (в новой палате. – О.Н.) заключалась в том, что один из пациентов, «пожилой американец», недоверчиво относился к нему, потому что он не зарегистрировался в американском посольстве и вследствие его уклончивых ответов о причинах пребывания в Москве и в больнице» (ОКУ. Прил. 13. С. 617).

В самом дневнике Освальда, в записи от 26 октября, где приводится этот факт, ни слова не сказано о посещениях «пожилого американца» сотрудником посольства США.

Но самую интересную, на мой взгляд, информацию по эпизоду удалось обнаружить в книге Эдварда Эпштейна «Легенда. Секретный мир Ли Харви Освальда». Фрагмент заслуживает того, чтобы привести его полностью: «Чтобы определить, был ли Освальд действительно в больнице, ЦРУ предложило ФБР разыскать пожилого американца, которого Освальд в своем дневнике назвал как соседа по больничной палате. После интенсивного поиска ФБР установило Вольдемара Бориса Кара-Патницкого,

семидесятипятилетнего нью-йоркского бизнесмена русского происхождения, который был госпитализирован по поводу заболевания предстательной железы во время деловой поездки в Советский Союз. Г-н Кара-Патницкий, однако, настаивал, что он никогда не видел и не встречал Освальда или какого-либо другого американца во время пребывания в больнице».

Каждый кусочек информации в отдельности освещает один и тот же факт, а сложенные вместе, они порождают нонсенс или какой-то прямо-таки мистический лабиринт, выбраться из которого в одностороннем порядке мне представляется практически невозможным.

Мои попытки собрать дополнительные данные на «нью-йоркского бизнесмена» пока окончились неудачей. Проверка господина Кара-Патницкого по учетам КГБ положительных результатов не дала. Безуспешно завершился поиск и в Боткинской больнице, где все архивные сведения о пациентах за 1950-е годы уничтожены. Кто-то может спросить, а в чем, собственно, таинственность инцидента и почему он так интересен автору книги? Кого теперь может волновать, беседовал ли бизнесмен с Освальдом в больнице или не беседовал, врал тот ему или нет?

Этот эпизод привлек мое внимание главным образом из-за одной детали, которую мне хотелось бы прояснить: было ли причастно к нему посольство США в Москве? Почему это, на мой взгляд, имеет значение, поясню ниже. Очень мало оснований сомневаться в достоверности поступавшей в КГБ информации об обстановке вокруг Освальда в больнице. Он оказался там в результате чрезвычайного происшествия, и медперсонал, безусловно, получил инструкции проявлять особое внимание ко всему происходящему с ним и вокруг него. Надо еще учесть, что Освальда перевели в так называемый дипломатический корпус Боткинской больницы, где проходили лечение иностранцы, и понятно, что КГБ имел там прочные позиции. Естественно, факт общения Освальда с другим пациентом, американским «бизнесменом», и его «другом», визитером из посольства США, был зафиксирован, и сигнал об этом поступил по назначению – в органы госбезопасности. То же можно сказать и о телефонном звонке из американского посольства. Из известной справки следует, что возможность новых звонков была поставлена под контроль, поскольку в ней сказано, что «из американского посольства никто им больше не интересовался». Это, по-моему, лишний раз подтверждает, что ранее оттуда в больницу уже звонили.

Таким образом, получается, что кто-то в посольстве уже знал о пребывании Освальда в Москве по крайней мере за неделю до того, как он явился туда сам 31 октября. Но вот что говорится по этому поводу в отчете Комиссии Уоррена: «Освальд явился в американское посольство в Москве 31 октября 1959 года, через три дня после того, как выписался из Боткинской больницы. В своих разговорах с сотрудниками посольства он ни словом не упомянул о том, что ему недавно была оказана медицинская помощь. Американское правительство впервые узнало о том, что Освальд находится в России, при этом его посещении, так как он не уведомил посольство о своем приезде, как это делали в то время большинство американских туристов» (ОКУ. Гл. 6. С. 256).

Возможно, американское правительство действительно узнало об Освальде и его похождениях в России после 31 октября, ну а посольство в Москве? Поскольку из документа КГБ очевидно, что кто-то в посольстве знал о его пребывании в больнице, не исключено, что стала известна и причина, по которой он туда попал. Несмотря на все инструкции, могла произойти утечка информации об этом от медперсонала к другим

пациентам палаты, а затем эти сведения могли достичь ушей анонимного сотрудника посольства, навещавшего своего друга-бизнесмена.

Таким образом, если эти предположения верны, у посольства США в Москве была целая неделя на то, чтобы запросить об Освальде соответствующие американские организации и получить определенную информацию о нем, в частности о недавнем увольнении из ВМС и степени осведомленности о военных секретах, а значит, в посольстве были подготовлены к возможному визиту непослушного туриста. Тогда становятся вполне объяснимыми терпение и выдержка, проявленные консулом господином Ричардом Снайдером во время беседы с Освальдом в посольстве 31 октября (см.: Эпштейн Э. Легенда. Секретный мир Ли Харви Освальда. С. 94–96, а также описание этой беседы в других источниках). Хотя посетитель держался крайне вызывающе и даже агрессивно, грозил передачей советской стороне сведений, представляющих особый интерес для советской разведки, явно шантажируя сотрудников посольства, Снайдер был с ним исключительно вежлив и даже обходителен. Умело брошенные им семена сомнений в правильности намерений Освальда, на мой взгляд, расцвели через полтора года, когда тот вновь появился в посольстве, но с прямо противоположными намерениями.

Так были в посольстве США в Москве готовы к визиту Освальда или он действительно оказался для них неожиданным?

Вокруг этого главного вопроса по «боткинскому инциденту» собирается и целый букет других.

Почему именно ЦРУ, а не Комиссия Уоррена просило ФБР установить личность «пожилого бизнесмена»?

Располагало ли ЦРУ сведениями о «пожилом бизнесмене» через свою резидентуру в Москве?

Был ли «пожилой американец», личность которого установило ФБР, именно тем человеком, о котором Освальд упоминал в своем дневнике?

Сохранились ли материалы опроса господина Кара-Патницкого?

Почему г-н Кара-Патницкий не был включен в число свидетелей Комиссии Уоррена? Ведь его показания опровергают дневниковые записи Освальда и тем самым ставят под сомнение его дневник как источник информации, заслуживающий доверия. Комиссия широко использовала этот источник в своей работе.

Показания самого г-на Кара-Патницкого расходятся с данными КГБ и Освальда о «боткинском эпизоде»: если он был тем самым «бизнесменом» и «пожилым американцем», почему он отрицает факт знакомства с Освальдом?

В отчете комиссии сказано: «Все же самые надежные сведения о пребывании Освальда в конце 1962 года исходят из архивов американского посольства в Москве, из показаний служащих посольства…» (ОКУ. Гл. 6. С. 254). Возможно ли сейчас из названных источников получить какие-либо сведения об участниках «боткинского инцидента» (например, о «бизнесмене», его «друге» из сотрудников посольства, звонке в больницу и др.)?

Может быть, после всего изложенного читатели со мной согласятся, что «боткинский инцидент» носит довольно запутанный характер и тем самым напоминает лабиринт.

Прожив в Москве чуть более двух с половиной месяцев, американский гражданин Ли Харви Освальд получил новый статус – статус лица без гражданства – и остался в Советском Союзе.

Вряд ли кому тогда могло прийти в голову, что почти день в день спустя четыре года

после того, как в 1959 году Освальду было разрешено остаться в Союзе, вновь возникнет вопрос о его приеме в советское гражданство, но уже в силу других обстоятельств и без его участия, по инициативе руководителей администрации США. Об этом будет рассказано далее.

ВТОРОЙ РАУНД

Если прибегнуть к спортивной терминологии и назвать период пребывания Освальда в Москве первым раундом в его взаимоотношениях с КГБ, то, по-моему, бывший американский морской пехотинец его выиграл, хотя и с минимальным преимуществом. Действуя с завидным упорством, даже посягнув на собственную жизнь, он поставил высшие советские государственные органы в затруднительное положение и за полтора месяца вынудил их принять решение, разрешающее ему проживание в СССР. Это было компромиссное решение, поскольку ему было дано согласие на проживание в Советском Союзе в течение года, но без предоставления политического убежища и советского гражданства, к чему с первого дня появления на московской земле стремился Ли Харви Освальд.

В январе 1960 года пошла первая минута второго раунда, продлившаяся год. За это время КГБ предстояло решить: шпион – не шпион, нужен – не нужен, оставлять – не оставлять – и доложить свои соображения в ЦК КПСС для принятия нового решения о дальнейшей судьбе назойливого американца.

Судя по всему, на этом отрезке второго раунда соперники – Освальд и КГБ – не очень беспокоили друг друга. Из беседы автора с бывшим председателем КГБ В.Е. Семичастным:

«Вопрос. Какой контроль осуществлялся за Освальдом в Минске?

Ответ. Обычный, рутинный, с использованием агентуры, средств оперативной техники, наружного наблюдения…

Вопрос. Осуществлялся ли контроль за Освальдом особым образом, отличным от наблюдения задругами перебежчиками?

Ответ. Да, отличался тем, что к нему даже не подпускали серьезную агентуру, чтобы в будущем не поставить ее под угрозу расшифровки. А в остальном, как я уже сказал, это было обычное наблюдение с применением всех оперативных средств».

Первые месяцы своего пребывания в Минске Освальд ведет себя замкнуто. Много и со свойственной ему настойчивостью в достижении поставленной цели занимается русским языком. Но постепенно благодаря доброжелательному отношению окружающих обрастает знакомыми, в основном по месту работы. С некоторыми из своих знакомых по заводу и из студенческой среды, которых Освальд приобрел, посещая различные вечера, он сближается. Отношения становятся дружескими и продолжаются даже после его отъезда в США.

«Освальд пишет в дневнике, что первые месяцы он наслаждался жизнью в Минске. Работа на заводе была легкой, а его товарищи по работе относились к нему дружелюбно и интересовались жизнью в Соединенных Штатах. Он отказался от приглашения выступить на общем собрании рабочих» (ОКУ. Прил. 13. С. 698).

Давайте послушаем комментарии по этому поводу бывшего председателя КГБ:

«Вопрос. Были ли предприняты меры, чтобы использовать Освальда в пропагандистских целях во время проживания в Минске?

Ответ. Только краткие сообщения были даны в прессе вскоре после его заявления о желании остаться в Союзе. По мере его изучения пришли к выводу, что использовать Освальда в активных мероприятиях через средства массовой информации нецелесообразно в силу его слабой общей подготовки. Его разговоры по вопросам идеологии и политики были очень примитивны, это был просто лепет. Для такой роли, т. е. для использования в пропагандистских акциях, он не годился. Боялись даже, что попытка его использовать в этом плане может привести к обратному результату и разным осложнениям».

Изредка в возникавших с отдельными друзьями философских спорах Освальд выражал свои позиции по некоторым проблемам общефилософского порядка. Например, в споре о роли личности в истории он придавал гораздо большее значение личности и с большой страстью и убежденностью отстаивал эту позицию. В другой раз, обсуждая с одним из друзей проблему соотношения результата и метода его достижения, однозначно настаивал на том, что «метод важнее, хороший метод можно применить повторно и достичь в конце концов хорошего результата». В этот период Освальд не проявлял абсолютно никакого стремления к повышению своего общеобразовательного уровня или углублению своих знаний по каким-то отдельным проблемам.

Состояние эйфории, которое испытывал Освальд в первые месяцы проживания в Минске, постепенно проходит. Очевидно, созданное в его воображении идеализированное коммунистическое общество расходится с реальными картинами советской действительности, с которыми он сталкивался постоянно как на работе, так и при поездках за город на пикники и на охоту с друзьями. Задаю по этому поводу очередной вопрос В.Е. Семичастному:

«Вопрос. Каково было отношение Освальда к советской действительности, его высказывания и действия на этот счет?

Ответ. О советской действительности Освальд знал мало. Все, что он увидел, было для него полной неожиданностью. Проживая в Советском Союзе, он не стремился как-то пополнить и углубить свои теоретические знания по марксизму. Он не мог адаптироваться к нашей действительности. Кстати, мы считали, что это тоже было признаком того, что за ним не стоят специальные службы. В Минске Освальд вел себя таким образом, что не давал оснований считать его иностранным агентом. Кроме танцулек, ник чему не стремился».

Во второй половине лета 1960 года в разговорах Освальда впервые начинает звучать тема возможного возвращения в будущем в США. Как-то в августе, в кругу рабочих экспериментального цеха, он в одной из бесед высказался следующим образом: «Вот вернусь в Америку и напишу книгу о тех добрых советских людях, которые проявляли обо мне заботу» (Дело Освальда. Т. 1. С. 51).

К этому же времени он уже не высказывает желания поступить в высшее учебное заведение в Союзе, хотя раньше об этом его стремлении было хорошо известно его знакомым. К концу года у Освальда все чаще проскальзывают ностальгические нотки, и это при всей его скрытности и патологической лживости. В ноябре в общении с одним из друзей он уже не может скрывать свои настроения и прямо говорит, что скучает по родине.

В декабре, перед уходом Освальда в отпуск, некоторые рабочие интересовались, куда он поедет его проводить, на что он в полушутливой форме отвечал: «В Америку!»

Вообще, знавшие его отмечали, что Освальд не лишен чувства юмора, часто шутит во

время разговора. Обычно отшучивался, когда речь заходила о политике и его пытались втянуть в такой разговор, весьма иронически высказывался о деятельности ООН.

Очевидно, что в нем происходит и внутренняя переоценка социалистических идей. В самом начале 1961 года, участвуя в завязавшемся споре о преимуществах социализма перед капитализмом, Освальд говорил в том духе, что не уверен, что социализм есть более прогрессивное явление, и не видит способа объективной оценки преимуществ социализма перед капитализмом, так как никто не может быть здесь объективен – ведь суждения каждого человека зависят от его воспитания, которое целиком определяет взгляды этого человека. Когда в споре стали сравнивать государственное устройство США и СССР, Освальд сказал, что в Советском Союзе есть такие ограничения, которые ему не нравятся, и, по его мнению, они – отрицательное явление в этой стране. В первую очередь он назвал ограничения выезда из страны. Наверное, таким образом проявилось его внутреннее беспокойство по этому поводу, поскольку он уже серьезно подумывал покинуть СССР.

Касаясь в то же время негативных сторон жизни в США, Освальд подчеркнул, что ему не нравится «запрещение цветным сидеть на одной скамейке с белыми».

Вот каким видится Освальд своему окружению на заводе к концу годичного общения с ним: «Среди сослуживцев ни с кем в близкие отношения не вступает, к работе особого интереса не проявляет. О своем прошлом и планах на будущее ничего не рассказывает. Из его поведения по месту работы внешне создается впечатление, что работа на радиозаводе его вполне устраивает и он доволен своим положением. На политические темы в беседы не вступает. Взаимоотношения с коллективом рабочих экспериментального цеха нормальные.

Когда его спрашивают о работе, обычно ограничивается ответом: «Работа есть работа», – и ничего не рассказывает. Его больше интересуют различные развлечения. Что касается вечеров на заводе, то они ему не нравятся. Он говорит, что они совсем не интересны».

КГБ, накрыв Освальда своим «колпаком» и изучая как возможного агента американских спецслужб, в то же время, используя свое влияние, оберегал его от разного рода неблагоприятных ситуаций. Однажды во время обеденного перерыва один рабочий, решив подшутить над Освальдом, дал ему пинка. «За данный поступок этот рабочий подвергся осуждению среди коллектива и впоследствии извинился перед Освальдом». Нельзя же шутки ради обижать американского «шпиона» и отвлекать его от серьезных дел!

Кончается 1960 год. Истекает первая минута второго раунда между Освальдом и КГБ. Освальд переосмысливает свои идеалы, а КГБ анализирует накопленную информацию. Вот как сам Освальд излагает впоследствии впечатления того периода в своем «Историческом дневнике»: «Я начинаю пересматривать свое намерение оставаться здесь. Работа однообразная. Деньги не на что тратить. Нет ни ночных клубов, ни кегельбанов, негде развлечься, за исключением танцев в профсоюзных клубах. Я всем этим сыт по горло» (ОКУ. Прил. 13. С. 701).

По существу, это его собственное резюме годичного проживания в Минске, дающее наглядное представление о его устремлениях и жизненном кредо в тот период. Строитель нового социалистического общества из него явно не получился. В процессе анализа собранных сведений КГБ необходимо было ответить на два основных вопроса. Первый – выявлены ли были за прошедший год признаки, могущие свидетельствовать о принадлежности Освальда к агентуре спецслужб противника, и второй – по-прежнему ли он настаивает на получении советского гражданства. Что касается первого, то к этому

времени ответ на него можно было дать однозначный – нет, не выявлено. По второму же имелись достаточные данные, из которых явствует, что Освальда разочаровали реалии жизни в СССР и в нем с каждым днем нарастает желание возвратиться за океан. Итоги проделанной за год работы по делу Освальда были подведены и сформулированы в письме, которое белорусская контрразведка в первой декаде наступившего 1961 года направила в Центр, в адрес американского отдела Второго главного управления. В нем говорилось: «В процессе разработки Налима (кличка Освальда. – О.Н.) данных, которые давали бы основания подозревать его в шпионской деятельности, не получено. Установлено, что он в августе купил себе ружье и в составе групп сослуживцев несколько раз выезжал на охоту. Фактов выезда Налима на охоту в одиночку не отмечено.

Попыток со стороны Налима установления контактов с лицами, которые представляли бы интерес для иностранной разведки, не зафиксировано.

Из образа жизни Налима известно, что он регулярно посещает кино, бывает в театрах и на концертах, увлекается симфонической музыкой. У себя дома имеет радиоприемник и проигрыватель и для прослушивания музыкальных пластинок часто приглашает на квартиру знакомых девушек.

К работе на радиозаводе Налим относится без интереса и не стремится совершенствовать свои трудовые навыки.

С 22 декабря по 5 января с. г. Налим находился в очередном отпуске, который он проводил в городе Минске. За этот период подозрительных моментов не выявлено.

Конкретных своих планов на будущее Налим в беседах с окружающими не высказывает, хотя однажды своему знакомому заявил, что скучает по Америке.

Как известно, на основании распоряжения Совета министров СССР № 3363-рс от 01.12.59 Налиму предоставлено право временного проживания в Советском Союзе в течение года, после чего должен быть решен вопрос о постоянном жительстве в СССР Налима и принятии его в советское гражданство.

В связи с тем, что срок действия выданного Налиму вида на жительство окончился 04.01.61, в этот день он посетил паспортный отдел Управления милиции гор. Минска, где интересовался, не прибыл ли из Москвы на его имя советский паспорт. При этом Налим заявил, что все необходимые документы по оформлению его в советское гражданство он заполнил в октябре 1959 года в Москве. Каких-либо намерений возвратиться в США Налим не высказывал. Однако на замечание сотрудника паспортного отдела, думает ли он постоянно проживать в СССР, Налим пояснил, что ему вначале хотелось бы узнать, как решился в Москве вопрос о принятии его в советское гражданство, а потом высказать мнение по данному вопросу.

Паспортный отдел Управления милиции г. Минска продлил срок действия вида на жительство Налиму на один год и одновременно запросил ОВИР управления милиции г. Москвы в отношении решения вопроса о принятии Налима в советское гражданство».

В заключение этого документа КГБ Белоруссии, основываясь на оперативных данных о намерении Освальда вступить в переписку с американским посольством в Москве для получения консультаций по поводу его желания вернуться в США, высказал мнение о целесообразности отказа ему в приеме в советское гражданство.

Таким образом, имевшаяся информация о настроениях Освальда подтверждала правильность высказанного год назад в совместной записке МИДа и КГБ в ЦК КПСС аргумента о необходимости предоставления ему только временного проживания в СССР, поскольку «отдельные принятые ранее в советское гражданство иностранцы, прожив

некоторое время в СССР, покинули нашу страну…». Для КГБ становилось очевидным, что Освальд больше не намерен превращать Советский Союз в свою вторую родину. Разрешение проживать в СССР еще год в качестве лица без гражданства давало Освальду запас времени, чтобы прозондировать отношение американских властей к его намерениям возвратиться в США и выяснить, какие правовые санкции могут его ожидать за переезд в Советский Союз. Свой первый шаг Освальд делает в начале февраля, направив в американское посольство в Москве письмо, полученное там 18 февраля: «В нем он просил о возвращении ему паспорта и заявлял о своем желании вернуться в Соединенные Штаты, если возможно будет «достигнуть какого-либо соглашения (с американским правительством) о том, чтобы против него не возбуждалось судебное преследование». Он сообщал, что не получил советского гражданства и живет в СССР по «временному удостоверению личности для иностранцев», а также что он лично не являлся в посольство потому, что не может выехать из Минска без разрешения. В заключение Освальд писал: «Я надеюсь, что, вспоминая о моих обязанностях по отношению к Америке, вы вспомните о ваших и поможете мне во всем, поскольку я американский гражданин»» (ОКУ. Прил. 13. С. 701–703).

В наступившем новом году оба участника поединка – Освальд и КГБ – начали отсчет следующей минуты второго раунда. И опять, как и в московском раунде, инициатива принадлежала американскому «марксисту». КГБ был вынужден строить свою тактику на контратаках. С учетом новых моментов в поведении Освальда нужно было соответствующим образом проинструктировать агентуру, работающую по делу, сопоставлять ее сообщения о высказываниях Освальда среди окружения по поводу своих дальнейших планов с содержанием его переписки с американским посольством.

«В дневнике за этот период Освальд писал, что «он все время ожидает возможности вернуться назад в США», и добавлял, что один из его приятелей одобрил этот план, но предостерегал его ни с кем не обсуждать свои намерения. (Нет никакого сомнения в том, что советские власти перехватывали и читали переписку Освальда с посольством и, таким образом, знали о его намерениях.

Вскоре после начала переписки Красный Крест перестал выплачивать ему ежемесячное пособие.)» (ОКУ. Прил. 13. С. 702).

Безусловно, не могло быть никаких сомнений в том, что переписка Освальда с посольством контролировалась – ведь на него велось дело по подозрению в шпионаже. Но даже если бы его письмо проскочило сквозь фильтры в Минске, оно неминуемо было бы перехвачено в Москве. В те годы посольства двух главных противников по холодной войне считались оплотом подрывной деятельности на территории друг друга и являлись объектами пристального внимания со стороны контрразведок обеих сторон, а контроль переписки, проходящей через канал национальной почты, был рутинным элементом такого внимания. Материалы такого контроля поступали и накапливались в том подразделении контрразведки, объектом разработки которого являлось посольство. «Контрразведывательное обеспечение» посольства США в Москве осуществлял 1-й отдел Второго главного управления КГБ. Контроль переписки помогал отслеживать связи посольства с различными советскими организациями и отдельными лицами, а также выявлять граждан, стремившихся установить контакты с посольством. Почтовые отправления анализировались на присутствие в их содержании возможных условностей и проверялись на наличие скрытого текста, нанесенного тайнописными средствами.

Естественно, установление Освальдом контакта, пока письменного, с посольством

привело к необходимости согласования мер между минскими и московскими чекистами на случай дальнейшего сближения его с американским официальным представительством.

Между тем изучение Освальда в Минске продолжалось, собирались сведения о его прошлом, перепроверялись данные о его военной службе для сопоставления и анализа. Так, в самом начале 1961 года друзья поинтересовались, какие причины побудили его приехать в Советский Союз. Освальд сначала попытался отшутиться, а затем сказал, что он «человек одинокий и ему все равно, где жить», ни словом не упомянув при этом об уже сложившемся стремлении уехать назад в США. Спустя несколько дней один из знакомых проявил интерес к его воинской службе и даже попросил показать элементы строевой подготовки в армии США. Освальд охотно рассказал, что служил с 24 октября 1956 года по 11 сентября 1959 года, был рядовым, несколько месяцев проходил подготовку, связанную с радиоэлектроникой и радиолокацией, продемонстрировал документы, подтверждающие прохождение такой подготовки, и документ об увольнении из армии с оценкой «Honorable». Показывал, сопровождая свой рассказ о службе, солдатский билет, схему какого-то японского города, пропуск в бар, где он проводил свободное время. Затем почти в течение часа с увлечением демонстрировал технику строевой подготовки.

В марте, когда Освальд уже поддерживал переписку с американским посольством, он все еще скрывал от своего окружения созревшее намерение вернуться в США. Однажды во время вечеринки в кругу приятелей произошел забавный эпизод. За чаем возник спор о сладостях – конфетах, печенье, халве. Освальд тоже принял участие в этом разговоре.

«Я очень люблю халву, – заявил он. – У нас в Америке есть всякие конфеты, а халвы нет. И вы знаете, что я сделаю? Когда я вернусь в Америку, я открою лавку, буду делать и продавать халву…». «И тебя ждет огромный успех, у тебя не будет конкурентов», – заметил один из присутствующих. «Да, у меня не будет конкурентов, – ответил Освальд, но, видно, спохватившись, быстро продолжил – Я не поеду в Амер…». Тут он, оборвав фразу на полуслове, чтобы перевести разговор и отвлечь внимание, поспешил задать вопрос: «А вы не знаете рецепт изготовления халвы?» Он все еще пытался утаить от приятелей свои планы возвращения в США.

В феврале Освальд вдруг решает заняться изучением немецкого языка и приобретает два словаря и учебник. В этот же период он проявляет повышенный интерес к прибывающим в Минск иностранцам, в первую очередь американцам и немцам. Однако немцы из ГДР у него эмоций не вызывают.

В середине марта в Минск с гастролями прибывает Мичиганский симфонический оркестр. Освальд не в состоянии сдерживать свои ностальгические чувства и прямо-таки рвется к контактам с приехавшими американцами. Наверное, все же ностальгия вызывает сильные переживания не только у русских эмигрантов, о чем много говорится и пишется, но и у представителей других народов, даже такого прагматичного и рационального, как американский.

«На второй неделе марта, когда г-жа Кэтрин Мэллори приехала на гастроли в Минск с симфоническим оркестром Мичиганского университета, ее окружили любопытствующие жители Минска. В это время какой-то молодой человек выступил из толпы, назвал себя техасцем и бывшим солдатом морской пехоты и спросил, не нужен ли ей переводчик. В течение следующих 15 или 20 минут он действительно переводил для г-жи Мэллори. Потом он сказал, что презирает США и надеется остаться в Минске до конца своей жизни. Г-жа Мэллори не может ручаться, что ее переводчиком был Освальд, но лично она в этом убеждена» (ОКУ. Прил. 13. С. 708).

Но автор готов поручиться, что переводчиком г-жи Мэллори был Освальд и что ее убежденность правильна. Мне позволяет это сделать достоверная информация из оперативного дела Налима.

В период гастролей университетского оркестра Освальд общался со многими из приехавших американцев. Первые контакты произошли в городе – в магазинах и на улице. Он не только беседовал с земляками, но и помогал им делать покупки. С двумя девушками он познакомился на улице, затем долго разговаривал, показывал город, помог покупать конфеты. Вдень первого концерта он отправился в гостиницу «Минск», где, по его собственным словам, «было много американцев в холле и с ними можно было легко поговорить». Где-то среди этих американцев и находилась, очевидно, г-жа Мэллори. Освальд присутствовал на концерте оркестра. После концерта, когда часть публики уже разошлась, на сцену вышли несколько американцев. Оставшиеся в зале подошли к ним, и завязалась оживленная беседа. Вместе с друзьями там находился и Освальд. Он разговорился с высоким американцем в очках, который хорошо говорил по-русски, и в процессе беседы выяснилось, что тот более десяти лет изучал русский язык. Освальд высоко оценил игру оркестра, а собеседнику заявил, что разговаривает с ним как с человеком с другой планеты. Пока происходило это общение публики и оркестрантов, Освальд передал американцам несколько программ от желающих получить автографы, то есть выполнял роль переводчика. В разговоре с американскими студентами – участниками оркестра Освальд заметил, что «хотел бы попасть на родину».

Как видно, это его признание расходится с фразой, которую запомнила г-жа Мэллори. Не исключено, что Освальд, все еще не афишировавший свое намерение уехать, посчитал целесообразным в первом случае заявить одно, а в приведенной беседе со студентами – другое, выразив при этом свои подлинные чувства. В своих дневниковых записях, касающихся того периода, Освальд отмечал, что он «все время ожидает возможности вернуться назад в США» (ОКУ. Прил. 13. С. 702). Но он не только вынашивает мечты о возвращении, но и действует, продолжая начатые в феврале хлопоты: к моменту приезда Мичиганского оркестра им уже было направлено в посольство в Москве очередное письмо.

Между тем образ жизни Освальда, несмотря на стремление возвратиться в США и предпринимаемые для этого шаги, не претерпевает серьезных изменений. Он по-прежнему проявляет безразличие к работе на заводе, приглашает знакомых к себе на квартиру, посещает вечера отдыха в различных домах культуры и институтах, завязывает там новые знакомства с девушками.

Понятно, что все устойчивые контакты Освальда были известны контрразведке, а новые связи подвергались проверке с разной степенью глубины, в зависимости от развития и характера отношений. Нельзя забывать, что Освальд – это объект Налим дела агентурной разработки по окраске «Шпионаж американский»!

17 марта во Дворце профсоюзов во время танцев на вечере Медицинского института Освальд знакомится с девушкой. Он «влюбился в нее без памяти» (ОКУ. Прил. 13. С. 703). Эта девушка, по имени Марина, после непродолжительных ухаживаний становится его женой.

Марине Прусаковой к моменту знакомства с Освальдом не исполнилось еще и двадцати лет. Биография ее была короткой, и для КГБ проверка ее жизненного пути не составила особого труда и не заняла много времени. Были направлены запросы по местам ее

прошлого проживания и учебы, собраны сведения о родственниках, получена информация о политических взглядах и образе жизни. Носителем секретов, кроме интимных, она не являлась, компрометирующих материалов, в понимании спецслужб, на нее тоже никаких не имелось, поэтому чинить препятствия их браку оснований не было. Но бдительность есть бдительность. Когда Освальд подал в Ленинский районный ЗАГС г. Минска заявление с просьбой оформить брак с Прусаковой, оттуда последовало обращение в ОВИР с вопросом, не будет ли с их стороны возражений в отношении регистрации брака. Возражений не поступило, и 30 апреля они сочетались законным браком. Естественно, что теперь уже контроль осуществлялся не только за Освальдом, но и за его семьей, то есть Марина автоматически попала под «колпак» КГБ и стала объектом наблюдения и изучения. На обложке «дела спецпроверки» появилось и ее имя.

Несмотря на то что у Освальда ко времени знакомства с Мариной уже было твердое намерение возвратиться в США и он вел переговоры с посольством, он не заикнулся об этом ей ни в период ухаживаний, ни после свадьбы в течение всего медового месяца.

«Как-то через месяц или два после свадьбы Освальд сказал своей жене, что ему хочется вернуться в Соединенные Штаты. В дневнике указано, что этот разговор происходил «в последние дни» июня и что Марина была «слегка удивлена», но советовала ему поступать как он пожелает. По воспоминаниям Марины, она узнала об этом его плане между маем и июлем. Освальд известил посольство о своем браке и о том, что его жена намерена сопровождать его в Соединенные Штаты, в письме, полученном посольством 25 мая. Приблизительно в то же время Освальды начали хлопотать в советских учреждениях о выездных визах» (ОКУ. Прил. 13. С. 705).

Освальд опять ставит новую задачу перед КГБ, и, уже хорошо зная, какое упорство он способен проявить для достижения поставленных целей, можно ожидать, что он не отступится, пока не добьется своего. Когда стало известно о его желании вернуться в США, это вряд ли кого-то удивило, а может быть, даже и обрадовало: баба с возу, кобыле легче. К этому времени бесперспективность его разработки как предполагаемого шпиона и как объекта возможного оперативного использования была очевидна для всех, кто имел отношение к его делу. Но теперь возникала новая ситуация: он был женат на советской гражданке, и речь шла уже о выезде семьи, причем к середине лета стало известно, что Марина ждет ребенка. Нужно было вырабатывать новую тактику, определяться, как строить дальнейшую работу по делу.

Поступающая по различным каналам в КГБ информация свидетельствовала, что первые два месяца семейной жизни протекали нормально, практически все свободное время молодые проводили вместе, но не избегали и вечеринок, организуемых их знакомыми. Освальд без проблем вошел в семью дяди Марины, он был тепло принят, без проявления каких-либо предубеждений против него как иностранца и тем более американца. Со своими близкими Марина делилась, что они живут дружно, но в то же время рассказывала, что муж очень упрям, стремится, чтобы в доме все делалось так, как хочет он.

С места работы какой-либо негативной информации также не поступало. Сообщалось, что он держится ровно со своими сослуживцами, подчеркивалось, что умеет вести себя в компании, не увлекается спиртными напитками. Но однажды с ним произошел случай, связанный с его выездами с друзьями на охоту. После возвращения из одной из таких поездок Освальд принял предложение отметить охоту и вместе с одним из участников, своим сослуживцем, посетил ресторан. Там они поужинали и крепко выпили, после чего

Освальд был в «нетрезвом состоянии», иными словами просто пьян. Вновь сработала опекающая Освальда система: на заводе случай «стал известен», и по линии партийной организации его другу было сделано соответствующее внушение.

В начале июля поступил сигнал, что Освальд интересовался стоимостью авиационного билета до Лондона и обратно. Пока эта информация анализировалась, стало известно, что Освальд посетил американское посольство в Москве. Мало того, к нему прилетала жена, также заходившая в здание посольства. Причем среди своего окружения Освальд скрыл факт посещения посольства, а объяснил поездку в Москву желанием побывать на проходившем в этот период кинофестивале. С целью получения дополнительной информации о визите Освальда в посольство белорусские контрразведчики взаимодействовали с 1-м отделом Второго главного управления, который был уже в курсе переписки Освальда по поводу его возвращения в США.

Когда Освальд в середине года, или второго раунда, нанес два прямых удара – посетил посольство и подал официальное заявление о возвращении в США с женой, – КГБ ответил контратакующей серией.

В качестве первых шагов были предприняты попытки воздействовать на Марину, чтобы склонить ее к отказу от переезда на жительство в Соединенные Штаты. Как отмечали знакомые Марины, после брака, особенно после посещения американского посольства, в ее поведении произошли заметные изменения, она стала нервозной, замкнутой. Когда ей в осторожной форме намекали на нецелесообразность отъезда, она выражала удовлетворение замужеством и возможностью выехать в Америку. На работе ей высказывали предположения, что после переезда в США она будет клеветать на нашу страну, нашу действительность, на что Марина реагировала следующим образом: «Я люблю мужа, жду ребенка и не могу не ехать с ним. Но никогда не случится того, чего вы боитесь, я никогда не позволю себе заниматься клеветой на нашу действительность». В июле Марину исключили из комсомола. Очевидно, что исполнители восприняли рекомендации по оказанию влияния слишком прямолинейно, действовали негибко, совершая ошибочные ходы, без учета психологического состояния Марины, ее характера, обостренного чувства протеста, воздействия на нее самого Освальда. Все это сработало с точностью до наоборот, вызвав негативную реакцию и озлобленность их обоих, что видно из следующих выдержек из отчета Комиссии Уоррена: «За это время (после подачи заявления о выезде. – О.Н.) Марина на месте своей работы должна была выдержать критику на четырех собраниях под председательством ее начальника, который действовал, очевидно, «по чьим-то инструкциям», полученным по телефону. Комсомольская организация также вызвала ее и продержала полтора часа. Цель этого вызова заключалась в том, чтобы отговорить ее от поездки в Соединенные Штаты. Окончательный результат: она с еще большим упрямством хочет ехать.

Марина в своих показаниях говорит о том, что, когда сведения о ее поездке в июле в американское посольство достигли Минска, она была исключена из комсомола. Созывались «собрания», на которых «члены различных организаций» пытались отсоветовать ей уезжать из Советского Союза» (ОКУ. Прил. 13. С. 708).

Согласно отчету комиссии, Марина впоследствии называла этот период жизни в Минске «совершенно ужасным временем» (там же). Освальд обо всем этом информировал американское посольство в своих письмах и даже просил правительство США вмешаться, чтобы «облегчить получение выездных виз для него и его жены» (там же). Он сообщал туда о систематических и организованных попытках запугать Марину «с целью заставить

ее взять назад прошение о визе» (там же).

Когда Освальд завершил сбор всех требовавшихся для оформления выездных виз документов и сдал их в ОВИР 19 августа, стало очевидным, что дальнейшие попытки отговорить Марину от принятого решения бесполезны и могут привести к негативным последствиям. Нужно было менять тактику ведения боя. Уже через три дня появляется план агентурно-оперативных мероприятий, составленный «с учетом официального обращения Налима в июле с. г. в паспортный отдел Управления милиции г. Минска о выдаче виз ему и жене на выезд в США». В плане содержались выводы, основанные на анализе сложившейся в последнее время ситуации. В нем говорилось: «…Возбуждая ходатайство о принятии его в советское гражданство, Налим указывал, что он по своим убеждениям является марксистом и поэтому не может оставаться в капиталистической Америке, а желает строить новое коммунистическое общество.

Эти доводы Налима малоубедительны, т. к., проживая в Минске, он интереса к марксистско-ленинской теории не проявлял, к работе на заводе относился безразлично…

…Не исключено, что Налим до прибытия в СССР не был связан с американской разведкой и причиной его невозвращения в США явились симпатии к Советскому Союзу, но при посещении американского посольства в июле с. г. он мог получить там задание по сбору шпионских сведений или проведению другой враждебной деятельности с условием предоставления ему возможности возвратиться в США».

До июльского визита в посольство не зафиксировано каких-либо шпионских «зигзагов», совершенных Налимом, но с учетом последнего вывода предусматриваются меры повышенного внимания к его возможному стремлению теперь «собирать сведения военного и экономического характера». Но на этой «минуте» второго раунда оперативная обстановка диктует и новые приоритеты, поэтому ставится задача: «наряду с изучением и проверкой Налима – усиление влияния на него и жену, чтобы они не были использованы в антисоветской деятельности после выезда в США». Партийной организации радиозавода рекомендовалось окружить Освальда заботой и вниманием.

О настроениях и поведении самого Освальда в этот период с завода поступала следующая информация: «После поездки в Москву стал относиться к работе совершенно безразлично, не только не выполняет норму, но иногда совершенно бездельничает. Такое поведение Освальда вызывает возмущение рабочих, которые недовольны его бездельничаньем. В связи с этим мастер цеха предъявил к Освальду претензии и потребовал, чтобы он трудился, как все другие рабочие. Это не понравилось Освальду, и он высказывал обиду на мастера, который якобы несправедливо к нему относится. По линии партийной организации Освальду вежливо разъяснили, что он нарушает трудовую дисциплину, ведь зарплату он получает за свой труд» (Дело Освальда. Т. 1. С. 3).

Пожалуй, те, кому было поручено опекать Освальда на заводе, вели себя грамотнее, чем начальство и сослуживцы Марины. К нему, несмотря на то что он откровенно манкировал своими обязанностями, старались не предъявлять излишней требовательности, не допускать в беседах с ним каких-либо грубостей или оскорбительных выражений, проявляли внимание и в целом создавали и поддерживали вокруг него нормальную обстановку.

Как только стало известно о визите Марины с мужем в американское посольство и о планах их отъезда, ее дядя и тетя не пожелали больше видеть Освальда в своем доме, и общение между семьями прекратилось. По словам Марины, дядя и тетя с ней не разговаривали долгое время (ОКУ. Прил. 13. С. 702). Чтобы смягчить обстановку и не

накалять страсти, с дядей Марины проводились беседы с целью убедить его, что Освальд уже не отступится от своего намерения и лучше, чтобы он и Марина, уехав, без озлобления вспоминали период проживания в Минске и в целом в Советском Союзе.

Когда общение с родственниками Марины возобновилось, Освальд на задаваемые вопросы о неожиданном решении уехать в США отвечал, что мысль о возвращении у него созрела давно и он по этому поводу писал письма в американское посольство. Свое намерение вернуться в ближайшее время в США объяснял тем, что по истечении более длительного срока советские власти не разрешат ему возвратиться в Америку, так как в Советском Союзе якобы существует такой закон. Он рассказал о содержании своих бесед в посольстве, подчеркнул, что там ему обещали выдать необходимую сумму денег для оплаты расходов на путь следования из СССР в Америку. С несвойственной ему откровенностью Освальд сказал, что в случае трудностей с устройством на работу в США он намерен пожить у дяди. Что касается ареста (за бегство в СССР), то он не думает, что сотрудники посольства могут его обмануть. Тем не менее Освальд обещал родственникам Марины еще раз взвесить и обдумать все обстоятельства, связанные с возвращением в Америку. Тогда же, осенью, и Марина стала колебаться, уезжать или нет, но в то же время в родственном кругу она высказывала особое беспокойство тем, как она сможет устроить свою дальнейшую личную жизнь в Союзе, имея от Освальда ребенка.

Продолжая активную переписку с посольством, Освальд тем не менее не только не рекламирует свое стремление уехать в США, но даже на прямые вопросы своих знакомых заявляет: «Нет, не собираюсь!» На заводе он окончательно отбился от рук. К концу года Освальд совершенно утратил интерес к работе (если он у него был!), в рабочие часы читает книги или вовсе уходит со своего рабочего места. На вопрос мастера, почему он уклоняется от работы, отвечает грубостью, заявляя: «Что хочу, то и делаю». Разъяснительная беседа с ним администрации тоже не возымела действия. Однако со стороны дирекции к нему проявляется исключительная терпимость: независимо от количества и качества сделанной Освальдом продукции ему постоянно начисляется 70–80 рублей в месяц. Но однажды терпение все же иссякло. 25 ноября группа рабочих радиозавода на автобусе выезжала на экскурсию в Москву. Освальд тоже записался в числе желающих, намереваясь выехать с этой группой, но по рекомендации секретаря парткома цеха не был включен в ее состав под предлогом, что плохо относится к работе. Реакция Освальда была резко негативной.

Вообще, к концу осени – началу зимы у Освальда заметно сильное раздражение в связи с молчанием советских официальных властей на его просьбу о выдаче выездных виз. Выражается это в вызывающем поведении на работе, содержании писем в американское посольство и родственникам в США, попытках встретиться с руководством ОВИРа. Когда самому это не удается, он все же добивается такой встречи для Марины, однако ей предложили ожидать своей очереди.

30 ноября в минском ОВИРе принимают его собственноручное заявление, которое гласит:

«В МВД БССР
от гр. Ли Харви Освальда,
прож. в гор. Минске, ул. Калинина, д. 4, кв. 24

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, Ли Харви Освальд, гражданин США, очень прошу Вашей помощи в деле получения визы на выезд из СССР для меня и моей жены (Освальд Марины Николаевны, урож. Прусаковой).

Мое заявление было подано в ОВИР 20 июля 1961 года, а документы жены – 19 августа 1961 года. Но до сих пор никакого результата я не дождался. Еще раз прошу Вас помочь мне.

С уважением Л. Х. Освальд»

(Дело Освальда. Т. 5. С. 26).

С середины 1961 года Освальд добивался от властей двух стран осуществления своего намерения выехать в США с женой с той же напористостью, с какой осенью и зимой 1959 года рвался получить разрешение на проживание в СССР. Он уже не удовлетворяется перепиской только с американским посольством в Москве и в конце декабря напрямую пишет одному из сенаторов, которого просит «поднять вопрос о задержании советским правительством гражданина США вопреки его воле и выраженному им желанию» (ОКУ. Прил. 13. С. 708).

В этот период Освальд в меньшей степени скрывает свои ностальгически патриотические чувства. Получаемые от родственников из США некоторые рекламные проспекты он дарит знакомым девушкам, подчеркивая: «Это из Америки, американское…».

В беседах обсуждает жизнь в Америке, правда, если раньше в таких разговорах он осуждал дискриминационные законы США, то теперь заявляет, что «он южанин и не любит негров».

К концу года в КГБ Белоруссии уже имелось достаточно информации, чтобы сделать выводы, которые могли бы, в принципе, лечь в основу предложений для принятия решения об отъезде семьи Освальд из СССР: «В результате изучения Освальда данных, свидетельствующих о проведении им шпионской или другой враждебной деятельности, получено не было. Вначале он был лояльно настроен к нашей стране, но после посещения американского посольства начал допускать отдельные отрицательные суждения о советской действительности, увязывая это с задержкой в решении вопроса о выдаче ему визы на выезд в США» (Дело Освальда. Т. 3. Ч. 4. С. 49).

Логическое завершение сказанного совершенно очевидно – дать ему визу, и пусть катится на все четыре стороны. 21 ноября 1961 года КГБ при Совмине БССР выносит заключение о разрешении на выезд Прусаковой (Освальд) в США. Однако в нем сказано, что «окончательное решение вопроса о выезде необходимо согласовать со Вторым главным управлением КГБ при СМ СССР» (Дело Освальда. Т. 6. С. 20). Значит, оно должно быть рассмотрено в КГБ в Москве и, если возражений не последует, будет передано в Верховный Совет для вынесения постановления.

Сколько времени займет эта процедура в Центре, никто сказать не может. Но в начале января истекает срок разрешения на проживание Освальда в Союзе в качестве лица без гражданства, и нужно быть готовыми к очередному продлению этого срока. В Минске начинают сбор необходимых для этого документов.

По линии МВД следует запрос на завод, где работает Освальд, о представлении на него характеристики – одного из документов, входящих в пакет материалов, требуемых при оформлении продления. Вот какой образ Освальда сложился на заводе, судя по этой характеристике:

«ХАРАКТЕРИСТИКА
на регулировщика экспериментального цеха
Минского радиозавода

Принят на работу 13 января 1960 года. За время своей работы регулировщиком квалификацию освоил недостаточно. Инициативы к повышению квалификации регулировщика не проявляет.

На замечания мастеров гр-н Освальд реагирует болезненно, к работе относится небрежно. В общественной жизни цеха участия гр-н Освальд не принимает и ведет себя замкнуто.

Характеристика выдана для представления в городское Управление милиции города Минска.

Директор завода. Начальник отдела кадров.

Печать».

Марксистские идеалы Освальда явно не подкреплялись его практической трудовой деятельностью в первом социалистическом государстве.

В это же самое время в руководстве КГБ Союза произошли изменения – на смену ушедшему А.И. Шелепину был назначен председателем В.Е. Семичастный. Спустя 30 лет обращаюсь к нему по интересующему меня вопросу:

«Вопрос. Владимир Ефимович, когда вам впервые доложили материалы на Освальда? Кто докладывал и в связи с чем? Какие предложения давались и какие были приняты решения?

Ответ. Это произошло буквально в первые дни после моего назначения в КГБ. В конце 1961 года возник вопрос о намерениях Освальда возвратиться в США. Из Минска пришло заключение о разрешении Марине Прусаковой, жене Освальда, выезда в Америку. Для принятия окончательного решения об их отъезде или оставлении нужно было учесть мнение ПГУ и ВГУ. Начальник ПГУ сразу сказал мне, что Освальд для разведки никакого интереса не представляет. Через неделю такое же мнение высказал и начальник Второго главка Грибанов. Во время доклада на мой вопрос о том, как поступать, он ответил: «На кой черт он (Освальд) нам нужен». Оба (Сахаровский и Грибанов) порознь рассказали мне историю Ли Харви Освальда начиная с 1959 года, то есть с момента его появления в Союзе и попадания в поле зрения КГБ.

За все время наблюдения за ним в период проживания в Союзе было установлено, что он никоим образом не пригоден для оперативного использования. Сложилось впечатление о нем как о серой, посредственной личности, не представляющей какой-либо ценности для наших служб.

К Марине мы также не имели никакого отношения. Освальд сам подцепил ее, он любил посещать танцы и там познакомился с ней. Но нам было непонятно, почему он женился на ней, и это надо было выяснять, что и делалось в рамках общего наблюдения за ним в Минске. По материалам изучения сложилось мнение, что она тоже не представляла для нас интереса. Поэтому решили с нашей (КГБ) стороны не чинить им никаких задержек и сразу выпускать обоих.

К этому же моменту мы пришли к выводу о том, что такой человек не может быть агентом спецслужб (США). Мы считали, что его поступки – смесь самостоятельных

решений с, возможно, влиянием какой-то организации, но не спецслужб. Как мне говорили, когда Освальд появился в Москве, некоторые оперработники, занимавшиеся им, даже обижались: «Неужели противник считает нас за дураков, если подставляет его нам, или сам настолько опустился, что работает с таким дерьмом?»

Выслушав доклады и обменявшись мнениями, я доложил в Верховный Совет, где находились документы с просьбой о выезде Марины из СССР, запиской, что со стороны КГБ никаких препятствий к отъезду семьи Освальд в США нет».

«25 декабря Марину вызвали в минский паспортный отдел и сообщили, что ей и ее мужу разрешено выдать визы. Это был сюрприз, так как она сомневалась, что ей когда бы то ни было будет позволено покинуть СССР» (ОКУ. Прил. 13. С. 710).

В это же время за океаном Марину проверяли ЦРУ и ФБР.

Казалось бы, декабрь 1961 года стал кульминацией второго раунда – соперники разошлись по углам ринга перед последней минутой. Полугодовые атаки Освальда принесли свой результат – получено разрешение на выезд из СССР их обоих.

КГБ тоже ответил на поставленные вопросы: бывший американский морской пехотинец-марксист не шпион, для оперативных целей не нужен, значит, остается одно – не держать, то есть дать разрешение на выезд.

Если рождественское известие (объявили 25 декабря) о разрешении на выезд было воспринято в семье Освальд как радостный сувенир, то подарок, который Налим в свою очередь преподнес белорусскому КГБ к Новому году, отнюдь не был праздничным. Последнюю минуту второго раунда Освальд начал ударом ниже пояса.

Буквально накануне нового, 1963 года по оперативным каналам поступил сигнал о новом «хобби», которым Налим думает заниматься на досуге, – он решил изготовлять… гранаты! О том, что это не фантазия, свидетельствовал тот факт, что он уже смастерил из миллиметровой жести два корпуса гранат, один – коробчатой, а другой – цилиндрической формы.

В каждом имелось по два отделения: одно заполненное дробью, второе – для взрывчатки. Налим изготовил и запалы – клееные бумажные трубочки длиной 4–5 см и диаметром 2 мм, которые должны были заполняться охотничьим бездымным порохом. Время горения запалов составляло около двух секунд. От жены Налим скрывал свою новую «забаву», хотя и хранил изготовленные «игрушки» дома.

Только в ноябре был сделан вывод, что «данных, свидетельствующих о проведении им шпионской или другой враждебной деятельности, получено не было», и на тебе – такое веселенькое «хобби»! В КГБ это увлечение было расценено как довольно странное. Высказывалось предположение, не связано ли оно с подготовкой им какого-либо враждебного акта перед отъездом за границу. Предусматривалось усилить наблюдение за Налимом всеми оперативными средствами на период проведения в Минске «спецмероприятий» (празднеств, митингов, съездов, визитов на высоком уровне и т. д.). Проведенная на заводе проверка показала, что там не было отмечено каких-либо подозрительных манипуляций Налима на своем рабочем месте: поскольку последние пару месяцев он вообще практически бездельничал, то его работа над корпусами гранат обязательно привлекла бы к себе внимание.

Третьего января наступившего года наружное наблюдение зафиксировало посещение Налимом во второй половине дня магазина охотничье-рыболовных товаров на улице Кирова. Пробыв там некоторое время, он направился городским транспортом домой, но вскоре вышел из дома со свертком в руках и вновь вернулся на троллейбусе к указанному

магазину. В комиссионном отделе магазина он сдал свое одноствольное охотничье ружье (№ 64621) за 18 рублей. Если раньше это ружье висело у него в квартире на стене на видном месте, то в последнее время перед продажей он держал его в чулане. Вообще же его друзьям было известно, что к концу 1961 года он охладел к выездам на охоту и говорил, что собирается переключиться на рыбную ловлю.

Спустя некоторое время была получена информация, что Налим, не найдя взрывчатки, выбросил корпусы своих «самоделок», и «хобби» его на этом закончилось. Это было воспринято с облегчением в стенах КГБ, но вовсе не означало, что «возмутитель спокойствия» перед отъездом за океан не выкинет очередной фортель.

Освальд, получив в декабре 1961 года согласие советской стороны на выезд, фактически сменил «противника» и все взоры теперь обратил на американскую сторону.

Главной и повседневной его заботой становится выколачивание у властей США разрешения на въезд в страну для жены. Одновременно он старается обеспечить финансовую сторону заокеанского вояжа путем получения субсидий уже от американского Красного Креста, какой-либо международной организации помощи иммигрантам (хотя таковым не является) или, на худой конец, займа у посольства США. Все это выражается в интенсивной переписке с родственниками в США, в первую очередь с матерью, и с американским посольством в Москве.

В этот период вновь проявляется характерная черта его личности: он как бы выступает на арене одновременно в двух лицах – как тореро и как бык. Размахивая перед собой какой-то своей целью, как красным плащом, он сам же неудержимо рвется к ней, мобилизовав все силы, не останавливаясь ни перед чем.

В феврале в семье Освальда появляется пополнение: 15-го числа Марина родила дочку, которую назвали Джун. Теперь Освальд не так рьяно торопится с отъездом. Он даже пишет брату Роберту, что, раз зима прошла, он «на самом деле… не хотел бы уехать до начала осени, потому что весна и лето… (в России) так хороши» (ОКУ. Прил. 13. С. 713). Но активную переписку с посольством в Москве по вопросу оплаты его транспортных расходов при возвращении в США он продолжает вплоть до отъезда.

В апреле Освальд уходит в очередной отпуск. Перед этим он высказывал намерение куда-нибудь съездить, в частности говорил о Вильнюсе, поскольку «это недалеко и недорого», но так никуда и не поехал. Несмотря на изменившееся семейное положение и появление ребенка, он не меняет своих привычек и образа жизни. Время проводит на вечерах в Мединституте, Институте народного хозяйства, университете, куда ходит без жены, посещает своих знакомых в общежитии Иняза, приносит туда американские журналы и оставляет их для чтения. Продолжает устанавливать новые знакомства с девушками, в основном студентками. Из США от родственников в этот период он получает литературу, в основном художественную фантастику.

Что касается семейной жизни, то уже спустя несколько месяцев после женитьбы у Освальда стали проявляться черты крайнего эгоизма в отношениях с женой. Например, как-то, будучи беременной, Марина попросила Освальда открыть окно, сказав, что ей душно. В ответ тот возразил, что ему холодно, и, как его жена ни упрашивала, настоял на своем. Он был очень придирчив к приготовляемой пище и требовал, чтобы готовились только те блюда, которые нравились ему. Не дай бог если Марина задерживалась со стиркой белья – немедленно следовал выговор. Все чаще в семье происходили ссоры. Так

продолжалось до самого отъезда в США.

Еще в марте Освальд весьма заинтересовался заметкой в «Известиях» о допросе Пауэрса после его возвращения в Америку. Он внимательно прочитал ее, а затем интересовался у своих друзей, не было ли в газете «Известия» еще каких-либо сообщений о дальнейшей судьбе Пауэрса, и собирался следить за этим по передачам «Голоса Америки». Очевидно, он как-то увязывал свою судьбу с историей пилота Пауэрса и беспокоился о последствиях в США, ведь он, как известно, должен был знать что-то о полетах У-2.

В марте наконец из США пришло письмо о выдаче Марине въездной визы.

«10 мая посольство написало, что все уже в порядке, и рекомендовало Освальду явиться с семьей, чтобы подписать последние бумаги. По его просьбе он был уволен с завода примерно 18 мая» (ОКУ. Прил. 13. С. 713).

Истекала последняя минута второго раунда. Соперников устраивало количество набранных очков, никто не хотел рисковать и идти на обострение концовки. Но все же, зная о непредсказуемости противника, КГБ не хотелось пропустить последний удар.

18 мая утверждается план агентурно-оперативных мероприятий по делу агентурной разработки Налима – этому плану суждено стать последним. В его преамбуле сказано: «Поскольку решено не препятствовать выезду Налима и его жены с ребенком за границу, последние заканчивают оформление необходимых документов и в мае – июне с. г. намереваются выехать в США.

Не исключено, что Налим и его жена по прибытии в США могут быть активно использованы в антисоветской пропаганде и в других враждебных нам актах. С целью выявления и пресечения возможных враждебных действий со стороны Налима перед отъездом в США, а также определенного положительного воздействия на него и его жену и создания условий для принятия необходимых контрмер на случай, если они будут выступать в США с клеветой на Советский Союз, по делу осуществить следующие мероприятия…».

Далее перечислялись пункты с конкретными мерами, где наряду с продолжением «изучения», непременным и беспрерывным атрибутом оперативных дел, тем более с окраской «шпионаж», делался акцент на «положительном воздействии». Предусматривалось «формирование правильного представления о советской действительности» с помощью агентуры, родственных связей и других оперативных возможностей. Особое внимание уделялось тому, «чтобы последние недели на заводе не были омрачены какими-либо необдуманными действиями со стороны рабочих или администрации». К сожалению, утверждение плана совпало с уходом Налима с работы в связи с близким отъездом.

22 мая Освальд получил выездную советскую визу, на 23-е число был намечен отъезд супругов в Москву для окончательного оформления документов в американском посольстве и дальнейшего следования в США. Даже близким друзьям Освальд сообщил о дате своего отъезда из Минска за два-три дня. Накануне отъезда он посещал знакомых, прощаясь с ними в связи с возвращением в Америку, а дома устроил вечеринку для наиболее близких друзей. Эти же друзья провожали Освальда и Марину с девочкой на минском вокзале. КГБ тоже скромно присутствовал на вокзале в лице службы наружного наблюдения. Это было, пожалуй, последнее бесконтактное рукопожатие соперников, которые провели на ринге второй раунд продолжительностью почти два с половиной года.

Однако последнее «прости» было сказано на границе, где уже другие службы провели тщательную проверку багажа отъезжающих. Из оперативных источников было известно,

что Освальд делал наброски о своем пребывании в СССР, которые собирался издать по приезде в США в виде книги, и что его рукопись уже насчитывала страниц пятьдесят. Но ничего подобного при досмотре обнаружить не удалось.

В заключение по оперативному делу Освальда, составленному КГБ после его отъезда, сформулирован следующий вывод: «В процессе разработки Освальда данных, свидетельствующих о его связи с разведывательными органами США, получено не было».

10 августа 1962 года председатель КГБ при СМ СССР подписал постановление, в котором было сказано: «…Делопроизводство прекратить в связи с выездом и сдать на хранение в Учетноархивный отдел». Прозвучал гонг. Очевидно, и судьи, и участники считали, что завершился не только раунд, но и бой. Однако, как оказалось в дальнейшем, один из соперников, сойдя с ринга, ненадолго снял перчатки…

ПЯТЬДЕСЯТ НА ПЯТЬДЕСЯТ

27 сентября 1963 года, приблизительно в час дня, мне позвонил Валерий Владимирович Костиков – работник консульского отдела нашего посольства в Мексике, дежуривший в часы приема, и, сообщив, что на прием пришел какой-то американец с просьбой выдать визу в СССР, попросил прийти и разобраться, так как это, как он выразился, «кажется, по твоей части».

«Американец и по «моей части» – это может быть интересным», – подумал я и стал собирать бумаги.

В те дни наш консульский отдел состоял из трех человек – заведующего и двух сотрудников с дипломатическим рангом. Вне посольства мы выступали как консул и два вице-консула. Конечно, консульские должности были для нас лишь прикрытием. Все мы являлись сотрудниками внешней разведки КГБ и входили в состав резидентуры в Мексике. Заведующий отделом Павел Яцков и я были сотрудниками одного и того же подразделения – Службы внешней контрразведки, отвечавшей за вопросы безопасности за рубежом. Поэтому на любого посетителя консульства, а особенно на американских граждан, мы смотрели прежде всего сквозь призму наших разведывательных интересов.

Подходя к домику консульского отдела, я увидел на ступеньках стоявшего, прислонившись к косяку двери, незнакомца лет 25–27, среднего роста, с продолговатым лицом, высоким лбом, переходящим в заметные залысины, и узким подбородком.

– Этот, что ли, гринго? – спросил я.

Валерий кивнул:

– Посмотри его бумаги, может, что-нибудь тебя заинтересует. Ну а я побегу – у меня свидание в городе…

Валерий открыл дверь в приемную, пригласил посетителя, пропустил его в кабинет, представил меня как вице-консула, не называя фамилии, и удалился.

Усадив посетителя за приставной столик, я начал с ним беседовать. Вначале мне показалось, что он находился в какой-то прострации, однако потом переключился на наш разговор, стал сосредоточенным, в облике появилась напряженность. Он заявил, что приехал в Мексику из США, чтобы просить выдать ему визу на въезд в СССР, что несколько лет назад проживал там, женился на советской гражданке и привез ее с ребенком в США, где они и находятся. Желание выехать в СССР объяснил тем, что в США подвергается постоянной слежке со стороны ФБР и преследованиям местных

властей, что делает жизнь его семьи невыносимой. Он рассказывал с явным раздражением, которое затем перешло в сильное возбуждение, и произвел на меня впечатление взвинченного, неврастеничного человека.

Чтобы дать ему немного успокоиться, я прервал расспросы и сделал паузу, изучая его документы. Американский паспорт, выданный в этом году на имя Ли Харви Освальда, с фотографией и отпечатком пальца – все как положено. Были и документы, подтверждающие его пребывание в Союзе: наша трудовая книжка за период работы на Минском радиозаводе, еще какие-то документы, сейчас уже трудно припомнить какие. Было еще письмо в советское посольство в Вашингтоне с просьбой о поездке его семьи в Союз и, кажется, ответ из посольства с отказом. Видя, что Освальд немного успокоился, я возобновил беседу. На уточняющий вопрос о слежке со стороны ФБР он ответил, что все началось после его возвращения из СССР, куда он поехал, будучи приверженцем марксистской идеологии, то есть по политическим мотивам. Когда он возвратился с семьей в США, допрашивали его и жену, которую сотрудники ФБР продолжают допрашивать и сейчас, посещая ее в его отсутствие; допросам, по его словам, подвергаются и знакомые. Когда я поинтересовался причиной их возвращения в США, Освальд стушевался и ушел от ответа. Я понял, что он не хочет называть истинную причину, и у меня это, естественно, вызвало настороженность – уж не стоят ли за этим наши, мои коллеги в Союзе? Не было сомнений, что, находясь в СССР, Освальд был под колпаком нашей службы. Но мысль о возможной его связи с ней у меня быстро рассеялась – уж очень он не подходил для оперативного использования.

Освальд рассказал, что ФБР мешает ему устроиться на хорошую работу и дальше терпеть такое положение он просто не в силах. Я осведомился по поводу его письма в наше посольство в Вашингтоне, и он пояснил, что писал туда, но получил отказ и теперь вообще опасается, что ФБР может арестовать его «за связь с советским посольством». Чтобы не давать «им» (то есть ФБР) лишний повод для этого, он и решил приехать в Мексику и попытаться реализовать свое намерение здесь. Кроме того, он хотел бы в случае своего возвращения в Союз заехать вначале на Кубу, а в Мексике можно получить визы сразу в обе страны.

Чем дольше я слушал своего собеседника и наблюдал за ним, тем больше таял мой интерес к нему. «Хорош Валера – «это по твоей части», – думал я. – Жил в Союзе, женат на советской гражданке, почему-то вернулся в США, переписывается с нашим посольством в Вашингтоне, находится под наблюдением ФБР, да и с нервишками не все в порядке… При таком раскладе о чем может идти речь? Пожалуй, пора закругляться да заняться более серьезными делами».

Разъяснив Освальду, что по существующим у нас правилам граждане тех стран, где имеются советские посольства или консульства, все вопросы о поездках в СССР решают через них, я, однако, обещал пойти ему навстречу и в виде исключения принять его заявление и заполненные соответствующим образом анкеты. При этом я предупредил Освальда, что все они будут направлены в Москву, а ответ, который придет месяца через четыре по месту его постоянного жительства, он получит через наше посольство в США.

Освальд с напряженным вниманием выслушал мое разъяснение, и по всему было видно, что он разочарован и даже испытывает раздражение. Когда я замолчал, он, подавшись вперед и еле сдерживая себя, почти выкрикнул: «Мне это не подходит! Для меня все кончится трагедией!» Я пожал плечами и встал, давая понять, что разговор закончен. Он тоже поднялся, дрожащими руками засовывая в карманы свои документы. Было видно,

что он явно неудовлетворен результатами разговора и весьма озабочен.

Беседа наша велась в основном на русском языке, но Освальд, наверное от волнения, нередко не мог подобрать подходящее русское слово и переходил на английский. У него было плохое произношение, он сильно коверкал грамматические формы, но в целом мог выразить свои мысли на русском языке. Характерно, что с начала и до конца нашей встречи он ни разу не поинтересовался, ни кто я такой, ни как меня зовут. Мне это показалось странным, поскольку посетители из числа американцев, как правило, представившись сами, спрашивали, с кем имеют дело. Я предположил, что Освальд был настолько поглощен своими заботами, что его не волновало, кто именно из советских представителей находится перед ним. Меня это вполне устраивало.

За время пребывания в Мексике, а прибыл я туда в августе 1961 года, мне пришлось принимать немало американских граждан, посещавших посольство по различным, часто весьма забавным, причинам. Например, однажды пришлось целых четверть часа беседовать о том о сем с пожилым, респектабельного вида американцем, который, по его словам, прибыл в Мексику туристом и, проходя мимо, зашел поболтать, так как никогда не встречался с русскими. В другой раз посетитель, тоже американец, озираясь, вручил мне шесть исписанных мельчайшим неразборчивым почерком тетрадей, пояснив, что это записи его постоянных бесед с Хрущевым, а под конец начал уверять меня, что слышит его прямо в моем кабинете. Можно было бы припомнить и другие курьезные случаи, однако случалось, что приходили люди, представлявшие для нас несомненный интерес, – лица, которые предлагали полезную информацию или долговременное сотрудничество.

Повышенное внимание к таким гостям характерно не только для бывшей советской разведки – это одна из функций «легальных», то есть прикрытых официальными представительствами (посольствами и другими учреждениями), резидентур многих разведок. У каждой из них выработаны на этот счет свои тактика и приемы, критерии проверки правдивости «доброжелателя» или «заявителя». Результативность работы с такой категорией иностранных посетителей у нас, как, думаю, и у всех разведывательных служб, – пятьдесят на пятьдесят. Это означает, что вероятность получить источник хорошей, а возможно, и ценной информации равна вероятности получить подставу, или, иными словами, приманку спецслужбы противника и тем самым втянуться в игру с трудно предсказуемыми последствиями. Но тут уж приходится идти на риск, без которого наша работа невозможна.

Освальд явно не принадлежал к той категории, которая чем-то могла бы заинтересовать нашу службу. Ну что ж, на сей раз не повезло.

Я взглянул на часы. Визит Освальда занял около часа. Уходя на обед, я попросил дежурного коменданта передать Костикову, когда он появится в посольстве, что известному ему посетителю визы я не обещал, объяснив, что в случае оформления документов придется ждать не менее четырех месяцев.

– Слушай, Олег, – начал Валерий, как только я появился после обеда. – Мне передали твою информацию, и сразу после этого был звонок от кубинцев. Звонила Сильвия Дюран из консульства. Оказывается, этот Освальд от нас пошел к ним и вроде заявил, что мы ему обещали визу, вот она и решила проверить. Я объяснил ей, что мы ничего ему не обещали. Она поблагодарила, и все… Как ты думаешь, он не шиза?

– Нет, судя по разговору, нет. Но то, что неврастеник, точно. Ты знаешь, я не думаю, что он так боится слежки, похоже, он чего-то недоговаривает. Как ты думаешь, сообщить нашим в Центр? Раз жил в Союзе, материалы наверняка должны быть во Втором главке.

– Давай завтра с утра доложим шефу и решим, – предложил Валерий.

Согласно распорядку, установленному не знаю кем и когда, в рабочей неделе посольства суббота была спортивным днем. Наиболее популярным в те годы был волейбол, в который мы играли буквально до упаду – и это на высоте более 2000 метров!

В ту субботу, 28 сентября 1963 года, предстояла серьезная встреча между дипломатами и сборной военного атташата и торгпредства. Мы все трое, сотрудники консульского отдела, играли за дипломатов. Наш консульский шеф, Павел Яцков, хотя и был значительно старше нас по возрасту, держал прекрасную спортивную форму, а в волейбол играл на профессиональном уровне.

Обычно перед игрой мы переодевались в одном из кабинетов консульского отдела. Первым из нас, где-то в начале десятого, в посольство приехал Павел. Обычно игры начинались после десяти. Вскоре в дверь постучал дежурный комендант и сказал, что пришел посетитель, по виду не мексиканец, и хочет поговорить с консулом. Хотя день был нерабочий, Павел дал команду впустить его и провести в кабинет. Вскоре к нему вошел незнакомец.

Павел так вспоминает эту встречу: «В дверях появился худощавый субъект среднего роста, неприметного вида, лет 25–27. Одет небрежно, кажется, в серую куртку. Бросалась в глаза бледность посетителя и его чрезвычайно взволнованный вид. Я показал ему на стул у приставного столика, а сам сел за свой рабочий стол. Посетитель, не ожидая вопросов, обратился ко мне на английском языке. Мои ограниченные познания в английском все же позволили понять, что мой собеседник американец, коммунист, прокубинец и просит визу на Кубу и в СССР. Я смог уловить также, что его кто-то преследует и он опасается за свою жизнь. На вопрос, говорит ли он по-испански, он ответил отрицательно. Рассказывая, иностранец ерзал на стуле, руки дрожали, и он не знал, куда их деть. Разговор не клеился из-за языковых трудностей. Тут дверь отворилась вновь, и на пороге появился Валерий, улыбающийся в предвкушении предстоящих волейбольных баталий. Я обрадовался, зная, что Валерий говорит по-английски».

Делится воспоминаниями Валерий: «Я приехал около половины десятого утра и пошел в консульство переодеваться. Распахнул дверь в первый кабинет, смотрю – за столом сидит Павел, а справа, спиной к окну, вчерашний американец. Весь какой-то взъерошенный, помятый, небритый, вид затравленный и еще более нервный, чем накануне. Я поздоровался, он кивнул в ответ. Павел тоже какой-то напряженный, он обратился ко мне: «Слушай, помоги, что-то толком не пойму, чего он хочет». Не вступая в разговор с Освальдом (а это был он), я объяснил Павлу, что посетитель был уже вчера, я дежурил в консульстве и принял его, он просит визу для немедленной поездки в Союз, где уже жил и женился на русской. За это якобы его преследуют власти США, за ним следит ФБР. Поэтому я передал его Олегу, он с ним занимался и все ему объяснил.

В это время Освальд, обращаясь ко мне по-английски, торопливо начал пересказывать свою историю. Он сообщил, что несколько лет тому назад уволился из армии США, туристом поехал в Союз, где остался по политическим мотивам, некоторое время проживал в Белоруссии, там же женился на русской, затем вернулся в Соединенные Штаты. Делал намеки на то, что выполняет какую-то секретную миссию, но какую и для кого, не сказал. Далее заявил, что является коммунистом и членом американской организации в защиту Кубы. Перебив его монолог, Павел заметил, что раз он был в Советском Союзе, жил там и работал, то, наверное, может объясняться на русском языке, и с неодобрением посмотрел на него. Освальд перешел на ломаный русский язык, на

котором и протекала вся дальнейшая беседа за исключением отдельных слов, когда он испытывал затруднения в выражении какой-то мысли по-русски и вставлял английские слова.

В Союзе, по его словам, он мечтает вернуться к прежнему месту работы, чтобы жить спокойно вместе с семьей. С заметной теплотой при этом отзывался о жене и ребенке. Освальд был сильно возбужден, а при упоминании ФБР вдруг сорвался на истерику, заплакал и стал сквозь слезы причитать: «Я боюсь… меня убьют… пустите меня…». Повторяя вновь и вновь, что его преследуют и даже здесь, в Мексике, за ним следят, он сунул правую руку за левый борт куртки, достал револьвер и со словами: «Вот, я хожу с оружием, чтобы защищаться…», – положил его на столик, за которым мы с ним сидели друг против друга. Я оторопел и взглянул на Павла. Тот слегка побледнел: «Ну-ка дай мне эту железяку…». Я взял револьвер со стола и протянул Павлу. Освальд всхлипывал, вытирая слезы, и на мои действия никак не реагировал. Павел откинул барабан, высыпал в руку патроны и убрал их в ящик стола. После этого протянул револьвер мне, я положил его на прежнее место. Освальд по-прежнему всхлипывал, как-то съежился и безучастно наблюдал за нашими манипуляциями с его оружием. Павел встал, налил стакан воды из графина и протянул Освальду, он отпил немного и поставил стакан перед собой.

В это время в кабинет буквально влетел Олег со спортивной сумкой и изумленно остановился, оглядывая всю нашу компанию. Я взглянул на часы. Было начало одиннадцатого, на волейбол мы опоздали».

Касаясь переписки с советским посольством в США, тоже по поводу переезда в Союз, Освальд отозвался о сотрудниках консульства как о равнодушных чиновниках, которые казенно отнеслись к его просьбе и просто не хотят его понять.

Постепенно он стал успокаиваться, очевидно, смирившись с тем, что не сможет вот так, на скорую руку, получить от нас визу. К предложенным бланкам анкет не притронулся. Состояние сильного возбуждения сменила подавленность. Когда ему дали понять, что тема разговора исчерпана, Освальд поднялся со стула и стал запихивать револьвер то ли под куртку, то ли в карман, то ли за пояс. Обращаясь к Валерию, он опять что-то сказал по поводу слежки. Павел достал из ящика стола патроны, протянул их Освальду, который опустил их в карман куртки. Попрощались, кивнув друг другу.

Уходя, Освальд все твердил, что боится возвращаться в США, так как там его убьют, и грозился защищаться, если от него не отстанут.

После ухода Освальда мы втроем остались в консульстве, чтобы обменяться впечатлениями об этом странном посетителе. Его нервозность во время разговоров, сбивчивая, подчас не очень логичная речь, стремление уйти от ответов на конкретные вопросы, переходы от сильного возбуждения к подавленному состоянию давали основание предположить, что у него неустойчивая психика или по крайней мере сильное расстройство нервной системы. Насколько был обоснован его страх за свою жизнь в США, нам трудно было судить, ибо он уклонялся от прямого ответа на вопрос, кто угрожает его убить.

Но хотя его приезд в Мексику и был расценен нами как некая блажь, мы решили все же доложить в общих чертах в Центр о его посещениях.

Договорились между собой, что Павел и Валерий тотчас же поставят в известность резидента и предложат проект шифровки в Москву, включив туда информацию о визите Освальда в посольство накануне. В тот же день сообщение должно было пойти в Центр. Какой-либо реакции оттуда не последовало, но мы на это и не рассчитывали, так как

сообщали «для сведения».

Резиденту об Освальде мы доложили, но не до волейбола, как планировали накануне, а вместо него. Команда дипломатов проиграла, возможно, отчасти и из-за нашего отсутствия. Но могли ли мы тогда предполагать, что, пропустив волейбольную игру посольского масштаба, мы стали участниками трагической международной загадки, не разгаданной по сей день.

Несколько дней после беседы с психованным субботним посетителем мы испытывали чувство вины за поражение нашей волейбольной команды, в игре которой мы не смогли участвовать. Но долго предаваться унынию нам не пришлось: в начале октября в посольство и к нам, в резидентуру, из Москвы поступили сообщения о предстоящем в этом месяце визите в Мексику первого космонавта Юрия Гагарина и первой женщины, летавшей в космос, – Валентины Терешковой. По линии посольства на консульский отдел возлагалась ответственность за встречу космонавтов в аэропорту и доставку их в посольство, и много хлопот предстояло в последующие дни. Ну а указание Центра резидентуре было привычным – обеспечение безопасности делегации.

После отъезда космонавтов началась подготовка к празднованию очередной годовщины Великой Октябрьской революции, а затем наступила пора подведения итогов года и составления плана работы на следующий.

За всеми повседневными заботами в течение этих двух месяцев мы абсолютно забыли о нашем странном сентябрьском посетителе, о котором тогда сочли целесообразным информировать Центр. Мы и думать не думали, что наше сообщение о нем, превратившееся потом в наш спасательный круг, не только держится на плаву, но и попало, как говорится, «в струю» и мотается от берега к берегу, то есть от организации к организации. Чтобы узнать подробности, перенесемся, как пишут в романах, из Мехико в Москву.

КАК ПЕРЕДВИГАЛАСЬ «ФИШКА»

В начале 1960-х годов американское направление внешней контрразведки Первого главного управления КГБ, преобразованной в Службу № 2, занимало несколько кабинетов на седьмом этаже известного здания на Лубянке, до революции принадлежавшего страховому обществу «Россия». В среде чекистов в разговорах между собой это здание обычно называли «Дом 2» в отличие от пристроенного после войны большого корпуса со стороны Мясницкой улицы (тогда улицы Кирова), которое именовали «Дом 1», где в тот период располагался почти весь Первый главк, за исключением, по-моему, внешней контрразведки, информационной и оперативно-технической служб.

В заботы Службы № 2 входило обеспечение за рубежом безопасности советских учреждений и граждан – как тех, кто находился в длительных командировках, так и тех, кто выезжал в составе разного рода делегаций и немногочисленных в те годы туристских групп.

В большей или меньшей степени, в зависимости от страны, в поле зрения внешней контрразведки находились и лица, которые посещали другие государства по так называемому каналу частного выезда, то есть по приглашениям родственников или знакомых (последнее было тогда редким явлением). Существовала консульская норма, выработанная не без участия органов госбезопасности, согласно которой каждый

советский гражданин, прибывший в другую страну по «частному выезду», был обязан в кратчайший срок отметиться в ближайшем советском консульском учреждении, лично посетив его или в крайнем случае позвонив по телефону. Уклонение от выполнения такой инструкции, с которой знакомились перед выездом из Союза, рассматривалось как нарушение «норм поведения советских граждан за рубежом». Однако контролировать ее соблюдение было очень трудно, и она чаще нарушалась, чем соблюдалась. В консульствах за рубежом имелись учеты на советских граждан, временно или постоянно проживающих в той или иной стране.

Через внешнюю контрразведку канализировались из резидентур и материалы о въезжавших туристах-иностранцах и советских и иностранных гражданах той же категории «частного», но уже не выезда, а въезда. Поступали из Консульского управления МИДа заполненные анкеты на туристов, просьбы о посещении родственников или о возвращении в Союз на постоянное жительство лиц, ранее по разным причинам выехавших из СССР.

Обработка всех этих материалов была рутинной, повседневной работой сотрудников Службы № 2, отнимала много времени, не приносила особого удовлетворения, так как если кто-нибудь из таких лиц и становился объектом разработки того или иного подразделения, то, следуя законам конспирации, спасибо тем, от кого получены были эти материалы, никто не говорил. Естественно, такое отсутствие обратной связи не давало оперработнику ощущения полезности проделываемой работы, что порождало определенную отчужденность и элементы формализма в использовании упомянутых материалов.

Безусловно, внешняя контрразведка, пропуская через свое сито сведения на иностранцев, не обижала и себя, рассматривая и оценивая полученный товар в первую очередь с точки зрения пригодности для решения собственных задач.

Другой стороной деятельности сотрудников внешней контрразведки была постоянная работа по проникновению в иностранные спецслужбы. В мире противоборства специальных служб существует неписаный закон – хочешь обеспечить собственную безопасность, имей источники информации во вражеском стане, в подобных себе организациях. Проникновение в спецслужбы той страны, где в составе «легальной» резидентуры действуют сотрудники внешней контрразведки, позволяет ей решать многие задачи. Располагая информацией о деятельности местной контрразведки, резидентура может, во-первых, с максимальной эффективностью строить свою разведывательную деятельность, во-вторых, предотвратить возможные вербовочные и иные акции спецслужб как против разведчиков, так и против «чистых», то есть не принадлежащих к разведке, сотрудников советских учреждений.

Кроме того, источники в местных органах безопасности нередко предоставляют весьма ценную политическую информацию, сведения о внутри– и внешнеполитических намерениях властей разведываемой страны.

Естественно, что это направление разведывательной работы архисложно, поскольку речь идет о столкновении с профессионалами из той же сферы деятельности плюс хозяевами положения на территории своей страны, которые прекрасно владеют тактикой и технологическими приемами вербовочной работы и работы с уже имеющейся агентурой. Но зато, разрабатывая ту или иную комбинацию по установлению контакта с интересующим лицом или вырабатывая условия связи с ценным источником в жесткой контрразведывательной обстановке, оперативник испытывает величайшее

удовлетворение, хотя каждый шажок, малейшее продвижение к намеченной цели – проникновению в иностранную службу, не говоря уже о конкретном результате – вербовке агента в спецслужбе противника, подчас поглощает месяцы и даже годы.

Весь этот пространный рассказ о деятельности внешней контрразведки в начале 1960-х годов понадобился для того, чтобы читателю было легче понять ту конкретную ситуацию, речь о которой пойдет ниже.

В одном из кабинетов на седьмом этаже «Дома 2» на Лубянке в 1963 году трудился один из молодых, недавно пришедших во внешнюю контрразведку сотрудников – Юрий Павлович Мостинский. Хорошее знание английского языка обусловило его назначение в американское направление внешней контрразведки. Как было принято в те времена, молодым с первых шагов поручались дела по оперативным разработкам. Для новичков это являлось серьезной проверкой, поскольку нужно было следить за развитием разработки, анализировать поступающие из резидентур материалы и давать по ним рекомендации – короче говоря, выполнять ту направляющую роль разведывательного Центра, которая совместно с действиями «периферии» (резидентуры) должна довести объект разработки до конечной Цели – привлечения к сотрудничеству. Начальство исходило из того, что начинающий работник при ведении таких дел быстро приобретает навык оперативного анализа, развивает творческое мышление, видит правильные шаги и промахи сотрудника резидентуры, которого ему, вероятно, придется сменить после окончания командировки последнего. Чаще всего молодые сотрудники вели оперативные разработки под присмотром, в хорошем смысле, более опытных старших товарищей, обычно тех, в чьем производстве ранее находились эти дела. Таким образом, не нарушая конспирацию, с ними можно было посоветоваться, как лучше составить ответ на запрос резидентуры, сформулировать рекомендации, чтобы не обидеть сотрудника загранточки, отредактировать проект письма для подписи у руководства. Как правило, старшие относились доброжелательно и выражали готовность помочь, если молодой с самого начала не проявлял заносчивости.

Но наряду с живыми делами такого рода молодым поручался обычно и участок рутинной работы, не требующей особых размышлений, но дающей полезные знания о взаимодействии подразделений разведки и контрразведки, различных гражданских ведомств с органами госбезопасности, КГБ, МВД и т. д. Как раз таким участком для Юрия Мостинского и было ведение переписки по запросам о въезде и выезде советских граждан в США (куда впоследствии его должны были послать в длительную командировку), а также рассмотрение и рассылка по заинтересованным адресатам поступающих из консульского управления МИДа анкет иностранных туристов.

Не без подсказки умудренных опытом сослуживцев Юрий уже успел отработать определенную методику: если при беглом просмотре названных материалов, которые поступали не каждый день, было видно, что особой срочности в исполнении не было, он складывал их в одну папку, а потом, выбрав время, чохом приступал к реализации. Это позволяло больше времени тратить на оперативные дела и не создавало рваного ритма в работе.

В один из сентябрьских дней 1963 года Юрия вызвал к себе в кабинет его начальник, Павел Александрович К., попросив принести с собой запрос из консульского управления о Прусаковой-Освальд.

– Послушай, здесь случай особый, – сказал он. – Речь идет о возвращении Прусаковой к своим родственникам в Ленинград. Но муж у нее американец, она вышла за него замуж в

Минске, а год назад они вместе уехали в США. Он приехал сюда как турист, потом стал невозвращенцем. Бывший морской пехотинец. Год или больше назад, помню, спрашивали наше мнение в связи с оформлением их выезда, мы ответили, что он для нас интереса не представляет. Кажется, это ее вторая просьба о приезде. Будь добр, выясни, что там, в Ленинграде, как смотрят на приезд. Когда все соберешь, подготовь заключение и доложи. Давай действуй.

Вернувшись к себе, Юрий внимательно прочитал запрос, из которого следовало, что у Марины Прусаковой-Освальд в Ленинграде проживают отчим и другие родственники. Она со своим мужем, Ли Харви Освальдом, американским гражданином, просила разрешения приехать в Ленинград на постоянное жительство. Поездка намечалась на ноябрь – декабрь 1963 года.

Весна 1992 года. Мы с Юрием Павловичем, для меня Юрой, полковником в отставке, сидим в его уютной московской квартире и пьем чай. Нам легко вести разговор – за плечами более четверти века совместной работы. Разведывательной деятельностью мы занимались в разных странах, но, оказываясь в Центре в промежутках между командировками, трудились в одном подразделении – во внешней контрразведке Первого главного управления. Ну а последние пять лет мы вместе «заряжали» действующих разведчиков новыми знаниями на факультете повышения квалификации Института имени Андропова. В свойственной ему неторопливой манере Юрий излагает события тех далеких дней: «Вернувшись от П. А., я еще раз перечитал документ и наметил план действий. Прежде всего надо поднять выездное Дело на Прусакову и после ознакомления с ним решить, кому и куда направить запросы. Я поднял дело из архива. Дело на Прусакову, как практически все дела спецпроверки, или «выездные», было тощим.

В деле содержались обычные материалы спецпроверки. Но, как мне помнится, оно было заведено вначале на ее мужа Ли Харви Освальда, а затем туда же были подшиты бумаги на Прусакову (ставшую Освальд) в связи с их оформлением на выезд в США. Следующим моим шагом был запрос в Управление КГБ Ленинградской области с просьбой через местный ОВИР выяснить готовность родственников Прусаковой принять ее с мужем в указанные сроки и предоставить им необходимые условия проживания. Выяснение таких вопросов являлось обязательным, когда возникал вопрос о частном въезде из-за рубежа. Поскольку в сведениях о муже заявительницы было сказано, что он до возвращения в США проживал в Минске, я проинформировал КГБ Белоруссии о поступившей просьбе жены Освальда. Сейчас не помню, сколько времени прошло до получения из Ленинграда ответа на мой запрос. В письме говорилось, что, как удалось выяснить, проживающий в Ленинграде отчим Прусаковой не имеет никакого желания принимать в этом году у себя падчерицу с зятем. Отношения между отчимом и Мариной были весьма напряженными. Он характеризовал ее как женщину легкого поведения. С его слов, ее главным стремлением было выйти замуж за иностранца и выехать с ним за границу, что она и осуществила, находясь в Минске.

Какой-либо оперативной переписки в нашем подразделении по Освальду и его жене я не обнаружил, что свидетельствовало об отсутствии интереса к ним, ибо в противном случае такие материалы обязательно прошли бы через нас, коль скоро речь шла о Соединенных Штатах. Все это вместе взятое дало мне основание подготовить проект заключения о нецелесообразности приезда четы Освальд в Союз по частному въезду в текущем году. Я отнес его П. А., который слегка подправил его редакционно и довольно быстро подписал у руководства. Мне осталось только отправить документ в Консульское управление, что я

незамедлительно и сделал.

Вскоре после этого к нам в Службу № 2 в качестве ответа на мой запрос поступило письмо от председателя КГБ Белорусской ССР.

Не помню, были ли в нем приведены веские оперативные аргументы, подкрепляющие просьбу, но, кажется, мы даже не готовили ответа. Возможно, руководство сообщило в Минск по ВЧ о нашем негативном заключении. Поезд, как говорится, ушел. А приди это письмо чуть раньше, оно могло бы и повлиять на принятие решения. Тогда, по молодости, мне подумалось: «Странно, почему, когда Центр не проявляет заинтересованности в этих лицах, республиканский комитет суетится, зачем ему лишняя головная боль?»

Когда после покушения на президента Кеннеди из американских газет я узнал, что ФБР обнаружило на квартире Освальда среди его документов официальный ответ с отказом на просьбу о въезде в Союз, я задумался. А какова была бы реакция, если бы вместо него оказался документ, разрешающий въезд в сроки, совпадающие с покушением на жизнь американского президента? Вот оно, косвенное «доказательство» причастности Советов к действиям предполагаемого убийцы, собиравшегося скрыться в СССР после совершения теракта. Уж лучший подарок для определенных кругов в тот момент трудно было себе представить.

Но все это рассуждения постфактум. А тогда, отправив заключение на просьбу Прусаковой, я занялся своими повседневными заботами, на время вообще забыв об этом эпизоде. Я уже приступил к подготовке предстоящей длительной командировки в США, но это не освобождало меня от текущей работы, а поскольку людей в направлении недоставало, то каждый трудился, как говорится, и за того парня».

Документальное подтверждение воспоминаний Юрия Павловича Мостинского я обнаружил в одном из томов оперативного дела на Налима в октябре 1992 года в Минске. Служба № 2 Первого главного управления тогда действительно запросила мнение КГБ Белоруссии о целесообразности выдачи разрешения на въезд в Союз семьи Освальд в связи с их обращением в посольства в Вашингтоне и Мехико. Исполнителем этого документа значится Юрий Павлович.

8 октября 1963 года из КГБ за подписью заместителя начальника Учетно-архивного отдела Аряхлова в МИД СССР было направлено письмо, в котором в связи с поступлением спецсообщения № 550 из Мехико от 3 октября 1963 года просили выслать ходатайство о въезде в СССР семьи Освальд на постоянное жительство для рассмотрения в установленном порядке. Письмо было адресовано на имя начальника Консульского управления МИДа Власова.

На обороте этого письма, хранящегося в названном деле, имеется справка, что Прусакова М.Н. ходатайствовала одна, без мужа, о возвращении в Советский Союз к родственникам, проживающим в Ленинграде. Далее в ней сказано, что МИДом СССР по согласованию с местными органами Ленинградской области 7 октября 1963 года Прусаковой отказано во въезде в Союз. Ходатайство ее мужа о возвращении в Советский Союз в МИД еще не поступало. Справка датирована 16 ноября 1963 года.

25 октября 1963 года в МИД СССР из КГБ было направлено письмо следующего содержания:

«Заместителю министра иностранных дел

тов. Кузнецову В.В.

По сообщению тов. Базарова, в советское посольство в Мексике обратился гражданин

США Освальд Ли с просьбой выдать ему визу на въезд в СССР на постоянное жительство…».

Далее в письме изложены обстоятельства его обращения в 1959 году с заявлением о принятии в советское гражданство, о попытке самоубийства, о предоставлении временного проживания, об условиях жизни в Минске.

«…С января 1961 года Освальд, вопреки своему заявлению о невозможности его проживания в США, стал настойчиво добиваться разрешения на выезд из СССР, в связи с чем установил переписку с посольством США, а в июле 1961 года с этой целью вместе с женой посетил американское посольство.

В 1962 году Освальду и его жене был разрешен выезд в США, в июне месяце они выбыли из Советского Союза. По нашему мнению, разрешать Освальду въезд в Советский Союз нецелесообразно.

Заместитель председателя КГБ С. Банников».

Вот какие воспоминания сохранились о том периоде у В.Е. Семичастного:

«Вопрос. Было ли вам известно о попытках Освальда и его жены вернуться в Советский Союз? Что делалось в связи с этим КГБ?

Ответ. Да, помню, один раз докладывали. Но с нашей стороны однозначно было сказано – ни в коем случае. Мы были против возвращения даже не столько по каким-то политическим мотивам, но по соображениям материального характера: зачем впустую выбрасывать деньги на его изучение, содержание, не получая взамен никакой отдачи. Он для нас был абсолютно неинтересен. Но в копеечку за время проживания в Союзе Освальд влетел нам в приличную, да еще и головную боль своими метаниями создавал не раз.

Вопрос. Было ли вам известно о поездке Освальда в Мексику в сентябре 1963 года?

Ответ. О приходе Освальда в наше посольство в Мексике я узнал только после покушения на Кеннеди. Спросил об этом Сахаровского, тот подтвердил такой факт и сказал, что из резидентуры тогда была шифротелеграмма».

При содействии руководства Центрального архива Министерства безопасности Российской Федерации в моем распоряжении оказался документ, свидетельствующий о том, как спасительная для нашей резидентуры информация о визитах Освальда в посольство, превратившись в Москве в «фишку», передвигалась по столам высших государственных деятелей страны.

Сразу после известия о покушении на президента США в Далласе на имя заместителя председателя Совета Министров СССР была направлена из КГБ записка (документ, в других странах именуемый обычно меморандумом), которая начиналась следующим образом: «Совершенно секретно Экз. 2 Товарищу МИКОЯНУ А.И. 23 ноября 1963 г. В связи с сообщениями зарубежных агентств об аресте американскими властями Ли Освальда, причастного якобы к убийству президента США, сообщаю следующие известные данные».

Далее следовал хорошо знакомый перечень сведений об обстоятельствах приезда Освальда в Союз, его желании стать советским гражданином, попытке самоубийства в связи с отказом в этом, женитьбе на советской гражданке и последующем отъезде в США, о предпринимаемых попытках вернуться в СССР. Но для меня, по понятным причинам, самым важным был следующий абзац записки: «В октябре 1963 г. Освальд посетил

советское посольство в Мексике и снова обратился с просьбой предоставить ему политическое убежище в СССР, ссылаясь на то, что его, как секретаря прокубинской организации, преследуют агенты ФБР. Это ходатайство Освальда было рассмотрено МИД СССР и КГБ при СМ СССР и отклонено по тем же мотивам, по которым были отклонены его предыдущие просьбы».

Цитируемый документ подписан председателем КГБ Владимиром Семичастным.

Так, только в процессе работы над книгой, почти 30 лет спустя, сам я увидел, где «плавал» и какую роль играл тогда наш «спасательный круг» – информация, отправленная в Москву о приходе Освальда в посольство в Мехико. Правда, сами эти сообщения мне пока разыскать не удалось, но я намерен продолжить поиски.

Рассказывает бывший сотрудник резидентуры КГБ в Вашингтоне полковник в отставке В.А. Герасимов: «В период 1963–1964 годов я входил в состав резидентуры КГБ в Вашингтоне, являлся сотрудником внешней контрразведки и был работником группы «КР», отвечавшей за безопасность советских учреждений и граждан в американской столице. По прикрытию выполнял консульские функции. Моим участком работы были советские граждане, постоянно проживающие в Соединенных Штатах.

Как я припоминаю, поступившее летом 1963 года письмо от Марины Прусаковой (Освальд) в посольство с просьбой о возвращении на Родину консул Резниченко расписал мне на исполнение с учетом моих функций по прикрытию. Ознакомившись с письмом, я начал переписку с заявительницей. Хотя на консульском ответе с объяснением всей процедуры оформления ее просьбы стояла фамилия консула, но подписывал за него я. Через некоторое время от Прусаковой поступили все необходимые для начала оформления документы, и я уже намеревался все направить в Москву, в Консульское управление, но Резниченко остановил меня и предложил запросить Прусакову о причинах желания поехать в Союз. Это потребовалось для принятия сначала решения в посольстве, а потом и подготовки аргументированного запроса в Консульское управление МИДа. Такие случаи в нашей практике встречались, когда не все было ясно, мы запрашивали дополнительные данные. Насколько помню, ответа на это наше письмо от Прусаковой не последовало, и сейчас я затрудняюсь сказать, послали ли мы ее заявление с уже имевшимися документами в Москву или нет. Входе этой переписки с Прусаковой на ее мужа мы вообще внимания не обращали. Что же касается резидентуры, то какими-либо оперативными или иными сведениями об Освальде до покушения мы не располагали. Если бы такие материалы поступили из Центра, то с учетом полученных нашими внутренними органами данных на него и жену они обязательно бы попали именно в группу контрразведки, а там, скорее всего, ко мне, учитывая мое прикрытие. Возвращаясь к заявлению Прусаковой, хочу сказать, что у нас вызвало удивление ее стремление вернуться назад после совсем недавнего приезда в США. Вообще такой категории, как она, в тот период в США проживало всего несколько человек».

Однако оба мои коллеги (Ю.П. и В.А.) заблуждаются. Один не знал, что заявление Марины Николаевны, минуя его, все же попало в Центр из Вашингтона, а второй, не обнаружив материалов по данному вопросу в своих делах, решил, что до него никто этим не занимался. В бюрократическом делопроизводстве элементарно могло случиться, что кто-то, возможно, в отсутствие В.А. Герасимова все же отправил просьбу жены Освальда в МИД СССР, оттуда она автоматически попала в Службу № 2 ПГУ на рассмотрение, а исполненные по ней документы «осели» затем в одном из многочисленных дел оперативной переписки, вне поля зрения Ю.П.

9 апреля 1963 года в адрес председателя КГБ БССР из Службы № 2 ПГУ был направлен запрос, в котором говорилось: «По полученным нами сведениям, проживающая в настоящее время в США Освальд Марина Николаевна (девичья фамилия Прусакова) изъявляет желание вернуться в Советский Союз». Далее излагались уже известные нам данные о ней и упоминалось, что в 1961 году в Минске проживал дядя Прусаковой – Илья Васильевич, служащий Министерства охраны общественного порядка. Запрос заканчивался словами: «Просим дать указание проверить и сообщить, что известно об Освальд М.Н. и ее муже».

Содержание этого запроса свидетельствует, что исполнявший его оперработник понятия не имел о наличии архивного дела спецпроверки на Освальда и его жену и, очевидно, не удосужился проверить их по оперативным учетам. В письме в Минск он запрашивал данные, которые давно имелись в указанном деле. Тем не менее 16 апреля из Белоруссии на имя начальника Службы № 2 ПГУ поступил ответ. В нем излагались материалы на Освальда, данные о Марине и ее родственниках, говорилось, что в июне 1962 года Освальды выехали в США и после отъезда переписывались со своими «связями». В одном из писем Освальд сообщал, что по возвращении на родину он преследованиям не подвергался, но однажды к нему приходили двое сотрудников ФБР и «задавали много глупых вопросов»! Письма Прусаковой были сдержанными. Выражая удовлетворение прибытием в Америку, она «восхвалений так называемого «американского образа жизни» не допускала». В документе было также отмечено, что «в Минске Освальд и Прусакова жили недружно, часто ссорились между собой, по характеру оба вспыльчивы». Далее было сказано: «Данными о поведении супругов Освальд в Америке не располагаем». Ответ заканчивался следующей фразой: «Со своей стороны считал бы целесообразным не препятствовать возвращению Прусаковой на Родину». Письмо подписано председателем КГБ при СМ БССР.

Следующее письмо из Белоруссии поступило в Службу № 2 ПГУ 21 октября (в ответ на запрос от 8 октября). В нем говорилось, что «приезд семьи Освальд, после их непродолжительного проживания в США, можно было бы использовать в пропагандистском плане, в выгодном для нашей страны свете». Как сообщалось, вопрос этот был согласован с ЦК КПБ. Письмо вновь подписал председатель КГБ при СМ БССР.

Однако, поскольку в Центре уже было принято решение о нежелательности возвращения семьи Освальд в СССР, в Минск был отослан ответ следующего содержания:

«Решением МИД СССР от 7.10.1963 г. Освальд (Прусаковой) М.Н. было отказано в возвращении в Советский Союз. Основанием этого решения явился отказ ее отчима, проживающего в Ленинграде, принять ее у себя. Муж Прусаковой, Ли Харви Освальд не подавал заявление о въезде в СССР.

Ваше письмо направлено в УАО КГБ при СМ СССР для использования в случае повторного решения вопроса о возвращении Освальд в Советский Союз.

Начальник Службы № 2 ПГУ
22 ноября 1963 г.».

Обратите внимание на дату подписания письма!!!

ХРОНИКА РОКОВЫХ ДНЕЙ

МЕХИКО. РЕЗИДЕНТУ РА КГБ

«Le mataron! Mataron al Presidente de los Estados Unidos! Mataron a Kennedy!» [1 - Убили! Убили президента Соединенных Штатов! Убили Кеннеди! (исп.).].

Эти слова донеслись до моего слуха с улицы, через открытое окно кабинета консульского отдела. Выскочив в посольский двор, я увидел мексиканку средних лет, которая, судорожно схватившись за металлические прутья наших ворот, рыдая, непрерывно выкрикивала, что убит президент Кеннеди. Я бросился обратно и включил стоявший в консульстве приемник. По радио шли сообщения, что в Далласе в госпитале скончался президент Соединенных Штатов Джон Кеннеди. Он погиб в результате покушения во время проезда по городу в открытой автомашине.

Должен признаться, что не помню, чтобы такая весть сразу задела меня за живое в чисто эмоциональном плане – слишком абстрактным человеческим существом был для меня президент Соединенных Штатов. Но я считал его сильным политиком и испытывал к нему уважение как к уверенному в себе и разумному противнику. Наши пути, если можно так выразиться, до этого пересекались уже дважды, конечно, не напрямую.

Летом, по-моему в июне, 1962 года меня неожиданно вызвали из Мексики в Центр, где в течение недели я интенсивно готовился к приему на связь агента, который должен был прибыть на несколько дней в Мексику из США. Мне предстояло основательно с ним поработать, в частности обучить комплексу шпионской технологии – секретному фотографированию документов, тайнописи, чтению микроточек, снабдить необходимым оборудованием и после соответствующего инструктажа отправить обратно. И надо же такому случиться, что его приезд совпал с официальным визитом президента Кеннеди в Мексику. Понятно, что при таких мероприятиях оперативная обстановка резко осложняется, ужесточается контрразведывательный режим, усиливается контроль над приезжающими, в данном случае как раз из США. Из-за случайности наш человек может попасть в поле зрения спецслужб и подвергнуться дальнейшей проверке. Вернувшись из Москвы задолго до обусловленной встречи и ознакомившись с обстановкой, я испытывал определенный дискомфорт, чтобы не сказать больше.

После установления контакта с агентом по «железным условиям связи», то есть по паролю в определенном месте, я должен был продолжить работу с ним на конспиративной квартире. Квартира эта, к сожалению, была расположена всего в нескольких кварталах от нашего посольства, что тоже не очень меня радовало. Пришлось уезжать в другие районы города, чтобы проверяться на предмет обнаружения слежки, а затем «подкрадываться» к месту работы. Слава богу, все обошлось благополучно, агент вернулся в США, мы отрапортовали в Центр о выполнении задания. Но этот визит Кеннеди в Мексику мне запомнился надолго.

Второй раз мы «встретились» с Кеннеди во время так называемого Карибского кризиса – он стал одной из главных фигур, если не центральной, в тот драматический момент. Нашей резидентуре в Мехико тогда досталось основательно. Ведь мы оказались в критической зоне, как бы в треугольнике: Москва – Вашингтон – Гавана. Центр требовал – информация, информация, информация… У меня был источник, располагавший хорошими связями с антикастровской эмиграцией в Мексике и США. Естественно, пришлось его эксплуатировать с полной нагрузкой, где-то даже в ущерб канонам безопасности. Но ведь мир стоял на грани взрыва. Встречи с моим источником

приходилось проводить не то что каждый день, но подчас и по два раза за день. Вообще все в резидентуре крутились в те дни как белки в колесе.

В тот момент, когда услышал по радио, что Кеннеди убит в результате покушения, я не мог себе еще представить, что наши пути снова пересеклись…

Слово «покушение» направило ход моих мыслей в определенное русло – как, кто, зачем? Одновременно возникла мысль о международных последствиях, сразу подумал о нашей безопасности здесь; в общем, мысли в голове неслись, перепрыгивая с одного на другое. Решил подняться в резидентуру, поговорить с резидентом о возможных дополнительных мерах безопасности в посольстве. Не помню уже, застал ли его на месте, но помню, что заходил в разные кабинеты, слушал радио. Передали сообщение, что прямо в самолете принял присягу в качестве нового президента Линдон Джонсон. Кто-то из дипломатов сказал, что арестовали убийцу, но не мог вспомнить имя. Потом я вернулся в консульство и занялся какими-то бумагами.

Вдруг спустя какое-то время в кабинет буквально влетел Валерий. Глаза у него были квадратные.

– Олег, сейчас по ТВ показали задержанного по подозрению в убийстве Кеннеди! Это Ли Освальд, тот, который был у нас в сентябре! Я узнал его! – на одном дыхании выпалил он.

– Он?!

Наверное, мои глаза стали такими же квадратными.

Вихрем вылетев из консульства, мы стремглав помчались в здание посольства, где у телевизора в гостиной на первом этаже собрались, пожалуй, все, кто в это время находился в посольстве. Мы не очень вежливо отодвинули кого-то и почти вплотную прильнули к экрану. Там проплывали документальные кадры, на которых в окружении полицейских шел предполагаемый убийца. Мы с Валерием посмотрели друг на друга.

Да, без сомнения, это он, тот Ли Харви Освальд, который был у нас в сентябре, а сегодня, 22 ноября 1963 года, задержан по подозрению в убийстве президента Соединенных Штатов Америки Джона Кеннеди. Мы не могли оторвать глаз от телевизора. Естественно, в холле мы не комментировали свое открытие, но когда вышли на улицу, переглянулись и, не сговариваясь, в один голос произнесли фразу, которую едва ли удалось бы выразить на любом другом языке, кроме русского. Мы находились в состоянии шока.

Вспоминает Валерий: «22 ноября, днем, я ехал по городу в автомашине, слушая радиоприемник. Вдруг передача прервалась, и передали экстренное сообщение, что в Далласе убит президент Кеннеди. Я ехал по делу в какое-то учреждение, даже не припомню какое, помню только, что там царил переполох, никто не работал, все слушали радио и бурно обсуждали случившееся. Возвращаясь в посольство, я, конечно, снова слушал радио и узнал, что задержан предполагаемый убийца. Когда назвали его имя – Ли, – оно сразу резануло мне слух и показалось знакомым. Но я отвлекся, вникая в другую информацию, однако потом все же вспомнил, что нашего посетителя звали так же странно. Вернувшись в посольство, я встретил во дворе Павла и поделился с ним своими подозрениями – не является ли задержанный тем нашим гостем.

В это время кто-то сказал, что по ТВ идет трансляция из Далласа. Я на ходу бросил Павлу:

– Пойду взгляну, что передают, и потом поднимусь к нам (в резидентуру. – О.Н.).

В холле собрались посольские, наблюдая за происходящим в Техасе. Найдя удобное

местечко, я устремил взгляд на экран, где как раз показывали задержанного полицией предполагаемого убийцу президента. Сначала я даже не поверил своим глазам, но потом остолбенел. В кольце полицейских, в наручниках, с подбитым глазом, шел тот гринго, тот Ли Харви Освальд, который два месяца назад испытывал наши нервы и испортил нам спортивную субботу. Все еще не желая верить увиденному, я выскочил из холла и бросился в консульство, чтобы скорее найти Олега или догнать Павла. Увидев в кабинете Олега и сообщив ему, кого я узнал по ТВ, я вместе с ним бегом вернулся в холл. Поскольку в ходе прямой трансляции разные куски хроники из Далласа повторяли, я уже смотрел больше на Олега, на его реакцию на появление подозреваемого на экране. Когда Освальд появился в кадре, я увидел, как Олег вздрогнул, дернулся ближе к телевизору, готовый, по-моему, влезть в него. Через несколько мгновений он повернулся ко мне и молча утвердительно кивнул. Сомнений не было – он тоже узнал сентябрьского визитера. Мы встали, вышли на улицу и, посмотрев друг на друга, в один голос крепко выругались.

– Ты знаешь, я еще в городе, в машине заподозрил неладное, когда услышал это «Ли». Когда вернулся, встретил Павла и высказал свои подозрения. Теперь все ясно, это он. Слушай, я побегу к шефу, ведь он еще ничего не знает.

– Давай, – ответил Олег, – а я пойду проинструктирую дежурного коменданта, а то сейчас трудно предположить, что может начаться. Ведь там известно, что он жил в Союзе, поднимут шумиху… А если вдобавок узнают, что он был здесь… Вот ведь попали… Потом я тоже поднимусь».

Вот что сохранилось в памяти Павла Яцкова о подробностях того дня: «Где-то в середине дня, в пятницу, 22 ноября, я забрал жену и дочь, гулявших в саду посольства, и повез их к детскому врачу то ли на прививки, то ли еще зачем-то. Пока они были в кабинете у доктора, я, расположившись в его приемной, просматривал свежие иллюстрированные журналы. Вдруг из кабинета выбежал бледный доктор и, обращаясь ко мне, почти выкрикнул: «Убили президента Кеннеди!» Оказалось, что ему позвонила родственница из Далласа и сообщила, что там в результате покушения убит президент США Кеннеди. Забрав своих и попрощавшись с доктором, я завез их домой и немедленно направился в посольство. Первым, кого я встретил там из наших, был Валерий. Он сразу подошел ко мне и негромко сказал: «По радио передавали, что задержан предполагаемый убийца Кеннеди, и назвали его – Ли Освальд. Слушай, не тот ли это псих, что был у нас в сентябре? Нужно срочно доложить резиденту. Я пока зайду в гостиную, говорят, там по ТВ идет трансляция из Далласа, а в случае чего разыщу тебя».

Я направился к послу, чтобы обсудить какой-то вопрос, связанный с консульством. Вскоре в его кабинете раздался телефонный звонок, он снял трубку и, обернувшись ко мне, произнес: «Вам нужно срочно подняться наверх»».

Вновь восстанавливает картину тех часов Валерий: «В нарушение существовавшего порядка я вошел в кабинет резидента, когда ему докладывал кто-то из оперработников, и, даже забыв извиниться, воскликнул:

– Это он, он! Сейчас по телевизору мы с Олегом опознали его! Это тот, который дважды был у нас в сентябре!

Резидент поднял на меня глаза, всем своим видом выражая неудовольствие моим появлением.

– О чем ты, что ты врываешься и шумишь? – обратился он ко мне.

Когда я рассказал ему об увиденном по телевизору, шеф, человек суровый и малоулыбчивый, вдруг ухмыльнулся:

– Ну что ж, друзья, наше счастье, что о тех визитах мы своевременно информировали Центр. В темпе готовьте телеграмму и обязательно сошлитесь на номер шифрограммы, которой мы сообщали об Освальде в сентябре. Валерий, садись и пиши. Где Павел и Олег? – продолжил шеф.

– Олег пошел инструктировать коменданта, а Павел, кажется, у посла, – ответил я.

– Пусть Олег тоже поднимется, нужно подумать, что нам еще предпринять по безопасности, – сказал резидент, затем поднял трубку и по внутреннему телефону позвонил послу. Удостоверившись, что Павел действительно там, он попросил, чтобы он срочно зашел к нему».

В Москву с пометкой «Вне очереди» или «Срочно», сейчас точно не помню, полетела шифровка с сообщением о том, что в показанной из Далласа телевизионной передаче предполагаемый убийца президента Кеннеди – Ли Харви Освальд – опознан нами как посетитель нашего посольства в Мехико в сентябре сего года, о котором резидентура информировала Центр шифротелеграммой за таким-то номером от такого-то числа. Вот он, спасательный круг!

Одновременно мы сообщали в Центр, что с учетом возможного обострения оперативной обстановки будут приняты дополнительные меры по обеспечению безопасности посольства и других советских учреждений в Мексике, а также «советской колонии» (так в нашей служебной переписке именовались все советские граждане, находящиеся в командировке в той или иной стране, и члены их семей). Через посла руководителям различных учреждений сразу были даны указания ограничить выход в город своих сотрудников и членов их семей. Введены усиленные дежурства дипломатического состава на территории посольства, проверены противопожарные средства, резервные источники электроэнергии, проинструктированы дежурные коменданты. В общем, мы готовились к худшему.

Сейчас это может и удивить, и показаться странным и непонятным, так как трудно представить себе, какие заботы ложились на наши плечи в тот исторический момент.

Ведь мы еще не знали, что кроется за покушением на американского президента – заговор каких-то внутренних сил, участие международных организаций либо других государств или что-то другое. Но даже если стрелял один только Освальд, без чьей-либо помощи, в той накаленной обстановке холодной войны уже достаточно было ткнуть в него пальцем и закричать: «Он жил в Советском Союзе, он женат на советской гражданке, он переписывался с советским посольством в Вашингтоне, он переписывался с компартией США, он член Комитета справедливого отношения к Кубе (КСОК), и он, наконец, за два месяца до покушения посещал советское и кубинское консульства в Мехико!» – чтобы был сделан вывод: виноваты русские или кубинцы. А может быть, как раз поэтому он и был кем-то избран? Но в том, что наша служба к этому непричастна, у нас сомнений не возникало – именно в силу перечисленных обстоятельств биографии Освальда.

После отправки сообщения, собравшись втроем, мы вновь и вновь пытались восстановить в деталях свое общение с Освальдом, сопоставить все «за» и «против» его возможного участия в покушении.

Легко ли тогда было это сделать? Тогда, в сентябре, Освальд находился в поле нашего зрения примерно два с половиной часа. Время контакта с ним каждого из нас было разным. Дольше всех с ним общался Валерий: он первый встретил его 27 сентября, когда беседовал с ним минут десять-пятнадцать, и провел с ним почти всю вторую встречу. Я

говорил с ним минут сорок – сорок пять в первый день и несколько минут видел и слышал его во второй. Павел беседовал с Освальдом только во второй приход, но зато более часа. Таким образом, мы с Валерием могли сравнивать состояние и поведение Освальда во время двух визитов, а Павел мог судить лишь по впечатлениям от второй встречи.

Для всех троих визит Освальда был неожиданным – никогда ранее мы его не видели и никакой предварительной информацией о нем не располагали. Все сведения носили автобиографический характер, то есть были сообщены им самим. От поставленных уточняющих вопросов он в основном уклонялся, отделываясь общими фразами и уходя от ответа. Правда, определенная достоверность сообщаемой им о себе информации подкреплялась представленными им личными документами, подлинность которых не вызвала у нас сомнений. Так что основой для анализа личности Освальда нам служили его краткие автобиографические данные, состояние и поведение в ходе двух проведенных встреч. Что касается сведений биографического характера, то по тем временам они были, несомненно, из ряда вон выходящими: бывший морской пехотинец США, якобы придерживающийся марксистских взглядов, приехал в Союз и попросил политического убежища, получил вид на жительство, женился на советской гражданке, а затем вновь, уже с женой и ребенком, вернулся в США, где опять стал американским гражданином (мы ведь не знали, что он не лишался американского гражданства). В США якобы подвергался преследованиям «местных властей» и ФБР, из-за чего захотел выехать опять в СССР или на Кубу. Какой вывод из этого следовал? Безусловно, во время пребывания в Союзе он находился в поле зрения КГБ. Но каких подразделений? Внутренней контрразведки – несомненно, а разведки? Если да, то резидентуры в Штатах могли быть ориентированы о нем Центром. Но обстоятельства, при которых он объявился у нас в Мехико, и его поведение давали нам основание быть уверенными, что к агентуре нашей службы Освальд не принадлежит. Почему он вообще не мог стать нашим агентом, я попытаюсь более подробно объяснить в другой главе.

В практике нашей разведки случалось, что агент, потерявший связь в своей стране или не имеющий возможности ее там поддерживать в результате резкого осложнения контрразведывательного режима, выезжает в другую страну (обычно с менее жестким режимом безопасности) и пытается восстановить связь, в том числе и путем посещения посольства или других советских учреждений.

Но с Освальдом дело явно обстояло иначе: его поведение, наоборот, свидетельствовало, что никакого контакта с разведкой у него не было. Его туманный намек во время второй беседы на то, что он якобы выполняет какую-то «специальную миссию», и уход от ответа на конкретный уточняющий вопрос – какую и для кого, были расценены как стремление придать больший вес своей персоне в наших глазах и, возможно, попытаться повлиять на решение о выдаче визы.

Составить мнение о его личности для нас было более трудной задачей, ведь единственное, чем мы могли при этом руководствоваться, – визуальное наблюдение за его состоянием и поведением приблизительно в течение двух с половиной часов. Возможно, высококвалифицированным профессионалам – психологам или психиатрам – такого промежутка времени и ситуации и хватило бы для того, чтобы по определенным признакам поставить однозначный диагноз. Мы же могли судить, опираясь только на свой жизненный и оперативный опыт и некоторые познания в области психологии, полученные в процессе специальной подготовки. Но и здесь наше мнение совпало: все мы дали Освальду, может, и не совсем научное, но широко используемое в нашей повседневной

жизни определение – псих. Конечно, мы не медики и не могли однозначно утверждать, что он страдает психическим заболеванием, но в том, что это человек с явно неуравновешенной психикой, с нестабильной нервной системой, мы не сомневались. Наши мнения сходились и в том, что он не агрессивен, а скорее истеричен или снимает свое напряжение истерикой, а не действием. Когда он говорил об угрозе его жизни, то употреблял такие выражения, как «я боюсь», «я больше не могу», «мне невыносимо трудно», отражающие пассивную позицию, а не наступательные, типа: «они у меня увидят», «я им покажу», «я им дам» и тому подобные. Поэтому и произнесенная им на второй встрече фраза, что, если они не отстанут, он «будет защищаться», прозвучала для нас тогда не как его активная угроза кому-то, кого он называл «они», а как возможная вынужденная защитная реакция. Многие годы меня преследует мысль: а не произнес ли ее Освальд вновь и не сопроводил ли выстрелами при встрече с Типпитом? И не находились ли в барабане его револьвера те самые патроны, которые были возвращены ему перед уходом из нашего консульства 28 сентября?

Но кто теперь ответит на эти вопросы?

Размышляя о покушении, ни один из нас не мог поверить, что он способен произвести скоростные, точные выстрелы по движущейся цели. Всем нам запомнились его плаксивые глаза, дрожащие руки, общая нервозность. Мог ли он настолько собраться, чтобы так стрелять?

Подробной информации об обстоятельствах покушения было еще недостаточно, но практически все в резидентуре считали, что это реализация заговора и стрелков было несколько.

За время двух посещений нашего посольства и состоявшихся здесь бесед Освальд ни разу не упомянул имени президента США Джона Кеннеди и вообще не затрагивал вопросов, связанных с политикой его администрации.

Вот такими раздумьями завершился первый день этого трагического и пока непонятного события.

Следующий день, 23 ноября, был субботним, но все мероприятия, которые обычно проводились в такие дни, – занятия спортом, демонстрация кинофильмов в клубе – в связи с обстановкой были отменены. В посольстве находились только те, чье присутствие диктовалось служебной необходимостью. Реакции Центра на нашу внеочередную телеграмму об Освальде не было. Мы продолжали внимательно следить за развитием событий по радио, ТВ и газетам.

Говорит бывший резидент КГБ в Мехико: «О том, что Освальд был в сентябре текущего года в Мексике и посещал советское и кубинское консульства, стало широко известно в США и Мексике уже на второй день после покушения на Кеннеди. Посольство стали осаждать журналисты, чтобы получить информацию об этом факте из первых рук. Ситуация для нас складывалась непростая. Любой ответ журналистам может разойтись с позицией Москвы и быть истолкован не в нашу пользу: если признать, что предполагаемый убийца президента посещал посольство по визовым вопросам, возникнет вопрос – почему в Мексике, а не в США? Пытаться отрицать сам факт прихода, исходя из того, что посетителей нашего консульского отдела мексиканские власти официально не фиксируют, тоже вроде не годилось – его мог засечь стационарный пункт наблюдения ЦРУ напротив посольства. Какой ответ для нас хуже, было трудно сказать. Самое главное, что мы находились в потемках, ничего не зная о пребывании Освальда в Союзе, кроме сказанного им самим, об имеющихся на него материалах, возможных переговорах наших

властей в Москве или в Вашингтоне с американцами и так далее. В конце концов мы решили срочно запросить Центр, что предпринимать в сложившейся обстановке. Между тем консульским работникам, принимавшим Освальда, – а все они сотрудники резидентуры – было дано указание на глаза журналистам не попадаться, даже исчезнуть на время из собственных квартир. К счастью, была суббота, официально посольство не работало, и вся нагрузка по отфутболиванию прессы ложилась на дежурного дипломата и комендантов.

Весь этот день прошел при полном молчании Центра. Поступивший в воскресенье ответ из Москвы буквально взбесил нас, ибо был воспринят в резидентуре как не только бюрократическая отписка, но и прямое издевательство над нами. Ситуацию из тревожной для нас он просто превращал в идиотскую. Игнорируя нашу четко изложенную просьбу, Центр ни с того ни с сего рекомендовал нам в официальном общении руководствоваться сообщениями «Ассошиэйтед Пресс», в которых в общей форме говорилось о покушении на Кеннеди и задержании подозреваемого в убийстве американского гражданина. Мы, естественно, не стали разъяснять корреспондентам, как хорошо и правильно все описано в сообщениях американского агентства. Нам ничего не оставалось делать, как продолжать прятаться от журналистов… Чем можно было объяснить такую реакцию Центра? Головотяпством рядовых исполнителей? Растерянностью начальства в чрезвычайной ситуации? Ожиданием решения самого «верха»? Наверное, всем вместе».

Кажется, уже к концу субботы в средствах массовой информации прозвучала фамилия Валерия как нашего представителя, принимавшего Освальда во время посещения им советского посольства в Мехико. Мы решили, что это результат перехвата спецслужбами его телефонного разговора по поводу выяснения нашего отношения к выдаче Освальду советской визы с Сильвией Дюран из кубинского консульства. Мы тогда еще не знали, что Освальд назвал фамилию Костина своей жене Марине, запомнив из предъявленной Валерием дипкарточки, и указал ее в письме, подготовленном для посылки в советское посольство в Вашингтоне, черновик которого был обнаружен ФБР при обыске. Резидент распорядился в целях безопасности перевезти Валерия в посольство до прояснения дальнейшей обстановки. В воскресенье утром мы успешно провели эту операцию – завезли его с женой и самым необходимым на машине, которую подстраховывали другие, прямо на территорию посольства и разместили как раз в той гостиной, где стоял телевизор. Поскольку накануне стало известно, что утром Освальда будут переводить из полицейского управления в окружную тюрьму, мы собрались у телевизора, чтобы наблюдать за этой процедурой. Все дальнейшее произошло на наших глазах. Бесстрастные телекамеры в прямом эфире продемонстрировали всем убийство предполагаемого убийцы президента. Сначала мы все онемели, потом разом загалдели. Смысл всех комментариев сводился к тому, что теперь ясно, что это заговор и следует ожидать еще каких-то акций. Беспокойство по поводу развития дальнейших событий возросло. Раз за разом мы с пристальным вниманием смотрели повторы кадров выстрела Руби и никак не могли взять в толк, как это могло произойти прямо в полицейском управлении, при таком скоплении сотрудников спецслужб и полицейских. Весь день прошел в каком-то тревожном ожидании, казалось, что-то еще должно случиться. Правда, вечером мы справили маленькое новоселье по случаю переезда Валерия в посольство, за что получили нагоняй от шефа. Но все ограничилось легким внушением: он тоже

понимал, что нам было необходимо снять напряжение.

Понятно, что дурацкая позиция, которую мы заняли благодаря Центру, не могла не вызывать у прессы недоумения и раздражения, и журналисты, чтобы заполнить информационный вакуум, принялись домысливать и предлагать версии причин нашего молчания. Это совсем не шло нам на пользу. Однако, насколько помнится, пресса почему-то довольно быстро охладела к нам, возможно, что и в результате нашей неприступной позиции. Обстановка в целом вокруг посольства оставалась довольно спокойной, каких-то враждебных проявлений не было. Постепенно страхи наши стали проходить, мы вернулись к своему обычному режиму. Заточение Валерия в посольстве продолжалось дня три, после чего он с семьей так же успешно был препровожден домой. Жизнь вернулась в привычное русло. Центр скромно помалкивал. Ну а мы больше не рвались к общению с ним. Очевидно, там было не до нас.

Наблюдая по телевизору похороны президента, мы испытывали сочувствие к его семье и сожаление, что так нелепо ушел из жизни этот незаурядный человек, видный и уважаемый политический деятель.

Кому-то покажется странным, что в книге, которая пишется столько лет спустя, приводятся многие подробности, – могут возникнуть сомнения, не домысливались ли они, не приукрашена ли реальность. Хочу сразу развеять такие сомнения. В жизни людей бывают обстоятельства, которые так четко отпечатываются в памяти, что даже спустя десятилетия можно вспомнить мельчайшие детали. Именно такими обстоятельствами и было для нас все связанное с Освальдом и последующей трагедией в Далласе. Ведь нам пришлось столько раз практически по горячим следам восстанавливать все детали бесед, сопоставлять их, пытаться проникнуть в суть, увязать в единое целое. Но время все же неумолимо: один лучше помнит один момент, другой подробнее припоминает другой – так и вырисовывается вся картина. Конечно, кто-то из нас может ошибиться, назвав не совсем точное время того или иного события, но поверьте моему слову – все изложенное происходило в действительности, ведь речь идет о частичке мирового события, а не просто об эпизоде из истории повседневных оперативных игрищ, происходивших между спецслужбами во времена холодной войны.

МОСКВА. ЦЕНТР. КГБ

Будильник зазвонил, как всегда, настойчиво и повелительно, но вставать ужасно не хотелось. За окном светало, наступало серое утро поздней московской осени – 23 ноября 1963 года. Как только будильник умолк, он опять впал в забытье, но вскоре, словно от внутреннего толчка, открыл глаза и взглянул на часы. График подъема явно нарушался.

Накануне, в пятницу, заехал приятель, с которым они давно не виделись. Засиделись допоздна, уже за полночь гость заторопился, чтобы успеть на метро. Ну а потом, пока прибрался и улегся, ушло еще время, так что недосып был налицо. Утешала мысль, что была суббота, последний рабочий день недели, а завтра уж можно будет отоспаться всласть. Наскоро одевшись и выпив чаю, он вышел на улицу…

Я слушаю Юрия Павловича, который, устремив взгляд куда-то далеко в прошлое, негромко рассказывает: «Обычно я добирался до работы городским транспортом и даже приезжал раньше, а здесь лимит времени уже был исчерпан. Пришлось ловить такси. Стоило удобно устроиться в машине на заднем сиденье, как меня опять стала одолевать дрема. Радиоприемник был включен, но до меня звук доносился как будто издалека – прислушиваться не хотелось. Вдруг водитель усилил громкость, и сонливость как рукой

сняло. По радио сообщали, что 22 ноября в Далласе в результате покушения убит президент США Джон Кеннеди и что по подозрению в убийстве задержан некто по фамилии Ли Харви Освальд. Как? Он? Я почувствовал, что волосы у меня на голове зашевелились. Ведь последние два с лишним месяца я вел переписку о нем и его жене с подразделениями Комитета госбезопасности в Ленинграде и Минске. А последнее письмо в КГБ Белоруссии мое начальство подписало вчера, в пятницу, 22 ноября 1963 года!

Я нетерпеливо заерзал на сиденье и заторопил таксиста. Когда мы остановились недалеко от «Дома 2», сунул деньги водителю и бегом припустил к подъезду. Не знаю, с какими мыслями продолжил свой путь таксист, но наверняка он связал воедино убийство президента, мою спешку и конечный пункт моего прибытия – всем известное здание КГБ.

Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, пока вахтер в подъезде изучал мое удостоверение, я посмотрел на настенные часы. До девяти оставалось две минуты. Вылетев из лифта, я буквально попал в объятия Пал Саныча. Он встречал меня уже в нашем коридоре. Его всегда невозмутимое лицо выражало крайнее нетерпение. Он даже не поинтересовался, известно ли мне о событии – очевидно, это было понятно по моему лицу, – только бросил на ходу: «Подними дело спецпроверки, все бумаги и заходи ко мне». На бегу снимая пальто, я заскочил в кабинет, быстро нашел и заполнил бланк требования в архив на поднятие дела, подписал у Пал Саныча и сломя голову побежал вниз. Когда я уже получал дело, в комнату, где выдавали дела, с той же целью, что и я, ввалились двое – сотрудники Второго главка и Московского управления. Но я, взглянув на их растерянные лица и зажав дело под мышкой, поспешил к выходу.

В кабинете Пал Саныча были просмотрены материалы дела спецпроверки на Освальда и его жену и переписка, которая в последнее время велась нашим подразделением в связи с их просьбами о возвращении в Советский Союз. Начальник направления объяснил, что нужно срочно подготовить по всем материалам справку для доклада руководству КГБ. Целью этого документа было показать, что для разведки Освальд и его жена интереса не представляли, о чем наглядно свидетельствовали имевшиеся в нашем распоряжении документы, и никакой оперативной работы по ним не велось.

Начальник направления приказал мне:

– Садись, пиши. Я буду диктовать, – потом через минуту, видимо, передумав, произнес:
– Нет, давай я сам.

Пал Саныч сел за стол и, почти не заглядывая в документы и не отрываясь, быстро составил справку на трех страницах. Мне очень польстило, когда, закончив писать и встав из-за стола, он обратился ко мне:

– Прочти, я ничего не упустил?

Справка выглядела лаконичной и весьма обстоятельной.

– Нет, Пал Саныч, все в порядке.

С написанной от руки справкой и делом спецпроверки на Освальда и его жену мой начальник направился к руководству, сказав:

– Иди к себе и жди моего звонка, никуда не отлучайся. Вернувшись к себе в кабинет и переведя дух, я понял, что отоспаться в воскресенье мне, скорее всего, не удастся. Довольно скоро раздался телефонный звонок:

– Юрий Павлович, зайди.

Пал Саныч выглядел довольным. Он протянул мне дело со словами:

– Я доложил, все нормально. Сдай обратно, дальше пусть занимается Второй главк, это их проблемы.

Взяв папку, я уже двинулся к двери, когда вслед услышал:

– Завтра пораньше будь на работе.

– Есть, – ответил я и с тоской подумал о будильнике».

Не пришлось Юрию Павловичу отоспаться и в течение нескольких последующих дней: хотя новых, каких-то особых поручений от начальства не поступало, все работники Службы № 2 находились в состоянии напряженного, тревожного ожидания дальнейших драматических событий, особенно после того, как Джек Руби застрелил на глазах у всего мира Освальда, и не где-нибудь, а прямо в здании полицейского управления!

Таковы были в тот момент действия и настроения тех, кто находился на нижних ступенях служебной лестницы Центра. Для того чтобы узнать реакцию его руководства на случившееся, вновь обратимся к воспоминаниям бывшего шефа КГБ: «Ко мне пришел Сахаровский и доложил, что все информационные агентства сообщают о покушении на президента Кеннеди. Включили радио, ТВ. Первой человеческой реакцией было – произошло что-то трагическое, бессмысленное. Первой профессиональной реакцией – очевидно, это результат заговора.

Когда прозвучало имя Освальда, подозрение, что здесь что-то нечисто, еще более окрепло. То, что его подозревали в убийстве, у нас не вызвало ажиотажа: изучив его личность, мы были убеждены, что он неспособен на такое. Даже появилась мысль предложить руководству страны послать группу чекистов, чтобы принять участие в проведении расследования покушения. Но в связи с личностью Освальда началась антисоветская пропагандистская кампания. Нагнетание обстановки вызвало необходимость серьезного анализа имеющихся на него материалов. Поскольку в Центре подборка документов на Освальда была «тощей», запросили Минск. Всей подготовкой материалов для доклада руководству страны было поручено заниматься начальнику разведки Сахаровскому. Все шифротелеграммы из посольств и наших резидентур по высшей разметке немедленно шли в Политбюро. Быстро запиской КГБ доложили в Политбюро на имя Хрущева данные изучения Освальда в период проживания в Союзе, дали ему оценку как посредственности и высказали сомнение, что он убийца. После покушения я по своей инициативе докладывал Хрущеву об обстоятельствах убийства президента, о появившихся версиях и слухах. Он все очень внимательно и с интересом выслушал, не докучал вопросами и прокомментировал услышанное словами: «Дело очень темное». Хрущев очень искренне выражал сожаление по поводу гибели президента Кеннеди.

При определении кандидатуры представителя советского государственного руководства для участия в похоронах президента выбор пал на Микояна, как заместителя председателя Совета Министров. Кроме того, ровно за год до этого в период Карибского кризиса он побывал в США и был знаком со многими членами администрации Белого дома. Когда был решен вопрос о поездке Микояна в США, Сахаровский предложил мне на всякий случай «вооружить» Анастаса Ивановича нашими материалами по периоду проживания Освальда в Союзе. Я по телефону сообщил Микояну, что мы подготовили для него материал для возможной передачи американскому руководству, и спросил, не возражает ли он, если эти документы по Освальду ему вручит и соответствующим образом прокомментирует начальник разведки Сахаровский. Он с удовлетворением воспринял наше предложение и дал согласие на встречу. Я не помню, чтобы он делился впечатлениями об обстоятельствах передачи указанных материалов американцам. Во всяком случае, до меня это не доходило».

После получения известия о задержании Освальда по подозрению в убийстве президента Кеннеди первое сообщение по материалам на Освальда из КГБ БССР было передано в Центр в 11 часов утра 23 ноября 1963 года. Справка состояла из двух с половиной страниц. Эта информация поступила в Отдел по иностранному туризму Второго главного управления КГБ.

В этот же день, 23 ноября, КГБ СССР направил в ЦК КПСС записку следующего содержания:

«В связи с сообщением зарубежных агентств об аресте американскими властями Ли Освальда, якобы причастного к убийству президента США, сообщаем следующие известные нам о нем данные». Далее излагалась информация об обстоятельствах приезда Освальда в Союз, мотивах его желания остаться здесь, женитьбе и отъезде в США с семьей. В продолжение сообщалось: «В марте 1963 года Освальд (Прусакова) обратилась в посольство СССР в Вашингтоне с письменной просьбой разрешить ей вернуться в СССР на постоянное жительство, с проживанием в Ленинграде. Освальд (Прусакова) в своем заявлении сообщила, что причинами, побудившими ее просить разрешения на возвращение в СССР, являются тоска по Родине, а также затруднения материального характера, которые она испытывает вместе со своей семьей в США. Ходатайство Освальд (Прусаковой) посольством СССР было направлено на рассмотрение в МИД СССР.

В связи с тем, что родственники Освальд (Прусаковой), проживающие в Ленинграде, не выразили желания принять ее, в разрешении на въезд в СССР ей было отказано. С аналогичной просьбой обращался тогда же в советское посольство в Вашингтоне и Освальд, но его ходатайство не рассматривалось в связи с ранее сделанным отказом его жене.

В октябре 1963 года Освальд посетил советское посольство в Мексике и снова обратился с просьбой предоставить ему политическое убежище в СССР, ссылаясь на то, что его, как секретаря прокубинской организации, преследуют агенты ФБР. Это ходатайство Освальда было рассмотрено МИД СССР и КГБ при СМ СССР и отклонено по тем же мотивам, по которым были отклонены его предыдущие просьбы.

В ноябре 1963 года Освальд прислал в советское посольство в Вашингтоне письмо, в котором сообщал, что ФБР интересуется его деятельностью в связи с тем, что он является секретарем Комитета справедливого отношения к Кубе в гор. Новый Орлеан. Характерно, что сразу после ареста Освальда в сообщениях американских телеграфных агентств делались намеки на его выступления в прошлом в поддержку Кубинской революции и участие в распространении листовок в защиту Кубы.

Как во время пребывания Освальда в СССР, так и после того, как он покинул нашу страну, Комитет государственной безопасности никакого интереса к нему не проявлял.

Можно полагать, что шумиха, поднятая вокруг Освальда, продиктована стремлением определенных кругов США, возможно, причастных к убийству, направить мировое общественное мнение по ложному следу и придать делу антисоветскую и антикоммунистическую направленность.

Председатель КГБ при СМ СССР Семичастный».

Мне представляется необходимым прокомментировать два момента, которые наверняка привлекут внимание и вызовут вопросы у читателей. Первый – это упоминание в приведенном документе о том, что Освальд посетил советское посольство в Мексике в

октябре. В одном из документов, приведенных в предыдущей главе, есть ссылка на «спецсообщение из Мехико № 550 от 03.10.63» об этом факте. Сейчас трудно судить, почему шифротелеграммы, проекты которых по двум линиям – МИДа и КГБ – были подготовлены в день последнего визита Освальда, то есть 28 сентября, ушли в Центр так поздно. Но можно предположить, что, поскольку это были несрочные сообщения, которые не требовали немедленной реакции Москвы, шифровальщики стали отрабатывать их лишь в начале новой недели (28 сентября была суббота), а потом представили на подпись своим руководителям. Другого объяснения мне в голову не приходит.

Второй – содержание абзаца, в котором говорится об отсутствии интереса КГБ к лицу, на которое два с лишним года велось дело по подозрению в шпионаже, а затем в течение восьми месяцев – внутренняя и межведомственная переписка в связи с его намерением возвратиться в СССР. Для тех, кто в предыдущих главах ознакомился с документальной основой «интереса», такое утверждение о его отсутствии может показаться нонсенсом или попыткой госбезопасности обмануть даже ЦК КПСС.

Но здесь нужно знать специфические реалии. Формулировка о том, что КГБ ни в Союзе, ни после отъезда Освальда «никакого интереса к нему не проявлял», подразумевает, что он не использовался как источник контрразведывательной или разведывательной информации и не рассматривался в качестве кандидата на вербовку нив СССР, ни за рубежом. Помимо этого нужно учесть, что председатель КГБ дал еще необходимые устные разъяснения по «взаимоотношениям» с Освальдом высшему руководству страны.

Прохладным октябрьским днем 1992 года я сидел в читальном зале фонда периодических изданий Государственной библиотеки имени Ленина, расположенном на окраине Москвы. Передо мной лежали папки с подшивками газет «Известия» и «Правда» за ноябрь 1963 года. Листая уже тронутые временем газетные страницы тех далеких дней, даже слегка разволновался: почти 30 лет, половина прожитой жизни! Сколько воды утекло с тех пор, во скольких событиях пришлось участвовать, во скольких странах побывать, но те дни четко сохранились в памяти.

Первые сообщения о гибели президента США появились в центральных газетах Советского Союза в воскресенье, 24 ноября. На первых страницах были помещены портреты Джона Кеннеди, краткая информация о его убийстве во время пребывания в Далласе, штат Техас, и соболезнования советского руководства семье погибшего президента. В тот же день советские люди узнали детали покушения из сообщения собкора «Известий» в США С. Кондрашева: «…В 12 часов 30 минут три выстрела грянули по президентской машине. Стрелявший бил по-снайперски метко из крупнокалиберной винтовки «маузер» с оптическим прицелом. Винтовку и остатки завтрака убийцы нашли среди ящиков с учебниками на шестом этаже здания книжного склада. Пуля попала президенту в правый висок. Обливаясь кровью, без сознания, Кеннеди упал на руки жены. Другая пуля попала в губернатора Коннелли. Ему сделали операцию, и состояние его здоровья не внушает опасения» (Нью-Йорк, 23 ноября, по телефону).

Во всех последующих номерах газет до конца месяца публиковались материалы, касающиеся происшествия в Далласе: информационные сообщения корреспондентов из США, комментарии по поводу появившихся различных версий организации покушения, мнения советских обозревателей и так далее. Но ни в одной из перечисленных публикаций ни слова не было сказано о том, что Освальд в течение двух с половиной лет жил в Советском Союзе, женат на советской гражданке, а в последние месяцы опять начал хлопотать о возвращении в СССР. Очевидно, наше высшее государственное руководство,

исходя из собственной оценки происходящих событий, считало лишним привлекать внимание своих граждан к этим подробностям из биографии предполагаемого убийцы американского президента. Однако в то же самое время все западные средства массовой информации широко обсуждали именно эти факты жизни Освальда и его недавнее посещение советского и кубинского посольств в Мексике, и такая информация доходила до советских людей через иностранные прессу и радио. Поэтому «мудрая» политика замалчивания только подкрепляла уже ходившую на Западе версию о возможной причастности КГБ к покушению на Кеннеди. Срабатывала известная в таких случаях (но почему-то не учитываемая нашими государственными мужами) «железная» логика: ага, раз что-то скрывают, значит, что-то не так! Таким образом, создается самая благодатная почва для распространения самых невероятных слухов и появления самых «достоверных» деталей. Закрыв папки с газетами той эпохи, я задумался. Теперь мне стали понятны и «мудрые» рекомендации Центра на наши запросы из резидентуры о линии поведения с иностранными корреспондентами в первые дни после покушения.

ВАШИНГТОН. РЕЗИДЕНТУРА КГБ

Некоторое представление о том, что происходило в советском посольстве и резидентуре КГБ в Вашингтоне после известия о покушении в Далласе и в последующие дни, дают воспоминания сотрудников резидентуры.

В течение 1992 года автору удалось встретиться и побеседовать с бывшими коллегами, которые тогда под разными прикрытиями работали в составе вашингтонской резидентуры КГБ.

Солнечным, но прохладным майским днем на скамейке одного из московских парков я беседовал с К., генерал-майором КГБ в отставке. Мы с ним были знакомы не один десяток лет, трудились в одном подразделении внешней разведки, встречались за рубежом, затем наши пути разошлись. К. перешел на работу во внутренние органы, где в годы, предшествовавшие отставке, занимал высокий пост в контрразведке. В ноябрьские дни 1963 года он был старшим группы контрразведки в резидентуре КГБ в Вашингтоне. Вот что он рассказал: «После покушения, в связи с осложнением обстановки вокруг нашего посольства и усиления антисоветской пропаганды, прямыми обвинениями в некоторых газетах в нашей причастности к покушению на президента, угрозами по телефону, главной задачей группы «КР» и в целом резидентуры стали вопросы безопасности. Поступили на этот счет указания и из Центра. Естественно, забот прибавилось, когда из Москвы было получено сообщение о том, что на похороны Кеннеди в качестве представителя Советского государства прилетает Микоян. Мы вступили в контакт с выделенной американской стороной охраной и вместе встречали Микояна на военно-воздушной базе Эндрюс. В целях безопасности Микояна разместили в посольстве, на втором этаже. В целом обстановка все эти дни была весьма напряженной. Хотя после ареста Освальда полиция и высказывала версию об убийце-одиночке, но после его убийства усилились предположения о наличии разветвленного заговора, пока неизвестного по своим масштабам. Поэтому нас очень беспокоило, где еще и каким образом может вновь проявиться этот заговор. В резидентуре практически все склонялись к мнению, что убийство президента – результат заговора. Ну а какие силы стоят за заговорщиками, пока было невозможно сказать, но многие считали, что это дело рук правых.

До покушения на президента Кеннеди мы в резидентуре вообще понятия не имели о

существовании Освальда. Никаких материалов из Центра о нем или его жене к нам никогда ранее не поступало. Единственный из сотрудников резидентуры, знавший это имя до покушения, был В.А. Герасимов: выполняя свои функциональные обязанности по прикрытию, он вел переписку с М. Освальд (Прусаковой) по поводу ее заявления о намерении возвратиться в Союз. Работу консульства по линии прикрытия курировал наш резидент Фомин (Феклисов). Очевидно, он и передавал материалы указанной переписки американцам после покушения, я этого точно не знаю».

А вот рассказ полковника в отставке И., с которым давно поддерживаю товарищеские отношения: в 1970-е годы мы тесно сотрудничали при проведении операций против ЦРУ и даже вместе выезжали за границу по заданиям Центра: «Я прибыл в долгосрочную командировку в Вашингтон во второй половине ноября 1963 года. Поскольку у меня было журналистское прикрытие, то встречали меня представители нашей прессы, аккредитованные в США. Естественно, первоначально нас с женой разместили в отеле, но с первого же дня главной заботой стал поиск квартиры. Довольно быстро мы с помощью моих коллег-журналистов нашли подходящую квартиру в районе Мэриленда. 22 ноября утром вместе с корреспондентом ТАСС мы направились на квартиру, чтобы прикинуть, что нужно приобрести из мебели, и вообще получше в ней осмотреться. Дом был новый, и в нем еще даже шли какие-то отделочные работы. Спустя некоторое время после нашего приезда один из строителей подошел к нам и сказал: «Наш президент застрелен…». Мы бросились к лифту, спустились вниз, вскочили в машину и включили радио. Всю дорогу, пока мы добирались до отеля, шли передачи об убийстве. В отеле прильнули к ТВ, но одновременно слушали и радио. Вдруг радиопередача прервалась, и сообщили, что арестован подозреваемый в покушении, личность которого устанавливается, еще сказали, что он же застрелил полицейского Типпита. К вечеру по телевизору уже показали фотографию Освальда. Я заметил жене, что у него какое-то странное и глуповатое лицо. Мое внимание еще привлекло то, что уж очень быстро о подозреваемом дали много данных. Вскоре мы поехали на корпункт к одному из наших журналистов и там просматривали сообщения по биографии Освальда, а оттуда поехали в посольство. Обстановка там была нервозная. Женщины плакали, практически все испытывали симпатии к семье Кеннеди. Возникло слово «война», очевидно, под влиянием еще свежих впечатлений от прошлогоднего Карибского кризиса и уже многочисленных сообщений в американских средствах массовой информации о пребывании Освальда в Советском Союзе и наличии у него русской жены. Перекидывался мостик от ее дяди, якобы полковника МВД, к Комитету госбезопасности, ну а дальше – версии о нашей причастности к покушению.

Я поднялся на третий этаж, где располагалось помещение резидентуры. Там тоже царило большое напряжение. Вызывало беспокойство упорное стремление прессы увязать факт проживания Освальда в Союзе с его возможными контактами с КГБ. Это беспокойство объяснялось тем, что мы не располагали никакой дополнительной информацией из Центра об Освальде и, таким образом, пребывали в состоянии неопределенности.

Как только поступило сообщение, что тело президента привезли на авиабазу Эндрюс, мы понеслись туда. Мои коллеги, предъявив корреспондентские карточки, прошли через оцепление непосредственно к самолету, из которого должны были выгрузить гроб с телом Кеннеди. Поскольку у меня еще не было аккредитации, я вынужден был довольствоваться местом в толпе возле оцепления. Надо сказать, что я испытывал очень неприятные

ощущения, когда в окружающей меня толпе американцев раздавались весьма нелицеприятные высказывания по поводу очевидной причастности русских к покушению на президента в увязке опять же с проживанием Освальда в Советском Союзе. Когда самолет улетел, мы вернулись в город и стали готовить очередную корреспонденцию в Москву. А первое наше совместное сообщение о покушении было направлено в «Известия» за тремя подписями примерно в 16:00 вашингтонского времени.

23 ноября в прямом эфире по ТВ мы впервые увидели Освальда, так сказать, «живьем». Характерно, что, когда его проводили мимо телекамер и репортерских микрофонов, он все время выкрикивал: «Я никого не убивал!.. Яне виноват!..». В дальнейшем эти кадры убрали и больше не показывали. Наблюдая эту хронику, я не удержался и начал пророчествовать: «Скорее всего, Освальда убьют, а потом уберут того, кто его убьет». Присутствующие зашикали на меня.

24 ноября утром мы вновь расположились у телевизора, ожидая прямой трансляции о переводе Освальда из полицейского управления в окружную тюрьму, о чем накануне было широко оповещено. Когда на экране показалась процессия, я обратил внимание, что Освальд не прикрыт детективами, а наоборот, как бы выдвинут вперед, иными словами, подставлен. Эти свои мысли я успел выразить только фразой: «Сейчас его убьют…». На экране возникла спина, раздался выстрел, началась свалка… «Что я вам сказал! – воскликнул я. – Теперь и этот не жилец!» Достоверность этих высказываний могут подтвердить несколько участников просмотра этой трансляции.

Передача прервалась, вскоре сообщили, что Освальда увезли в тот же Парклендский госпиталь, где двое суток назад скончался президент Кеннеди. Затем очень быстро последовало известие о его смерти.

Когда стало известно, что от Советского Союза в похоронах президента Кеннеди будет участвовать Микоян, и сообщено о времени его прилета, резидент распорядился, чтобы все сотрудники резидентуры под журналистским прикрытием выехали на авиабазу Эндрюс в качестве «подкрепления в обеспечении безопасности при встрече Микояна». Я не уверен, что в этом была необходимость, поскольку американская сторона приняла, как мне кажется, все меры, чтобы не произошло чего-либо неприятного. Встреча прошла спокойно, и Микоян прибыл и разместился в посольстве.

Вскоре после приезда Микояна мы обратили внимание на то, что тон антисоветской пропаганды стал мягче, в солидных изданиях, таких как «Вашингтон пост», «Тайм», и по ТВ такие материалы давались очень дозированно. Причина стала понятна, когда мы узнали, что наша делегация, возглавляемая Микояном, привезла из Москвы подборку документов о пребывании Освальда в СССР и она передана в Госдепартамент США.

Мы все вздохнули с некоторым облегчением: такой шаг Москвы означал, что мы непричастны к действиям Освальда, но ведь предстояло еще убедить в этом простого, или, как тогда говорили, «среднего», американца. А в то время в США не все хотели, чтобы он в этом убедился.

Что касается ужесточения режима безопасности в резидентуре, то он и до этих тревожных дней был достаточно строгим. Но здесь всех призвали быть очень осторожными – без острой оперативной необходимости никуда не выезжать, местонахождение каждого сотрудника в любой момент должно быть известно. Даже мне было сказано каждый день появляться в посольстве. Но надо сказать, что в те дни никто из разведчиков наружного наблюдения за собой не замечал».

Генерал З. принял меня по предварительной договоренности в своем служебном

кабинете, в одном из зданий ныне широко известного комплекса в Ясеневе, за Московской кольцевой автодорогой. Более 30 лет назад мы с З. почти одновременно пришли в американский отдел Первого главного управления, и, хотя работали в разных направлениях: он – в вашингтонском, я – в нью-йоркском, наши кабинеты были расположены по соседству. Тогда, в 1992 году, З. возглавлял одно из крупных подразделений российской разведки, у него за плечами работа в США, на Ближнем Востоке, в Афганистане.

Зная заранее, о чем пойдет речь на нашей встрече, он буквально надиктовал мне текст по интересующему меня периоду, когда работал в вашингтонской резидентуре: «После сообщения о покушении на Кеннеди обстановка в посольстве сложилась очень напряженная и тревожная, особенно когда в прессе пошла информация, что подозреваемый в убийстве жил в Союзе и женат на советской гражданке. То же самое происходило и в резидентуре, оперативный состав насторожился, ибо было трудно предсказать, как происшедшее отразится на оперативной обстановке. Но то, что она должна усложниться, не вызывало сомнений. Об Освальде до этого события мы понятия не имели. В Центр был направлен согласованный между руководством посольства и резидентуры запрос. Вскоре оттуда поступил ответ, что ни разведка, ни наши специальные службы в целом к Освальду отношения не имеют. Это уже вселяло в нас некоторую уверенность, хотя чувство беспокойства по поводу последующего развития событий оставалось. Ведь отношения между нашими странами были непростые, да и вся международная обстановка оставляла желать лучшего. Естественно, мы внимательно наблюдали за реакцией американской стороны. Но надо сказать, что они довольно быстро повели себя правильно, я имею в виду скорое снижение антисоветской кампании и домыслов о причастности КГБ к покушению после всплеска в первые дни после гибели президента. Воспринято нами это было с облегчением, поскольку нелегко было слышать обвинения в участии в убийстве президента той страны, где являешься представителем (конечно, под прикрытием) той службы, которую в этом и обвиняют».

Другая часть воспоминаний генерала З. относится к более позднему периоду, поэтому она приведена мною в следующей главе.

Вот еще одно свидетельство очевидца и участника событий тех дней, В.А. Герасимова: «Вскоре после покушения началась активная антисоветская пропаганда. В посольстве раздавались телефонные звонки с вопросом: «Комми, зачем вы убили Кеннеди?» Обстановка в посольстве была напряженной и тревожной. Мы усилили меры безопасности, сократили выходы в город членов семей и технического персонала. Повысили мобилизационную готовность. В резидентуре тоже принимались необходимые меры. Что касается оценки случившегося, то у всех в резидентуре сложилось почти единое мнение, что Освальд не убивал, а был использован как козел отпущения. Кстати, накануне, 24 ноября, мы удивлялись тому, как был разрекламирован перевод Освальда из полицейского управления в тюрьму. Когда после покушения всплыло имя Освальда, то, естественно, мы обратились к подборке с материалами по переписке с Прусаковой. После консультаций с послом и резидентом, по-моему, консул (он был «чистый») передал все материалы переписки в Комиссию Уоррена».

МИНСК. ОКРУЖЕНИЕ ОСВАЛЬДА

Весть о том, что в убийстве президента США Кеннеди подозревается Освальд, совсем недавно работавший на Минском радиозаводе, обрушилась на рабочих как снежная

лавина. Не осталось никого, кто бы не участвовал в обсуждении этого известия. Согласно информации, поступившей в те дни в КГБ, все рабочие говорили, что они никогда не поверят в то, что убийство президента Кеннеди – дело рук Освальда, так как знали его характер, не подходящий для совершения такого тяжкого преступления. А вот высказывание одного заводского руководителя: «Если это Освальд, который работал у нас, то он был скрытный тип, зато открыто высказывался против нашей власти». Как только газетные фотографии Освальда достигли Минска, многие узнали его.

В Минском медицинском институте, где на одной из кафедр у Освальда было много контактов, состоялось обсуждение события. Собрание проходило бурно, некоторые из тех, кто поддерживал с ним раньше довольно близкие отношения, старались свести их дружеский характер к простому знакомству.

Наиболее узкий круг друзей высказывал сомнения в том, что Освальд мог убить президента, и придерживался мнения, что «это дело рук группы».

Была и такая реакция: один из студентов после покушения по своей воле пришел в КГБ и рассказал о знакомстве с Освальдом. После убийства Кеннеди, а затем и самого Освальда те, кто поддерживал с ним переписку, испытывали озабоченность и беспокойство по поводу этой связи.

Сведенная воедино информация о реакции в штаб-квартире КГБ и его зарубежных резидентурах, других советских граждан на события в Далласе плюс сведения из различных публикаций о восприятии их в самих Соединенных Штатах сразу дают представление о том, как распределились тогда мнения об убийствах в Техасе: большинство склонялось к тому, что гибель президента – это результат заговора, подтверждением чего служила и скорая смерть подозреваемого убийцы; многие придерживались мнения, что Освальд стал инструментом или вовсе безвинным козлом отпущения в руках заговорщиков; незначительная часть рассматривала его как возможного убийцу-одиночку.

Собственно, и сегодня мнения не изменились, да и распределяются, пожалуй, так же.

Мне кажется, такой разброс мнений имел под собой ярко выраженную информативную основу.

Объем информации о внешней и внутренней политике Джона Кеннеди был велик и доступен всякому даже за железным занавесом. Люди понимали, что активная политическая деятельность президента в разных направлениях неминуемо задевает чьи-то интересы и поэтому «кто-то» готов удалить его от руля власти. Отсюда первая мысль о наличии заговора.

Что касается Освальда, то к ноябрю 1963 года сведения о нем имелись во многих официальных учреждениях по обе стороны океана. Но простая истина заключается в том, что к 22 ноября никто, подчеркиваю – никто не мог представить себе его жизнь как единое целое.

В КГБ те, кто изучал Освальда в течение двух с половиной лет жизни в Советском Союзе, располагали ограниченными данными о его предыдущей и последующей биографии в США. Причем источником этой информации являлся он сам.

Американские специальные службы, ФБР, ЦРУ, разведка ВМС, наоборот, имели материалы по ранней биографии, периоду службы в морской пехоте и кое-что после возвращения в США, но не располагали достоверной информацией о его пребывании в СССР. Опять же источником был сам Освальд.

Государственный департамент, Служба иммиграции и натурализации составили

представление о нем лишь по бумажной переписке, накопившейся в связи с рассмотрением его личных проблем в последние четыре года.

Родственники, включая самых близких – мать и брата, тоже только от него получали отрывочные сведения о службе в ВМС и жизни в Советском Союзе.

У друзей и знакомых в США и СССР впечатление об Освальде складывалось лишь в результате личного общения в определенный период. К этой же категории можно отнести и нас, трех офицеров советской разведки, встречавшихся с ним в Мехико за два месяца до убийства президента и самого Освальда.

Таким образом, каждый судил о роли Освальда в далласской драме на основании знания его личности (далеко не полного), полученного о нем в тот или иной период, и своих субъективных симпатий и антипатий.

Все это создало, на мой взгляд, благодатную почву для многочисленных преднамеренных спекуляций и искренних заблуждений по поводу его участия в покушении на Джона Кеннеди, урожай которых мы продолжаем пожинать и сегодня.

Признаюсь, что мое собственное мнение, сформировавшееся на базе личных впечатлений от встреч с Освальдом, претерпело коренные изменения по мере пополнения знаний о нем и углубления в далласскую проблему. Свои нынешние взгляды постараюсь изложить ниже.

Но уже здесь осмелюсь высказать убеждение, а не предположение, что и поныне, спустя столько лет после тех роковых дней, ни один индивидуум, ни одна организация во всем мире не может пока заявить, что располагает исчерпывающими знаниями о Ли Харви Освальде. Говорю «пока», поскольку считаю, что такая задача решаема при наличии доброй воли отдельных носителей сведений и четкой организации обобщенного анализа этих сведений.

Представляется, что тогда ключ в замочной скважине далласской загадки повернется в нужном направлении.

ПОСЛЕ ТРАГЕДИИ

В МИДе СССР 25 марта 1964 года была получена шифротелеграмма от советского посла в Вашингтоне Добрынина о врученной ему накануне ноте государственного секретаря Дина Раска и приложенной к ней копии письма Эрла Уоррена, председателя Комиссии по расследованию убийства президента Кеннеди.

В ноте американская сторона выражала признательность нашему посольству за передачу информации об Освальде (имелась в виду копия переписки между супругами Освальд и консульским отделом за время с 1962 по 1963 год) и желание правительства США получить дополнительные материалы по нему за 1959–1962 годы.

В письме Эрла Уоррена на имя Раска было сказано, что комиссия уже заслушала показания матери Освальда, его жены и брата, что, находя полезными материалы, полученные от советского правительства, считала бы особенно ценным, если советская сторона предоставит материалы, в том числе официальные документы, о времени проживания Освальда в СССР с 1959 по 1962 год, так как комиссия не располагает какими-либо сведениями об этом периоде его жизни. Затем в письме подчеркивалось, что документы необходимы для работы комиссии, и следовал перечень интересующих материалов.

Экземпляр шифротелеграммы был направлен руководству КГБ, и на нем появилась резолюция председателя: «Прошу подготовить наши соображения. Семичастный».

Через некоторое время, уже в апреле, Первое и Второе главные управления во исполнение этой резолюции составили совместную справку с конкретными предложениями о передаче американской стороне соответствующих документов об Освальде и его жене:

//-- «СПРАВКА --//

В переданной Д. РАСКОМ послу СССР в Вашингтоне тов. ДОБРЫНИНУ А.Ф. ноте Государственного департамента США от 24 марта с. г. и приложенной к ней копии письма УОРРЕНА – председателя президентской Комиссии по расследованию убийства президента КЕННЕДИ, содержится просьба получить у Советского правительства любую дополнительную информацию в отношении деятельности Ли Харви ОСВАЛЬДА в период его пребывания в Советском Союзе с 1959 по 1962 г., включая копии любых официальных документов, касающихся Ли Х. ОСВАЛЬДА и его жены М.Н. ОСВАЛЬД (ПРУСАКОВОЙ).

Из содержания ноты и письма УОРРЕНА явствует, что американская сторона заинтересована в получении от Советского правительства следующей информации:

– копии документов, касающихся медицинского и особенно психиатрического обследования и лечения Ли Х. ОСВАЛЬДА и его жены;

– копии документов, свидетельствующих о каких-либо*censored*ганских или других фактах непристойного поведения Ли ОСВАЛЬДА.

Комиссия УОРРЕНА высказала пожелание получить копии официальных документов, касающихся проживания Ли ОСВАЛЬДА в Советском Союзе, получения им советского гражданства, усилий супругов ОСВАЛЬД выехать в США, относительно трудоустройства и мест проживания Ли ОСВАЛЬДА в СССР.

В письме Комиссии УОРРЕНА содержится также просьба получить копии любых возможных заявлений советских граждан, знавших Ли ОСВАЛЬДА по Советскому Союзу и сделанных ими до или после убийства президента КЕННЕДИ.

Принятыми мерами собраны следующие документы советских органов по указанным вопросам:

– история болезни Ли Харви ОСВАЛЬДА за время его пребывания в больнице имени Боткина с 21 по 28 октября 1959 года вначале в психосоматическом, а затем в хирургическом отделении.

По мнению начальника Центральной поликлиники КГБ тов. СОКОЛОВА Б.Н., ознакомившегося с этими документами, в истории болезни Ли ОСВАЛЬДА нет каких-либо записей, свидетельствующих о психической неполноценности или психическом заболевании Ли ОСВАЛЬДА. Наоборот, подчеркивается ясность его сознания, понимание задаваемых вопросов. Характерным является примечание тов. СОКОЛОВА Б.Н. о том, что повреждения, нанесенные себе ОСВАЛЬДОМ, были незначительны и не могли привести к смертельному исходу;

– медицинские документы, относящиеся ко времени проживания Ли ОСВАЛЬДА в Минске. В них нет записей о каком-либо психическом заболевании ОСВАЛЬДА Ли;

– документы о трудоустройстве и местах проживания ОСВАЛЬДА в СССР;

– дела Отделов виз и регистрации Управления милиции Москвы и Минска.

Относительно Марины ОСВАЛЬД имеются документы, связанные с оформлением ее

выезда из СССР, а также документы, отражающие факты обращения ее в медицинские учреждения Минска и результаты ее амбулаторных обследований. Записей о психических заболеваниях ПРУСАКОВОЙ-ОСВАЛЬД в материалах не обнаружено.

В деле спецпроверки 11-го отдела Второго главного управления КГБ при СМ СССР и деле паспортного отдела УМ г. Москвы имеются документы, представленные М. ОСВАЛЬД для выезда за границу.

Из числа перечисленных материалов представляется возможным передать американским властям фотокопии следующих документов:

А. Материалы медицинского характера.

1. История болезни ОСВАЛЬДА Ли из психосоматического и хирургического отделений больницы им. Боткина, история болезни и медицинская карта амбулаторного лечения Ли Освальда из Второй клинической больницы гор. Минска.

2. Медицинская карта и карта по амбулаторному лечению Марины ОСВАЛЬД из г. Минска.

Б. Материалы о проживании и трудоустройстве Ли Освальда в Советском Союзе.

1. Заявление Ли Освальда в Отдел виз и регистрации УВД исполкома Мосгорсовета о выдаче вида на жительство.

2. Расписка Ли Освальда о том, что ему разъяснен порядок юридического положения лица без гражданства.

3. Заявление Ли Освальда в Управление милиции г. Минска о продлении его вида на жительство (от 4.1.62 г. и 4.1.61 г.).

4. Расписка Ли Освальда в получении им вида на жительство.

5. Заявление, автобиография, написанные Ли Освальдом в связи с поступлением его на работу. Карточка поступающего на работу о прохождении медицинского осмотра и инструктажа по технике безопасности.

6. Справка с места работы Ли Освальда от 15.VII.1961 г.

7. Справка с местожительства Ли Освальда от 15.VII. 1961 г.

8. Характеристика на Ли Освальда с места работы.

9. Выписка из трудовой книжки Ли Освальда (с. 1, 2 и 3).

10. Вид на жительство в СССР для лиц без гражданства.

11. Вид на жительство в СССР для иностранца.

В. Материалы, касающиеся выезда ОСВАЛЬД Ли и Марины из СССР.

1. Заявление Ли Освальда в ОВИР УМ Минского горисполкома с просьбой о выдаче визы на выезд из СССР.

2. Заявление Марины Освальд в Отдел виз и регистрации УМ БССР о согласии на выезд ОСВАЛЬДА Ли из СССР.

3. Заявление Марины Освальд с просьбой о выдаче ей визы на выезд из СССР, с приложением анкеты и автобиографии.

4. Обязательство Ли Освальда о материальном обеспечении своей жены, написанное им в связи с выездом их в США.

Что касается других материалов, целесообразно сообщить американцам, что:

– документами, свидетельствующими о каких-либо*censored*ганских или иных фактах непристойного поведения Ли Освальда;

– сведениями о нервных заболеваниях Прусаковой-Освальд М.Н.;

– другими сведениями по вопросам, затронутым в ноте Госдепартамента США, советские власти не располагают.

НАЧАЛЬНИК ПЕРВОГО ГЛ. УПРАВЛЕНИЯ КГБ при
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
генерал-лейтенант (А. САХАРОВСКИЙ) «_» апреля
1964 года
НАЧАЛЬНИК ВТОРОГО ГЛ.УПРАВЛЕНИЯ КГБ при
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
генерал-лейтенант (О. ГРИБАНОВ)
«_»апреля 1964 года».

Кому докладывалась эта справка в КГБ, автору установить не удалось, но в оперативном деле на Налима хранится фотопленка с перечисленными в справке материалами.

Другая просьба, с которой администрация США в лице того же госсекретаря Дина Раска обратилась к Советскому правительству еще в начале декабря 1963 года, через неделю после образования новым президентом Линдоном Джонсоном комиссии под председательством верховного судьи Эрла Уоррена, касалась вопроса об отказе Освальду в советском гражданстве. Очевидно, что этот щекотливый вопрос сразу взволновал умы уважаемых членов названной комиссии и был одним из первых, требовавших вразумительного ответа на вопрос, почему американский марксист не стал советским строителем коммунизма.

С советской стороны в подготовке такого ответа приняли участие те же организации, которые ровно четыре года назад решали эту проблему: ЦК КПСС, МИД СССР и КГБ.

Были подготовлены следующие документы:

«Совершенно секретно Экз. 4. ЦК КПСС

В беседе с послом СССР т. Добрыниным А.Ф. госсекретарь Д. Раск просил сообщить, если это возможно, причины отказа принять американского гражданина Освальда в советское гражданство (телеграмма из Вашингтона № 2054).

МИД СССР и КГБ при СМ СССР полагали бы целесообразным поручить совпослу сообщить Раску в устной форме, что американский гражданин Освальд не отвечал критериям, достаточным для удовлетворения его просьбы о принятии в советское гражданство.

Проект Постановления прилагается.

Просим рассмотреть.

А. Громыко, В. Семичастный. 6 декабря 1963 г.».

Затем следовали два приложения: проекты постановления и непосредственных указаний совпослу:

«Совершенно секретно Экз. 4. Постановление ЦК КПСС об ответе госсекретарю США Д. Раску на его запрос о мотивах отклонения просьбы американского гражданина Освальда о принятии его в советское гражданство. Утвердить проект указаний совпослу по этому вопросу (прилагается).

Секретарь ЦК».

Указания советскому послу были конкретными и звучали так:

«Совершенно секретно Экз. 4. Вашингтон Совпосол № 2054. В связи с просьбой Д. Раска сообщить ему причины отказа советских властей принять Освальда в советское гражданство можете в устной форме передать Раску следующее: Конституция СССР и советское законодательство предоставляют советским гражданам определенные права и возлагают на них соответствующие обязанности. При рассмотрении ходатайства о принятии в советское гражданство компетентные органы Советского Союза учитывают прежде всего то, в какой мере подавший ходатайство может выполнять обязанности гражданина СССР и пользоваться предоставляемыми ему правами. Принимаются во внимание также мотивы, по которым то или иное лицо ходатайствует о вступлении в советское гражданство.

Советские компетентные органы, рассматривавшие ходатайство Освальда, не нашли убедительных оснований, позволяющих сделать вывод о том, что он отвечает требованиям, предъявляемым Конституцией и законодательством СССР к советским гражданам. Не были ясны также мотивы, которые побудили Освальда обратиться со своим ходатайством. То обстоятельство, что Освальд высказывался критически в отношении государства, гражданином которого он являлся, не могло, разумеется, быть определяющим при рассмотрении его просьбы.

По указанным соображениям ходатайство Освальда о принятии его в советское гражданство было отклонено. Исполнение телеграфируйте.

6 декабря 1963 г.».

Поскольку мои попытки проконсультироваться с бывшим советским послом в США Анатолием Федоровичем Добрыниным в связи с исследованием темы «Освальд и КГБ» не увенчались успехом, мне неизвестно, получил и исполнил ли он вышеприведенные указания ЦК КПСС. Но в отчете Комиссии Уоррена ссылок на официальные советские разъяснения по поводу непринятия Ли Харви Освальда в гражданство СССР мне не встретилось. Возможно, американская администрация по каким-то своим соображениям сочла, что они должны остаться исключительно только ее достоянием.

Но не только официальные американские власти проявляли интерес к выяснению обстоятельств, связанных с жизнью Освальда в Советском Союзе. С этой же целью в контакт с посольством вступили и его ближайшие родственники.

Вновь обратимся к рассказанному автору генералом З.: «Сейчас я уже не могу точно назвать даты, но довольно скоро после всего происшедшего посольство посетили мать и жена Освальда. Их волновал главный вопрос – не был ли Освальд действительно связан с нашими специальными службами. Их успокоили, заверили, что они могут быть абсолютно спокойны на этот счет и не должны обращать внимания ни на какие домыслы, которые периодически распространяются в средствах массовой информации.

В ходе разговора с ними в осторожной форме затрагивался вопрос о здоровье Освальда, состоянии его психики и нервной системы. Делалось это так, чтобы не задеть их чувства и не обидеть. Было высказано предположение, что его возможная стрельба по автомашине президента явилась результатом какого-то нездорового состояния, влияния каких-то факторов на его психику. Они соглашались с нашими предположениями. Они также были весьма обеспокоены последствиями и возможными преследованиями со стороны американских властей. Спрашивали, могут ли они в этом случае рассчитывать на какую-

то нашу помощь. Мы разъяснили им, что никаких оснований для беспокойства у них не должно быть: находясь по поводу случившегося в контакте с американскими властями, мы никогда не слышали от них о намерениях предъявить семье Освальда какие-либо претензии. Мать Освальда, как я помню, несколько раз посещала посольство, ее принимал посол. Поскольку мне приходилось общаться с ней во время этих визитов, встречать и провожать, то могу сказать, что она выражала свою признательность за нашу откровенность во время бесед. Она подчеркивала также свою удовлетворенность тем, что мы не пытаемся влезть в их дела, не надоедаем ненужными расспросами».

В первый день апреля 1964 года посол телеграфировал в Москву: «Посольство посетила мать Освальда с целью получения возможных материалов о пребывании ее сына в СССР. Освальд заявила, что она намерена доказать невиновность сына. Она подчеркнула, что у нее есть очень сильные подозрения, пока еще не доказанные, что ее сын был агентом «одного из органов правительства США».

Она пыталась ознакомиться с материалами, переданными нами в Госдепартамент, однако эта попытка никаких результатов не дала: ей дали понять, что она должна прекратить попытки проведения какого-то самостоятельного расследования. Однако она намерена довести расследование до конца и издать аргументированную книгу о результатах.<

> Освальд было отвечено, что посольство не может предоставить ей каких-либо материалов. Она выразила понимание того деликатного положения, в котором находится посольство относительно дела Освальда, но продолжает надеяться, что в будущем посольство, может быть, поможет ей. Она заявила, что некоторое время назад она обратилась с аналогичной просьбой к Н.С. Хрущеву, но ответа пока не получила.

Она не исключает, что для сбора данных ей необходимо будет поехать в СССР. В отношении средств, на которые она проводит расследование, она заявила, что, например, ее пребывание в Вашингтоне оплачивает одна из телевизионных компаний в качестве гонорара за ее согласие выступить в программе этой компании, и также ей помогут съездить и в Советский Союз.

На вопрос о Марине Освальд и ее детях она ответила, что Марина теперь обеспечена на всю жизнь в результате пожертвований, получаемой ею ежемесячной пенсии на мужа (148 долларов) и продажи личных вещей Ли Освальда (согласно данным, появившимся в прессе, пожертвования жене Освальда достигли 40 тысяч долларов, а сумма за выступления по радио и телевидению и от продажи одной из кинокомпаний права снять кинокартину с использованием ее воспоминаний составила 300 тысяч долларов).

Из беседы с Освальд сложилось мнение, что в отличие от того образа, который о ней создает пресса, она является вполне разумным и уравновешенным человеком».

В заключение телеграммы посольством высказывалось мнение, что в настоящее время передавать матери Освальда какие-либо документы нецелесообразно, так как «это может возобновить ненужную нам шумиху вокруг дела Освальда», однако затем следовала оговорка, что «исключать полностью возможность передачи ей материалов в будущем не следует, если это будет в наших интересах».

Каких-либо других подтверждений взаимодействия советской стороны с Комиссией Уоррена в ходе ее работы автору выявить не удалось. Нет также данных о продолжении контактов родственников Освальда с советским посольством.

Как известно, в процессе деятельности Комиссии Уоррена проводилась тщательная реконструкция ситуации на месте покушения. Занимались подобным моделированием

независимые расследователи и в США, и в других странах. Так, в Израиле МОССАД в деталях восстановил обстоятельства стрельбы снайпера (Освальда?) и пришел к определенным выводам. Обращаюсь с интересующим меня вопросом к В.Е. Семичастному:

«Вопрос. Проводился ли КГБ следственный эксперимент по моделированию ситуации покушения?

Ответ. Нет, этот вопрос у нас даже не возникал. Нас это тогда не волновало, главным было то, что мы были абсолютно уверены в нашей непричастности».

Что ж, трудно не согласиться с тем, что тогда для КГБ вопрос непричастности к покушению на американского президента действительно являлся самым главным, ну а в дальнейшем хватало других забот.

16 апреля 1964 года начальник Второго главного управления КГБ генерал-лейтенант О. Грибанов утвердил постановление по оперативному делу на Освальда. В констатирующей части указывалось, что он разрабатывался по подозрению в шпионаже, затем выехал с женой в США, где в ноябре 1963 года был арестован как предполагаемый убийца президента Кеннеди. Далее было сказано:

«…Учитывая, что материалы агентурной разработки на Освальда представляют историческую ценность, ПОСТАНОВИЛИ:

Дело на Освальда сдать на хранение в особый фонд Учетно-архивного отдела КГБ при СМ СССР.

Копию постановления направить в УАО КГБ при СМ БССР».

Глава 2
РАЗМЫШЛЕНИЯ

ЗАГОВОР, КОТОРЫЙ НЕ УБИВАЛ КЕННЕДИ

Сколько же заговоров завершилось, и завершилось ли, в Далласе 22–24 ноября 1963 года?

Где они зародились и развивались?

Прибыли ли заговорщики в Техас одновременно с президентом или уже поджидали его, удобно расположившись на маршруте следования автокортежа в Далласе?

В отчете сенатской Комиссии по расследованию убийства под председательством Стоукса (1979) сказано: «…Заговорщики – ЦРУ, мафия, кубинцы – имели все необходимое для успешного заговора с целью убийства: людей, мотивы, средства, – и улики показывают, что участники могли прекрасно продумать использование имевшихся ресурсов, чтобы увеличить свою силу и разрешить свои проблемы путем ликвидации президента».

Игорь Ефимов в своей книге «Кто убил президента Кеннеди» пишет:

«Десятки теорий были предложены на этот счет. Вот перечень наиболее часто

упоминаемых подозреваемых:

1. Мафия.
2. Линдон Джонсон и Секретная служба.
3. Эдгар Гувер и ФБР.
4. Правые экстремисты в союзе с богатыми нефтепромышленниками.
5. Кубинские эмигранты-антикастровцы в союзе с ЦРУ.
6. Военно-промышленный комплекс.
7. Никита Хрущев.
8. Фидель Кастро».

Московская газета «Вечерний клуб» 19 ноября 1992 года опубликовала статью, выдержки из которой приводятся ниже:

«Десять версий убийства века.

По официальной версии, Джон Кеннеди был убит Ли Харви Освальдом. Но есть и другие мнения.

…Покушение организовали кубинские беженцы в США, Освальд – «подсадная утка».

…Покушение – дело рук Кастро, мстившего за попытку захвата Кубы и ее блокаду. Освальд – статист, отвлекающий внимание, не более того.

Четвертая версия – покушение было организовано ФБР и его шефом Эдгаром Гувером… Освальд опять же отвлекал внимание.

Версия пятая. Покушение осуществила мафия, которая мстила Кеннеди за угрозы ее боссам… Освальд – стрелочник и козел отпущения.

Версия шестая. Освальд был агентом КГБ, а устранивший его Руби – еще один человек Москвы.

Седьмая версия описана в книге «Смертельная ошибка», вышедшей два года назад в США… Кеннеди был убит случайно своим же охранником».

И наконец, три наиболее вероятные, по мнению автора статьи, версии:

«Покушение организовали люди из ЦРУ…

Смерть Кеннеди – результат заговора ультраправых в США, среди которых особую роль играл миллиардер Хант… Освальд, якобы симпатизировавший коммунистам, как нельзя лучше подходил на роль убийцы…

Убийство инспирировано и осуществлено военно-промышленным комплексом, который хотел видеть президентом Линдона Джонсона… Освальд сыграл роль пешки, сначала использованной, потом устраненной».

Сам президент Джонсон, будучи включен в перечень «подозреваемых», одновременно вошел и в число «теоретиков» заговоров. Вскоре после гибели своего предшественника он высказал предположение, что «Кеннеди мог быть убит в отместку за смерть за три недели до этого президента Южного Вьетнама Дьема». Интересная версия рассматривалась в израильской разведке (МОССАД). По «теории» МОССАДа, убийцы, люди из мафии, но не Ли Харви Освальд, в действительности хотели убрать тогдашнего губернатора Техаса Джона Коннелли, который находился в автомашине вместе с Кеннеди, но был только ранен. Освальд представляется во всей этой истории пешкой, а Коннелли – объектом гангстеров, старающихся силой проложить путь в нефтяной бизнес… Покушение на Кеннеди могло быть прекрасным прикрытием при убийстве Коннелли – никто не подумает, что оно было направлено против Коннелли. Если бы они хотели убрать Кеннеди, то могли бы достать его повсюду.

Серьезный исследователь трагедии Далласа Э. Эпштейн «каталогизировал», по его

выражению, 30 различных «теорий» и опубликовал этот «каталог» в журнале «Эскуайер». В основу систематизации версий им положен принцип cui bono («кому выгодно»).

Итак, по самым скромным подсчетам, получается, что к ноябрю 1963 года могло существовать самое меньшее 30 заговоров с целью физической ликвидации президента. Если даже представить, что каждый заговор для выполнения такой задачи предполагал только одного исполнителя, то и тогда к 22 ноября в Даллас должны были стянуться по меньшей мере 30 профессионалов-киллеров.

Такая «насыщенность» неизбежно привела бы к тому, что на каждое удобное место для совершения теракта против президента США претендовало бы сразу несколько исполнителей, что могло породить между ними острую конкуренцию в борьбе за первенство по реализации «своего» заговора.

Поскольку президент был убит, кто-то из киллеров-конкурентов все-таки выиграл гонку. Какие заговорщики оказались самыми ловкими в подборе мест и исполнителей? Каким образом удалось кому-то оказаться проворнее других соперников?

За прошедшие годы «заговорщики» (так стали называть сторонников теорий заговора против Кеннеди в период работы Комиссии Стоукса в 1979 году, и я тоже для краткости буду пользоваться этим прозвищем) осуществили поистине титанический труд, по крохам собирая улики, которые могли бы однозначно подтвердить ту или иную теорию заговора. Не берусь судить, сколько ушло на это «человеко-лет» и бумаги.

Объем собранной за весь этот период информации грандиозен, но степень ее доказательности так и не позволяет, указывая на каких-то конкретных лиц – а имен «участников» заговоров в разных книгах названо более чем достаточно, – выдвинуть против них юридически обоснованные обвинения в подготовке или осуществлении покушения на президента США. Однако некоторые «заговорщики» без всяких сомнений заявляют, что точно знают, кто участвовал в убийстве Кеннеди. Например, английский юрист и убежденный «заговорщик» Майкл Эддоус в своей книге «Дело Освальда» поместил список советских граждан, замешанных в убийстве президента, включив в него жену Освальда Марину, ее дядю, проживавшего в Минске, начальника минского ОВИРа, сотрудников советского посольства в Мексике В. Костикова и П. Яцкова, консула в Вашингтоне Резниченко и еще ряд мифических фигур, порожденных его фантазией. Кстати, благодаря его упорству 4 октября 1981 года была проведена эксгумация тела Освальда – он предположил, что это тело двойника, направленного КГБ в США. Не знаю, насколько убедили этого «заговорщика» результаты проведенной экспертизы, не подтвердившей его теорию.

Здесь вынужден сделать небольшое отступление, поскольку, очевидно, еще существуют сторонники версии Майкла Эддоуса о коварной операции КГБ.

В принципе, он шел по правильному пути, но заблуждался в главном – времени и месте подмены Освальда двойником КГБ, поэтому его надежды на сенсационные результаты эксгумации были обречены на провал. Если эту книгу будут читать авторы детективных романов и сценаристы триллеров в поисках сюжетов, то только для них под большим секретом сообщу, как и где «в действительности» состоялась подмена.

КГБ по заранее разработанному плану еще в Мехико заменил настоящего Освальда «своим», которого направил в США с «особой миссией». Настоящий поселился в подвальном помещении советского посольства, где с ним непрерывно занимались политическим образованием. 23 ноября 1963 года спецкоманда КГБ оперативно доставила Освальда в Даллас и в ночь на воскресенье, в здании полицейского управления, вновь

произвела тайный обмен на «своего». Поэтому на кладбище покоились останки настоящего Ли Харви Освальда. А «наш» был благополучно вывезен в Советский Союз, где живет и поныне и, кажется, пишет книгу воспоминаний.

Поскольку эта «правдивая» история рассказана впервые, то рассчитываю на долевое участие в авторских правах на ее художественное воплощение в любом виде.

Довольно похоже на мою ироничную версию и повествование другого «заговорщика»: «…Освальд не мог решиться на такое опасное предприятие, имея заверения только тех кубинских агентов, которые манипулировали им в Новом Орлеане. Ему нужны были гарантии более крупных фигур. Мы уже знаем, что в советском посольстве он встречался с начальником всей диверсионно-подрывной сети Западного полушария Костиковым».

Когда в апреле 1993 года я прочитал это Валерию, он долго смеялся, а потом, поинтересовавшись, кто это назначил его на такую высокую должность, заметил: «Если увидишь автора, скажи, что занимай я в тридцать лет такую должность, то уж, наверное, в шестьдесят ушел бы в отставку не полковником, а генерал-полковником».

Далее тот же исследователь перечисляет кубинских сотрудников госбезопасности, с кем Освальд якобы встречался в Мехико, и сообщает со ссылкой на одного из них, что «в кубинском посольстве о покушении знали заранее».

Подобные «находки» можно отнести скорее к курьезам, чем к результатам серьезных поисков, исследований, хотя у тех же авторов есть и интересные аналитические выкладки.

Вот каковы общие итоги всех этих многочисленных и многолетних расследований «десятков» заговоров, приведших к гибели тридцать пятого президента США.

Перечень cui bono («кому выгодно»), появившийся сразу после далласской драмы (за три дня убито три человека прямо на глазах многих свидетелей), за прошедшие годы практически не изменился.

У разных авторов одни и те же лица выступают «персонажами» одновременно нескольких заговоров.

Источником информации для «заговорщиков» в течение всех этих лет был практически один и тот же круг свидетелей, причем даже трудно представить, сколько раз они отвечали на расспросы официальных и неофициальных исследователей. Можно предположить, что «заговорщики» при опросах свидетелей использовали такие наборы вопросов, ответы на которые должны были подкреплять именно их версию, то есть пытались доказать ее, идя не от противного, когда стараются опровергнуть собственную версию, а наоборот. Это хорошо заметно, когда в разных книгах авторы делают ссылки на одних и тех же свидетелей для подкрепления совершенно противоположных гипотез. Свидетели, очевидно, тоже привыкли к этому и охотно сообщали спрашивающим как раз то, что тем хотелось услышать.

Фактически все попытки раскрыть тот или иной заговор начинались с Освальда или приводили к нему. Его «вставляли», пожалуй, во все «ведущие» теории заговоров. Будь то ЦРУ или КГБ, анти– или прокастровцы, мафия или ФБР – везде ему находилось место. В зависимости от прихоти «заговорщика» Освальд то состоит в группе инициаторов «конспирэси», то играет роль киллера, то – козла отпущения, то выполняет задание спецслужб, то – поручение мафии. Этакий профи-универсал по ликвидации президентов.

В 1979 году появилось официальное заключение Комиссии Стоукса – первое альтернативное выводу Комиссии Уоррена об убийце-одиночке: «Комиссия на базе доступных ей доказательств считает, что президент Джон Ф. Кеннеди был, вероятно, убит в результате заговора».

Такое заключение стало манифестом «заговорщиков». Но и оно, построенное на акустической экспертизе магнитофонной записи, свидетельствовавшей якобы о наличии четвертого выстрела, оказалось впоследствии недостаточно обоснованным. По этому поводу в новом предисловии 1992 года к книге Э. Эпштейна «Хроники убийства» говорится, что эксперты Национальной академии наук установили, что комиссия анализировала сомнительную запись, на основе чего и появилось «заговорщическое» заключение. Но к моменту выявления ошибки, в октябре 1982 года, комиссия была давно распущена и ее неверное заключение о заговоре стало частью «народной мифологии».

Таким образом, можно констатировать, что и сегодня остается один конкретный подозреваемый в убийстве Кеннеди и много-много нераскрытых заговоров.

Можно ли еще рассчитывать на какую-то новую информацию, которая – не говорю, что «разоблачит» тот или другой заговор, – хотя бы приблизит к разгадке далласской тайны? Полагаю, что источниками такой информации могли бы стать архивные документы американских спецслужб, но не берусь судить, насколько реально рассчитывать на их исследование в обозримом будущем.

Что касается свидетелей, то трудно надеяться, что по прошествии стольких лет появятся новые. Конечно, и сейчас, и даже в последующие годы могут всплыть чьи-то признания, появиться хранимые кем-то документы, относящиеся к далласским событиям. Есть много причин, по которым такие свидетельства могли скрываться в течение долгих лет. Взять хотя бы эту книгу. Даже десять лет назад я не мог вообразить, что когда-нибудь смогу наконец свободно рассказать о содержании встреч с Освальдом, хотя думал об этом все годы после далласских событий. В Советском Союзе эта проблема вообще мало кого волновала, а тот, кто интересовался ею, проснулся бы в холодном поту, если бы ему приснилось, что он обращается в КГБ за помощью по такому вопросу. В самом КГБ, после того как было доложено высшему руководству страны и сообщено американской стороне об отсутствии оперативных контактов с Освальдом, все эти события довольно быстро забылись, и никто к этому делу не возвращался вплоть до начала 1990-х годов. Иностранным исследователям (я не говорю о запросах официальных комиссий) тоже вряд ли могла прийти в голову мысль обратиться в КГБ за информацией об Освальде. Так что за все это время никто никогда и нигде нас не расспрашивал об обстоятельствах наших бесед с Освальдом и их подробностях. Мы же, связанные нормативами секретности нашей службы, инициативы не проявляли и хранили молчание.

Безусловно, любые новые сведения по этой проблеме вызывают повышенный интерес и пристальное внимание с точки зрения их достоверности. Так и должно быть, поскольку возможны всякого рода фальсификации и просто фантазии, в том числе и больных людей, как это не раз бывало в прошлом.

Я не только не исключаю, но даже уверен, что и к этой книге многие отнесутся с определенным недоверием, и считаю это вполне естественным: очень трудно без сомнений и подозрений поверить информации, предоставляемой не предателем или диссидентом бывшего КГБ, а его лояльным ветераном. Хочу уверить таких читателей, что все рассказанное мной – чистая правда. Работая над книгой, я испытывал огромное удовлетворение, получив возможность изложить доселе неизвестные достоверные факты, помогающие по-новому взглянуть на события в Далласе. То же самое, как мне известно, чувствуют и мои друзья-коллеги, внесшие немалый вклад в создание книги.

После такого лирического отступления хочу вернуться к теме новых «сведений». Следует отметить, что даже «надежные» свидетели, среди которых и очень близкие

Освальду люди, кто – для того чтобы подогреть интерес к себе, кто – в коммерческих целях, время от времени «оживляли» свои показания новыми деталями или вообще их меняли.

Мне кажется, что наряду с названными архивными и свидетельскими источниками колоссальная информация, собранная по далласской трагедии, таит в себе еще не до конца выявленные резервы и ответы на многие вопросы, которые по сей день беспокоят американское и международное общественное мнение: была ли гибель Кеннеди результатом заговора?

Думается, для того чтобы найти ответы на эти вопросы, нужно по-новому взглянуть на отдельные теории заговора, использовать новые подходы при их сравнительном анализе, дополнительно исследовать узловые моменты событий и некоторые информационные фрагменты с разных точек зрения. Придерживаясь такой позиции, осмелюсь предложить на суд читателя некоторые свои соображения на этот счет.

Чтобы подойти к живой практике, придется прежде всего начать со скучной теории.

Как известно, любое серьезное исследование начинается с четкого определения его предмета. Это непреложная истина. Однако, читая труды отдельных «заговорщиков», я не нашел в них такого определения или хотя бы пояснения того, как сам автор, строя «теорию» заговора, понимает термин «заговор» или каким его словарным определением пользуется. Очевидно, это слово представляется таким авторам настолько ясным, что они даже не считают нужным говорить об этом. Но возможно, именно в этом одна из методологических ошибок исследователей, которая не одного из них завела в тупик.

Давайте попробуем разобраться, что такое заговор, начав с его определения, как дает его словарь русского языка: «ЗАГОВОР – тайное соглашение нескольких лиц о совместных действиях против кого-, чего-либо для достижения каких-либо определенных политических целей».

На английский это слово переводится как conspiracy или plot. Главными определяющими признаками этого понятия являются: а) сговор нескольких лиц и б) тайность.

Из этого следует, что для того, чтобы можно было говорить о заговоре, в нем должны участвовать по меньшей мере два человека, и в то же время максимальное количество участников неограниченно. Однако очевидно, что количество участников не может не оказывать влияния на фактор тайности, который обусловливает какое-то критическое число участников заговора, в случае превышения которого обеспечение тайности становится практически невозможным.

Таким образом, заговоры можно условно по количеству участников разделить на две категории: малый заговор – с минимальным количеством участников, большой заговор – с максимальным количеством участников.

Значение такой классификации станет понятно ниже, но, забегая вперед, поясню, что она необходима для анализа конкретной информации, которая может использоваться как для подтверждения, так и для отрицания существования различных заговоров.

Наличие нескольких лиц, заключивших какое-то тайное соглашение о совместных действиях, неизбежно порождает потребность в создании некой управленческой структуры для руководства этими действиями, распределения и контроля исполнения функциональных обязанностей его участников, ибо по закону технологии любой деятельности «каждый должен нести свой чемодан».

Тайность (или «конспиративность») не только влияет на подбор оптимального состава

участников заговора, но и определяет принципы, на которых строится его внутренняя организационная структура. Причем принципы эти универсальны и в географическом (Европа, Америка, Азия и т. д.), и в профессиональном (спецслужбы, мафия, любая криминальная среда) смысле.

С учетом сказанного такая заговорщическая структура может выглядеть следующим образом.

//-- СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ БОЛЬШОГО ЗАГОВОРА --//

Идеологи-инициаторы

Постановка задачи

Финансирование

Организаторы (директорат) (профессионалы в оперативной [криминальной] деятельности)

Информационное обеспечение

Определение места и времени завершения большого заговора

Подбор и руководство менеджерами Общий сценарий большого заговора

Менеджеры (специалисты в отдельных областях)

Определение «поля боя» – места проведения террористической акции

Конкретизация сценария

Подготовка средств

Подбор исполнителей

Подбор группы прикрытия и руководство ею

Исполнители (киллеры-профессионалы)

Основные

Резервные

Группа прикрытия (поддержки) (профи в отдельных вопросах)

Реализация отвлекающих мероприятий (включая создание козлов отпущения)

Доставка исполнителей на «поле боя», их эвакуация или ликвидация после акции

Наведение на козла отпущения или его ликвидация

На первый взгляд, модель может показаться чересчур громоздкой и излишне бюрократизированной, но в этом скрыт глубокий смысл. Любая бюрократия, выполняя управленческие функции, всегда стремится свести к минимуму ответственность за собственные ошибки и недоработки. В противоправной деятельности цена за ошибки и недоработки весьма высока и может равняться длительным срокам тюремного заключения или даже смертной казни. В организованной преступности технологическая цепочка растягивается таким образом, чтобы как можно дальше отодвинуть главарей на случай расследования и максимально снизить уровень ответственности исполнителей путем их участия только в отдельных эпизодах преступления. Наиболее наглядным примером, пожалуй, может служить ярко выраженная бюрократическая структура мафии. На тех же принципах строится и оперативная работа специальных служб, правда, с несколько иной спецификой ответственности.

Говоря о таком «высоком» типе противозаконной деятельности, как заговорщическая, нельзя не упомянуть еще об одном принципе, назовем его «принцип ящерицы». Общеизвестно, что при возникновении опасности ящерица легко отдает свой хвост, чтобы не лишиться головы. Этот принцип является основополагающим в организационной

иерархической структуре большого заговора.

Приведенная выше абстрактная схема большого заговора представляет собой предельно упрощенный вариант его модели, ее нужно рассматривать просто как инструмент, пригодный для исследования той или другой тайной деятельности, которую можно отнести к заговорщической. Каким образом должен работать этот инструмент? Данная абстрактная модель заполняется конкретной информацией по какой-то версии. Затем в ее рамках проводится сопоставление и оценка сведений, анализ и составление заключения о реальности предложенной версии. Применение модели позволит увидеть, какие позиции версии нуждаются в дополнительном информационном обеспечении, и подсказать возможное направление (адресат, источник), где следует искать необходимые данные.

Я вовсе не считаю предлагаемый подход каким-то открытием, но в то же время убежден, что применение абстрактной модели большого заговора для анализа конкретных сведений может дать интересные результаты – как позитивные, так и негативные.

При штудировании опубликованных работ (конечно, это только малая часть всего написанного о различных заговорах) пришлось столкнуться с тем, что некоторые исследователи, затратив огромные усилия на сбор информации, не смогли потом соответствующим образом распорядиться ею при конструировании своей теории и подменяли доказательные выводы эмоционально окрашенными заключениями. Иногда возникает подозрение, что кое-кто делал это с умыслом, чтобы поддерживать неопределенность при описании событий. Как известно, неопределенность всегда держит в напряжении общественное мнение, а в этих условиях проще ставить вопросы, чем отвечать на них, легче и удобнее надувать сенсационные пузыри с многочисленными вопросительными и восклицательными знаками. Но это всего лишь мое субъективное мнение.

Наибольший интерес из всех изученных мною теорий большого заговора вызвало у меня частное расследование новоорлеанского судьи Джима Гаррисона, ныне покойного. Сразу оговорюсь, что оставляю в стороне его нравственные, этические установки и личные цели – меня интересует чисто «технологический» аспект произведенных им следственных действий, в которых, на мой взгляд, явно просматриваются контуры модели большого заговора. Возможно, такой подход был обусловлен предыдущим опытом работы Гаррисона в американских спецслужбах.

Гаррисон построил свое расследование в рамках следующей схемы. Априори он исходил из того, что «идеологи» большого заговора входят в состав высшего эшелона американского разведсообщества. Соответственно, в роли «организаторов» выступают профессионалы из ведомств, входящих в это сообщество. С учетом оперативной обстановки в Новом Орлеане – наличия антикастровской эмиграции, активности спецслужб и пребывания там Освальда, объектами своих следственных устремлений он избирает (исходя при этом еще и из своих возможностей) известных ему «контрактных агентов» американских спецслужб. Таким образом, через возможных менеджеров большого заговора Гаррисон ищет выход на исполнителей, то есть разрабатывает версию, практически совпадающую с выводом Комиссии Стоукса.

Думается, что именно такой подход позволил судье копнуть глубже, чем это сделала Комиссия Уоррена по Новому Орлеану. В свою очередь, Комиссия Стоукса не опровергла результаты действий Гаррисона, а подтвердила полученные им данные о существовании связки Банистер – Фэрри – Освальд. Кстати, в последующем эта информация в различных вариантах использовалась в других теориях большого заговора. Но, к сожалению,

очевидно, в силу различных факторов Гаррисон, нащупав интересные «узелки», поспешил представить их в качестве элементов раскрытого заговора и попытался необоснованно придать им доказательную силу для организации громкого судебного процесса. Но ведь факт наличия контактов между какими-то лицами еще не доказательство существования преступного заговора. Опытный судья почему-то не захотел придерживаться этой истины. К чему это привело, общеизвестно. Само расследование и его итоги были скомпрометированы, дальнейшая разработка этой версии другими «заговорщиками» была затруднена. Поэтому такая поспешность скорее привела, если так можно выразиться, к «закрытию» заговора, конечно, при условии, что он существовал, чем к его раскрытию.

В нашумевшем фильме «Джон Ф. Кеннеди», поставленном режиссером Стоуном по материалам расследования Гаррисона, я увидел попытку наполнить модель большого заговора конкретной информацией. Это происходит в эпизоде встречи в Вашингтоне новоорлеанского судьи с неким мистером X. Привожу монолог последнего так, как мне удалось его записать после неоднократного прокручивания видеокассеты фильма:

«Мистер X. Идея носилась в воздухе… Крупные банкиры, нефтяные магнаты, оружейные магнаты и так далее… Организованного заговора, может, и не было.

Моему начальнику генералу Н. позвонили… Мы выступаем… Когда?.. Осенью, скорее всего на Юге… Мы хотим, чтобы вы составили план действий… Это возможно? Короче говоря, было принято решение – он (Кеннеди) должен умереть… Никакого «голосования», никаких письменных документов… и некого винить… Нет одного врага… Не найти следов, не найти никаких ходов… Все это окутано секретностью…

Заговор был обречен на успех. Главным было оградить заговорщиков от любых преследований… Главным было сделать так, чтобы никто не узнал о заговоре, тем самым это и был настоящий заговор…»

Характерно, что монолог мистера X. звучит как описание одной из ординарных операций, в которых ему, очевидно, не раз приходилось участвовать. И в этом нет, на мой взгляд, ничего удивительного, ибо анонимный мистер X., по замыслу авторов фильма, выступает как опытный профессионал из американского разведсообщества, а та схема заговора, которую он рисует, мало чем отличается от сценариев операций, проводимых спецслужбами. Как ранее уже говорилось в этой главе, они осуществляются по тем же принципам конспиративности, но главное их отличие от преступных сговоров в том, что, когда они проводятся в рамках нормативных актов, предписанных для спецслужб, они носят характер законной оперативной деятельности.

Коль скоро пришлось прибегнуть к эпизоду из фильма о Кеннеди в качестве иллюстрации к своим рассуждениям, воспользуюсь случаем, чтобы кратко высказать мнение о его социально-информационном аспекте, не оценивая художественно-кинематографических достоинств и недостатков.

На мой взгляд, кинофильм весьма убедителен для тех, кто очень поверхностно представляет или вообще не знает проблему Далласа, и достигается это сценой выступления судьи Гаррисона на процессе. Однако фильм, как и его документальная основа, бездоказателен в смысле представления улик раскрытого заговора. Отсюда, очевидно, и двойственное восприятие кинокартины американским обществом.

Далее в этой главе я хочу рассмотреть два вопроса, которые мне представляются основными для любой теории заговора.

Первый: если большой заговор существовал, то до какого этапа дошло его развитие к 22 ноября 1963 года?

Второй: являлся ли Ли Харви Освальд участником большого заговора?

При рассмотрении первого вопроса будут использованы модель и следующий гипотетический сценарий идеального большого, или, пользуясь излюбленным выражением журналистов, широко разветвленного, заговора.

Весной 1963 года вице-президент Джонсон впервые объявил о предстоящем в конце того же года визите Кеннеди в Техас. «Носившаяся в воздухе идея», по выражению мистера X., материализуется в конкретную цель. «Идеологи» формулируют задачу – «осуществить покушение на президента с целью убийства во время пребывания в Техасе». На основе этой задачи в дело вступают опытные профи – «организаторы», которые начинают формирование управленческой структуры. Кем бы ни были «идеологи», на организационно-рабочем уровне в большой заговор неизбежно должны быть вовлечены профессионалы. Причем если на уровне «организаторов» участники разделяют идею, то на низших ступенях могут стоять завербованные на идейной основе, используемые втемную или работающие по найму, лишь бы хорошо платили. Поиск подходящих «менеджеров» ведется в среде, где вращаются специалисты по различным областям конспиративной деятельности. Последние, в свою очередь, там же подбирают «людей действия», то есть непосредственных исполнителей.

В целях безопасности заготовки структур действия создаются за пределами будущего «поля боя» с тем, чтобы раньше времени не привлечь к ним внимание соответствующих служб в период подготовки визита. Ретроспективный анализ дает основание полагать, что Новый Орлеан в те дни в высшей мере располагал такой средой. Как вариант можно рассматривать и Майами, но он слишком удален от места действия.

К сентябрю основная подготовительная работа, проходившая с мая по август, подошла к завершающей фазе. Здесь необходимо заметить, что время, как и пространство, тоже фактор безопасности и обусловливает сроки создания структуры большого заговора.

13 сентября далласские газеты опубликовали сообщение об однодневном визите президента в Техас 21 или 22 ноября 1963 года. Это можно считать точкой отсчета завершающего этапа (фазы) большого заговора.

Возрастает значение информационного обеспечения – поступления данных о расписании визита, местах посещения, маршрутах передвижения, системе охраны, сведений о предупредительных мерах спецслужб и режиме безопасности накануне визита. Обработка получаемой информации позволяет выбрать оптимальные точки маршрута или места посещения, пригодные для гарантированного осуществления акции, то есть конкретное «поле боя». Разрабатывается сценарий «дня X», определяются средства и способы проведения акции, исполнители, намечается возможность организации дополнительных благоприятных ситуаций для повышения эффективности их действий, согласовываются пути доставки киллеров на «поле боя» и их эвакуации.

«Группа прикрытия» приступает к постепенной подготовке отвлекающих мероприятий, включая конструирование «параллельного заговора» или лепку индивидуального козла отпущения. При возможности на местности создаются условия, приближенные к обстановке «поля боя» для спецподготовки исполнителя (или исполнителей).

Накануне 22 ноября структура большого заговора находится в состоянии готовности № 1.

Так или примерно так в 1963 году мог в идеальном варианте развиваться большой заговор против Кеннеди.

Почему в этом абстрактном, гипотетическом сценарии Новый Орлеан фигурирует как

главное место зарождения структуры большого заговора? Потому что такое место ему отводится в основных теориях «заговорщиков». Их интерес, видимо, был основан на том, что здесь существовало много крупных и влиятельных фигур, имевших зуб на президента Кеннеди, находилась масса специалистов оперативной работы и противозаконной конспиративной деятельности, очевидно, немало болталось и профессионалов-киллеров, ну и, наконец, какое-то время в Новом Орлеане обитал Ли Харви Освальд. Это все понятно, но неясно, почему после 30 лет стольких усилий ничего определенного сказать нельзя – вроде что-то и было, а вроде и нет. И тогда возникает провокационный вопрос: а если это был «параллельный заговор», то новоорлеанский след был ложным и вел в тупик? Разве «организаторы», находясь, допустим, в Вашингтоне или Хьюстоне, не могли подобрать «менеджеров» в Чикаго или Детройте, а те – наемных убийц в Сан-Франциско или вообще за рубежом? Выходит, невозможно было найти черную кошку в темной комнате, поскольку ее там и не было.

До сих пор шла речь о структурах и сценариях больших заговоров. Но выше говорилось, что существует еще категория малых заговоров, которые, в свою очередь, можно разделить на «естественные» и «искусственные». В первом случае небольшое число единомышленников объединяется для реализации идеи любыми средствами, вплоть до самопожертвования. Во втором – это составная часть большого заговора, когда некто выступает инициатором малого заговора и объединяет вокруг себя сплоченную группу соратников. В дальнейшем действия участников группы через инициатора направляются и контролируются, и она превращается в инструмент большого заговора для решения различных задач.

Будучи невелик по масштабу, малый заговор не менее опасен, а для раскрытия даже, возможно, более сложен, чем большой. Его состав формируется из людей, сплоченных вокруг единой цели, к достижению которой они стремятся не за страх, а за совесть. Если в большом заговоре в целях безопасности растягивается технологическая цепочка, то здесь фактором безопасности служит компактность и единомыслие участников. Слабыми местами малого заговора могут быть отсутствие в его составе профессионалов конспиративной деятельности и совмещение одним лицом разных обязанностей, например «организатора» и «исполнителя». Все это может привести к технологическим ошибкам, которые попадут в поле зрения спецслужб со всеми вытекающими последствиями.

О каких бы заговорах ни шла речь, это всегда разговор о деятельности. Но продукт, или «отпечаток», любой деятельности, какой бы тайной она ни была, – это информация. Когда говорится о противозаконной деятельности, информацию называют «уликами», «следами», «вещественными доказательствами». Носителями такой информации могут быть предметы, документы, люди. Никакая деятельность не может протекать вне времени и пространства и вне той социальной среды, в которой обитает сам деятель. Деятельность не может быть бесследной, поэтому встречающееся в юридической практике понятие «идеальное преступление» (crimen perfecto), обозначающее «безуликовое» противоправное деяние, на мой взгляд, иррационально.

Люди, непосредственно осуществляющие какую-то деятельность, являются ее «информационными банками», а контактирующие с ними или наблюдающие со стороны за этой деятельностью – ее свидетелями.

Все эти теоретизированные рассуждения понадобились мне для того, чтобы вновь перекинуть мостик к свидетелям далласских событий. Как известно, в ряде теорий

утверждается, что немало свидетелей (называется количество от десяти до двадцати и более из многих сотен) ушли в мир иной при не до конца выясненных обстоятельствах именно потому, что были носителями опасной для кого-то информации. Среди них называются свидетели по отдельным эпизодам, видные фигуры мафии, находившиеся в ноябрьские дни вне Далласа, контрактные агенты спецслужб, специалисты по тайным операциям и другие.

С присущей большинству авторов верой в непогрешимость собственных идей я думаю, что прокрутка конкретных версий по модели большого заговора поможет развеять часть подозрений, порожденных гибелью отдельных свидетелей. Определив нишу свидетеля на той или иной позиции модели, его профессиональные и социальные связи по вертикали и горизонтали, «критическую массу» его свидетельской информации, можно прикинуть, какую опасность он мог представлять для большого заговора и насколько подпадал под действие «принципа ящерицы».

Очередная порция теоретических «прикидок», я надеюсь, покажется широкому читателю менее заумной и более удобоваримой. Я постараюсь сочетать их с прикладным анализом ноябрьских реалий 1963 года.

Играя за «менеджеров» большого заговора, я хочу представить себе Даллас, и в частности площадь Дили-Плаза, как «поле боя» для совершения «исполнительной акции», то есть с их позиций подобрать места для расположения киллеров.

Я попросил помочь мне в этой работе моего друга, доктора медицины Иосифа Б. Линдера, который является президентом Международной контртеррористической тренинговой ассоциации по Евразии и возглавляет Международную академию подготовки сотрудников правоохранительных органов.

В Далласе, несомненно, складывались весьма благоприятные условия для успешной реализации завершающей фазы большого заговора. Чисто визуально на схеме маршрута президентского автокортежа по деловой части Далласа были определены пять-шесть точек, пригодных для осуществления акции. В основу подбора были положены «изломы» трассы, то есть участки, где автомашины неизбежно снижают скорость и превращаются в удобную мишень для прицельной стрельбы или использования взрывных устройств. При привязке к местности, безусловно, некоторые из них могут отпасть, но для действий «исполнителей» могут подойти и другие, даже прямые, отрезки маршрута. Применявшийся тогда (не знаю, как сейчас) принцип, согласно которому секретная служба «автоматически» должна составлять маршрут автокортежа таким образом, чтобы в пределах отведенного времени позволить президенту «увидеть наибольшее число людей», ставил охрану и возможных злоумышленников в абсолютно неравные условия, давая последним большие преимущества. Если же к этому добавить, что здания вдоль маршрута автокортежа не были осмотрены полицией или администрацией этих зданий, потому что секретная служба обыкновенно не требовала такого осмотра и сама его не производила, то остальное, как говорится, дело техники. В целом критическая оценка организации охраны президента достаточно наглядно приведена в отчете Комиссии Уоррена.

В набор мест, подходящих для осуществления акции, вошла и площадь Дили-Плаза, ставшая 22 ноября 1963 года реальным «полем боя». Здесь целых два излома пути, причем один на 90 градусов, а на втором автомашинам пришлось поворачивать аж на 120 градусов!

Площадь как «поле боя» удобна еще по нескольким причинам: открытое (в отличие от большей части маршрута) пространство, позволяющее вести огонь с разных сторон,

доминирующие над площадью высокие здания, приподнятые уровни двух прилегающих автостоянок с оградами и довольно густой растительностью, железнодорожный виадук, под которым пролегал маршрут, наличие скрытых путей для подхода и эвакуации «исполнителей». Возможно, это место соответствовало еще и «джентльменским» традициям американских политических убийств, согласно которым покушение не должно приводить к гибели невинных жертв, кроме самого объекта.

Задаю несколько вопросов доктору Линдеру:

«Вопрос. Какие точки на «поле боя» выбрали бы вы для расположения снайперов и какова ваша всесторонняя оценка каждой из них?

Ответ. С учетом конкретной обстановки и знания маршрута проезда президента наиболее привлекательными видятся две точки – верхние этажи или крыши здания склада учебников и участок деревянной ограды на травянистом холме с западной стороны Элм-стрит. Первая предоставляет снайперу хорошее укрытие и возможность вести прицельный огонь с упора, что значительно повышает его уверенность и эффективность стрельбы. Угол соотношения стрелка и объекта и наклон улицы облегчают прицеливание «в угон» и снижают требования к подготовленности исполнителя. Но в то же время снайпер, размещенный в таком «закрытом пространстве», становится, по существу, камикадзе, поскольку имеет очень мало шансов на безопасную эвакуацию из здания после акции».

Необходимо дополнить ответ двумя конкретными обстоятельствами, относящимися к зданию склада учебников. 22 ноября было рабочим днем, и появление незнакомого человека, передвигавшегося внутри здания с предметом, напоминающим оружие, могло вызвать подозрение у служащих и соответствующий сигнал полиции; предварительная рекогносцировка или информация соучастника, предположительно работавшего на складе, показывала, что на шестом этаже идет ремонт и рабочие в момент проезда президента могут не только находиться там, но и расположиться у окон, чтобы наблюдать за автокортежем.

В целом совокупность очевидных негативных моментов и неконтролируемость могущих возникнуть в здании случайностей, на мой взгляд, сводили к нулю вероятность посылки туда «исполнителя». Тогда остается травянистый холм. Вновь слово доктору Линдеру:

«Травянистый холм можно считать самой выгодной точкой на «поле боя»:

• возможность укрыться за оградой и растительностью;

• удобство выхода на огневой рубеж и эвакуации;

• наличие упора для прицельной стрельбы;

• ресурс времени, чтобы взять оружие наизготовку, после прохождения авто кортежем излома по Элм-стрит;

• приподнятость над уровнем нахождения цели;

• «наезд» цели на стрелка (или стрелков) повышает вероятность поражения.

С уверенностью могу сказать, что в таких условиях высокую эффективность огня может обеспечить даже стрелок среднего уровня».

«Заговор был обречен на успех… Президент не мог уйти из Далласа живым…» (из фильма «Джон Ф. Кеннеди»).

«Кто сделал это? С согласия могущественных людей в руководстве американских военных, банковской сфере, правительстве, разведке и кругах организованной преступности было приказано их надежным агентам послать пешек из мафии, кубинской эмиграции и ЦРУ, чтобы убить Шефа», – пишет Джим Маррс в своей книге

«Перекрестный огонь. Заговор, убивший Кеннеди».

Я привел всего два высказывания из многих подобных, полные глубокого смысла. «Высокой» цели высоких кругов может соответствовать только один технологический результат – физическая ликвидация Джона Фицджералда Кеннеди. Сбоя просто не должно быть.

Новые вопросы в связи с этим доктору Линдеру:

«Вопрос. Насколько, по вашему мнению, избранное «поле боя» гарантировало успешный результат задуманной акции?

Ответ. Гарантии обеспечиваются принципом дублирования. Вариантов дубляжа может быть несколько, причем по двум категориям – качеству и количеству, например профессионализм стрелков и их число. Для данного случая должно было быть минимум две точки и на каждой – не менее двух снайперов. Но это, конечно, в теории, а на практике может случиться по-разному.

Вопрос. Ну а если в силу различных обстоятельств невозможно было задействовать другие точки и оставался, например, только травянистый холм?

Ответ. Опять же дублирование – числом и умением. Пришлось бы расставлять за оградой уже не одного-двух, а двух-трех снайперов, примерно так же, как на охоте на крупного зверя – кабана, лося, оленя. Охотники распределяются цепочкой по номерам, а загонщики стараются выгнать зверя так, чтобы он пошел вдоль линии стрелков.

Вопрос. По одним данным, на «поле боя» вывели четырех профессиональных киллеров, доставленных из-за рубежа, по другим, там присутствовало около десяти подозрительных лиц, которые могли быть причастны к проведению акции, а обстановку сравнивают с войсковой засадой. Что можно сказать по этому поводу?

Ответ. Здесь многое зависит от осведомленности распорядителей заговора о мерах безопасности во время визита и жесткости этих мер. Судя по известной информации, охранная система на «поле боя» имела много дыр. Неужели секретная служба не следовала в своей практике положениям «Теории закрытой системы охраны», выдвинутой в 1957 году в Париже майором Виктором Люсьеном Оттом на основе обобщения опыта нескольких десятков неудавшихся покушений на генерала де Голля? Основные постулаты теории гласят, что все критические точки по маршруту (включая возвышенности, крыши, балконы, окна и пр.) должны быть «закрыты» охранными мерами, не допускается пребывание зрителей на балконах и в открытых окнах во время проезда автокортежа, система эскорта совмещается с «массовкой» – насыщенностью толпы агентами спецслужб. Один беглый взгляд позволяет судить, насколько комфортной была ситуация на «поле боя» для исполнителей акции 22 ноября 1963 года: заместители или помощники шерифа сосредоточились на одном углу при въезде на площадь, около здания склада учебников находился один полицейский, на железнодорожном виадуке – два. Травянистый холм вообще не был прикрыт, если не считать обнаруженного там и так и не установленного загадочного «сотрудника секретной службы», который впоследствии бесследно исчез. Ну а зрителей на всех критических точках находилось более чем достаточно для того, чтобы участники акции могли «присоединиться» к ним. Понятно, что при таких условиях на «поле боя» можно было вывести действительно целое воинское подразделение.

Что касается подозрительных лиц на площади, то, очевидно, каждый эпизод нужно анализировать отдельно, но в рамках целостной версии заговора. При этом следует учитывать некоторые общие каноны. Как правило, исполнители выводятся на место

проведения акции без оружия – оно «ждет» их там. Однако, если условия их безопасности достаточно высоки, допустим и выход с оружием, причем выход должен совпадать с появлением толпы.

Кстати об оружии. Большую надежность обеспечивает применение механического оружия, поскольку при стрельбе из автоматического возможно «затыкание» патронов. Автоматизма же можно достичь наличием нескольких стрелков, их синхронным или последовательным огнем.

Вопрос. В показаниях очевидцев происходившего на «поле боя» 22 ноября есть немало расхождений в определении того, откуда и сколько было произведено выстрелов. Одни уверенно называют район и здание склада учебников, другие с не меньшей убежденностью указывают на травянистый холм. Часть слышала только три выстрела, некоторые – три и более. Водной книге говорится, что было от шести до девяти выстрелов. Больше всего разногласий существует по поводу выстрела, поразившего голову президента Кеннеди, – фронтальный он или тыловой, третий или четвертый. Не выявлены ли в медицине, психологии или стрелковой практике закономерности слухового восприятия последовательных выстрелов?

Ответ. Установлено, что из нескольких выстрелов запоминаются, как правило, первый и последний. Может четко фиксироваться один из промежуточных, если он сочетается с каким-то острым зрительным впечатлением. Поэтому, мне кажется, и могли возникнуть разногласия у очевидцев. Увидевшие попадание в голову президента увязали с ним звук выстрела, который произошел на мгновение позднее, но оказался последним. Насчет шести-девяти выстрелов замечу, что в установленное время между первым и третьим выстрелами на площади в пять-шесть секунд это звучало бы как скоростная стрельба, не поддающаяся подсчету на слух, или выстрелы вообще слились бы в сплошную «канонаду»».

Закончив своеобразную прогулку по «полю боя», попробую теперь сформулировать ответ на первый вопрос о результате завершающей фазы большого заговора.

Основываясь на многочисленных разрозненных и частично обобщенных в различных версиях свидетельствах и фактах, можно с большей степенью вероятности считать, что к ноябрю 1963 года существовала «технологическая» структура большого заговора, состоявшая из элементов треугольника: мафия – антикастровская эмиграция – американские спецслужбы.

Полная осведомленность об оперативной обстановке в Далласе в целом и принятых мерах безопасности в связи с визитом президента позволила рабочим уровням указанной структуры определить площадь Дили-Плаза как главное «поле боя» для проведения террористической акции, несмотря на одно весьма существенное обстоятельство: Дили-Плаза была последней критической точкой на маршруте президентского кортежа по центральной части города, и любая непредвиденная задержка в пути следования до нее создавала большой риск возникновения на «поле боя» ситуации, исключающей реализацию акции.

Скорее всего, 22 ноября на «поле боя» были выведены «исполнители» и присутствовали участники «группы прикрытия», причем кто-то из первых наверняка располагался на травянистом холме. Он (они) уже готов был вступить в дело, когда автомашина президента появилась в секторе его (их) огня. Однако за несколько секунд до этого по автомашине было произведено по меньшей мере два выстрела, и президент въехал в сектор уже раненным. Пойманная снайпером на холме в перекрестие оптического прицела

склоненная голова президента резко ушла из визира за миг до нажатия курка, но, возможно, четвертый выстрел и прозвучал. Тогда его следует назвать прощальным или выстрелом отчаяния. Теперь предстояло побыстрее уносить ноги.

Так, на мой взгляд, независимый неизвестный стрелок из здания склада учебников одновременно завершил и сорвал большой заговор.

Ответ на второй вопрос – участвовал ли Освальд в предполагаемом большом заговоре – будет рассмотрен частично в этой, а частично – в двух последующих главах.

Повторю прежний прием: допуская существование большого заговора, попробую войти в него и взять на себя обязанности по вовлечению в него нужных людей. Понятно, что я буду исходить из собственных критериев, которые могут расходиться с теми, которыми руководствуются «организаторы» или «менеджеры», но не думаю, что во многом. Критерии эти касаются личности кандидата в участники большого заговора и позволяют путем взвешивания всех «за» и «против» оценить его пригодность для определенной роли в нем. Кандидатом в данном случае выступает Ли Х. Освальд, а его личные качества положены на чаши весов большого заговора (правой ориентации).

За	Против
Настойчивость, даже упорство в достижении цели (правда, собственной)	Политический идеализм (левый)
Склонность к насилию	Отсутствие мотивации (в данном конкретном случае)
Скрытность	Сильный индивидуализм. Социальная конфликтность
Тяга к «конспирации»	Психологическая неустойчивость. Инертность при отсутствии интереса к виду деятельности
Наличие оружия	Отсутствие организаторских способностей. Отсутствие специальных знаний и умений на уровне профессионала

Прежде чем переходить к выводам, дадим некоторые пояснения по пункту «Склонность к насилию». О том, что такая склонность имелась, позволяют говорить факты, содержащиеся в отчете Комиссии Уоррена. Зафиксировано три случая: один состоявшийся – покушение на генерала Уолкера – и два несостоявшихся – намерение убить бывшего вице-президента Никсона и замысел угнать самолет.

Из журналов, которые мать посылала Освальду в Минск, он знал о существовании в США профашистской расистской организации «Общество Джона Бэрча» и о том, что одним из ее активных лидеров является отставной генерал американской армии Эдвин Уолкер, придерживавшийся крайне правых взглядов, ярый антикоммунист и антикастровец.

После возвращения Освальда в США и переезда в Даллас оба они оказались в одном

городе. Освальд следил за деятельностью Уолкера по прессе, считал его воплощенной живой угрозой фашизма в Соединенных Штатах и, согласно мнению знакомых, даже «возненавидел его». Где-то с конца 1962–начала 1963 года он стал вынашивать замысел покушения на генерала.

27 января Освальд по почте заказывает в одной из фирм в Лос-Анджелесе револьвер смит-вессон 38-го калибра на вымышленное имя А. Дж. Хиделла, но на свой почтовый ящик в Далласе. Далее начинается тщательная подготовка акции против Уолкера. Освальд фотографирует подходы к его дому и сам дом, внимательно следит за ним. Предположительно, сперва он намеревался застрелить генерала из револьвера с близкого расстояния, что практически исключало уход с места преступления и было равносильно самоубийству. Вскоре замысел изменился.

12 марта Освальд снова по почте делает заказ на другое оружие – итальянскую винтовку манли*censored*-каркано с оптическим прицелом четырехкратного увеличения. На сей раз в Чикаго и опять на вымышленное имя. По странному совпадению, оба заказа из разных мест приходят в один день – 20 марта.

31 марта Освальд вызывает Марину во дворик дома, где они проживали в то время, и заставляет сфотографировать его стоящим с винтовкой в одной руке, с двумя коммунистическими газетами в другой и револьвером на поясе. В течение первой недели апреля он осваивает винтовку, в безлюдном месте упражняется в стрельбе из нее.

10 апреля днем Освальд уходит из дома, как предполагала Марина – на поиски нового места работы. К ужину он не вернулся. Обеспокоенная необычно долгим отсутствием мужа, Марина около десяти вечера заглянула в его комнату и обнаружила записку на русском языке и лежащий под ней ключ от арендуемого Освальдом почтового ящика, в пользователях которого значилась и она.

Содержание записки напоминало завещание. В ней разъяснялось, как добраться до почты, сообщалось, что там может быть извещение о переводе денег с работы, что рента за квартиру уплачена, так же как за газ и воду. Высказывалась просьба выбросить его носильные вещи, но сохранить воинские и другие документы. Указывалось, что им оставлены деньги – 60 долларов, которых должно хватить ей на проживание в течение двух недель.

Но главным, пожалуй, было следующее: «2. Пошли информацию о том, что произошло со мной, в посольство (советское посольство в Вашингтоне), а также вырезки из газет (если что-нибудь появится обо мне в газетах). Я думаю, посольство быстро придет тебе на помощь, как только они все узнают… <…> 9. У нас есть здесь друзья, и Красный Крест тебе поможет… <…> 11. Если я буду жив и под арестом…» (далее следовало описание, как добраться до городской тюрьмы).

Пока взволнованная Марина размышляла над посланием, в половине двенадцатого ночи появился Освальд – грязный и со сверкающими глазами. На вопрос, что случилось, ответил, что стрелял в генерала Уолкера.

Вскоре газеты известили, что попытка покушения не удалась: генерал остался жив благодаря промаху стрелявшего. Предпринятое расследование террористического акта не дало результатов. Когда шум немного стих, Освальд принес домой винтовку, которую он после неудачного выстрела спрятал в тайнике недалеко от генеральского дома.

Инцидент закончился благополучно и для Уолкера, и для Освальда. И хотя последний не реализовал свой замысел, он приобрел психологический опыт ведения огня по живой мишени.

Спустя одиннадцать дней после неудачного теракта, в воскресенье, 21 апреля, Освальд купил утреннюю далласскую газету с большой фотографией Ричарда Никсона на первой полосе и статьей под крупным заголовком: «Никсон призывает к решению выбросить красных вон с Кубы». В ней излагалась произнесенная Никсоном накануне в Вашингтоне речь, в которой он обвинял президента Кеннеди в мягкости по отношению к Кастро и требовал принятия «командного решения» по устранению русских с острова. Речь могла быть истолкована как призыв к новой интервенции против Кубы после провалившейся попытки в заливе Кочинос.

Беременная Марина, занимавшаяся домашними делами, не видела, что читает муж. Неожиданно он предстал перед ней в выходных брюках, белой рубашке с галстуком и с револьвером на поясе. Освальд был бледен. На недоуменный вопрос жены, куда он собрался, последовал ответ: «Никсон приезжает в город, пойду взгляну». Даже не зная, кто такой Никсон, Марина поняла, что жизнь этого человека в опасности. Ей удалось заманить мужа в ванную и закрыть его там. В обмен на освобождение Марина, заливаясь слезами, потребовала отдать ей оружие. После непродолжительной перебранки и предупреждений жены, что он своими поступками убьет еще не родившегося ребенка, Освальд отдал ей револьвер. Она немедленно спрятала оружие в спальне под матрацем. Таким образом, благодаря случайному стечению обстоятельств роковая встреча с гостем Далласа не состоялась.

Прошло несколько месяцев. Примерно в третью неделю августа 1963 года Освальд заявил Марине, что окончательно решил во что бы то ни стало попасть на Кубу. А поскольку легального пути нет, он намерен угнать рейсовый пассажирский самолет, и ему понадобится ее помощь. Жена не восприняла все это всерьез. Но Освальд начал усиленно накачивать мышцы, изучать расписание авиаполетов и карту мира. Вскоре он поделился с ней сценарием вооруженного захвата самолета, подчеркнув, что это должен быть рейс с большим запасом горючего, чтобы хватило до Гаваны. Ей отводилась роль «успокоительницы» пассажиров. На замечание Марины, что она не владеет английским, Освальд пообещал что-нибудь придумать и посулил купить маленький пистолет. Жена отвергла все его варианты, а он раза четыре пытался убедить ее стать соучастницей. Не получив согласия, высказал намерение подыскать себе кого-то в сообщники. Однако позже отказался от такой затеи, заявив: «Твой сообщник – твой враг» (то есть свидетель против тебя). Проект угона тоже не воплотился в жизнь…

А теперь продолжим наши рассуждения. Из сопоставления «за» и «против» ответ напрашивается сам собой. Конечно, можно возражать и дискутировать по поводу селекции личных качеств Освальда и подхода к их оценке. Можно предположить, что «кадровики» в те дни большого заговора не располагали всеми перечисленными данными о кандидате. Но, исходя из версий об организации или контроле большого заговора американскими спецслужбами (точнее, отдельными лицами в них), которые, как известно, вели на Освальда досье (дела) в течение ряда лет, подробные характеризующие сведения о нем вполне могли оказаться в распоряжении «организаторов» или «менеджеров».

При всем желании и старании мне никак не удалось подобрать «должность» для Освальда в организационной структуре большого заговора с позиции заинтересованности в нем как в действующем участнике. Но при этом критерием служили исключительно личные качества, рассматриваемые только по позициям абстрактной модели большого заговора. Что касается других сторон ответа, то о них пойдет речь в следующей главе, при анализе конкретных обстоятельств в биографии Ли Харви Освальда в сопоставлении с

версиями о большом заговоре с центром в Новом Орлеане.

«Я ТОЛЬКО КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ!»

Утром 19 ноября 1963 года вблизи остановки автобуса, которым Освальд обычно ездил на склад учебников на Элм-стрит, где он работал, его кто-то окликнул. За рулем остановившейся рядом автомашины сидел знакомый ему по Далласу и Новому Орлеану сотрудник одной из американских спецслужб: «Привет, Ли! Садись, нам по пути, заодно и потолкуем».

По дороге, поговорив о том о сем, собеседник обратился к Освальду: «Слушай, Ли, я должен сообщить тебе кое-что… Твои друзья-латинос из Нового Орлеана, о которых ты нас информировал, затеяли одну заварушку, которая может иметь серьезные последствия, причем не только национального, но и международного масштаба. Но мы все контролируем и такого не допустим.

Так вот, по нашим данным, они намерены обратиться к тебе с просьбой, которая может показаться тебе необычной… Они знают, как и мы, что у тебя есть незарегистрированная винтовка, и решили позаимствовать ее для своих нужд. Ждать их появления здесь нужно не сегодня завтра.

Нам бы хотелось, чтобы ты не отказывал им… Для вида поломайся, если начнут нажимать, сдайся и выполни их просьбу. В тот день, когда это произойдет, мы сами перехватим тебя после работы и обсудим дальнейшие действия… Следуй нашим рекомендациям и ничего не опасайся, повторяю, все под контролем… Ну пока, до встречи…».

На следующий день, 20 ноября, возвращающегося после работы домой Освальда уже поджидали «друзья-латинос из Нового Орлеана» и предложили отпраздновать «случайную» встречу в ближайшем баре. Там они доверительно сообщили ему, что у них неожиданно возникло срочное дельце в Далласе – они хотят кое-кого припугнуть, но оказались в затруднительном положении: у них нет с собой ничего серьезного. Они слышали, что у него есть «винтарь», так не мог бы он дать его на время, буквально на пару дней. Освальд, выполняя полученные инструкции, начал отказываться, но после заверений, что «винтарь» необходим лишь для демонстрации и не будет использован, неохотно согласился. По предложению «друзей» договорились, что он принесет винтовку на работу и спрячет в условленном месте, а они сами заберут ее оттуда, чтобы обезопасить Леона и не передавать оружие при свидетелях.

21 ноября Освальд под предлогом, что должен забрать карниз для занавесок, в неурочный день посетил дом Р. Пэйн, где жила его семья и в гараже хранилась завернутая в одеяло винтовка итальянского производства манли*censored*-каркано.

22 ноября, переночевав с семьей, он привез самодельный бумажный мешок с «карнизом для занавесок» и, как было условлено, спрятал его под коробками с книгами на шестом этаже склада учебников. От сослуживцев он узнал, что недалеко от их здания будет проезжать президент, но отнесся к новости равнодушно. Сутра он занимался оформлением заказов на учебники, бродил по этажам, затем на втором этаже достал из автомата кока-колу и направился в комнату отдыха.

Когда неожиданно перед ним возникли бледные лица его начальника и полицейского, а в живот уперся ствол револьвера, Освальд понял, что произошло нечто чрезвычайное, но

был спокоен, поскольку никак не связывал это со своими недавними встречами. Тем более что полицейский и начальник, обменявшись короткими фразами, оставили его в покое и стремглав бросились вверх по лестнице.

Только выйдя на улицу, где царила суматоха, и узнав, что ранен президент, а стреляли с шестого этажа их здания, он понял – его подставили, и основательно. Освальд стал лихорадочно соображать, что делать. «Скорее домой, переодеться и куда-нибудь скрыться, посмотреть, как будут развиваться события, а потом решать… Быстрее… Автобус… Такси… Бегом… Другая рубашка… Куртка… Револьвер?.. Да, надо взять, они могут начать охоту… Кто еще из них в Далласе и знает меня?.. Так, быстрее… Они могут добраться и сюда… Куда идти?.. В малолюдный район… Что делать?.. Что делать?..»

В миле от дома, на тихой улице жилого района Оук-Клиф его нагнала полицейская патрульная машина. За рулем находился офицер, он притормозил рядом с Освальдом и показал жестом, чтобы тот остановился. Освальд нагнулся и спросил в открытое с правой стороны окно, в чем дело. Патрульный ответил, что у него есть вопросы, и вышел из машины. Он обходил ее слева, приближаясь к Освальду и внимательно глядя на него. Рука полицейского легла на кобуру пистолета.

«Кто он?.. Один из них?.. Нужно опередить…».

Спусковой крючок податливо уступал нажиму пальца.

«Раз, два, три… Упал!.. Четыре… Хватит… Бежать…».

В темном зале кинотеатра несколько человек, что-то мелькает на экране.

«Что дальше?.. Что будет?.. Нужно успокоиться и подумать…».

Вспыхнул свет в зале, из-за экрана появились полицейские, кто-то в гражданской одежде указал на него: «Вот он!»

«Ближе… Ближе… Сейчас схватят… Опять стрелять?..

Спуск… Щелчок… Осечка!..

Удар в голову… второй… Выламывают руки… Закрылись наручники…». И вслух: «Теперь все кончено!» Длинный коридор, много людей, яркий свет софитов, фотовспышки, частокол микрофонов…

«Подонки… Подождите, скоро я назову всех, кто подставил меня… А пока надо сказать всем: я только козел отпущения!»

Этот текст – не сценарий художественного фильма, хотя вполне мог бы им быть. Это версия того, что могло происходить в последние дни жизни Ли Харви Освальда.

Вариаций на эту тему, наверное, не меньше, чем теорий, гипотез и версий, связанных с покушением в Далласе. Все они базируются на одних и тех же фактах, интерпретация которых напрямую зависит от пристрастий авторов этих теорий. Но на сегодняшний день ни один официальный или неофициальный исследователь не может дать однозначного ответа на вопрос, был ли участником заговора Ли Харви Освальд, во всеуслышание заявивший: «Я только козел отпущения!» В настоящей главе тоже делается попытка разобраться во всех известных обстоятельствах и высказаться на данную тему, как и ранее, с позиций modus operandi, то есть с технологической стороны конспиративной деятельности.

И вновь, чтобы ясно представлять, о чем идет речь, придется начать с определения понятия. Козел отпущения – библейское выражение и, значит, уходит корнями в далекое прошлое человеческой цивилизации [2 - «…И возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедует над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлет с нарочным человеком в

пустыню. И понесет козел на себе все беззакония их в землю непроходимую…» (Третья Книга Моисеева. Левит. 16. 21–22).].

На английский язык «козел отпущения» переводится как patsy или scapegoat. Именно второе слово, более жаргонное, употребил Освальд. А толкование этих слов практически совпадает и в русском, и в английском: козел отпущения – тот, на кого постоянно сваливают чужую вину, ответственность за чужие проступки; patsy – человек, на которого возлагается вина за какое-то преступление, главным образом теми, кто его совершил.

В универсальном языке спецслужб понятию «козел отпущения» соответствует «отвлекающее мероприятие». Это очень важный и, пожалуй, обязательный элемент в практике спецслужб. В сценариях конкретных операций подготовке и осуществлению отвлекающего мероприятия подчас уделяется больше внимания и на него выделяется больше средств, чем на все остальное. При всем разнообразии отвлекающих мероприятий их можно подразделить на два вида. Первый – перенос ответственности за уже содеянное или «увод» в сторону от готовящихся акций. Второй вид чаще всего применяется в военной сфере. Не удержусь от очень наглядного примера из истории Второй мировой войны, описанного Кеном Фоллеттом в книге «Игольное ушко»: «В начале 1944 года германская разведка стала получать сведения о существовании огромной армии на юго-востоке Англии. Самолеты-разведчики фотографировали казармы, аэродромы и скопление кораблей противника в заливе Уош… Отмечались всплески активной радиосвязи, части и подразделения обменивались сигналами. Донесения немецких агентов в Британии подтверждали все эти данные.

На самом деле никакой армии не существовало. «Корабли» представляли собой ловкие подделки из резины и дерева. «Казармы» – не более чем декорации, которые применялись для съемок фильмов… Радиосигналы не содержали никакой информации. Шпионы же являлись агентами-двойниками».

Все это делалось, чтобы убедить немцев, что высадка союзников готовится в районе Па-де-Кале, а не в Нормандии.

В уголовном мире, понятно, в первую очередь нужны классические козлы отпущения, но не исключено их применение и для отвода глаз.

В тайных операциях специальных служб широко используются оба вида отвлекающего мероприятия, а нередко и их сочетание.

Какой же козел отпущения мог быть нужен «организаторам» большого заговора в 1963 году? Можно предположить, что кандидат на эту важную роль должен был отвечать следующим требованиям.

Прежде всего, в идеальном варианте, быть полностью непричастным к большому заговору, находиться вне его структуры.

Представлять лиц или круги (в том числе иностранные), которые заинтересованы в ликвидации объекта большого заговора, или иметь политические идеалы либо амбиции, которые могут быть реализованы путем покушения на него.

При наличии, в силу каких-то обстоятельств, контактов с лицами, непосредственно входящими в структуру большого заговора, не знать об этом. В таком случае степень безопасности большого заговора, то есть сведение к минимуму возможности выхода следствия на его участников через козла отпущения, определяется временем и способом ликвидации последнего.

Быть удобным в рамках общей идеи отвлекающего мероприятия, но в силу объективных

обстоятельств минимально осведомленным о существовании большого заговора и знать кого-то из его участников или предполагать, что он является таковым. Такой вариант возможен, но значительно увеличивает риск и автоматически включает «принцип ящерицы»: козел отпущения обречен на ликвидацию после акции, чтобы было исключено его попадание в руки следственных органов.

Насколько мне не удалось подыскать для Ли Харви Освальда нишу участника внутри структуры большого заговора, настолько подходящей представляется его кандидатура на роль козла отпущения за ее пределами:

• был известен как приверженец марксистской идеологии, в арсенале которой насильственные методы политической борьбы занимают важное место;

• дезертировал в Советский Союз, что дает основание предполагать контакты с КГБ в связи с возвращением в США;

• открыто восхвалял Кубинскую революцию, в том числе по каналам американских средств массовой информации;

• имел оружие (винтовку);

• ничего не знал о существовании структуры большого заговора, но, возможно, имел контакты с кем-то из его участников, не подозревая об их принадлежности к названной структуре.

В сумме все это позволяло «вылепить» из Освальда члена малого заговора, агента – исполнителя воли иностранных спецслужб или, наконец, создать образ неуравновешенного, фанатичного убийцы-одиночки.

Дальнейший анализ связанных с темой конкретных фактов будет проводиться в пределах доступной информации по трем следующим направлениям:

1) конструирование, или «лепка», козла отпущения с помощью мнимого Освальда (сентябрь – ноябрь 1963 года);

2) образ жизни и деятельности (политическая активность) настоящего Освальда (август – ноябрь 1963 года);

3) интерес американских спецслужб к Освальду (август – ноябрь 1963 года).

КАЛЕНДАРЬ 1 – МНИМЫЙ ОСВАЛЬД

Сентябрь

25-е. Посещение «Освальдом» военкомата в г. Остине (Техас) по поводу изменения статьи увольнения из Корпуса морской пехоты. В тот же день посещение дома кубинской эмигрантки Сильвии Одно в Далласе тремя неизвестными – два латиноса, один американец «Леон Освальд». Характеристика последнего: бывший морской пехотинец, отличный стрелок, «чокнутый» сорвиголова, антикастровец, готовый убить Фиделя, рекомендовал кубинцам рассчитаться с президентом Кеннеди за провал в заливе Свиней.

Октябрь

Первые дни месяца. Три человека тренировались в стрельбе на частной территории в пригороде Далласа. По крайней мере один из них латинос. Другой выглядел как Освальд. Один собирал стреляные гильзы. Хозяйка участка нашла гильзу калибра 6,5 от манли*censored*-каркано (ФБР установлено, что она выстрелена не из винтовки, принадлежавшей Ли Харви Освальду).

7–14-е. Кто-то заполнил бланк на изменение адреса Ли Харви Освальда в почтовом отделении Нового Орлеана.

13-е. Лицо, «идентичное» Освальду, посетило собрание антикастровской группировки, на котором присутствовал и генерал Уолкер.

Ноябрь

1-е. Молодой человек, похожий на Освальда, покупал винтовочные патроны в оружейном магазине в предместье Далласа (Форт-Уэрт). Держался вызывающе. (Ли Харви Освальд в этот день был в Далласе).

Первые дни месяца. Молодой человек, похожий на Освальда, посетил другой оружейный магазин и выяснил возможности установки оптического прицела на винтовку. Был в сопровождении женщины и двух маленьких детей.

8-е (?). «Освальд» приходил наниматься сторожем автостоянки при отеле «Саусленд» в центре Далласа. Интересовался высотой здания отеля и обзором города с него.

8-е. «Освальд» посетил супермаркет в Ирвинге (пригород Далласа) с целью обмена на наличные чека на 189 долларов. Якобы не раз посещал супермаркет с двумя женщинами (в этом районе Марина проживала в доме Р. Пэйн).

9-е. «Освальд» начал посещать стрельбище в Далласе, прекрасно стрелял, но вел себя вызывающе. В автосалоне, расположенном недалеко от места работы Ли Харви Освальда (склад учебников), приценялся к дорогой автомашине. Опробовал на прилегающих улицах на высокой скорости (Ли Харви Освальд не водил машину). Заявил продавцам, что будет иметь много денег через две-три недели. Хвалил жизнь в России. Якобы вторично посетил салон за несколько дней до покушения.

7–14-е. «Освальд» отправил телеграмму через отделение «Вестерн Юнион» в Далласе. Неоднократно посещал отделение для получения денежных переводов в сопровождении лица испанского типа.

16-е. «Освальд» на стрельбище умышленно стрелял по чужой мишени. Пользовался винтовкой итальянского производства калибра 6,5 с четырехкратным оптическим прицелом.

18-е. Педро Гонсалес, президент антикастровской группировки в городе Абилене (в 200 милях от Далласа), получил оставленную его соседу записку за подписью «Ли Освальд». В ней содержалась просьба позвонить по одному из двух телефонных номеров в Далласе. По заявлению соседа, он ранее видел в доме Гонсалеса человека, очень похожего на Ли Харви Освальда, вместе с другим американцем, постарше, из Нового Орлеана.

23-е (?). Источник далласской полиции сообщил, что в Далласе «Освальд» посещал собрания антикастровцев по одному из адресов. По тем же данным, кубинцы покинули адрес несколько дней назад. Установлено, что адрес принадлежал крайней антикастровской организации «Альфа-66», связанной с ЦРУ.

Даже поверхностный (может быть, именно поверхностный?) взгляд на перечень приведенных фактов порождает уверенность в том, что они являются фрагментами единого спектакля, который режиссировался из одного центра. Создается впечатление, что досье Ли Харви Освальда было разложено на составные части, по которым «ставились» отдельные эпизоды и которые при определенных условиях должны были сложиться в нужный кому-то образ козла отпущения. Такие условия, очевидно, должны были быть созданы в завершающей фазе большого заговора.

Каждый из эпизодов в отдельности, за исключением одного (о нем ниже), не давал оснований для предъявления серьезных претензий их главному персонажу, «Освальду», в каких-то противоправных деяниях. Зато вот что получалось, если все они «складывались»

вместе.

Молодой американец, бывший морской пехотинец, женатый, имеющий двух малых детей, принимает активное участие в деятельности антикастровских группировок, действующих в самом Далласе и других местах Техаса, и поддерживает контакты с Новым Орлеаном.

С октября по вторую половину ноября проявляет повышенный интерес к огнестрельному оружию. Совместно с латинос тренируется в стрельбе из итальянской винтовки «манли*censored*-каркано» калибра 6,5 – вначале на пустыре, затем на платном стрельбище. Отличается меткой стрельбой. В первых числах ноября приобретает патроны и устанавливает оптику на ту же винтовку.

Периодически получает денежные переводы через отделение «Вестерн Юнион» в Далласе. Ожидает поступления крупных сумм к концу ноября. В этой связи в первой декаде месяца приценивается к дорогой автомашине, причем проявляет себя первоклассным водителем. Одновременно хвалит жизнь в России, где, по его словам, бывал.

Казалось бы, внешне все выглядит вполне гладко. Но при более внимательном рассмотрении заметны некоторые странности.

По существу, «лепка» будущего козла отпущения начинается с появления «Освальда» в компании латинос в доме кубинской эмигрантки Сильвии Одио. Там закладывается вся его «программа» – полное имя (остальные назвались только одним именем), его характеристика как «чокнутого», способного на все бывшего морского пехотинца, отличного снайпера, готового убить Кастро и рекомендующего рассчитаться с Кеннеди.

Утечка этой информации, например, в ФБР позволяла легко установить «морского пехотинца» и добавить к статусу настоящего Ли Харви Освальда как «предполагаемого агента КГБ» еще и ярлык «представляющего угрозу безопасности президента». Вероятность такой утечки, превращающей дальнейший спектакль в нелепость, была велика, учитывая тревожное психологическое состояние Одио в тот период и возможность пребывания под колпаком названной американской организации в силу своего положения и поддержания переписки с Кубой (кстати, о визите незнакомца, который показался сестрам подозрительным, она задолго до 22 ноября сообщила в письмах к отцу в кубинскую тюрьму и к своему доктору). Если действовали профи, а именно на эту мысль наводит целостность сценария, то сомнительно, чтобы они не предвидели такую вероятность. Очевидно, их это не волновало, что в свою очередь наводит на размышления о том, кто же был режиссером шоу. На мой взгляд, этот визит может рассматриваться как подтверждение существования структуры большого заговора.

Вызывает недоумение превращение Ли Харви Освальда, публично (по ТВ и радио Нового Орлеана) объявившего о своей приверженности марксизму и Кубинской революции, в оголтелого антикастровца. Если следовать наиболее распространенной теории большого заговора в рамках треугольника «спецслужбы США – мафия – антикастровская эмиграция», то такая «лепка» становится не отвлекающим, а привлекающим мероприятием, а козел отпущения – козлом наущения. Но может быть, в этом и заложен глубокий смысл режиссуры? Все фрагменты образа козла отпущения могут сложиться воедино лишь тогда, когда участники или свидетели различных эпизодов спектакля вдруг увидят лицо, услышат имя и название оружия в привязке к какому-то громкому событию. Так и случилось 22 ноября в Далласе, когда лицо, имя и оружие Ли Харви Освальда, как предполагаемого убийцы президента, появились в средствах

массовой информации.

Анонимное свидетельство о факте присутствия «Освальда» на собрании организации «Альфа-66» незадолго до 22 ноября, очевидно, должно было стать последним звеном в конструировании образа козла отпущения и навести следствие на мысль, что на этом совещании обсуждался окончательный сценарий акции и Освальд был включен в состав ее исполнителей или группы прикрытия (поддержки).

Так мы вновь возвращаемся к отчаянной фразе Ли Харви Освальда: «Я только козел отпущения!»

Кто теперь сможет сказать, какой смысл он в нее вкладывал? Предположим несколько значений этого заявления:

1) вообще не стрелял в президента (на допросах Освальд утверждал именно это);

2) прикрывал и подстраховывал напарника во время стрельбы;

3) обеспечил доставку оружия и подготовку снайперского «гнезда».

В первом случае возможны три варианта:

а) Освальд вообще непричастен к заговору;

б) Освальд имел некоторые сведения о существовании заговора и его участниках;

в) Освальд был непосредственным участником заговоров – большого или малого.

Два других случая неизбежно предполагают, что Освальд причастен к заговору или действовал в результате чьих-то угроз и шантажа (или рекомендаций).

После того как мы рассмотрели и прокомментировали, зачем и как мог формироваться образ Освальда в качестве козла отпущения (речь шла о действиях структуры большого заговора и мнимого Освальда), можно перейти к ознакомлению с образом жизни и деятельностью настоящего Ли Харви Освальда в тот же период времени.

КАЛЕНДАРЬ 2 – НАСТОЯЩИЙ ОСВАЛЬД

Август

9-е. Участвовал в уличной демонстрации и раздаче листовок в Новом Орлеане в поддержку Кубинской революции. В тот же день его арестовали за нарушение общественного порядка после уличной стычки с антикастровцами.

10-е. По своей инициативе беседовал с сотрудником ФБР в полицейском участке, подтвердив свои прокубинские позиции.

16-е. Сообщил на телевидение Нового Орлеана о готовящейся демонстрации Комитета справедливого отношения к Кубе (КСОК), и вечером в «Новостях» были показаны сцены раздачи листовок.

17-е. Передано пятиминутное интервью Освальда по местному радио (Новый Орлеан), где он восхваляет Кубинскую революцию.

21-е. Радиодебаты с антикастровцами.

В течение месяца отправил письма в штаб-квартиры КСОК и компартии США в Нью-Йорк.

31-е. Обратился в Нью-Йорк в коммунистическую газету «Дейли уоркер» с письменной просьбой предоставить ему работу фотографа и сообщает, что вскоре переедет в тот район. Пишет в штаб-квартиру Социалистической рабочей партии в Нью-Йорке письмо, в котором сообщает о переезде с семьей в район Балтимора – Вашингтона в октябре и спрашивает, как там связаться с представителем партии.

Сентябрь

1-е. Отправил в компартию США письмо, в котором также сообщает о переезде в октябре и спрашивает, как установить контакт с партией в районе Балтимора – Вашингтона. Подготовил резюме своей жизни и политической деятельности, которое предположительно впоследствии взял с собой в Мексику.

23-е. Семья Освальда переехала из Нового Орлеана в Даллас, в дом Р. Пэйн, навсегда или на неопределенное время в связи с намерением Освальда (о котором он сообщил только Марине) уехать через Мексику на Кубу.

25-е. Выехал из Нового Орлеана в Мексику.

27-е. Посетил советское и кубинское посольства с целью получения соответствующих виз.

28-е. Вторично посетил те же посольства с той же целью.

Октябрь

3-е. Возвратился в Даллас. Провел день в поисках работы.

15-е. Приступил к работе на складе учебников на Дили-Плаза.

23-е. Посетил собрание правых, на котором перед почти полуторатысячной аудиторией выступил генерал Уолкер (предположительно, Освальд стрелял в него из своей винтовки 12 апреля 1963 года).

25-е. Посетил по приглашению мужа Р. Пэйн собрание либеральной организации – Американского союза по защите гражданских свобод (АСГС). Выступил там с замечанием по поводу антисемитизма членов Общества Бэрча (американские фашисты). В разговоре с участниками собрания подчеркнул, что Кеннеди делает «действительно полезную работу» в области гражданских прав.

Ноябрь

1-е. Послал в Нью-Йорк анкету с целью вступления в Американский союз по защите гражданских свобод (4 ноября анкета была зарегистрирована, и Освальд стал членом этого союза). Арендовал на свое имя и имя Марины с 1 ноября по 31 декабря почтовый ящик вблизи своей работы. Назвал в качестве получателей две организации – КСОК и АСГС. Направил письмо в компартию, в котором «отчитывался» о своих посещениях собраний «правых» и «левых». Просил совета, как ему поступить, чтобы «мы» (имея в виду коммунистов) могли «поднять» прогрессивные тенденции в АСГС.

9-е. Написал письмо в советское посольство в Вашингтоне о своем визите в Мехико.

12-е. Отправил указанное письмо (судя по штемпелю). Посетил Управление ФБР в Далласе и оставил записку «раздраженного» содержания, адресованную спецагенту Хости.

21-е. Внеурочно приехал в дом Пэйнов к семье, переночевал и 22-го утром на автомашине соседа выехал на работу на склад учебников на Дили-Плаза.

Действия Освальда в последние четыре месяца жизни известны буквально по дням и часам. Очень важным источником информации среди других является, по моему мнению, уже упоминавшаяся книга П. Макмиллан «Марина и Ли». В жизни Освальда со второй половины июля по ноябрь не остается ни времени, ни места для участия в заговорщической деятельности, и едва ли на этот счет могут возникнуть разногласия. Вот, например, какие свидетельства (опровержения которых мне не встретились) имеются в отношении его распорядка:

«Жильцы дома, где он снимал квартиру, отмечали его неразговорчивость.

Приходил домой регулярно в 17.30, звонил по телефону (Марине. – О.Н.) и разговаривал на иностранном языке.

В течение недели все вечера проводил один в своей комнате, и за все пять или шесть недель его никто не посетил. По словам хозяйки, он провел 95 процентов времени в своей комнате в одиночестве, а остальные пять процентов – у ТВ.

На складе учебников начальник (Грули. – О.Н.) был доволен его работой и видел каждый день. В обед он ел сандвичи вместе с другими служащими в здании склада».

Все это относится к тому периоду, когда мнимый Освальд был наиболее активен, участвуя в антикастровской деятельности и стрелковой подготовке.

Календарь 2 и приведенные выше свидетельства об «изоляционистском» поведении Освальда наглядно показывают, что он, по крайней мере последние два месяца, не выполнял функциональных обязанностей в составе какой-либо организации левого или правого толка. Вряд ли он имел представление о том, что где-то рядом мнимый Освальд, играя его роль, последовательно имитирует антикастровскую деятельность.

В то же время сам Ли Харви Освальд с не меньшей настойчивостью демонстрирует свои совсем противоположные позиции.

После возвращения в США в 1962 году и по ноябрь 1963 года он послал и получил от 50 до 70 писем, адресатами которых главным образом были советское посольство в Вашингтоне, штаб-квартиры компартии и Социалистической рабочей партии в Нью-Йорке, редакции левых изданий и книжный магазин, куда он обращался по поводу подписки на советскую прессу.

Освальд не мог не отдавать себе отчета в том, что содержание всей указанной переписки по понятным причинам становится достоянием ФБР.

Из текста писем в перечисленные организации можно предположить, что Освальд деятельный левый активист, а это, если не считать кратковременного руководства «филиалом» КСОК в Новом Орлеане, не соответствует действительности. Но особо следует остановиться на его последнем письме в советское посольство в Вашингтоне. История этого письма, мне кажется, наглядный пример того, как один и тот же факт может быть интерпретирован совершенно по-разному. Вот что сказано о письме в отчете Комиссии Уоррена: «При изучении различий между черновиками (письма. – О.Н.) и окончательной редакцией, особенно если принять во внимание вычеркнутые слова, становится очевидным, что Освальд сознательно затуманивал истинное положение вещей, чтобы придать своей поездке в Мексику как можно больше таинственности и важности.

…По мнению комиссии, основанному на знании личности Освальда, это письмо представляет собою лишь неуклюжую попытку снискать расположение советского посольства».

Одержимый идеей заговора КГБ против Кеннеди Майкл Эддоус, для опровержения версии которого о подмене Освальда советским «нелегалом» американским властям пришлось много лет спустя ворошить в гробу его останки, в своей книге «Досье Освальда» разбирает письмо абзац за абзацем и приходит к однозначному выводу: «Освальд» использовал почтовый канал для информирования КГБ о развитии подготовки покушения, а «письмо предназначено больше для Москвы (КГБ. – О.Н.), чем для Вашингтона (посольство. – О.Н.)».

А вот мои комментарии к тому же письму.

Оно четко делится на две основные части. Первая представляет собой как бы звено в цепи каких-то устойчивых «деловых» отношений между советским посольством и

корреспондентом. В ней автор действительно туманно, намеками на «известные» посольству факты, «отчитывается» о конкретном эпизоде своих «ранее спланированных» действий. Во второй автор информирует об отношении к нему ФБР и своей реакции на него.

В ходе установившейся с весны 1963 года переписки семьи Освальд с посольством первая часть письма могла вызвать у его сотрудников только недоумение, так как для них она выглядела бессмысленной. Вторая имела, очевидно, ограниченный информационный интерес, поскольку речь шла об изменениях в семье: переезд в новый штат, внимание ФБР, рождение второго ребенка.

Посол СССР в США А. Добрынин после гибели президента и убийства самого Освальда в шифротелеграмме в Москву расценил письмо как «явно провокационное», создающее впечатление «нашей тесной связи с Освальдом и использования его нами в каких-то своих целях». По мнению посла, подозрение в том, что это фальшивка, усиливает то обстоятельство, что оно напечатано на машинке, в то время как все предыдущие письма от Освальдов в посольство были написаны от руки. Посол подчеркивал: «Создается впечатление, что письмо организовано теми, кто имел отношение к убийству президента. Возможно, Освальд и сам написал это письмо под диктовку, получив взамен какие-то обещания, а затем его после использования, как известно, убрали».

Неразбериха на первом этапе расследования покушения в Далласе, противоречивость «достоверной» информации, слухов и спекуляций, выплескиваемых СМИ, вполне могли служить основанием для такой оценки послания Освальда в той обстановке.

Сразу после того, как стало известно, что Освальд подозревается в покушении на президента Кеннеди, американским властям была передана вся переписка Освальдов с советским посольством по поводу возможного разрешения на возвращение в СССР, в том числе и последнее, ноябрьское письмо с резолюцией советского консула исполнителю: «Т. Герасимову (подпись) 19.XI». В отчете Комиссии Уоррена оно фигурирует как «вещественное доказательство № 15».

Какие еще предположения могут возникнуть при анализе письма? Думается, что, хотя письмо было адресовано в советское посольство, предназначено оно было в первую очередь ФБР. Вероятность таких выводов может быть обоснована следующим.

Визиты спецагента ФБР Хости в дом Р. Пэйн 1 и 5 ноября вызвали у Освальда сильное раздражение.

Находясь в доме Пэйнов в уик-энд, Освальд трудился над составлением письма с перерывами с 9 по 11 ноября. Судя по почтовому штемпелю, письмо было отправлено 12 ноября.

12 ноября Освальд посетил далласское управление ФБР и оставил дежурной известную записку для агента Хости. Можно предположить, что он написал ее одновременно с отправкой письма.

Прекрасно понимая, что в результате контроля почтовой переписки советского посольства в Вашингтоне письмо попадет в ФБР, Освальд рассчитывал, что его содержание обязательно привлечет внимание и оттуда последует запрос в Даллас, возможно, еще и с нагоняем за неумелые действия.

Похоже, что, подозревая о «добрых» отношениях Р. Пэйн с местным ФБР, Освальд создал ситуацию и для проверки своих подозрений, и для дублирования через нее канала

попадания своего письма к желаемому «адресату», оставив его в комнате хозяйки на видном месте.

Если в двух последних случаях расчет Освальда был именно таким, то он практически оправдался. Копия письма поступила из Вашингтона в Даллас утром 22 ноября и лежала непрочитанной на рабочем столе Хости, который познакомился с ней через два часа после убийства президента, 23-го числа. Р. Пэйн заинтересовалась письмом, скопировала его и готова была передать ФБР при первой оказии; это произошло 23 ноября, когда Хости вновь посетил их дом.

Два последних факта и все содержание календаря 2 служат иллюстрацией к одному из перечисленных ниже парадоксов Освальда. Испытывая почти панический страх и сильную неприязнь к ФБР, что недвусмысленно проявилось при его визите в советское посольство в Мехико, Освальд в то же время сознательно и последовательно размахивал перед ним, как красной тряпкой, письмами и своими действиями левого активиста. Создается впечатление, что он получал удовлетворение, дразня и привлекая к себе внимание этой спецслужбы. Чем это объясняется – заговорщической деятельностью или психическими отклонениями? Как бы то ни было, он явно преуспел в достижении своих целей, если судить по календарю 3.

КАЛЕНДАРЬ 3 – ФБР И ЛИ ХАРВИ ОСВАЛЬД

Август

10-е. Освальд по его инициативе опрошен в полицейском участке Нового Орлеана агентом ФБР Джоном Кигли после уличной ссоры с антикастровцами.

22-е. ФБР в Новом Орлеане узнает из радиоинтервью, что Освальд марксист и считает, что Куба – самая революционная страна.

23-е. Штаб-квартира ФБР запросила Новый Орлеан предоставить результаты расследования по делу Освальда в Вашингтон.

Сентябрь

10-е. Дело Освальда стал вести Новый Орлеан. Штаб-квартира ФБР запросила информацию об Освальде из Далласа.

24-е. Новый Орлеан сообщил в штаб-квартиру, что расследование продолжается и подробный отчет будет представлен позднее.

Октябрь

2-е. Новый Орлеан пытался установить место жительства и работы Освальда, но выяснилось, что он с семьей уехал. Последовал запрос в Даллас, Форт-Уорт и Малверн (штат Арканзас).

10-е. Штаб-квартира получила от ЦРУ ориентировку, что Освальд контактировал с советским посольством в Мехико 28 сентября.

18-е. Штаб-квартира получила туже информацию от своего представителя в Мехико.

22-е. Агент ФБР Хости в Далласе получил аналогичную информацию из Службы иммиграции и натурализации и переправляет ее в Новый Орлеан.

26-е. Новый Орлеан ориентировал Даллас, что семья Освальд покинула Ирвинг, и просил уточнить их местожительство.

30-е. Агент Хости ответил в Новый Орлеан, что семья живет в доме Р. Пэйн в Далласе, но сам Освальд там не живет.

31-е. Новый Орлеан направил в штаб-квартиру обещанный отчет по делу Освальда. Штаб-квартира направила в ЦРУ ориентировку о деятельности Освальда в Новом Орлеане.

Ноябрь

1-е. Агент ФБР Хости посетил дом Пэйнов. Беседовал с хозяйкой и Мариной Освальд. Выяснил, что Освальд работает на складе школьных учебников, но проживает отдельно и адрес неизвестен.

5-е. Хости повторно посетил дом Пэйнов.

8-е. ЦРУ получило от ФБР ориентировку на Освальда от 31 октября.

12-е (15-е?). Хости получил от дежурной записку Освальда, содержащую угрозы в адрес ФБР. Записка лежит непрочитанной на его столе до 22 ноября.

15-е. Внутри ЦРУ ориентировка на Освальда передана в контрразведывательное отделение Службы специальных дел (Special Affairs Staff – САС), подразделение, проводившее всю работу против Кубы.

18-е. ФБР в Вашингтоне получило копию письма Освальда в советское посольство и направило ее в Даллас.

22-е (!!!). Ориентировка на Освальда передана в Службу контрразведки ЦРУ (не установлено, до или после убийства Кеннеди). Утром копия письма Освальда из Вашингтона поступила в Даллас, но Хости знакомится с ним вскоре после убийства президента.

Во время работы над составлением календаря 3 я вдруг подумал, что, если заменить названия подразделений и городов, можно было бы принять его за обзор переписки по какому-то делу КГБ, настолько схожи бюрократические принципы работы спецслужб, пусть и находящихся по разные стороны океана. Конечно, было бы опрометчивым считать, что материалы, содержащие только названия документов, представленных в календаре 3, могут лечь в основу каких-то доказательств. Тем не менее даже этой скудной информации вполне достаточно, чтобы строить следующие предположения.

ФБР «проснулось» после августовского «наступления» Освальда в Новом Орлеане – потасовки с антикастровцами, вызова на беседу агента ФБР, публичного признания по ТВ и радио своих марксистских взглядов и прокубинских позиций. Началось рутинное выяснение отношений между штаб-квартирой и отделениями в Новом Орлеане и Далласе – кто что знает о Ли Харви Освальде. Напомню, что с марта 1963 года дело на него велось в Далласе, а он активно боролся за «справедливое отношение к Кубе» в Новом Орлеане. Когда летом выяснилось, что Освальд живет в этом городе и проявляет такую активность, то вести дело поручили отделению в Новом Орлеане, но, пока раскачивались, оказалось, что он перебрался в Даллас. Тут подоспела информация из ЦРУ о контакте Освальда с советским посольством в Мехико. Эти сведения, словно пинг-понговый шарик, запрыгали между подразделениями ФБР. Обозначился интерес ЦРУ к Освальду, и ориентировка о его деятельности в Новом Орлеане попадает в подразделение разведки, занимающееся кубинскими делами, а потом – в контрразведывательную службу ЦРУ. Реакция ФБР на новые «подарки» от Освальда – письмо в советское посольство в Вашингтоне и записку спецагенту Хости в Далласе – последовала лишь после 22 ноября.

В результате напрашивается невольная аналогия с ситуацией, сложившейся в период пребывания Освальда в Советском Союзе, и его «взаимоотношениями» с КГБ. Тогда тоже он выкидывал очередной фортель, а КГБ был вынужден как-то реагировать, причем так,

чтобы не «обидеть» его, поскольку с первых дней пребывания в России выкрутасы Освальда стали достоянием высших государственных сфер, и забота о его судьбе приобрела политические нюансы.

Сопоставив поведение Освальда в эти два периода его жизни, думается, можно понять, почему он, испытывая страх перед ФБР, в то же время сознательно привлекал его внимание. То, что, на наш взгляд, выглядит противоречием, для Освальда, скорее всего, таковым не является – это для него естественное поведение, вызванное индивидуальными особенностями характера (а может быть, и психики), хотя, конечно, в его странных, по нашему мнению, поступках можно усмотреть и реализацию чужого замысла.

Кстати, трудно согласиться с мнением о поведении Освальда, которое встречается в ряде исследовательских работ и даже в документах КГБ и оперативном деле на него. Пожалуй, это результат недостаточного изучения и знания его психологии. Из известных фактов жизни Освальда видно, что он существовал как бы в двух измерениях: решения земных, бытовых вопросов добивался с завидной настойчивостью и рационализмом, а пытаясь воплотить в жизнь свои политические фантазии, впадал в иррационализм, его «планы действий» носили иллюзорный характер, и попытки их исполнить могли восприниматься со стороны как алогичные поступки (включая и применение насилия). Однако в них прослеживается его индивидуальная логика, логика того мира, в который он иногда уходил, и с этих позиций поведение Освальда во многом представляется предсказуемым.

Но вернемся к взаимоотношениям ФБР и Освальда. Непосредственно соприкасаясь в 1960-е годы и позднее с организацией работы американских спецслужб по кубинской эмиграции на территории США, никак не могу убедить себя в том, что прокубинская деятельность Освальда и его заигрывания с антикастровцами весной и летом 1963 года в Новом Орлеане не нашли отражения в оперативных документах ЦРУ и ФБР.

Сомнительно, чтобы факты, которые удалось найти судье Джиму Гаррисону несколько лет спустя, не дошли до спецслужб, в тот период полностью контролировавших кубинскую эмиграцию. Если они не были документированы – странно, а если все же документированы, но хранятся в секретном фонде Национального архива США в документах названных или иных спецслужб, то странно вдвойне: чего тогда стоят ссылки на необходимость защиты методов и источников получения информации? Их зашифровка вполне обеспечивается соответствующей санацией документов, зато может быть снята неопределенность, порождающая столько слухов и спекуляций. Но, как говорится, дело хозяйское.

Далее не могу не затронуть вопрос, который составляет часть темы всей книги, но в первую очередь, на мой взгляд, относится к поездке Освальда в Мексику. Вокруг него до сих пор столько предположений, версий и спекуляций, что их число, наверное, превышает даже число теорий заговоров. Назову лишь три главные позиции: 1) человек, посетивший советское и кубинское посольства, не был Ли Харви Освальдом; 2) Освальд прибыл в Мехико для получения инструкций КГБ по организации убийства президента Кеннеди; 3) Освальд был направлен в Мексику в рамках хитроумного замысла большого заговора.

Подробный рассказ трех непосредственных собеседников Освальда в советском посольстве – так сказать, фактологическая сторона события – дан в первой главе книги. Надеюсь, что эта глава отвечает на некоторые вопросы, в частности об инструктаже КГБ, но уверен, что появятся новые, а по некоторым моментам потребуются уточнения. Поэтому хочу предложить свои комментарии к этому столь волнующему многих эпизоду.

Прежде всего о главном – был ли наш визитер далласским Освальдом. Хотя и считаю, что ответ содержится в упомянутой главе, все же постараюсь дополнить его некоторыми деталями.

Грамматические ошибки и фонетические искажения в произношении посетителя при беседе на русском языке очень схожи с ошибками, содержащимися в письме Освальда Марине, которое он написал, отправляясь на «охоту» на генерала Уолкера в апреле 1963 года.

Предъявленные посетителем некоторые советские документы были оригиналами и не производили впечатление поддельных. То же относится и к американскому паспорту на имя Ли Харви Освальда с фотографией, полностью совпадавшей с внешностью посетителя (конечно, можно заподозрить, что документы выкрадены и искусно подделаны, предоставлены самим владельцем по доброму согласию или под угрозой и т. п.).

Определение роста посетителя: у меня осталось впечатление, что он был чуть выше меня (мой рост – 172 см); Павел Александрович Яцков однозначно считает, что рост посетителя – 175–176 см. Валерий Владимирович Костиков думает, что посетитель был на несколько сантиметров ниже его (то есть ниже 179 см).

С этим вопросом тесно связан следующий – был ли посетитель советского и кубинского посольств одним и тем же лицом? Он приобрел особый смысл после того, как кубинский консул Аскуэ и сотрудница консульского отдела Сильвия Дюран вдруг заявили, что «сентябрьский Освальд» в Мехико внешне отличался от далласского Ли Харви Освальда. Приведу некоторые моменты, относящиеся к этой неожиданно ставшей спорной проблеме.

После второй, субботней (28 сентября) беседы с Освальдом Павел Яцков пытался связаться по телефону с Аскуэ, с которым был в дружеских отношениях с 1959 года, но секретарша ответила, что его нет в консульстве. Вскоре после визита Освальда они встретились, и Аскуэ по своей инициативе завел разговор о недавнем странном посетителе – американце.

– Пабло, ты зачем прислал ко мне этого шизика за визой?

– Как я мог тебе его прислать, я твоими визами не распоряжаюсь, о чем и сказал ему, когда он просил походатайствовать перед вами, – ответил Павел Яцков.

Ясно, что ни у кого из собеседников не возникло никаких сомнений в том, что и кубинское, и наше посольство посетил один и тот же человек, то есть подлинный Освальд.

Как известно, много споров вызывала фотография неустановленного лица, фигурирующая в отчете Комиссии Уоррена в качестве вещественного доказательства. Снимок, переданный ЦРУ в комиссию после покушения на Кеннеди, сделан резидентурой в Мехико и якобы является изображением человека, выдававшего себя за Освальда при посещении посольств названных соцстран.

Когда я впервые увидел человека на этой фотографии, похожего на Освальда как свинья на пятнадцать копеек, у меня возникли какие-то смутные ассоциации, но во что-то конкретное они не сложились. Наконец я припомнил, но не могу поручиться на сто процентов, что я прав: на фотографии изображен бывший военнослужащий, американец, уволенный из вооруженных сил по болезни, который приходил в посольство уж не помню точно когда и зачем. Однако помню, что из разговора с ним стало совершенно очевидно: он страдает расстройством психики. Впоследствии он неоднократно вновь появлялся у нас, кажется, через большие промежутки времени. Запомнился он тем, что каждый раз ему

давали какие-то объяснения по поводу его просьбы, он очень терпеливо и спокойно выслушивал и уходил вполне удовлетворенный. Так повторялось несколько раз, затем эти визиты прекратились.

Дэвид Э. Филлипс, в то время руководящий сотрудник резидентуры ЦРУ в Мехико, а позднее начальник Отдела Западного полушария Оперативного управления ЦРУ, в своей книге «Ночной дозор» подробно описывает, каким образом указанные снимки были увязаны в резидентуре с магнитофонной записью перехваченного телефонного звонка Освальда в советское посольство и как неустановленный человек превратился в Ли Харви Освальда. Некоторые исследователи скептически воспринимают эти объяснения, считая их намеренной попыткой прикрыть тайную операцию, связанную с подлинным Освальдом или его двойником. Даже учитывая, что основной специализацией Д.Э. Филлипса в резидентуре были активные мероприятия, его рассказ представляется вполне реальным. Такие ляпы в бюрократизированной оперативной деятельности спецслужб, включая разведку, не такое уж редкое явление.

Уверен, что факт демонстрации Освальдом оружия во время второго прихода в наше посольство 28 сентября вызовет немало вопросов и даже сомнений в правдивости наших свидетельств спустя столько лет после события. Но ранее я уже останавливался на причинах нашего молчания и повторяться не вижу смысла. А отвечать мы готовы на любые вопросы. Если этот факт является для всех абсолютно новым элементом информации о визитах Освальда в наше посольство, то я начал размышлять над ним давно, еще когда осенью не то 1964, не то 1965 года в наше посольство из посольства США курьер доставил несколько экземпляров отчета Комиссии Уоррена на русском языке. Один из них я оставил в консульстве и принялся внимательно изучать. Перелистывая страницы, я был поражен, увидев фотоснимок вещественного доказательства – револьвера, принадлежавшего Освальду, из которого предположительно был застрелен полицейский офицер Типпит. Поскольку сходство с револьвером, лежавшем на столике перед ним 28 сентября, было очень велико, я показал фото Валерию и Павлу, которые в тот день держали в руках оружие Освальда, а Павел даже разряжал его. Оба сказали, что изображенный на черно-белой фотографии револьвер очень похож на тот, который имел при себе Освальд. Тогда-то мне и запала мысль: а не осталось ли каких-либо свидетельств того, что Освальд носил при себе револьвер перед возвращением из Мексики или после того? И вот в 1992 году, штудируя книгу Джима Гаррисона «По следам убийц», я буквально подпрыгнул в кресле, прочитав следующий отрывок: «Некоторые из таких сцен (речь идет о появлении «подставных Освальдов». – О.Н.) были настолько нелепы, что их мог заглотать только полный глупец. Одно из таких представлений произошло в мексиканском консульстве в Новом Орлеане. Это было вскоре после полудня в один из дней середины сентября 1963 года (Освальд получил мексиканскую визу в этом консульстве 17 сентября. – О.Н.). Молодой человек, сопровождаемый женщиной с косынкой на голове, появился в консульстве. В то же время там оказалась Фенелла Фаррингтон, выяснявшая возможность получения своей автомашины после недавней поездки в Мексику вместе с мужем.

Молодой человек спросил служащую консульства, сидевшую за стойкой:

– Какая погода сейчас в Мексике?

– Очень жарко, – ответила она. – Так же, как здесь сегодня.

Потом он спросил ее, теперь уже выделяя ту страшную тему, проходящую по всем этим спектаклям (вновь подразумеваются появления двойников Освальда. – О.Н.):

– Что необходимо сделать, чтобы провезти в Мексику огнестрельное оружие или револьвер (перевод дословный. – О.Н.)?

Это был вопрос, который мог достичь ушей каждого. Служащая консульства поинтересовалась, зачем он хочет взять револьвер, и Фенелла Фаррингтон, находясь поблизости, по своей инициативе заметила, что «там прекрасная охота»».

Фаррингтон показалось, что мужчина, которого она описала как высокого и худощавого, был недоволен ее вмешательством и не выразил своей признательности. Фаррингтон также рассказала, что он казался напряженным и скованным, не таким, как выглядели другие туристы, ожидавшие получения виз.

Исходя из своей теории заговора, Джим Гаррисон истолковывает в книге этот эпизод как несомненное подтверждение существования двойника Освальда, в данном случае того, который играл его роль при поездке в Мексику и посещении кубинского и советского посольств. Для меня, наоборот, этот факт свидетельствует о том, что речь идет о подлинном Освальде, о том, что еще за неделю до поездки он готовился ехать в Мексику вооруженным. Возможно, и Гаррисон задумался бы над своим выводом, если бы узнал тогда об обстоятельствах нашей встречи с Освальдом в советском посольстве 28 сентября.

Но еще более интересными выглядят приведенные в книге последствия эпизода в мексиканском консульстве в Новом Орлеане: «Четыре дня спустя после убийства президента Фаррингтон гостила у родственников в Вашингтоне, когда на нее вышло ФБР.

Сотрудник ФБР, который позвонил ей из Вашингтонского управления, оставил ей телефон, чтобы она могла перезвонить и удостовериться в его принадлежности к этой службе. После этого он сообщил ей, что ФБР отыскало ее в связи со случаем в мексиканском консульстве в Новом Орлеане. По его словам, сцена была сфотографирована скрытой камерой, которая была включена, когда молодой человек упомянул о стрелковом оружии, и, поскольку она находилась там же, ФБР установило ее личность по фотографии. Молодой человек, добавил он, был Ли Харви Освальд, чье фото было сделано в то же время». Согласно рассказанному в книге, Фаррингтон заявила: «Агент ФБР рассказал мне, что бюро имеет фото молодого человека, который хотел взять винтовку в Мексику, и что это был Ли Харви Освальд», однако фотографию ей не предъявил. Далее, по ее словам, ФБР настойчиво добивалось от нее признания, что она до этого уже встречалась с Освальдом в Мексике, хотя она неоднократно отрицала этот факт. Позднее сотрудники ФБР вновь опрашивали Фаррингтон и ее кузину, находившуюся вместе с ней в консульстве, показывая снимки Джека Руби и заявляя, что он тоже находился там в тот же день, на что и Фаррингтон, и ее сестра ответили, что Руби не напоминает им никого из тех, кого они видели в консульстве. Гаррисон пишет, что его коллеги (Морт Сал и Марк Лейн) предъявили Фаррингтон 17 фотографий с вопросом, нет ли среди них молодого человека, находившегося в консульстве в Новом Орлеане. Она ответила, что на двух, может быть, изображен тот человек, и отложила снимки Освальда и Керри Торнли, его друга по службе в морской пехоте в Эль-Торо, который затем переехал в Новый Орлеан. Об их внешнем сходстве достаточно широко известно.

Поскольку фото, о котором говорил агент ФБР, не было опубликовано правительством, Гаррисон задается вопросом: если это был снимок Освальда, почему оно так испугалось, что не предало его гласности? Ответ на этот общий вопрос, мне кажется, должен состоять из ответов на многие другие вопросы, главными из которых представляются следующие: когда фотоснимок стал достоянием ФБР? Когда и каким образом было установлено, что на нем изображен Ли Харви Освальд? Когда и какие оперативные меры были приняты в

связи с этим?

Эти вопросы можно считать главными, поскольку допустима вероятность трех основных путей продолжения эпизода:

1) фотография попала в ФБР, и личность субъекта как Ли Харви Освальда была установлена до его отъезда в Мексику;

2) ФБР натолкнулось на материалы эпизода в результате проверки «мексиканского следа» после получения информации о контакте Освальда с советским посольством в Мехико;

3) то же самое, но после убийства Кеннеди.

Разумеется, по каждому варианту возможно построить различные версии. Например, по первому варианту – что вся поездка Освальда проходила под контролем спецслужб. По второму – что Освальд умышленно не был включен в категорию потенциально опасных лиц, склонных к насилию, а материалы были использованы для конструирования козла отпущения. Кстати, судя по датам переписки между подразделениями ФБР в календаре 3, вряд ли кто-то из них приступил к оперативным шагам для проверки «мексиканского следа» по второму варианту до ноябрьских событий.

Если имел место третий вариант, то это, безусловно, могло быть расценено всеми как крупный прокол ФБР с весьма неприятными для него последствиями. С учетом этого выглядит естественной активность федеральных агентов при опросах Фаррингтон в ажиотаже первого этапа расследования и последующее полное замалчивание эпизода, чтобы «сохранить лицо».

В «консульской истории» в Новом Орлеане мне кажется интересным еще один вопрос: не была ли сопровождающей Освальда «женщиной в косынке» его двоюродная сестра Мэрлин Мюррет, недавно побывавшая в Мексике, которую он мог попросить посетить вместе с ним мексиканское консульство.

Вообще, по моему мнению, эпизод заслуживает того, чтобы вновь вернуться к исследованию всех имеющихся по нему материалов теперь уже в сопоставлении с изложенными в данной книге подробностями поведения и бесед Освальда во время посещения советского посольства. Интересно отметить, что из трех известных контактов Освальда в Мехико – с советским и кубинским посольствами и группой студентов мексиканского университета (показания Контрерас) – Освальд только в двух случаях жаловался на преследования со стороны ФБР, причем почти в одних и тех же выражениях. Ни кубинский консул Аскуэ, ни секретарь Сильвия Дюран в своих показаниях ни словом не упоминают о подобных жалобах.

Несколько слов о теории, согласно которой посещение нашего посольства мнимым Освальдом увязывается с его вооруженностью. Ситуация, в которой Освальд демонстрировал революер, позволяла элементарно его обезоружить и передать мексиканским властям с последующим уведомлением по дипломатическим каналам МИДа Мексики и, возможно, посольства США. Зачем это могло быть нужно «организаторам» большого заговора, ума не приложу.

В то же время истинное состояние аффекта, вызванное крушением планов Ли Харви Освальда, или имитация такого состояния могли толкнуть его на последнюю попытку добиться своего: оказать на нас психологическое давление, показав, что его положение настолько отчаянное, что ему приходится постоянно быть вооруженным. Конечно, это всего лишь одно из предположений. Но в его пользу может говорить то, что Освальд, когда стремился к достижению своих сиюминутных целей, явно не заботился о реакции

собеседников на свой поступок и о том, какие негативные последствия для него он может вызвать.

Почти везде, где идет речь о контактах Ли Харви Освальда с советским посольством в Мехико, подчеркивается, что ЦРУ получило информацию о них из своих конфиденциальных источников. Понять, что под этим подразумевается: агентура внутри советского посольства или в окружении Освальда, стационарное и подвижное наружное наблюдение за посольством, микрофоны в помещениях посольства и консульства, прослушивание внешней и внутренней телефонной связи, можно лишь ознакомившись с подлинным информационным сообщением внутри спецслужб. Вот, например, в уже упоминавшейся работе М. Эддоуса «Дело Освальда» четко сказано: «…Конфиденциальный информатор ФБР, внедренный в советское консульство в Вашингтоне, получил копию письма (имеется в виду послание Освальда от 9 ноября 1963 года. – О.Н.)». Не исключая и такую вероятность, все же склоняюсь к тому, что ФБР должно было получить указанную копию еще на подходе Освальда к посольству, в результате рутинного «джентльменского» контроля входящей и исходящей почтовой корреспонденции посольства. Но тогда все спецслужбы были более целомудренны, и считалось неприличным говорить вслух о таких методах, хотя это был секрет Полишинеля. Что касается Мехико, то могу судить только по той части информации ЦРУ, которая на сегодняшний день предана огласке и повсеместно опубликована. Из нее следует, что конфиденциальным источником в данном случае служил другой рутинный и тоже «джентльменский» метод подслушивания телефонных разговоров посольства с городом. Но использовались резидентурой ЦРУ и материалы другого, не менее конфиденциального источника – стационарного поста наружного наблюдения, расположенного напротив входа в советское посольство. Соединение сведений, полученных от названных источников, и произвело на свет упоминавшееся вещественное доказательство Комиссии Уоррена – фото неустановленного мифического Освальда.

О том, как происходило подслушивание посольских телефонных звонков конкретно в Мехико и как ФБР взаимодействовало с местными спецслужбами по делу Освальда после убийства Кеннеди, могу рассказать более подробно. Все это мне стало известно от сотрудника Федерального управления безопасности (ФУБ) Мексики, назовем его Хосе, одного из тех, кто входил в группу охраны советских космонавтов. С Хосе у меня сложились дружеские отношения, и мы регулярно встречались потом в течение нескольких лет.

Расследование, связанное с пребыванием Освальда в Мексике, американские спецслужбы вели независимо от мексиканских и очень тщательно. Сотрудники ФУБ привлекались к выяснению отдельных моментов, а затем вся информация передавалась представителям юридического отдела посольства США или, другими словами, в аппарат «лигал атташе». Это подразделение посольства являлось представительством ФБР в Мексике, и его сотрудники поддерживали тесный контакт с основными мексиканскими правоохранительными и специальными службами, которых было немало. В тот период «лигал атташе» был Джозеф Гарсиа, долгое время проработавший в Мексике в этом качестве. После его ухода в 1964 году на пенсию отдел возглавил Ларсен. ФБР традиционно располагало в Мексике большими оперативными возможностями и нередко решало свои задачи, как и резидентура ЦРУ, независимо и даже без ведома местных спецслужб.

После покушения в Далласе, по словам Хосе, в ФУБ сразу сложилось мнение, что

Кеннеди убил Джонсон. Сам Хосе тоже привлекался к расследованию, связанному с этим событием. Он выезжал в город Гвадалахару, чтобы расследовать сигнал о существовании заговора, в котором якобы участвовал Освальд. В результате выяснилось, что это было письмо сумасшедшего, который уже не раз писал подобные послания.

Как-то, уже после опубликования отчета Комиссии Уоррена, прикинувшись наивным, я поинтересовался у Хосе, как могла попасть в него фамилия одного из беседовавших с Освальдом работников посольства, который не представлялся ему, но чья фамилия упоминалась в телефонном разговоре с сотрудницей кубинского консульства. Он заверил меня, что их «контора» по распоряжению высшего руководства страны не занимается контролем телефонных разговоров посольства, но делают это сами «грингос», у которых есть для этого прекрасные возможности.

Позднее, в период подготовки к Олимпийским играм в Мехико в 1968 году, нам стал известен конкретный пример таких возможностей.

С марта 1968 года в национальной компании «Телефонос де Мехико» оператором на телефонной линии, через которую проходили все международные переговоры советских учреждений в Мексике, начала работать некая Л. Она родилась в мексиканском штате Сонора (год рождения женщин не принято упоминать), имела двойное, американо-мексиканское, гражданство, владела испанским, английским, русским языками. Во внутреннем телефонном справочнике посольства США за январь 1968 года значилась работающей в посольстве. Перешла на работу в «Телефонос де Мехико» с понижением в зарплате, хотя это не соответствовало ее образу жизни и знаниям, и, вероятно, таким образом стала одним из конфиденциальных источников.

К теме козла отпущения тесно примыкает вопрос о возможном сотрудничестве Освальда со специальными службами, причем авторы приписывают ему сотрудничество кто с КГБ, кто с ЦРУ или ФБР, а кто с кубинской разведкой. Что касается КГБ, то надеюсь, что исчерпывающий ответ дан в этой книге. «Общетеоретический» взгляд на такую возможность изложен далее в разделе «Политический террорист или?..» под заголовком «…Парадоксы Освальда». Что касается других служб, я думаю, комментировать этот вопрос должны их сотрудники. При этом следует иметь в виду, что для спецслужб оберегать своих помощников, то есть агентуру, святое дело. В этих целях из богатого арсенала могут быть использованы большие или маленькие технологические уловки. Например, в американских спецслужбах в те годы (не знаю, как сейчас) существовал и активно использовался в оперативной практике институт так называемых контрактных агентов. Это лица, с которыми спецслужба договаривается о сотрудничестве на определенный период или до завершения какой-то тайной операции. В зависимости от потребности спецслужб, в числе таких агентов могут быть разносторонние специалисты или профессионалы в узкой области, от киллера до разработчика космических аппаратов. За предоставляемые услуги им выплачивается соответствующее вознаграждение. Помимо применения своих профессиональных знаний и умений, контрактные агенты нередко выступают в роли вербовщиков и «групповодов», другими словами, создают самостоятельную агентурную сеть и руководят ею. Такой простой способ дает спецслужбе возможность надежно прикрыть людей, выполняющих ее задания. Фактически они существуют, а формально их вроде и нет. Контрактные агенты могут трудиться на спецслужбу без заведения на них личных дел, без включения в агентурную картотеку. Они годами могут не знать, чьи конкретно поручения выполняют, ни разу не встретиться с кадровым сотрудником спецслужбы. В случае провала это очень удобно для

обеих сторон. Спецслужба, например, легко и убедительно может откреститься от провалившегося, официально заявив, что никакого дела на него нет (и это соответствует действительности) и никто из ее сотрудников его и в глаза никогда не видел (и это тоже правда). Считается установленным фактом, что в числе связей Освальда в Новом Орлеане весной – летом значатся два контрактных агента спецслужб – бывший сотрудник ФБР, частный детектив Гай Банистер и профессиональный авиапилот Дэвид Ферри. Именно кадровые сотрудники спецслужб, руководившие их работой в тот период (если это можно установить теперь), и были носителями информации о характере отношений названных лиц с Освальдом и о причине и времени их прекращения. Судя по различным опубликованным сведениям, они прервались не позднее сентября 1963 года.

Изучение доступных материалов по теме козла отпущения и сопутствующим ей вопросам привело меня к следующим заключениям.

С большой долей вероятности можно сказать, что вся прокастровская и иная деятельность Освальда весной – летом 1963 года в Новом Орлеане постоянно находилась в поле зрения американских спецслужб. Ее изучение осуществлялось с помощью контрактных агентов без непосредственного контакта с сотрудниками названных служб. Поскольку формально дело на Освальда в тот период в Новом Орлеане (по крайней мере, в ФБР) не заводилось, сведения о его деятельности могли оседать в материалах по проводимым конкретным операциям.

Очевидно, что после известных марксистских и прокастровских заявлений Освальда по ТВ и радио в августе взгляды и планы спецслужб в отношении него претерпели изменения.

С сентября «поэпизодно» начинает осуществляться сценарий по конструированию образа Освальда как агрессивного, «способного на все» активного антикастровца, к тому же меткого стрелка. Однако ничто не свидетельствует о том, что сам Освальд участвовал в этих эпизодах. Исходя из этого можно судить, что они «ставились» независимо от него и без его ведома, хотя кого-то из «постановщиков» он мог лично и знать.

Поведение Освальда в сентябре – ноябре не дает оснований считать, что он на регулярной основе принимал участие в какой-либо организованной групповой деятельности или вообще поддерживал с кем-то регулярные контакты. Его «политическая активность» носила сугубо индивидуальный характер и сводилась к переписке с левыми организациями и двум известным посещениям собраний левых и правых.

Все это в целом порождает большие сомнения в том, что Ли Харви Освальд был выведен на огневой рубеж 22 ноября 1963 года в здание склада учебников на Дили-Плаза в качестве козла отпущения в рамках чьего-то сценария.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИСТ ИЛИ?…

За три ноябрьских дня 1963 года в Далласе было совершено три громких прилюдных убийства. Мотивы двух из них остаются невыясненными до сих пор, а мотивы третьего, названные убийцей, представляются весьма неправдоподобными. Остается лишь предполагать, каковы были истинные мотивы всех трех убийств, поскольку исполнители (один из них, Ли Харви Освальд, так и остался лишь подозреваемым, ибо не успел пройти процедуру судебного разбирательства) унесли эту тайну с собой в мир иной.

Прежде чем порассуждать о мотивации и некоторых других аспектах этих убийств, в

первую очередь убийства президента Кеннеди, хотелось бы предложить читателю некий социально-психологический портрет подозреваемого, то есть Ли Харви Освальда, под условным названием…

…ПАРАДОКСЫ ОСВАЛЬДА

1. Хотя Ли Харви Освальд приобрел всемирную известность после 22 ноября 1963 года, он не был к этому времени просто бывшим морским пехотинцем, а являлся уже фигурой международного масштаба: последние четыре года его судьбой в целом и отдельными личными проблемами в трех странах – в США, СССР и на Кубе – занимались десятки государственных и общественных организаций. В Советском Союзе вопросы о нем решались на высших, партийном и государственном, уровнях – в ЦК КПСС, Верховном Совете и Совете министров. В Соединенных Штатах – в Государственном департаменте, Службе иммиграции и натурализации и др. На Кубе его документы прошли через МИД. Выйдя благодаря настойчивости Освальда на такой уровень, его личные и семейные проблемы приобрели политический характер, что, в свою очередь, влияло на подход к их решению. Так, вопрос о выезде из СССР и въезде в США превратился в своеобразное пугало для бюрократических структур обеих сторон. И те и другие опасались, что если они задержат Освальда, то, учитывая международную обстановку, подвергнутся пропагандистским обвинениям в «нарушении прав американского гражданина», и, чтобы избежать этого, шли даже на некоторые отклонения от сложившихся традиций и существующих правил.

Наиболее подозрительные «заговорщики» усмотрели в этом глубокий тайный смысл, и появился аргумент о том, что Ли Харви Освальда опекают правительства СССР и США, делая на него крупную ставку в будущем.

2. В течение того же четырехлетнего срока (очевидно, в США дольше – со времени военной службы) Освальд находился в поле зрения специальных служб тех же трех государств (в наименьшей степени – Кубы). И КГБ, и американские спецслужбы располагали достаточным массивом сведений, характеризующих Освальда, чтобы определить свое отношение к нему с оперативной точки зрения. И хотя теоретически, с учетом отдельных личных качеств (упорство в достижении цели, скрытность), он мог рассматриваться как подходящая кандидатура для использования втемную в конкретной операции, в том числе в роли козла отпущения, в целом с точки зрения агентурного сотрудничества он не являлся «привлекательным» кандидатом.

3. Во время пребывания в Советском Союзе и после возвращения в США Освальд в оперативном плане рассматривался спецслужбами обеих держав в первую очередь как объект, представляющий определенную угрозу государственной и национальной безопасности, а не как потенциально опасный в плане террористических проявлений. Об этом свидетельствует реакция КГБ на увлечение Освальда изготовлением самодельных гранат. Правда, такая реакция может объясняться и тем, что в КГБ было известно о предстоящем скором отъезде объекта из СССР. Окружению Освальда в США было известно его неравнодушное отношение к стрелковому оружию, а де Мореншильду (имевшему контакты в тот период с ЦРУ) – о наличии у него винтовки с оптическим прицелом, однако никто не знает, какова была реакция американских спецслужб на это. Во время демонстрации револьвера в советском посольстве в Мехико Освальд был воспринят беседовавшими с ним работниками КГБ не как инициативный террорист, а как человек, способный применить оружие, оказавшись в чрезвычайной ситуации.

4. Взаимоотношения советских и американских спецслужб с Освальдом строились по принципу «первый – второй». Его линия поведения и отдельные «непредсказуемые» поступки обусловливались личными целями и жизненными идеалами. Те и другие службы отвечали на это в силу возложенных на них функциональных обязанностей, но всегда были весьма «обходительны» и «снисходительны» к этому объекту. Прослеживается удивительная солидарность в тактике работы в отношении него враждовавших в тот период советских и американских спецслужб. Объяснить это можно совпадением оценки Освальда как личности сумасбродной и недостаточно серьезной для того, чтобы применять к ней крутые меры. Но вероятнее всего, сказывалось влияние политического фактора, своеобразного статуса Освальда и его семьи в последние четыре года жизни. Сам он очень ловко пользовался этим статусом: при малейшем недовольстве действиями официальных властей или спецслужб немедленно просил защиты у противоположной стороны. Из Минска Освальд слал в американское посольство в Москве и сенатору в США письменные жалобы на притеснение его жены и задержку с оформлением выезда в Соединенные Штаты американского гражданина и его семьи, из Далласа письменно – советскому посольству в Вашингтоне, а устно – советскому посольству в Мехико жаловался на преследования со стороны ФБР, искажая при этом реальные факты. Очевидно, что Освальд, уверенный в контроле переписки, в обоих случаях использовал один и тот же прием скорее для шантажа спецслужб, чем в расчете на поддержку подлинных адресатов.

5. Насколько при жизни Освальд выглядел балластом для спецслужб по обе стороны океана, настолько после смерти его имя стало привлекательным для них. В долгие годы холодной войны разведки трех стран (США, СССР и Кубы) широко использовали его в активных пропагандистских мероприятиях друг против друга. Многочисленные публикации с прямыми обвинениями или с намеками на подготовку и осуществление покушения, на использование Освальда в качестве то агента-киллера, то козла отпущения появлялись в средствах массовой информации, особенно в период проведения очередных официальных или неофициальных расследований убийства Кеннеди. Очевидно, именно через эту призму следует рассматривать появлявшиеся вдруг записки на разных языках, адресованные Освальду или якобы написанные им. Такие «доказательства» служили подтверждением одних теорий и опровергали другие. В результате всей этой деятельности информационное пространство по проблеме Далласа оказалось настолько замусоренным, что сегодня очень трудно найти грань, отделяющую работу искренних исследователей и труды спецслужб. Пожалуй, помочь в этом при желании могли бы сами спецслужбы – ведь теперь это не нанесло бы им особого ущерба.

6. Два последних этапа жизни Освальда (СССР и США) были до предела заполнены попытками реализовать «политические идеалы» и решить возникающие в связи с этим земные проблемы. В последние два месяца наступает как бы пауза, возможно вызванная кризисом его мировоззренческих взглядов. Похоже, в его сознании они меняются местами с реальными повседневными заботами. По ряду признаков наблюдается тенденция к устройству устойчивого семейного очага, стабилизации взаимоотношений с женой, но этому препятствует ее непримиримая позиция.

7. Будучи интровертом, Освальд в окружавшей его в данный момент социальной группе обычно держался обособленно и настороженно (в минский период в новой для него молодежной среде отмечалась его большая раскованность и контактность).

Вместе с тем в разные периоды Освальд склонен устанавливать доверительные

отношения в рамках «диады» (дружеская пара): Торнли и Дельгадо – в Корпусе морской пехоты, П. Головачев и Э. Титовец – в Минске, де Мореншильд и двоюродная сестра М. Мюррет – в США.

В октябре попытки М. Пэйна (хозяина дома, где проживала с детьми Марина) сблизиться с ним не увенчались успехом. В последние несколько месяцев Освальд, судя по всему, не входил ни в одну «диаду», кроме супружеской.

Несмотря на противоречивое отношение к жене, Освальд в отдельные моменты доверял ей свои сокровенные мысли, включая конкретные планы достижения политических целей даже с применением насилия. При общении с ней в октябре – ноябре он делился лишь планами обзавестись собственной крышей без увязки с какими-то политическими фантазиями и целями.

8. В течение всей его недолгой жизни в поведении Освальда проявления агрессивности чередовались с периодами глубокой депрессии. При детальном анализе многих фактов его биографии складывается убеждение, что Освальд являл собой ярко выраженный тип садомазохистской личности, способной на деструктивные (насильственные) действия в отношении других и аналогичные шаги по отношению к себе.

Хотя врачи Боткинской больницы в Москве считали несмертельными нанесенные им себе порезы вен, однако пришли к заключению, что он способен на подобные попытки и в дальнейшем при определенных условиях (возможно, это было еще одним фактором, вызывавшим обходительное отношение к нему со стороны КГБ).

Примерами садомазохизма Освальда могут служить наряду с эпизодом попытки самоубийства и некоторые другие. Так, в своем «Историческом дневнике» он пишет: «Думаю, когда Римма придет в 8 часов и найдет меня мертвым, это будет сильный шок (желание причинить боль человеку, к которому испытывал симпатии. – О.Н.). Где-то играет скрипка, пока я наблюдаю, как улетучивается моя жизнь. Я думаю про себя: как легко умирать и как сладка смерть… (наслаждение от акта или инсценировки саморазрушения. – О.Н.)».

В случае с покушением на генерала Уолкера (насильственное действие против другой личности) он тоже мысленно рисует картину того, что произойдет с ним post factum. Он мученически готовится к насилию против своей персоны, что находит отражение в подробной письменной «инструкции» жене. Внешне проявляя заботу о семье, он в первую очередь стремится к удовлетворению собственных потребностей. При этом очевидно, что Освальда мало беспокоит, каким болезненным ударом для жены будет его поступок и его последствия.

Такие парадоксы служат фоном для раздумий и рассуждений о предполагаемых мотивах двух убийств, совершенных навечно подозреваемым в них Ли Харви Освальдом.

Как уже говорилось, анализ последних двух месяцев жизни Освальда (поведение, психологическое состояние, общение с семьей) не дает оснований сделать вывод, что в этот период он участвовал в групповой деятельности и тем более в подготовке террористической акции, причем в любом качестве. Таким образом, постороннее направленное воздействие на мотивацию его отдельных поступков и поведение в целом представляется маловероятным.

Значит, можно предположить, что поведение Освальда было обусловлено внутренними, индивидуальными мотивами, на которые, естественно, влияли процессы, происходившие во внешней, окружавшей его среде.

Попробуем представить, в каких условных пластах сознания или подсознания Освальда

могли формироваться так интересующие многих мотивы тех действий, которые он предположительно совершил менее чем за час в Далласе 22 ноября 1963 года.

Идейно-политический

Мотивы предыдущих реализованных или нереализованных насильственных акций Освальда (покушение на генерала Уолкера, попытка вооруженной встречи президента Никсона, намерение угнать самолет) лежали в этой плоскости и приходились на период «идеологического возбуждения» и политической активности. Всем им, в разной степени, предшествовали внешние проявления: длительная и тщательная подготовка к покушению на Уолкера, вызвавшая состояние сильной нервозности, демонстративная торжественность перед вооруженной встречей с Никсоном, подробное изложение сценария угона самолета с распределением ролей участников – его самого и Марины. Все три примера вписывались в рамки идейных устремлений Освальда. В то же время нет практически ни одного свидетельства того, что Кеннеди числился у него в категории возможных объектов политической агрессии, скорее наоборот. Октябрь – ноябрь приходятся на период идейно-политического спада. Политический идеализм Освальда, по внешним признакам, уступает место бытовым интересам и проектам. Но идеи, которые хранятся в «банке» его подсознания, тем не менее представляют собой опасную горючую смесь, способную легко воспламениться при определенных условиях.

Из чего же состояла эта смесь и могли ли воспламенить ее условия, создавшиеся в тот период?

Ощущение крушения политических идеалов, переоценка и вероятная перегруппировка идеологических иллюзий, явное разочарование отсутствием интереса левых к его активности, туманность перспектив политического самоутверждения – вот, вероятнее всего, накопившаяся смесь.

Появляется и искра, воспламенившая ее, – два визита специального агента ФБР Хости в дом, где проживала семья Освальда, и разговор с его женой. Но для взрыва не хватало критического объема – нужна была дополнительная масса.

Морально-психологический

Иррациональные политические фантазии сменились конкретной бытовой целью – стремлением создать собственный семейный очаг. Новая жизненная идея занимает все мысли, и Освальд с присущей ему настойчивостью начинает думать и говорить об ее осуществлении.

Но на пути возникает серьезное препятствие – нежелание жены покидать жилище Пэйнов. Это не только служит раздражителем, но и создает угрозу срыва «земных» планов, что всегда будило в Освальде агрессивное начало. Ведь и его неожиданное минское хобби – изготовлять гранаты – совпало с состоянием сильного раздражения, вызванного задержкой, как ему казалось, выдачи советскими властями разрешения на выезд его семьи в США. Горючая смесь приближается к критическому пределу.

А ситуация нагнетается новыми моментами.

Марина, сообщая о визите агента ФБР Освальду, который, по ее же показаниям, испытывал органическую неприязнь и панический страх перед этой организацией, вовсе не выражает негативного отношения к ее представителю, напротив, в ее рассказе даже сквозит определенная симпатия.

Вскоре Марина «расшифровывает» убежище мужа, пытаясь разыскать его по телефону, чем вызывает бурную отрицательную реакцию с его стороны.

Все это происходит на фоне нарастающего потока информации о скором посещении Далласа президентом США. Тем президентом, к которому Марина давно проявляет интерес и чей портрет висит в комнате. Она видит в нем сходство со своим бывшим возлюбленным, оставшимся в Минске, – Анатолием, но, понятно, не говорит об этом мужу. Но ведь Освальд, знавший Анатолия и испытывавший ревность к нему, мог и сам уловить это сходство.

Рассмотрев, что предположительно могло накапливаться в пластах сознания Освальда, перейдем к хронологии и комментариям событий недели, предшествовавшей 22 ноября.

18 ноября Освальд узнает от Марины о воскресном телефонном звонке к нему на квартиру и негодует в связи с возможной «расшифровкой» его укрытия перед ФБР. В последующие дни, в нарушение установившейся традиции, ни разу не звонит ей по телефону.

19 ноября в далласских газетах опубликован маршрут проезда президента Кеннеди. Очевидно, что Освальд мог быть свидетелем комментариев сослуживцев или сам прочесть в газетах о том, что маршрут проходит по прилегающим к зданию склада учебников улицам.

20 ноября Освальд присутствует в кабинете своего начальника Трули, где один из служащих склада демонстрирует свои покупки – малокалиберную винтовку и карабин «маузер».

21 ноября Освальд без предварительного телефонного звонка неожиданно после работы приезжает в дом Пэйнов, где живет Марина с детьми. Неурочный приезд объясняет тем, что соскучился по своим девочкам. Предыдущий уик-энд он вынужден был оставаться в городе из-за семейного праздника в доме Пэйнов. Своему сослуживцу и соседу Пэйнов, на чьей машине он приехал, он объяснил причину поездки потребностью забрать карнизы для занавесок в снимаемую им квартиру.

В этот период Освальд стремился к примирению с женой, говорил, что хочет жить с семьей, и предлагал для этого арендовать квартиру, подчеркивая, что устал жить один. Марина заняла непримиримую позицию и отвергла все его просьбы.

В ходе общения в тот день возникал вопрос о предстоящем визите президента. Марина проявила интерес и спросила: «Я хотела бы увидеть, каков он в жизни. Ты не знаешь, куда и когда я могла бы пойти?»

– Нет, – сказал он равнодушно.

Здесь следует напомнить, что ранее, в пору повышенного внимания обоих супругов к семье Кеннеди, имел место другой эпизод:

«Однажды Марина заметила:

– Он очень привлекателен, я не могу сказать, каков он как президент, но я имею в виду – как мужчина.

Ли ответил как обычно:

– Тебе не должны нравиться другие мужчины, кроме меня».

Вечером 21 ноября Освальд был особенно ласков с детьми, раньше обычного лег спать. До этого что-то делал в гараже, где хранилась принадлежавшая ему винтовка, завернутая в одеяло.

22 ноября. По наблюдениям жены, в ночь с 21 на 22 ноября Освальд заснул лишь под

утро, хотя делал вид, что спит. Утром даже не отреагировал на звонок будильника, что было для него необычным. Сам приготовил себе завтрак, зайдя в спальню, чтобы попрощаться, не поцеловал жену, как было принято между ними. Тогда Марина еще не знала, что Освальд снял и оставил свое обручальное кольцо, чего не делал ни разу и ни при каких обстоятельствах со времени их свадьбы (не сделал этого и при покушении на Уолкера).

Все приведенные подробности тех дней почерпнуты из книги Присциллы Дж. Макмиллан «Марина и Ли», которая, на мой взгляд, представляет собой важнейший источник информации о внутренних проблемах Освальда. Так можно считать по двум причинам: во-первых, автор сама встречалась и беседовала с Освальдом в Москве в 1959 году, в период, когда он находился в состоянии сильнейшего стресса, что впоследствии, безусловно, помогло П.Дж. Макмиллан глубже осмысливать сведения о нем, получаемые от его жены и других лиц; во-вторых, в период сотрудничества с автором, как говорится, по горячим следам, Марина была носителем свежих и уникальных данных, недоступных больше никому. К тому же она еще не испытала на себе воздействия различных факторов, которым подвергалась потом в течение нескольких десятилетий.

Я полностью согласен с выводами уважаемой П.Дж. Макмиллан о сформировавшихся у Освальда индивидуальных мотивах, приведших его с винтовкой к окну шестого этажа склада учебников, и их смешанном характере, однако несколько по-иному расставляю акценты этой мотивации. Макмиллан делает упор на преобладании в ней идейно-политических моментов, «подкрепленных элементами мании величия и «бытовыми» раздражителями». Я склоняюсь к тому, что именно возникшие семейные неурядицы, вдруг вставшие на пути достижения им «земных» целей, привели к сильному всплеску его садомазохистских наклонностей, спроецировав их на три объекта: себя, жену и президента США. Скорее всего, взрывной реакции такой силы могло и не последовать, если бы семейный детонатор не сработал на фоне политической фрустрации.

Что же привело Освальда к роковому решению? Проследим, как развивались события.

Мотивы: подтверждается внимание ФБР к его персоне; Марина положительно отзывается о его представителе; растет возмущение «преследованиями» со стороны ФБР; создается угроза благополучию семьи.

Действия: принимает защитные меры: пишет записку в отдел ФБР, письмо в советское посольство с жалобами на преследование.

Он находится в тоскливом состоянии, вызванном невозможностью посетить семью в связи с праздником в доме Пэйнов, и негодует по поводу того, что Марина позвонила ему и привлекла внимание ФБР к его убежищу.

По мнению автора книги «Марина и Ли», Освальд приехал 21 ноября в дом Пэйнов с уже принятым решением о покушении. С этим я тоже не могу согласиться – мне думается, что окончательное решение у него созрело лишь ночью с 21 на 22 ноября. Скорее всего, именно в бессонные ночные часы, когда чувства резко обостряются и дурные мысли приобретают гипертрофированный характер, Освальд добавил к перечисленным выше мотивам последний негативный «блок»:

• категорический отказ Марины принять его условия совместного проживания;

• новые признаки неравнодушного отношения Марины к Кеннеди;

• чувство отверженности всеми, ощущение унижения личного достоинства (в том числе и мужского).

Можно предположить, что на пути в Даллас из дома Пэйнов утром 22 ноября в его

голове роились примерно такие мысли: «Ах, ты хочешь увидеть его «живым»?.. Ну что ж, давай собирайся… И эти фэбээровские псы тоже узнают сегодня, что они засранцы… Я умею постоять за себя… Мне больше терять нечего… Посмотрим, каково будет вам всем…». Комплекс мотивов превратился в план действий.

Вряд ли Освальд, наводя на Кеннеди оптический прицел, воспринимал его как президента Соединенных Штатов и осознавал масштабы совершаемого преступления. Вероятно, в эти мгновения он мысленно представлял улыбающееся лицо Марины, радостно машущей проезжающему автокортежу, и был предельно сосредоточен, повторяя про себя: «Смотри, смотри… Сейчас ты его увидишь… Скоро узнаешь, кто из нас сильнее…».

Нажимая раз за разом на спусковой крючок винтовки, он в первую очередь стрелял не в президента, а в соперника, и это помогло ему быть небывало метким.

На этом, временно прервав разговор о мотивах, вновь обратимся к технологии, но уже не заговорщиков, а действий самого Освальда как одиночки, связанных с событиями на Дили-Плаза, хотя отдельные комментарии будут касаться и сценария большого заговора.

Доставка оружия

Если Освальд был задействован в сценарии большого заговора и ему, например, была отведена важнейшая роль козла отпущения, то на завершающей стадии заговорщики должны были хранить его как зеницу ока и держать под неусыпным надзором.

Если роль козла отпущения разыгрывалась без ведома Освальда, а его планировалось подключить только на последнем этапе (вынудить привезти оружие), то наблюдение должно было быть весьма конспиративным, чтобы он опять не бросился в отдел ФБР с угрозами разнести его и, таким образом, не превратился раньше времени в лицо потенциально опасное для жизни президента.

Если Освальд сознательно участвовал в заговоре, но не понимал, какая роль ему отведена, и ему было поручено доставить оружие на «поле боя», он тем более представлял большую ценность, ибо, если бы с ним что-то случилось, ставился под угрозу срыва весь сценарий акции. Это для кого-то могло кончиться плачевно.

При таком раскладе в день доставки винтовки (не раньше) кто-то из участников заговора, скорее всего «менеджеров», должен был встретиться с Освальдом, чтобы передать последние инструкции, оказать на него психологическое воздействие (мягкое или жесткое – в зависимости от его настроения) и предупредить, что в течение суток он будет прикрыт в целях подстраховки, чтобы он не волновался, заметив «сопровождение».

Гипотетически такая встреча могла состояться 21 ноября в промежуток между его выходом из квартиры и приездом на работу. На этой же встрече Освальду могли подсказать версию поездки с соседом Пэйнов, которая, при всей естественности, создавала образ очевидца доставки Освальдом какого-то предмета в здание склада учебников и подкрепляла роль козла отпущения.

Не имея, к сожалению, возможности проанализировать всю имеющуюся информацию о действиях Освальда в течение этих суток, трудно строить предположения насчет того, находился ли он в этот промежуток времени под чьим-либо контролем. Если нет, то версия о том, что Освальд по сценарию заговора должен был доставить оружие на «поле боя», представляется несостоятельной.

Если же предположить, что Освальд реализовывал собственный замысел, его действия вполне естественны. Причем замысел этот, скорее всего, импровизированный,

сформировавшийся окончательно только в ночь перед покушением, детально не продуманный заранее, в отличие от плана покушения на генерала Уолкера, который отличался тщательной и длительной проработкой.

В пользу того, что покушение не было спланировано, свидетельствует и такой факт: нет сведений о том, что Освальд прикасался к винтовке, лежавшей в гараже, с момента переезда из Нового Орлеана и до покушения, то есть практически два месяца. Можно ли (это относится и к предполагаемому использованию винтовки в качестве оружия при покушении по сценарию заговора) идти на такое серьезное дело, не проверив заранее оружие и не будучи уверенным в его полной готовности?

Кроме того, еще одним косвенным свидетельством в пользу этой гипотезы может служить и демонстрация револьвера в советском посольстве в Мексике – похоже, в Далласе, как и в Мехико, Освальд безоглядно стремился к намеченной цели, не задумываясь об осложнениях, к которым могут привести его поступки.

Выстрелы

В связи с выстрелами в президента возникает два вопроса, вокруг которых и по сей день не утихают страсти: был ли Освальд настолько метким стрелком, чтобы за короткий промежуток времени трижды попасть в движущуюся цель, и стрелял ли он в Кеннеди вообще?

В этой главе, как и в предыдущих, рассуждения различного рода (кроме «Парадоксов») строятся на анализе последних двух-четырех месяцев биографии Освальда. Поэтому в рассмотрение связки «Освальд – оружие» будут в данном случае включены лишь те из многих широко известных сведении о ней, которые относятся в основном к указанному периоду. Начну опять с выдержек из книги «Марина и Ли»: «На последней неделе августа Марина застала Освальда на веранде стоящим на одном колене и целившимся из винтовки на улицу. Это было впервые за много месяцев, когда она увидела его с винтовкой.

Спустя несколько дней он вновь был на веранде с винтовкой. На вопрос Марины последовал ответ: «Фидель Кастро нуждается в защитниках. Я войду в его армию добровольцем. Я стану революционером». После этого Марина часто слышала металлическое клацанье, когда Освальд сидел в сумерках на веранде. Это происходило трижды в неделю, может быть, чаще, до середины сентября.

Часто он занимался чисткой винтовки, но она не видела, чтобы он выносил ее из дома для тренировки.

На ее просьбу не использовать винтовку против кого-нибудь вновь в Соединенных Штатах он спокойно ответил: «Я не буду»».

Следует обратить внимание, что работу с винтовкой и прицеливание, то, что в спортивной среде называют «сухим плаванием» (то есть отработка каких-то элементов на тренировках), Освальд проводил в условиях, приближенных к сложившейся в ноябре ситуации «дом – улица».

Далее приведу мнения экспертов в этой области. Вначале – ответы на мои вопросы уже упоминавшегося в этой главе И.Б. Линдера.

«Вопрос. Можно ли произвести два прицельных выстрела из винтовки с четырехкратной оптикой в промежуток от 4,8 до 5,6 секунды по движущейся цели без предварительной тренировки?

Ответ. Для стрелка весьма среднего уровня, но достаточно знакомого с используемым оружием, ведущего огонь с упора, это не составляет особого труда.

Насколько я могу судить, в данном конкретном случае расположение стрелка в здании склада и его соотношение с движущейся целью были благоприятны для эффективной стрельбы.

Вопрос. Правомерно ли говорить о «принципе лотереи» при оценке попаданий стрелка из окна склада в Кеннеди? Поясню суть принципа: слабый стрелок из 100 выстрелов может попасть в цель 3–5 раз, подряд или вразброс, в одной серии. Но не сможет повторить даже этот результат в последующих сериях; средний стрелок из 100 поразит цель 55–65 раз; снайпер из 100 стабильно поражает цель 95–97 раз.

Ответ. Да, вполне. Причем очень большое значение для прицельности имеет психологический настрой стрелка, его «отмобилизованность». Даже слабый стрелок может значительно повысить результат за счет этого, а хороший – резко ухудшить свои обычные показатели.

Например, в 1972 году во время Олимпийских игр в Мюнхене специально подготовленные для борьбы с террористами снайперы растерялись, когда впервые должны были стрелять по реальным живым целям, что отрицательно сказалось на их меткости».

Как известно, 22 ноября Освальд уже приобрел опыт, правда, неудачный, стрельбы по живой человеческой цели (генерал Уолкер). Возможно, тогда, к счастью для обоих, на его прицельности и сказалось волнение первого подобного шага.

А вот что думает о той же проблеме другой авторитетный эксперт, заслуженный тренер СССР Л.М. Вайнштейн: «Прочитав статью А. Шальнева «Вновь Америка спорит о преступлении века» («Известия», № 302, 1991 г.), я решил высказать свое мнение по одному частному вопросу. К этому подтолкнули меня и фрагменты рассматриваемого в статье фильма режиссера О. Стоуна об убийстве президента Джона Кеннеди, которые были показаны по телевидению.

У меня большой стаж работы в области спортивной пулевой стрельбы, и я утверждаю, что произвести три прицельных выстрела из винтовки с оптическим прицелом в установленное время – 5,6 секунды – вполне доступно элементарно грамотному стрелку-спортсмену. Согласно ранее публиковавшимся данным, Ли Харви Освальд спортивной стрельбой занимался. Перейдем к рассуждениям.

Время стрельбы. Известно, что оно (5,6 с от первого до третьего выстрела) установлено по кинокадрам случайного свидетеля-кинолюбителя Заходера (имеется в виду Запрудер. – О.Н.). Но в прицельной стрельбе время уходит не на сам выстрел (выбрасывание снаряда из канала ствола занимает сотые доли секунды), а на его подготовку – наводку оружия (прицеливание) и выжим спуска. Поскольку расчетное время началось с момента выстрела, то время подготовки первого выстрела сюда не входит. Поэтому 5,6 секунды ушли на выполнение двух, а не трех выстрелов.

Оптика. Известно, что роковые выстрелы произведены из винтовки с оптическим прицелом, использование которого предъявляет повышенные требования к подготовленности стрелка:

– необходимо фиксированное положение головы на прикладе; чтобы занять нужное положение требуется время;

– отдача оружия при выстреле сбивает наводку. Быстро восстановить ее можно при наличии упора, с помощью которого даже недостаточно тренированный стрелок может обеспечить высокую точность попадания и быстрое восстановление наводки после выстрела.

Упор. В быстро промелькнувших фрагментах фильма можно было увидеть: человек подходит к окну и изготавливается к стрельбе из положения «с колена». Но, стреляя из этого положения, к тому же с оптикой крайне трудно использовать упор. Учитывая темп и высокую меткость стрельбы, можно утверждать, что она велась с упора в положении лежа. Возможно, конечно, что стрелок стоял на коленях, опираясь верхней частью туловища на подоконник, что соответствует стрельбе лежа.

Эксперимент. Цитирую статью А. Шальнева: «Ни фэбээровцы, ни те, кого нанял Стоун, не смогли даже приблизиться к поразительному рекорду Ли Харви Освальда, стрелку, по единодушному мнению людей, его прекрасно знавших, «отвратительному»». Но если верить фрагментам фильма, эксперименты проводились в стрельбе из положения «с колена», что обречено на неудачу. Если бы стрельба велась лежа с упора, Стоун увидел бы, что в ее результатах ничего сверхъестественного нет.

Ли Харви Освальд характеризуется как стрелок «отвратительный». Этот отзыв принадлежит лицам, которые вместе с ним охотились на уток. Но ведь ружейная стрельба по летящей утке существенно отличается от винтовочной стрельбы пулей «по точке». Пулевик психологически не подготовлен к выстрелу, пока не завершено прицеливание.

Стрельба из дробового ружья – это стрельба навскидку, по направлению. Возможно, что Освальд, имевший некоторые навыки в пулевой стрельбе, впервые попав на утиную охоту, не смог изменить сформировавшиеся установки, чем и вызвал отрицательную оценку».

Необходимо подчеркнуть, что ни один из процитированных экспертов, высказывая свое мнение, не был знаком с содержанием отчета Комиссии Уоррена, им неизвестны результаты поставленных следственных экспериментов со стрельбой из найденной в здании склада учебников винтовки, принадлежавшей Освальду, и сделанное заключение, что «человеку не нужно быть экспертом-снайпером, чтобы совершить убийство этой винтовкой».

В то же время материалы отчета Комиссии Уоррена, касающиеся результатов проведенных экспертиз оружия и выстрелов, а также кассету с фильмом Запрудера я передал соответствующим специалистам ГУВД Москвы с просьбой высказать свое мнение. Оно включено в книгу в качестве приложения.

Дальнейшие размышления опять касаются мотивационной стороны поступков Освальда, теперь уже после убийства Кеннеди.

ПОВЕДЕНИЕ ПОСЛЕ СТРЕЛЬБЫ НА ДИЛИ-ПЛАЗА ДО АРЕСТА

Это также является предметом длительных дискуссий и интерпретируется весьма разнообразно. Естественно, любая версия, если ее подлинная цель – поиск истины, имеет право на существование и разработку.

Сторонники невиновности Освальда, опираясь на свидетельские показания, утверждают, что он вообще не находился в момент покушения на шестом этаже склада, так как в противном случае он обязательно наткнулся бы на кого-то из служащих, спускаясь оттуда после стрельбы.

Если так рассуждать, то можно предположить, что любой другой, как и Освальд, не успел бы уйти незамеченным, и тогда получается, что с шестого этажа вообще никто не стрелял. Едва ли сейчас можно заставить поверить в это кого-то, кто более или менее

знаком с проблемой Далласа.

Другие из этой же категории, ссылаясь на «спокойствие» Освальда во время встречи с полицейским Бейкером и своим начальником Трули вскоре после стрельбы, уверяют, что он не мог оставаться столь хладнокровным, совершив преступление века.

«Заговорщики» объясняют все действия Освальда после выстрелов, вплоть до ареста, тем, что он совершал их в рамках большого заговора, по разработанному заранее плану, как киллер или нестрелявший козел отпущения, например курьер, принесший на место преступления оружие.

Следуя теме этой главы, хочу дать свое объяснение указанному эпизоду.

Осуществив свой замысел, Освальд какое-то время продолжал действовать как бы на автопилоте. По ходу спрятав винтовку под коробки и быстро спустившись на второй этаж, он еще находился в другом измерении, его спокойствие – это отражение безразличия, готовности к любым мерам против него, вплоть до ответной стрельбы и ликвидации со стороны президентской охраны или полиции.

Встреча с Бейкером и Трули, закончившаяся для Освальда благополучно, «разбудила» его, вернула из другого измерения к реальной действительности. Обреченность сменил пробудившийся инстинкт самосохранения.

Выйдя из здания склада, он попал в атмосферу паники и неразберихи, вызванных выстрелами и ранением президента. Он стал постепенно осознавать содеянное, масштабы его последствий. Личные мотивы уже не казались столь значительными. Страх и ощущение вины превратились в главную движущую силу дальнейших поступков.

Широко известно, насколько страх разрушает логику поведения человека, причинно-следственные связи, повергая его в состояние аффекта. В такие моменты человек как бы возвращается в ряд других особей животного мира. Недаром существует выражение «животный страх».

О том, что после агрессивных выпадов и готовности к самопожертвованию у Освальда и ранее бывали приступы страха, свидетельствует рассказ о его состоянии по возвращении из рейда против генерала Уолкера: «В ту ночь, спустя сутки после покушения на жизнь Уолкера, Ли страдал от приступов беспокойства во время сна. Он четырежды весь покрывался потом с головы до пят с интервалами в полчаса или около того, но ни разу не просыпался…

На следующую ночь он вновь конвульсивно вздрагивал во сне».

Но тогда он только предполагал, что последствия его поступка могут быть опасны, а сейчас он чуял опасность всем своим существом, угроза могла исходить от первого встречного.

Думается, что все действия Освальда после посещения своей квартиры на Бекли-авеню, были продиктованы животным страхом.

На квартире, уже в смятении, он лихорадочно переодевается (!), объясняя впоследствии, что «одежда была грязной» (?), берет револьвер и направляется в малолюдный район, кажущийся ему безопасным. Очевидно, он не задумывается о том, что, если его приметы сообщат по радио или ТВ, он там будет бросаться в глаза и может быть опознан жителями даже из окон близлежащих домов. Поэтому, когда его неожиданно нагоняет патрульная машина и рядом с ним возникает полицейский, он воспринимает это как реальную угрозу, и состояние аффекта, но с несколько другими нюансами, чем в здании склада, находит выход в новых выстрелах.

Как иначе объяснить, что Освальд (я придерживаюсь мнения, что это был он) стрелял в

Типпита четыре раза (!), причем, как показывают свидетели, последний раз – уже в распростертого на земле?

Невольно приходит на память брошенная им в Мехико фраза, суть которой в том, что он пустит оружие в ход в целях самозащиты, если сложится угрожающая его жизни ситуация. Пожалуй, в те минуты встречи с Тип питом, учитывая состояние Освальда, ситуация именно так и могла быть им истолкована.

Очевидцы убийства полицейского показывали, что стрелявший в Типпита затем перезаряжал револьвер, то есть готовился к отражению новых атак, что потом и пытался сделать в кинотеатре при задержании полицией.

После убийства Типпита остается единственное – бежать куда глаза глядят и найти какое-то убежище, спрятаться в любую щель. Но сначала – переодевание: в кусты летит куртка, что меняет внешний вид стрелявшего, теперь уже в полицейского. Первая реакция на звук сирен появившихся вблизи патрульных автомашин – скрыться в обувном магазине, затем возникает кинотеатр – прекрасная темная нора, хотя бы на какое-то время создающая ощущение безопасного укрытия. Вероятно, когда полиция появилась в зале кинотеатра и направилась к нему, у Освальда все еще преобладала эмоциональная реакция на ситуацию, а не рассудочная оценка происходящего. Отсюда – отчаянное сопротивление, даже с попыткой применить револьвер. В этой обстановке кажется вполне уместной и реальной его реплика в момент ареста (свидетельства о том, что он ее произнес, неоднозначны): «Теперь все кончено».

Возникает вопрос – кто возьмется убедительно объяснить, зачем все это делал человек, не чувствовавший за собой никакой вины?

Считается, что ожидание возмездия страшнее самого возмездия. Поэтому можно допустить, что, задержись полицейские с приходом чуть дольше, Освальд мог уже не выйти из кинотеатра живым, пустив себе пулю в лоб.

ПОВЕДЕНИЕ ПОСЛЕ АРЕСТА ДО ГИБЕЛИ

Первое, что услышали от Освальда в здании полицейского управления собравшиеся там представители прессы и зафиксировали телекамеры, это выкрики: «Я не виноват! Я только козел отпущения!»

Такие заявления могли означать, что он сразу пытался публично оправдаться, не хотел брать на себя вину за ранение или смерть президента. Это, в свою очередь, наводит на мысль, что, стреляя по автомашине Кеннеди, он не испытывал комплекса Герострата и не стремился изменить ход мировой истории.

С момента ареста 22 ноября до выстрела Руби утром 24 ноября Освальд не сделал ни одного политического заявления ни во время допросов (кроме признания, что он не коммунист, а «марксист, но не марксист-ленинец»), ни во время краткого общения с прессой и ТВ, то есть ни разу не воспользовался возможностью провозгласить на весь мир свои идеологические и политические взгляды, как обычно делают после совершенной акции политические террористы, которые в подобных случаях не только признают свое участие в совершении теракта, но и подчеркивают, что гордятся этим, не испытывая чувства вины.

Находясь под арестом, Освальд, вероятно, все больше осознавал несоразмерность

мотивов, приведших его к покушению на президента, с масштабами последствий этого для американской нации и всего мира.

Поведение Освальда во время единственного свидания с женой, самым близким ему человеком в тот период, в полицейском управлении Далласа, описанное в книге «Марина и Ли», можно посчитать одним из свидетельств правильности этого предположения: «Он выглядел жалким, его глаза были полны беспокойства»; «По его словам, это был прежний Ли, полный бравады, но Марина могла сказать по тону его голоса, что он испуган. Она видела страх в его глазах…»; «На глазах Ли были слезы, но он делал все, чтобы сдержать их…»; «Глазами он говорил «прощай» (при расставании. – О.Н.)»; «Марина была теперь уверена, что Ли виноват. Она видела эту вину в его глазах».

Более того, она считала, что, будучи невиновным, он поднял бы жуткий крик о своих правах, плохом обращении и требовал бы встречи с чиновниками самых высоких уровней, как не раз делал это ранее. Его признание, что с ним обращаются нормально, было для нее свидетельством его вины.

Марина увидела в глазах Освальда выражение одновременно удовлетворения и угрызений совести. Она не почувствовала, что он сбросил всегда давивший его какой-то груз и сделался счастливее.

«Он смотрел на нее не вполне обычно, с мольбой в глазах. Он умолял не покидать его. Он просил о ее любви, о поддержке, но больше всего о молчании. Он знал, что это конец».

Марина обратила внимание, что муж успокаивал и давал ей советы «словами, почти идентичными тем, которые он написал в «уолкеровской записке»».

Если отбросить всю патетику литературного стиля, то суть пересказа свежих тогда впечатлений сводится к одному: Марина была убеждена в виновности мужа в покушении на президента.

Тем не менее хотелось бы прокомментировать три момента из ее повествования о последнем свидании с Освальдом.

Чувство вины, которое Марина заметила в глазах мужа, было, наверное, прежде всего чувством вины перед ней. Это еще раз наводит на мысль о садомазохистской мотивации первого преступления Освальда. Поэтому, надо думать, даже если бы он остался жив и его изобличили в убийстве Кеннеди, он вряд ли признался бы, какова была истинная причина покушения – столь завышена была самооценка Освальда и ничтожен в глазах окружающих повод, толкнувший его на преступление.

Советы Марине в духе «уолкеровской записки» свидетельствуют о том, что Освальд понимал неотвратимость грядущего наказания, и могут служить косвенным признанием им своей вины.

Марина, говоря о привычке мужа громко отстаивать свои права, понятия не имела об обстоятельствах его допросов и о том, что в их ходе он уже стучал кулаком по столу.

Делал ли он это потому, что был невиновен? Судя по материалам первого допроса 22 ноября, Освальд бурно и враждебно реагировал на появление и участие в допросе специальных агентов ФБР, и в первую очередь Хости. Возможно, именно их присутствие сыграло свою «стимулирующую» роль и стало переломным моментом в его поведении. Этот «вечный раздражитель» помог ему укрепиться в мысли о правильности содеянного и уменьшить чувство вины. В результате растерянность и виноватость постепенно сменились свойственной ему самоуверенностью, и даже в такой ситуации его отношения с властями опять вернулись к принципу «первый – второй».

Из весьма скудных записей допросов следует, что Освальд довольно быстро собрался и

стал следовать обычному для него стереотипу поведения: беззастенчиво говорил заведомую ложь, отрицал или искажал достоверные факты. Выпустил «своего» козла отпущения, рассказав, отвечая на вопрос о винтовке, что за день до покушения видел, как в кабинете Трули один из служащих склада демонстрировал винтовку. Пытался доказать свое алиби, утверждая, что во время проезда автокортежа завтракал на первом этаже с сослуживцами, в то время как названные им люди в тот момент находились у окон пятого этажа, и это зафиксировано документально.

Спрашивается, чем мог руководствоваться говоривший все это человек, прекрасно понимая, что такие байки элементарно рассыпаются при первой проверке? Думается, у Освальда просто не было времени, чтобы, оставшись наедине, сочинить какую-то версию и в дальнейшем упорно стоять на ней.

Совокупность всех рассмотренных в главе элементов – мотивация, поведение Освальда накануне, в день покушения и после него, технология доставки оружия и стрельбы – приводит к убеждению, что именно он 22 ноября 1963 года стрелял из винтовки по автомашине президента и нанес тому раны, от которых он скончался.

Скорее всего, Освальд совершил преступление в одиночку по ряду мотивов эмоционального плана, накал которых достиг критической точки в ночь с 21 на 22 ноября. Можно также предположить, что покушение на президента США рассматривалось им как своеобразный акт самоубийства.

Что касается убийства самого Освальда Джеком Руби, то, не исключая полностью вероятность личной мотивации, вполне можно предположить, что оно было инициировано кем-то, с кем Освальд соприкасался в какой-то, скорее всего новоорлеанский (1963), период своей биографии и кто решил убрать его по «принципу ящерицы».

В данной главе широко использовались уникальные свидетельства бывшей жены Освальда Марины, взятые в основном из книги П. Дж. Макмиллан «Марина и Ли». Зная ее биографик), нельзя не сочувствовать всем тем невзгодам, которые выпали на ее долю более чем за 30 лет – с первой встречи 17 марта 1961 года с будущим мужем по сегодняшний день. Наверное, если бы их все можно было распределить между несколькими десятками людей, то даже в этом случае жизнь каждого из них была бы испорчена, а личность разрушена морально и физически. Поэтому стойкостью Марины можно только восхищаться.

Однако сравнительно недавно мне пришлось столкнуться с одним фактом, который насторожил и очень обеспокоил меня. Летом 1992 года, будучи в Минске, я прочитал в местной газете следующее: ««Мой муж не мог стрелять в президента Джона Кеннеди», – заявила в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС Марина Паркер, ранее Марина Освальд – русская жена Ли Харви Освальда, официально признанного виновным в убийстве президента Кеннеди.

«Я считаю, что Освальд не мог стрелять в президента, – еще раз повторила Марина Паркер. – В здании склада школьных учебников он находился потому, что там работал и просто в силу этого должен был там находиться»».

В том же интервью Марина почему-то заявляет, что «вскоре после рождения второй дочери» им представилась возможность «пожить в доме брата под Далласом» и что «именно там в экстренном выпуске теленовостей» она «впервые услышала о покушении на президента», а появившиеся затем полицейские разъяснили, что в покушении подозревается ее муж.

Хотелось бы спросить Марину Паркер, кто же тогда проживал в доме Р. Пэйн в Ирвинге

с 24 сентября вплоть до 22 ноября? Где провел вечер и ночь Освальд с 21 на 22 ноября? В чьем гараже (помнится, в присутствии самой Марины) искали винтовку, принадлежавшую Освальду, полицейские после убийства Кеннеди?

Кроме того, из процитированного интервью следует, что на свидании с Освальдом в полицейском управлении Марина была не с матерью Освальда, а с его братом. Но ведь в отчете Комиссии Уоррена четко зафиксировано: «…В продолжение 20 минут Освальд имел свидание с женой и матерью в помещении для посетителей на четвертом этаже». Там же указано, что с братом Робертом Освальд имел свидание в течение 10 минут в тот же день, но позже, чем с матерью и Мариной.

Это интервью было дано почти через 30 лет после выхода цитируемой в данной главе книги «Марина и Ли». Поэтому, да простит меня Марина, возникают несколько вопросов, которые можно и нужно ей задать в связи с этим: какому из ее приведенных здесь мнений можно верить? В каком положении оказалась автор книги «Марина и Ли»? Каких еще «поправок» можно ждать в будущем?

Безусловно, Марина Паркер имеет полное право изменить свое мнение о роли Освальда в убийстве. Но тогда она должна объяснить, почему считает его невиновным, так же как она объяснила свои слова о его виновности.

Глава 3
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

За три дня в Далласе был очерчен смертельный треугольник – три взаимосвязанных убийства с не разгаданной до конца мотивацией.

Убийство первое – президента США – происходит на глазах сотен людей, на тихой улице, второе – патрульного полицейского офицера – с тремя прямыми свидетелями, третье – в здании полицейского управления, в присутствии, вернее окружении, свыше 70 полицейских чинов и десятков репортеров, под светом юпитеров и под кино– и ТВ-камерами, транслировавшими эпизод на всю Америку и другие страны в прямом эфире.

Кто же был тот стрелок, который замкнул эту мистическую триаду?

Человек, широко известный в Далласе, проживший в нем 16 лет, по имени Джек Руби.

БИОГРАФИЯ ДЖЕКА РУБИ (ОН ЖЕ ЯКОВ РУБИНШТЕЙН)

Комиссия Уоррена в отношении Руби должна была ответить на два вопроса:

«– Возможно ли, что Руби вместе с Освальдом или с другими лицами участвовал в заговоре, имеющем целью убить президента;

– Руби, не являясь участником такого заговора, имел сообщников в убийстве Освальда» (КУ. С. 331)?

Комиссия провела детальное расследование деятельности Руби в течение трех месяцев, предшествовавших покушению на президента (сентябрь, октябрь, ноябрь), и действий с 21 по 24 ноября 1963 года. Также были собраны подробные биографические данные, выявлены его многочисленные связи с целью установить, проводил ли Джек Руби какую-

либо конспиративную деятельность.

Отец и мать Джека Руби родились в 70-е годы XIX века в Польше, входившей тогда в состав Российской империи. Отец, Иосиф (Джозеф) Рубинштейн, с 1893 по 1898 год служил в царской армии в артиллерии. Там же обучился плотницкому делу и пристрастился к спиртному, что сделало его алкоголиком на всю жизнь. Несмотря на это, он прожил до 87 лет и умер в 1958 году. Армейскую службу он ненавидел, сбежал из армии и после четырех лет скитаний уехал в Англию, затем в Канаду, а в 1903 году перебрался в США. Жена, Фанни, с двумя детьми последовала за ним спустя год или два. Она была неграмотной и даже после 35 лет пребывания в Америке вместо росписи ставила крестик.

Родившийся в марте 1911 года в Чикаго Джек (Яков в русской транскрипции) был пятым из восьми детей в этой еврейской семье, которая распалась в 1921 году в результате постоянных раздоров, доходивших до драк, между родителями, вызванных беспробудным пьянством отца и необузданным характером матери. Ее поведение наводило на мысль о психическом расстройстве. Впервые его признаки появились у нее в 1913 году, через два года после рождения Джека. Она страдала навязчивыми состояниями, галлюцинациями, и в 1920-е годы ей был поставлен диагноз «психоневроз с резко выраженным состоянием беспокойства». Фанни наблюдалась у психиатров до конца 1930-х годов, когда наступило некоторое ослабление ее болезни.

В 1923 году в Чикаго суд по делам малолетних принял решение об опеке над Джеком, двумя его младшими братьями и сестрой, поскольку родители не заботились о них. Дети провели в воспитательных домах Еврейского благотворительного общества около четырех или пяти лет.

Школьное образование Джека ограничилось восемью классами. Однако уличное «образование» на стыке не самых благополучных районов Чикаго – еврейского и итальянского – началось с 10 лет, причем мальчик тогда уже прилагал усилия к тому, чтобы заработать что-то для себя и других членов семьи. Начинал со спекуляции билетами на спортивные мероприятия и торговли «всякой мишурой», позднее продавал ноты, нарушая авторские права, за что подвергся короткому тюремному заключению. Некоторые из друзей его юности стали преступниками, но, по утверждению знакомых, сам Джек не был вовлечен в криминальные круги Чикаго.

В начале 1930-х Джек отправился с друзьями на поиски работы на Западное побережье, а в конце десятилетия вернулся в Чикаго. Он долго оставался безработным. Тем не менее ему удавалось «ловчить» и зарабатывать деньги на безбедное существование. В основном занимался разного рода мелкой перепродажей, но закон при этом не нарушал. Вступил в профсоюз сборщиков утильсырья, активистом которого был до 1940 года. Затем занялся предпринимательской деятельностью – образовал фирму по производству деревянных шкатулок для конфет и приспособлений для азартной игры панчборд. После нападения японцев на Перл-Харбор в декабре 1941 года пытался торговать значками в память о «Дне позора» и бюстами президента Франклина Рузвельта, которому симпатизировал, работал в различных фирмах. По мнению одного из знакомых Джека, «значки и бюсты» не были проявлением патриотизма, а лишь коммерческим предприятием, какого-либо интереса к политике у него не наблюдалось, как, впрочем, и в дальнейшем.

В начале 1943 года после неудачной попытки избежать призыва Джек был зачислен в ВВС США. Его братья уже служили в армии, один в ВМС, другой в разведке армейской авиации, третий в артиллерии. Во время воинской службы Джек получил категорию

меткого стрелка из карабина и автомата и снайпера из карабина другого калибра. В феврале 1946 года был уволен в запас в звании ефрейтора и со значком «За отличную службу».

В 1946–1947 годах братья Рубинштейн создали маленькое предприятие по производству бытового ширпотреба, но дело не развивалось, партнеры рассорились, и оно распалось… В 1947 году Джек посетил Даллас, где его сестра Ива открыла клуб-ресторан «Сингапур», чтобы помочь ей вести ей дела. В это время один из «контактов» Ивы попал под судебное преследование за попытку дать взятку шерифу и торговлю наркотиками. Хотя этот «контакт» и его уголовные связи неоднократно посещали «Сингапур», которым уже заведовал Джек, Комиссией Уоррена в результате тщательного расследования не было получено свидетельств об участии последнего или его родственников в наркотрафике. В конце 1947-го Джек окончательно обосновался в Далласе и находился там вплоть до ноябрьских событий 1963 года.

В декабре 1947 года Джек переменил свою фамилию на Руби, мотивируя это тем, что фамилия Рубинштейн приводит к недоразумениям, так как она слишком длинная, а кроме того, он «хорошо известен» как Джек Л. Руби (еще в 1940 году Джек в память о своем погибшем друге присвоил себе второе имя «Леон», которым, однако, пользовался редко). Братья Джека также сменили фамилию, поскольку, во-первых, и их больше знали как «Руби», а во-вторых, в переписке с клиентами фирмы лучше не пользоваться «еврейской фамилией».

С того момента как он осел в Далласе, основным жизненным интересом и источником дохода Руби стало содержание ночных клубов и дансингов. Все это время бизнес шел непросто, без особых взлетов и даже был омрачен судебной тяжбой Джека с одним из его братьев, Сэмом, за право владения клубом «Вегас», правда, завершившейся миром.

К ноябрю 1963 года Дж. Руби владел двумя заведениями – «Вегас» и «Карусель». Последнее давало ежемесячную чистую выручку в среднем в 5000 долларов, в основном уходившую на зарплату сотрудникам.

Все финансовые дела Руби осуществлял лично, банк ему заменяли «карманы и багажник автомашины». Ни у него самого, ни у его клубов не было счетов в банке. Он всегда носил наличные деньги с собой и покрывал основные расходы и долги непосредственно из выручки клубов. Согласно докладу Комиссии Уоррена, финансовую отчетность Руби можно охарактеризовать как «полный хаос». Он всегда намного опаздывал с подачей федеральных налоговых отчетов, что приводило к многочисленным столкновениям с налоговым управлением.

Помимо всего этого, Руби не оставлял свое «бизнес-хобби» – всякого рода коммерческие начинания, кончавшиеся, как правило, неудачей. За описываемый далласский период он занимался продажей дешевых ювелирных изделий, принадлежностей для швейных машин, поставками итальянской пиццы в рестораны города, торговал средством для лечения артрита и витаминами, граммофонными пластинками и лезвиями для безопасных бритв, а также гимнастическими снарядами. В 1959 году интересовался возможностью продажи списанных армейских джипов на Кубу, но затея развития не получила.

СВЯЗИ С ПОЛИЦИЕЙ И КРИМИНАЛОМ

С 1949 по 24 ноября 1963 года полиция арестовывала Джека Руби восемь раз. Причинами задержаний были нарушение общественного порядка, незаконное ношение оружия, нарушение запрета на продажу спиртного и других лицензионных норм в его заведениях, нанесение побоев и нарушения правил дорожного движения. Санкции сводились к штрафам и денежным залогам.

Интересно, что в молодости Руби высказывал желание стать полицейским, будь он более крупного сложения. По мнению начальника полицейского управления Далласа, Руби был знаком с 25–50 сотрудниками из состава в 1200 человек. Но, по другим данным, его связи в полиции были гораздо обширнее и насчитывали несколько сотен лиц. Сведений о том, что Руби искал со стороны полиции особых привилегий или пытался давать взятки ее сотрудникам, не имеется. Однако известно, что полицейским, посещавшим его заведения, он предоставлял бесплатный вход, кофе и безалкогольные напитки. Правда, это было общепринято в подобных местах. Некоторых полицейских Руби считал своими друзьями, другие работали у него до поступления на службу в полицию.

Но Руби дружил не только с полицией – он поддерживал приятельские и деловые отношения также с отдельными представителями преступного мира Далласа. Собственно, его бизнес являлся элементом городской криминальной среды. Один из компаньонов Руби по клубу «Вегас» имел уголовное прошлое. Кроме того, будучи азартным игроком (карты, кости, бильярд, скачки), Руби общался со многими профессионалами этого круга. Например, в 1959 году он неделю гостил на Кубе у профессионального игрока Льюиса Мак-Уилли, оплатившего ему поездку. Они познакомились в 1950 году, когда Мак-Уилли был владельцем ночного клуба в Далласе. В Гаване Мак-Уилли заведовал казино в клубе «Тропикана», а позже игорным клубом в Лас-Вегасе. После Кубинской революции стал ярым антикастровцем.

При всем том никаких данных, указывающих на прямую связь Руби с организованной преступностью, в результате работы Комиссии Уоррена выявлено не было.

В то же время документально подтверждено, что Руби по своей инициативе в марте 1959 года предложил передавать ФБР информацию, которая станет ему известна и может представлять для службы интерес. С апреля по октябрь того же года оперативный работник провел с ним восемь встреч на предмет получения сведений об уголовной среде. Однако в ноябре куратор порекомендовал руководству отказаться от использования Руби в качестве «потенциального уголовного информатора», поскольку передаваемые сведения не предоставляют оперативного интереса. Связь была прекращена, и дело закрыто.

Билл Александер, помощник прокурора Далласа во время процесса над Руби в 1964 году, заявил в интервью в 1992-м: «Трудно поверить, что я, осудивший Руби за убийство Освальда, придерживаюсь позиции по защите его чести. Он не состоял в мафии. Он не был гангстером. Мы знали тогда криминальный мир Далласа, и говорить, что Руби был частью организованной преступности, – это блеф, нелепица. Нет никаких следов этого. Спекуляции стряпают люди, не знающие фактов» (Познер. С. 361–362).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Очевидно, «богатый» генофонд сказался на психике Руби уже в раннем возрасте.

В 11 лет он был направлен Еврейским общественным бюро в Исследовательский

институт по проблемам юношества как «трудный ребенок». Входе психиатрического обследования он был охарактеризован как «вспыльчивый» и «непокорный», проявлявший большой интерес к вопросам пола и имевший некоторый сексуальный опыт.

С раннего детства за ним закрепилась кличка Спарки (Запальчивый). Сестра Руби свидетельствовала, что он с восьмилетнего возраста лез драться, когда кто-либо называл его этим прозвищем.

Одни вспоминают его как обладавшего в юности спокойным и ровным характером, но многие другие характеризуют как вспыльчивого подростка, быстро переходившего к резким словам и действиям. Третьи объясняют, что в том неблагополучном районе Чикаго, где он проживал, «самозащита была жизненной необходимостью» и он был способен постоять за себя, не обращая внимания на неравенство сил. Возможно, именно это пробудило в нем любовь к спорту. Он стал заядлым болельщиком на соревнованиях по боксу, дружил со многими профессиональными боксерами. В молодости сам усиленно занимался силовой гимнастикой в нескольких атлетических клубах и слыл «здоровяком». В продолжение всей жизни делал все, чтобы быть в отличной физической форме. Не пил и не курил. Обладая, как отмечалось выше, взрывным темпераментом, в повседневной жизни Руби активно пользовался своими силовыми «накоплениями» начиная с младых лет.

Он не был религиозен, хотя воспитывался в иудаизме. Только после смерти отца в течение 11 месяцев посещал синагогу, соблюдая ритуал, в остальное время бывал в синагоге только по большим еврейским праздникам, иврита не знал. Однако Руби был очень чувствителен к своей этнической принадлежности. Возможно, такая самоидентификация сложилась во время пребывания в еврейских детских домах под влиянием воспитателей.

В юношеские годы Руби с друзьями из еврейского квартала часто пытался срывать митинги антисемитского Немецко-американского бунда, и есть свидетельства, что он «разбил несколько голов членам этого союза». По словам его брата, Руби всегда агрессивно реагировал на любые, общие или личные, проявления антисемитизма и пронацистских настроений и готов был драться с каждым, кто позволял себе оскорбительное замечание по поводу его, Руби, происхождения. Когда в армии один из сержантов в споре обозвал его «еврейским ублюдком», Руби набросился на обидчика с кулаками и избил. В 1951 году он выбил зуб у человека, назвавшего его «жидом».

Помимо такой «ответной» агрессивности у Руби всегда присутствовала склонность к насилию, нередко не спровоцированному и даже с признаками садизма. В докладе Комиссии Уоррена приведены такие данные на этот счет, собранные в ходе расследования прошлого Руби: «Его забота о физическом состоянии отчасти оправдывалась практической необходимостью, ибо в своих заведениях он фактически выполнял роль вышибалы. С 1950 г. он около пятнадцати раз применял кулаки, бил рукояткой револьвера или дубинкой посетителей, устраивавших беспорядки… Тем не менее, по многим показаниям, он применял больше насилия, чем это было нужно… Помимо подобных актов «вышибания», Руби неоднократно избивал людей, которые не были посетителями клуба (это относится и к его служащим. – О.Н.)… В 1951 г., после того как гитарист Уиллис Дикерсон «послал Руби к черту», тот сбил его с ног, затем прижал к стене и ударил ногой в пах. Во время потасовки Дикерсон укусил Руби, и притом настолько сильно, что тому пришлось ампутировать верхний сустав левого указательного пальца.

Приблизительно в 1955 г. Руби избил одного из музыкантов кастетом так, что тому пришлось наложить многочисленные швы в области рта».

По свидетельству одного полицейского, во время драки в «Вегасе» Руби жестоко избил боксера тяжелого веса, который стал угрожать ему. Друг Руби, боксер Бадди Тэрман, утверждает, что Руби «бил с разбором». По его словам (Тэрман служил вышибалой в клубе «Вегас» около года), жертвами Руби бывали часто люди пьяные, женщины или вообще те, кто, по тем или иным причинам, был не в состоянии дать ему отпор.

Нет прямых указаний на то, что Руби в своих скандалах и драках прибегал к огнестрельному оружию, за исключением двух случаев. Известно, что он гонялся с револьвером за своим компаньоном (по «Вегасу») Джо Бондсом по аллее и несколько раз выстрелил, но промахнулся, – это показания служащего Ларри Крэфорда (Познер. С. 358). Крэфорд сообщил, что примерно за неделю до убийства президента Кеннеди Руби приказал ему принести револьвер, чтобы выгнать Эрла Нормана, бывшего служащего клуба, а теперь работника профсоюза. Вообще, Руби редко прибегал к своему револьверу, хотя и держал его всегда под рукой, когда при нем были крупные деньги (КУ. С. 809).

Эксцентричность поведения Руби заставляла окружающих сомневаться в его психической адекватности. Вот как высказывались его служащие о состоянии своего патрона. Ведущая солистка: «Невозможен, совершенно непредсказуем… Он сверхэмоционален. Одну минуту нормален, в следующую уже обезумевший… Я не думаю, что он здоров». Один из музыкантов назвал Руби «раздвоенной личностью». Муж одной из актрис: «Он нездоров. Он псих… С ним не все в порядке». Служащий Американской гильдии артистов варьете заявил, что знающие Руби чувствуют, что он был «с приветом», поскольку непредсказуем, вспыльчив. Человек, знавший Руби более 10 лет, считал, что состояние того ухудшается: «Думаю, что последние годы он страдает какой-то формой отклонений, умственных отклонений, судя по его поступкам».

Вот свидетельства о таких поступках, собранные во время расследования. Руби часто входил в раздевалку танцовщиц без рубашки, поглаживал свою волосатую, как у гориллы, грудь и спрашивал у присутствовавших, не кажется ли им, что у него прекрасная фигура. На одной вечеринке Руби сбросил всю одежду и кружился по залу обнаженным. Периодически он звонил по телефону танцовщицам и читал им скабрезные стихи или в деталях описывал интимные части своего тела. Иногда он тепло приветствовал гостей клуба, в другие дни без видимой причины тем же людям отказывал в посещении заведения. Во время разговора нередко обрывал фразу и начинал новую тему без всякого объяснения. Еще одной странностью Руби была его чрезмерная любовь к собакам. В своем доме он всегда держал несколько, до 10 одновременно, собак, называя их «детьми», своей «единственной семьей». Любимицей его в 1963 году была такса Шиба, которую он называл женой, брал с собой на работу, где она проводила целый день. Шиба ждала Руби в незапертой автомашине, когда он спустился 24 ноября в подвал полицейского управления для «проводов» Освальда, после чего «жена» больше его не видела. В клубе ходили разговоры о неестественных отношениях Руби со своими «детьми», но в докладе Комиссии детали таких разговоров опущены.

Комиссия не нашла также подтверждений гомосексуализму Руби. Такие предположения были основаны на слухах или на «ощущении», что он был «неженкой», «со странностями», имел женственные манеры и, когда сердился, говорил тонким, высоким голосом. Некоторые исходили из ошибочного мнения о том, что Руби не ухаживал за женщинами. Однако установлено, что он любил женское общество. В молодые годы

друзья прозвали его Ромео из-за успеха у молодых женщин. В течение 11 лет он поддерживал близкие отношения с женщиной, с которой встречался еженедельно. Брак не состоялся, поскольку у обоих одновременно были и другие партнеры.

Неуравновешенность Руби носила двойственный характер. Когда агрессивные вспышки в отношении окружающих затухали, он быстро менял гнев на милость. Например, Руби легко давал деньги взаймы, мало заботясь о том, будут они возвращены или нет. Охотно предлагал работу у себя тем, кто находился в безвыходном положении, или помогал устроиться в других местах. Если его друзья или новые знакомые не имели в какой-то момент крыши над головой, его квартира была всегда к их услугам. Что и послужило, кстати, одной из причин появления подозрений в его гомосексуальных наклонностях.

На основе изучения этой стороны характера Руби Комиссия Уоррена сделала следующие выводы: «Необыкновенная щедрость Руби, может быть, частично объясняется тем, что он остро переживал чужую беду, хорошо зная по личному опыту, что такое бедность. Его щедрость могла также быть результатом его настойчивого стремления быть популярным, быть человеком, на которого можно положиться. Многие из его знакомых говорят про него, что он любил «гоняться за рекламой», «расточать любезности» и «невзначай в разговоре обронить какое-нибудь известное имя», стараясь быть все время в центре внимания. По-видимому, эгоцентризм его молодости так никогда и не покидал Руби» (КУ. С. 810).

Пожалуй, последнее заключение комиссии можно выразить по-другому – Руби испытывал комплекс неполноценности по нескольким параметрам и старался компенсировать его «комплексом превосходства», о чем свидетельствуют его фанатичное стремление к совершенной физической форме, модной одежде, влиятельным связям и бурная реакция на проявления антисемитизма. Постоянное ношение оружия также придавало ему уверенности в себе. Сочувствуя и оказывая помощь страдающим людям, он также повышал свой «статус», чувствовал себя «чище и выше».

При сопоставлении психологических портретов Руби и его жертвы Освальда возникает ощущение, что их комплексы и попытки преодолеть их или компенсировать очень похожи.

АФФЕКТ ИЛИ ПРЕДНАМЕРЕННОСТЬ?

//-- (Поведение Руби 22–24 ноября) --//

Известие о покушении на президента застало Руби в редакции далласской газеты, в которой он обычно помещал рекламу своих заведений. По свидетельству одного из газетчиков, в числе которых он смотрел телевизионную передачу, Руби выглядел «явно потрясенным, совсем посерел, – настолько был бледным… ни с кем не хотел разговаривать и сидел с растерянным выражением в глазах». Вскоре он сообщил по телефону сестре Иве и помощнику, что «закроет клуб, если что-нибудь случится» (очевидно, это было еще до сообщения о кончине президента).

Так и было потом сделано: заведения были закрыты на пятницу, субботу и воскресенье.

Многолетний друг Руби, которому он вечером позвонил по телефону, по голосу понял, что тот сильно расстроен. Руби сказал, что закрыл клубы, считая, что сейчас большинству людей не до развлечений, а сам он испытывает тревогу за «малышей» президента. Дважды Руби посетил сестру, вспоминавшую затем: «Когда он уходил, он выглядел совсем плохо.

Я это помню. Я не могу этого объяснить вам. Он выглядел сломленным, совсем сломленным человеком. Он сделал такое замечание, – он сказал: «Я никогда не чувствовал себя так плохо за всю мою жизнь, даже когда умерли папа и мама»».

В тот же вечер, 22 ноября, он посетил службу в синагоге, что было необычно для него в непраздничные дни, и казался знавшему его раввину подавленным, но разговора о смерти президента не заводил.

Кроме того, на Руби сильно подействовало появление утром в пятницу в местной газете антипрезидентской публикации, которую он прочитал вслед за известием о покушении на Кеннеди. Объявление «Добро пожаловать, господин Кеннеди, в Даллас…» было помещено в траурную рамку и подписано еврейской фамилией председателя некоего американского «комитета». Руби бурно негодовал, что это провокация левых или правых элементов с целью возбудить антисемитские настроения в Далласе во время приезда президента.

Перед посещением синагоги Руби телефонировал брату и сестрам в Чикаго. Первый показал, что Джек был «настолько встревожен положением в Далласе, что даже упомянул о возможности продажи дела и возвращении в Чикаго».

После 11 часов вечера Руби, смешавшись с журналистами, присутствовал на ночной пресс-конференции в подвальном помещении полицейского управления, где ненадолго Освальд был представлен работникам СМИ. Документально его присутствие запечатлено на одном из кадров ТВ-съемки и показаниями более 10 свидетелей. Там он находился от Освальда на расстоянии нескольких футов, стоя на столе в числе других репортеров. В ходе этой встречи окружной прокурор Генри Уэйд заявил журналистам, что в начале следующей недели Освальда, вероятно, переведут в окружную тюрьму.

Один из знавших Руби детективов запомнил, что тот выдавал себя в управлении за переводчика израильской прессы и заметил, что для Далласа «это убийство является величайшим несчастьем» и «трудно себе представить, что полное ничтожество, нуль, подобный этому, мог убить такого человека, как президент Кеннеди».

В течение всей ночи на субботу Руби продолжал перемещаться по городу, посетил местную радиостанцию, газету, сделал многочисленные телефонные звонки, провел несколько личных встреч. Пытался установить через газету адрес автора упомянутой публикации, но безуспешно. Дома он оказался около шести часов утра.

Во всей этой активности Руби явно просматривалось свойственное ему стремление выглядеть значительней фигурой и использовать даже такой момент для установления новых деловых связей и рекламы своих заведений. Наряду с этим все, с кем контактировал Руби, обращали внимание на его нервозное состояние: «Голос Руби дрожал, когда он говорил об убийстве»; «Когда говорил со мной, выглядел чрезвычайно бледным… и упорно смотрел при этом в пол»; «Руби был очень опечален. Когда он говорил, он потрясал газетой, подчеркивая свое крайнее возбуждение убийством президента».

Неоднократно Руби высказывал симпатии и сочувствие в адрес семьи Кеннеди и негодование по поводу личности Освальда. Так, о семье президента он говорил «эти бедные люди», а Освальда назвал «ничтожным хорьком».

В субботу 23 ноября с утра и до позднего вечера Руби был не менее активен, чем накануне. Посмотрев утром по ТВ выступление раввина, он был очень тронут его хвалебной речью о президенте Кеннеди и, по собственным словам, «был возбужден более, чем во всех других случаях». Днем он посетил место покушения на Дили-Плаза, затем его

видели в полицейском управлении, где он общался с журналистами и даже некоторым раздавал бутерброды. Информация о переводе Освальда из полицейского управления в окружную тюрьму уже гуляла по городу, но не было определенности в том, когда это произойдет – во второй половине дня в субботу или на следующий день, в воскресенье. И опять Руби, как говорится, «обрывал телефон», общаясь с большим числом «связей», провел несколько личных встреч, побывал в «Карусели», навестил сестру Иву. Его друг, которому он вечером в субботу позвонил от сестры, показал, что Руби в разговоре заметил, «что он и его сестра плачут».

Другие общавшиеся с Руби в эти дни отмечали, что у него на глазах появлялись слезы при разговорах об убийстве президента и особенно при упоминании его семьи. При этом родственники утверждали, что Руби плаксивостью раньше не отличался.

Днем Руби вновь пробовал найти автора злополучной публикации, теперь уже через почтовое отделение.

Когда он вернулся домой, не установлено, но, с его слов, он лег спать в 1 ч. 30 мин. Приятель, проживавший с начала ноября в квартире Руби, уже спал и не смог подтвердить его показания.

Воскресное утро началось для Руби между 8:30 и 9:00 с телефонного звонка уборщицы, интересовавшейся, должна ли она в этот день, как обычно по воскресеньям, прийти убрать квартиру. Женщина припомнила, что Руби говорил чрезвычайно странно, и то, как он с ней разговаривал, показывало, что с ним не все в порядке. Он не узнавал ее голоса, не понимал цели звонка и просил назвать себя. Известно, что после этого разговора Руби смотрел телевизор, сварил кафе, сделал яичницу и в 10:19 ему позвонила одна из танцовщиц и согласно предварительной договоренности просила выдать ей причитавшиеся деньги. По ее словам, собеседник был возбужден, сообщил, что едет в центр города и там через компанию «Вестерн Юнион» пошлет ей деньги телеграфом. Далее Руби, как заявил его квартирант, потратил около получаса или даже больше на ванну и одевание. Он же подтвердил, что Руби находился в сильном возбуждении все это утро: «…Даже бормотал, но что – я не мог понять. И сразу после завтрака он оделся. Затем, одевшись, он метался из гостиной в спальню, из спальни в гостиную, и его губы дрожали. Что он бормотал, я не знаю, но он действительно бегал взад и вперед».

Давая показания Комиссии Уоррена, Руби так описал чувства, владевшие им в то воскресное утро: «В воскресенье утром… я увидел письмо дочери президента Кэролайн в газете… Кто-то написал письмо Кэролайн. Хватающее за сердце письмо. Я не помню содержания… Наряду с этим письмом, на той же странице, было краткое сообщение… что г-же Кеннеди, может быть, придется вернуться, чтобы давать показания суду, когда будут судить Ли Харви Освальда.

Я не знаю, что укусило меня… Я думаю, что это был стимул, который вызвал во мне волнение, когда я почувствовал, что я хочу выразить мою любовь к нашей вере, будучи иудеем, я никогда не употреблял этого термина… внезапно чувство, эмоциональное чувство, возникло во мне, что кто-то должен выплатить этот долг нашему дорогому президенту и спасти его жену от мучительной необходимости возвратиться сюда. Я не знаю, почему это промелькнуло в моем уме» (Отчет КУ. С. 352).

Вскоре после ареста Руби в спальне у его кровати был обнаружен экземпляр газеты, развернутой на той странице, где было напечатано письмо, адресованное Кэролайн Кеннеди.

Покинув квартиру за несколько минут до 11 часов утра, Руби захватил свою «жену»,

таксу Шибу, портативное радио и направился к автомобилю. Здесь, по его словам, он переложил в карман револьвер, обыкновенно хранившийся в багажнике в банковском мешке для денег, и поехал в центр города, слушая радио. Выбрал путь мимо Дили-Плаза, на которой увидел разложенные повсюду венки. Проезжая окружную тюрьму, заметил скопление людей и решил, что Освальд уже переведен туда. Но у здания полиции и суда, расположенного в том же квартале, что и контора «Вестерн Юнион», намеченная цель его поездки, обнаружил другую толпу. Точное время его проезда от дома до этого места не установлено, но такое расстояние приблизительно могло быть покрыто за 15 минут.

Машину Руби оставил на стоянке через дорогу от «Вестерн Юнион», двери были не заперты, в салоне находилась Шиба.

Вот как изложены дальнейшие действия Руби в докладе Комиссии Уоррена: «Имея при себе револьвер, более двух тысяч долларов наличными и никаких личных документов, Руби пошел через улицу в контору «Вестерн Юнион», где заполнил бланк телеграфного перевода на 25 долларов для Карен Карлин. Постояв в очереди, пока другой клиент закончил дело, Руби внес деньги и получил одну из трех проштемпелеванных квитанций, из которой видно, что он проделал эту операцию точно в 11 ч. 17 мин. утра. Служащий, оформлявший денежный перевод, припоминает, что Руби тут же повернулся, вышел на Мэйн-стрит (на эту улицу выходит главный въезд в управление полиции. – О.Н.) и направился в сторону полицейского управления, находящегося в следующем квартале».

Предположительно, сам Руби так и утверждает, он вошел в подвал здания полиции через автомобильный пандус со стороны Мэйн-стрит, где на выезде уже находился специальный бронированный автомобиль для вывоза Освальда.

Спустившись в подвал, Руби «стоял позади переднего ряда репортеров и полицейских (зафиксировано на фотоснимке. – О.Н.), которые, ожидая появления Освальда, переправляемого в окружную тюрьму, столпились у начала въезда на пандус. Как только около 11 ч. 21 мин. утра Освальд показался из канцелярии подвального этажа, Руби быстро выдвинулся вперед и без единого слова, прежде чем полицейские могли остановить его, сделал свой смертельный выстрел в живот Освальда».

А вот свидетельство об этом моменте полицейского, находившегося прямо напротив места, откуда выскочил Руби: «Я заметил движение человека, и моей первой мыслью было… что кто-то выскакивает из толпы, чтобы, может быть, плюнуть в него (Освальда. – О.Н.)… Как только я двинулся навстречу, то увидел, что человек, приблизившись к Освальду, выпрямился, и прогремел выстрел… Стреляя, Руби пронзительно крикнул: «Ты убил моего президента, ты, крыса!»».

Освальд был смертельно ранен в брюшную полость. Несколько полицейских немедленно свалили Руби на пол, а он выкрикивал: «Я Джек Руби, вы все меня знаете…».

Трехдневное смертельное ралли Далласа завершилось…

Так первый раз на одно мгновение трагически пересеклись пути двух персонажей с драматическими судьбами. Вторично их дороги скрестились уже навечно.

Один, с развороченными внутренностями, был отправлен умирать туда, где два дня назад скончалась его жертва – президент США. Второй попал за решетку, чтобы спустя три года завершить свое земное существование в стенах того же заведения – Парклендского госпиталя Далласа.

Врачи были удивлены тем разрушительным эффектом, который произвела пуля, выпущенная Руби, – практически она поразила все жизненно важные внутренние органы. Невольно возникает аналогия со страшной раной от выстрела самого Освальда в голову

президента за 48 часов до этого.

Обезоруженный Руби, сразу доставленный из подвала на третий этаж для допроса, в полувменяемом, лихорадочном состоянии, по пути хвастливо заявлял окружавшим его полицейским: «Если бы я планировал это, я не мог бы выбрать лучшее время… Это был один шанс на миллион…». Поднимаясь по лестнице, он повторял: «Надеюсь, я прикончил этого *censored*ного сына… Это избавит ваших ребят от многих забот…». На вопрос, зачем он сделал это, Руби отвечал, что «не хотел, чтобы госпожа Кеннеди вынуждена была вновь вернуться в Даллас на процесс и пройти сквозь такое испытание из-за этого *censored*ного сына».

После задержания Руби демонстрировал уверенность в том, что совершил благое дело – смыл позорное пятно с Далласа за гибель президента. Сотруднику президентской охраны он с гордостью заявил, что «показал миру, что еврей может обладать силой воли». Вообще расценивал свой поступок как геройский, вопрошая: «Я был прав, убив Освальда… Можно ли по-другому относиться к человеку, покаравшему убийцу президента?» Руби не сомневался, что его задержание продлится недолго и после соответствующих юридических формальностей он будет освобожден.

Как только несколько сот человек, находившихся у здания полицейского управления в ожидании перевода Освальда в тюрьму, узнали, что он застрелен, толпа взорвалась аплодисментами и радостными выкриками.

Друзья и сослуживцы Руби были шокированы, узнав, что он убил Освальда, но считали, что это вписывается в рамки его импульсивного характера.

Во время первого свидания с братом Руби рассказал: «Когда я спустился в подвал и увидел ухмылку на лице Освальда, то подумал, ах ты, *censored*н сын, выхватил револьвер и выстрелил в него».

Ива высказала убеждение, что выстрел явился следствием взрывного темперамента ее брата и, возможно, был совершен под влиянием комплекса мотивов.

Находясь под арестом, Руби часто давал интервью прессе, охотно беседовал со следователями, писал сам и получал немало писем.

Брат Эрл нанял для защиты Руби известного адвоката из Сан-Франциско Мелвина Белли, который согласился бесплатно взяться за дело, а потом написать книгу. Совершенное Руби деяние в Техасе квалифицировалось как убийство без отягчающих обстоятельств, а в большинстве других штатов – как непредумышленное убийство. Предусмотренное максимальное наказание не превышало пяти лет заключения.

Упомянутый адвокат построил свою тактику защиты клиента на его тяжелой наследственности, доказательствах болезненного психического состояния в момент совершения преступления, рассчитывая добиться освобождения Руби от ответственности. Однако 14 марта 1964 года после менее чем часового обсуждения жюри присяжных признало Руби виновным в предумышленном убийстве, на основании чего он был приговорен к смертной казни.

Представитель стороны обвинения на процессе Руби, Билл Александер, помощник окружного прокурора, в 1992 году в своем интервью назвал ошибочной позицию адвоката, следствием которой стал смертный приговор его подзащитному: «…Он вел эту богодухновенную защиту, а Джек день за днем разваливался, он выглядел все хуже и хуже. На него было жалко смотреть к концу процесса. Вместо превращения его (Джека) в героя, Белли выложил все детали пребывания матери Джека в доме для умалишенных и сделал то же в отношении самого Джека. Тому хотелось лишь встать и сказать: «Я

застрелил парня, потому что он убил моего президента». Но Белли вывернул наизнанку всю его семью. Это было унизительно для Руби. Я и сейчас чувствую вину перед ним. Это раздавило остававшееся у него достоинство» (Познер. С. 400).

После ареста психическое состояние Руби стабильно ухудшалось, а приговор ускорил распад психики. Боязнь преследования евреев, появившаяся в результате антипрезидентской публикации, приобрела характер навязчивой идеи. Ему казалось, что под полом его камеры идет резня миллионов евреев, над городом появляются самолеты, чтобы бомбить евреев. Он жаловался сестре, что слышит и видит евреев, кипящих в масле, и ему приходят видения, что брат Эрл и его дети подвергаются расчленению. Надзиратели замечали, как он прислоняется ухом к стене и произносит: «Тсс!.. Слышите стоны? Они там в подвале мучают евреев». Под влиянием всего этого он советовал сестре самой уйти из жизни. Делал попытки покончить с собой, бился головой о стену, пытался повеситься. В камере у Руби был портрет президента Кеннеди, и он целовал его в течение дня. Ива заявила комиссии, что ее брат Джек впал в безумие.

Руби находился в таком состоянии и во время опроса комиссией 7 июня 1964 года по поводу его просьбы о прохождении испытания на полиграфе. На этом он настаивал с декабря 1963 года, считая, что с помощью такого теста докажет свою непричастность к какому бы то ни было заговору и развеет распространяемую о нем ложь. На указанной встрече он заявил комиссии, что его привязывают к убийству президента, чтобы возвести вину за это страшное преступление на еврейский народ и начать его истребление. Во время беседы он терял контроль над собой и рыдал.

За время изоляции Руби девять раз обращался с просьбой отправить его в Вашингтон, мотивируя это тем, что только там он сможет, не боясь за свою жизнь, сказать «всю правду». «Заговорщики» истолковывали это так, что, находясь в безопасности, Руби даст правдивые показания о существовании заговора против президента и своем участии в нем. Другая сторона – «одиночники» – объясняла, что Руби стремится в столицу для того, чтобы опровергнуть обвинения в каком-либо заговоре, знакомстве с Освальдом и добиться нового судебного процесса. А кроме того, объявить, что угроза его жизни является частью программы истребления евреев, осуществляемой американским фашистским Обществом Джона Берча.

Комиссия не сочла нужным предоставлять Руби поездку в Вашингтон. Но удовлетворила просьбы его и защиты о проведении проверки на полиграфе, которая состоялась 18 июля 1964 года. Допрос с полиграф-детектором производился в Далласе, и на нем присутствовали лица, представлявшие комиссию и прокуратуру, два защитника, два агента ФБР (один из них Бэлл Хэрндон, специалист-оператор по подобным испытаниям), начальник тюрьмы, психиатр и судебный секретарь. Хэрндон заключил, что присутствие посторонних на Руби не действовало. Ответы его на несколько несущественных контрольных вопросов указывали на попытки солгать. Оператор пришел к выводу, что отсутствие физиологических реакций при ответах Руби на вопросы по существу дела указывало на то, что Руби говорил правду. На наш взгляд, к таковым из других заданных вопросов можно отнести следующие:

«В. Были ли вы знакомы с Освальдом до 22 ноября 1963 г.?

О. Нет.

В. Помогли ли вы Освальду в совершении убийства президента?

О. Нет.

В. Являетесь ли вы членом какой-либо организации, которая стремится насильственным путем свергнуть правительство Соединенных Штатов?

О. Нет.

В. Были ли вы когда-либо членом какой-нибудь организации, которая стремится свергнуть насильственным путем правительство Соединенных Штатов?

О. Нет.

В. Стреляли ли вы в Освальда, чтобы заставить его замолчать?

О. Нет.

В. Вы пришли к решению убить Освальда в пятницу вечером?

О. Нет.

В. Вы пришли к решению убить Освальда в субботу утром?

О. Нет.

В. Вы пришли к решению убить Освальда в субботу вечером?

О. Нет.

В. Вы пришли к решению убить Освальда в воскресенье утром?

О. Да.

В. Вы видели Освальда в далласской тюрьме в пятницу вечером?

О. Да.

В. Когда вы пошли на ночную пресс-конференцию в тюрьме в пятницу в полночь, был ли у вас револьвер?

О. Нет.

В. Правда ли все, что вы сказали Комиссии Уоррена?

О. Да (а попытки солгать, отвечая на некоторые вопросы? – О.Н.).

В. Вы убили Освальда под каким-либо влиянием зарубежных кругов?

О. Нет.

В. Ты убили Освальда под влиянием преступного мира?

О. Нет.

В. Вы убили Освальда под влиянием профсоюзных кругов?

О. Нет (вопрос о влиянии спецслужб не поставлен! – О.Н.).

В. Вы застрелили Освальда, чтобы избавить г-жу Кеннеди от тяжелых переживаний в суде?

О. Да» (Выдержки из стенограммы допроса Руби. КУ. Приложение XVII. С. 813–816).

Присутствовавший на допросе психиатр доктор Уильям Биверс после окончания показал, что «в течение большей части времени, когда он отвечал, я чувствовал, что он сознает и понимает вопросы и что его ответы основаны на осознании, реальности». Исходя из такого вывода, эксперт-оператор заключил: «Если предположить, что Руби был ответственен за свои поступки и психически здоров, то диаграммы могут быть интерпретированы. Если это установленный факт, то диаграммы могут быть истолкованы как показатели правдивости его ответов на вопросы по существу, заданные на допросе с полиграф-детектором».

Однако, в продолжение, доктор Биверс, наблюдавший Руби и до испытаний, заявил, что, согласно его раннему прогнозу, Руби «страдает депрессивным психозом». Эксперт ФБР Хэрндон отреагировал однозначно на подобный диагноз: «Никакой ценности допрос с полиграф-детектором иметь не будет, и нельзя придавать никакого значения кривым этого аппарата».

Директор ФБР Дж. Эдгар Гувер, опираясь также на диагноз Биверса, сделал следующее

заключение по поводу испытания Руби на полиграфе: «Ввиду того что психическое состояние Руби вызывает серьезные сомнения, было бы ошибочным придавать какое-либо значение допросу с полиграф-детектором. Его не следует считать решающим, поскольку нельзя положиться на данные этого испытания».

Позиция комиссии по результатам проверенного мероприятия была сформулирована таким образом: «Удовлетворив просьбу Руби относительно допроса с полиграф-детектором, Комиссия решила опубликовать стенографическую запись допроса, во время которого было произведено испытание, равно как и письменные показания под присягой эксперта ФБР по полиграф-детектору, который провел это испытание. При вынесении своих заключений, изложенных в настоящем отчете (имеется в виду заключительный «Отчет Комиссии, назначенной президентом для расследования дела об убийстве президента Кеннеди». – О.Н.), Комиссия не считалась с результатами этого испытания».

Указанный отчет был направлен президенту Джонсону 24 сентября 1964 года.

Процесс над Руби состоялся в марте 1964 года, в самый разгар расследования обстоятельств убийства президента Кеннеди, проводимых Комиссией Уоррена. Сам факт преступления Джека Руби не требовал доказательств в силу своей публичности, но вопрос квалификации – предумышленное убийство или непреднамеренное – был непростым. Ибо от определения этого зависела степень ответственности и мера наказания подсудимого. Главное противостояние возникло между сторонами защиты и обвинения в отношении определения состояния психического здоровья обвиняемого.

Вначале Белли привлек в качестве свидетелей служащих заведений Руби – они должны были подтвердить его неустойчивый темперамент и безотчетность насильственных действий в отношении других лиц. Затем в дело пошли специалисты и материалы экспертиз. Доктор Йельского университета, профессор психологии и психиатрии, обследовавший Руби, определил у него «органические мозговые нарушения», наиболее вероятными последствиями которых могла быть специфическая форма «психомоторной эпилепсии». По мнению профессора, Руби страдал «перепадами настроения и импульсивностью». На вопрос Белли, могли Руби испытывать приступы ярости и что могло провоцировать их, экспорт ответил утвердительно. Он пояснил, что вызывать их могли сильные эмоциональные стимулы, состояние усталости, яркие вспышки света…

Другой эксперт, невролог из Техасского университета в Гальвестоне, осматривавший Руби по поручению суда, подтвердил вероятность «психомоторного варианта эпилепсии». На вопрос того же Белли «Отдает ли Руби отчет о своих действиях во время приступов?» – эксперт ответил отрицательно и заметил, что он действует роботоподобным образом и большинство таких пациентов испытывают провалы в памяти.

Главный судмедэксперт Верховного суда Балтимора, специалист по криминальной психологии, свидетельствовал: «Я не думаю, что он был способен отличать добро от зла или осознавать смысл и последствия своего поступка. Мне кажется, он старался быть в здравом уме… Считаю весьма необычным его участие во всей этой трагедии… Произошло раздвоение его эго, за очень короткий психопатический момент у него возник весьма сильный «образ врага», маску которого он надел на того индивида. Результатом стало убийство».

12 марта сторона обвинения отклонила выводы ведущего эксперта из Чикаго доктора Фредерика Гиббса, сделанные на основе электроэнцефалограммы Руби. Письменное заключение эксперта гласило, что записи ЭЭГ показывают «мозговые нарушения по психомоторному типу». Узнав об отводе его заключения, доктор Гиббс, ранее

отказывавшийся прибыть в суд для устных показаний, немедленно вылетел в Даллас для выступления, даже без причитающегося гонорара. Стоя перед жюри и демонстрируя диаграммы ЭЭГ, он сказал: «Руби имеет специфическую, очень редкую форму эпилепсии. Такая встречается у половины процента эпилептиков. Это исключительная и необычная эпилептическая форма».

Уже упоминавшийся представитель обвинения Билл Александер сделал попытку получить от Гиббса ответ, что психомоторный вариант эпилепсии не является болезнью. «Я сказал – это болезнь, – произнес доктор. – Это диагностируется по расшифровке записей мозговых колебаний».

Это был заключительный раунд схватки защиты и обвинения за дальнейшую судьбу терминатора другого терминатора.

Судья Дао Браун поручил всем участникам процесса, жюри, защите и обвинению, подготовить свои аргументы к середине дня субботы 14 марта. Во второй половине дня после заседания, длившегося два часа и 19 минут (по другим данным, менее часа), жюри присяжных вынесло вердикт по делу Руби: «Виновен в убийстве с отягчающими обстоятельствами, как указано в обвинительном акте, и подлежит наказанию в виде смертной казни».

Апелляции защиты на решение суда поступали в течение двух с половиной лет.

Пятого октября 1966 года суд Техаса по рассмотрению апелляции по уголовным делам принял решение провести новое судебное разбирательство по делу Руби. Такое решение было обосновано тем, что первичные заявления Руби в полиции, сразу после задержания, не были включены в качестве показаний, что явилось процессуальным нарушением. Новое судебное разбирательство должно было проводиться за пределами Техаса, так как нельзя было рассчитывать на непредвзятое отношение к процессу в Далласе. В качестве нового места суда был избран город Вичита-Фоллс в штате Канзас.

Когда в декабре 1966 года в Даллас прибыл шериф из Канзаса, чтобы доставить туда Руби, он нашел его в состоянии, которое было настолько плохим, что исключало перевозку. Тюремные врачи лечили пациента от желудочных недомоганий, не придавая им серьезного значения. В Парклендском госпитале первоначально ему диагностировали пневмонию, но через день выявили метастазы в легких, печени и мозге. Предположительно, онкология была у Руби уже более года.

Третьего января 1967 года он скончался, по официальному заключению – в результате тромба. Прошло три года и пять недель с того дня, как он застрелил Освальда, умершего в этом же госпитале, как и убитый им президент Кеннеди.

В предыдущих изданиях этой книги не приводилось заключение Комиссии Уоррена по результатам расследования далласского смертельного треугольника (глава шестая доклада комиссии «Расследование возможности существования заговора»), поскольку в них не рассматривалась роль Руби в той трагедии. Так как теперь читателю предлагается познакомиться и с этой стороной событий, он должен представлять, к какому заключительному выводу в результате проделанной работы пришла Комиссия Уоррена.

//-- «ЗАКЛЮЧЕНИЕ --//

Основываясь на следствии, освещенном в этой главе, Комиссия пришла к заключению, что нет убедительных доказательств тому, что Ли Харви Освальд был участником заговора на жизнь президента Кеннеди. Проверка фактов, связанных с самим убийством, не дает указаний, что Освальду кто-то помогал в замысле и осуществлении его плана. Обзор его жизни и деятельности, начиная с 1959 г., проливающий свет и на его характер,

не дал каких-либо веских данных, которые могли бы свидетельствовать о заговоре. Комиссия не нашла доказательств тому, что Советский Союз или Куба имели отношение к убийству президента Кеннеди. Равным образом расследование Комиссии о Джеке Руби не обнаружило никаких оснований для сколько-нибудь веских предположений, что убийство им Освальда было частью заговора. К заключению, что заговор в данном случае не имел места, независимо от Комиссии пришли на основе своей собственной информации: государственный секретарь Раек, министр обороны Макнамара, министр финансов Дуглас Диллон, министр юстиции Роберт Ф. Кеннеди, директор ФБР Дж. Эдгар Гувер, директор ЦРУ Джон А. Мак-Кон и начальник Секретной службы Джеймс Дж. Роули» (сохранена орфография источника. КУ. С. 372).

(Для справки. Вице-президент Линдон Джонсон, который был приведен к присяге через несколько часов после смерти Джона Кеннеди, сразу же заявил, что создает специальную комиссию для расследования обстоятельств убийства. Комиссию возглавил председатель Верховного суда США Эрл Уоррен. По его имени она стала называться Комиссией Уоррена (КУ). Доклад (Отчет) Комиссии Уоррена был опубликован 24 сентября 1964 года. Члены комиссии заслушали 552 свидетелей, получили более 3000 отчетов судебных и правоохранительных органов, которые в свою очередь провели около 26 000 бесед. Свидетельские показания составили 26 томов.)

Приведенное заключение вызвало много критики, как в США, так и в других странах, и, вероятно, навсегда поделило интересующихся историей покушения в Далласе на две категории – «заговорщиков» и «одиночников». Почему это произошло, ранее в нашей работе говорилось.

Поскольку автор относит себя к категории «одиночников», он считает необходимым изложить аргументы, обосновывающие его позицию, которая совпадает с заключением комиссии. В общих чертах они сводятся к тому, что смертельный треугольник в Далласе сформировался как результат не хорошо спланированного заговора, а того, что в теории вероятности именуется «массовыми случайными событиями», а в обиходе называется «стечением обстоятельств».

Анализ хронометража предшествующих действий участников всех трех смертельных эпизодов дает основание утверждать, что пересечения жертв и стрелков в определенных точках и в определенное время не могли быть результатом преднамеренного расчета, а носили случайный характер, то есть явились тем самым «стечением обстоятельств». В сочетании с другими материалами расследования далласских событий это служит веским основанием считать, что спланированная связь между действиями участников в трех смертельных эпизодах во время и после покушения на президента Кеннеди отсутствовала.

ПРЕДНАМЕРЕННОСТЬ ИЛИ ИМПРОВИЗАЦИЯ?

//-- Хронометраж действий и передвижений Руби и Освальда утром 24 ноября 1963 года --//

РУБИ	ОСВАЛЬД
8:30—9:00 — принял звонок домработницы	9:30—11:00 — последний допрос Освальда
9:00—10:15 (?) — смотрел ТВ, завтрак	Вскоре после 11:00 — Освальд предупрежден, что будет переведен в подвальное помещение для отправки в тюрьму
10:19 — телефонный разговор с актрисой о переводе денег через «Вестерн Юнион» в это утро	11:05—11:20 (?) — переодевание Освальда
10:19—10:50 (или чуть дольше) — ванна и одевание	Около 11:20 — Освальд доставлен в тюремную канцелярию в подвале
Около 11:00 — вышел из квартиры с собакой к машине	
11:00—11:15 — дорога до «Вестерн Юнион»	Настенные часы в подвале показывали 11:21 — Освальд прошел примерно 10 футов (3 м) от дверей канцелярии в сторону ожидавшей его полицейской автомашины и был убит выстрелом Руби
11:17 — завершение перевода денег	
11:17—11:20 — путь до полицейского управления	
11:21 — убийство Освальда	

Два случайных события: незапланированное участие почтового инспектора в допросе Освальда и переодевание последнего задержали его отправку в тюрьму на час с лишним. Он должен был покинуть полицейское управление в то время, когда Руби еще находился в своей квартире.

НЕОБХОДИМОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ

Соотношение этих понятий является одним из вопросов теории вероятности. Необходимость и случайность – это два вида объективных связей материального мира.

Необходимость есть то, что должно обязательно произойти в данных условиях.

Случайность есть то, что может быть и может не быть, может произойти так или иначе – случайное стечение обстоятельств.

Необходимость и случайность – взаимосвязанные противоположности, взаимопроникающие и не существующие друг без друга.

Необходимость неизбежно дополняется случайностью, последняя имеет своим основанием необходимость.

Установить априори набор случайностей, способствующих или препятствующих удовлетворению необходимости, невозможно.

Единая случайность или их набор может привести к возникновению новой необходимости.

Так стечение случайных событий (обстоятельств), позволившее Руби реализовать свою личную необходимость – ликвидацию Освальда – породило новую общественную необходимость – сделало его объектом расследования возможного заговора против президента Кеннеди.

При этом надо учитывать, что стечение случайных обстоятельств в развитии социальных событий всегда имеет двойственную природу. Иными словами, оно благоприятно для одной стороны, участвующей в эпизоде, и носит негативный характер для другой. Но необходимо подчеркнуть, что речь в данном случае идет лишь о действиях фигурантов смертельного треугольника, что не исключает существования каких-то заговорщицких проектов, для идеологов и исполнителей которых действия стрелка-одиночки, возможно, послужили стечением случайных обстоятельств с благоприятным исходом. Замысел убийства, целью которого являлся президент США, был осуществлен без их участия и потому без каких-либо негативных последствий для заговорщиков.

Глава 4
СУДЬБЫ

ПАРАНОЙЯ ПРОТИВ ЗДРАВОГО СМЫСЛА

5 февраля 1964 года между Центром в Москве и резидентурой КГБ в Женеве начался «телеграфный пинг-понг». В течение нескольких последующих дней шифротелеграммы, словно шарики, летали между двумя городами. Возрос обмен телеграммами и с другими резидентурами в Европе и Соединенных Штатах. Все они направлялись с пометками «Срочно» или «Вне очереди». После обработки в шифрослужбе они в спешном порядке ложились на стол начальника Первого главного управления, откуда, в свою очередь, немедленно отправлялись в «Дом 2» на площади Дзержинского.

Поскольку в международной политике в эти дни ничего экстраординарного не происходило, можно было предположить, что разворачивается какая-то крупная операция или произошло ЧП. Все стало ясно спустя неделю.

«Секретно

Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР

Докладываю, что, по сообщениям иностранной печати и радио от 10 февраля с. г., работник КГБ Носенко Юрий Иванович, находившийся в Женеве в качестве эксперта советской делегации на совещании Комитета 18 государств по разоружению, обратился к властям США о предоставлении ему права политического убежища. Причины,

побудившие это сделать, и обстоятельства неизвестны.

Носенко Юрий Иванович, 1927 года рождения, член КПСС с 1957 года, в органах безопасности с 1953 года, капитан, заместитель начальника 7-го отдела Второго главного управления, 19 января с. г. выехал в составе указанной делегации в Женеву с контрразведывательными задачами. Срок пребывания в Швейцарии определялся окончанием работы советской делегации на совещании Комитета 18 государств.

По данным резидентуры Первого главного управления, Носенко 4 февраля с. г. в 12 часов 15 минут ушел в город обедать и после этого исчез. Принятыми мерами розыска до 10 февраля судьбу и место пребывания Носенко установить не удалось.

Проведенной предварительной проверкой каких-либо данных о приготовлении Носенко к совершению преступления в связи с выездом за границу не получено.

По роду работы и занимаемому положению Носенко является человеком, весьма осведомленным о контрразведывательной работе органов КГБ по иностранцам.

Начальник Второго главного управления

генерал-лейтенант О. Грибанов

11 февраля 1964 г.».

12 февраля 1964 года в 17:05 из Рима на русском языке по радио было передано следующее сообщение: «Согласно женевским источникам, Юрий Носенко, просивший право на политическое убежище в США, передал сведения большой важности, касающиеся также и производства атомного оружия».

Из показаний Т., одного из членов советской делегации на сессии Комитета 18 государств по разоружению в Женеве в 1964 году, сотрудника МИДа СССР: «Познакомился (с Носенко. – О.Н.) в самолете 19 января по дороге в Женеву через Париж.

В Париже все оставили вещи в помещении посольства, осматривали город. Носенко все время был вместе с нами, при себе постоянно носил коричневую папку с молнией наверху, из тисненого дерматина.

В Женеве при заполнении анкетки он дал мне подержать папку, она была, такое впечатление, туго набита бумагами и увесистой.

Находясь в Женеве, я встречался с Носенко за завтраком в гостинице, на заседаниях и в помещении делегации. Один раз были вместе в кино и по дороге туда поужинали в кафе. В дальнейшем Носенко под различными предлогами уклонялся от совместных посещений кино. В Женеве Носенко любил носить темные очки. В его поведении проявлялась склонность к обособленности, он обедал один. Лично мне не приходилось встречать Носенко в пьяном виде. Однако от членов делегации мне известно, что в конце своего пребывания в Женеве Носенко получил несколько бутылок спиртного и был сильно выпивши.

Во время встреч Носенко о себе ничего не рассказывал, держался сдержанно, разговоры носили общий характер.

Первые два-три дня Носенко, по-видимому, испытывал финансовые затруднения, т. к. обратился ко мне как финансово-отчетному лицу с просьбой одолжить 20–25 франков, которые он позднее возвратил. Впоследствии он не проявил заинтересованности к получению причитавшихся ему суточных в размере 259 швейцарских франков. Сейчас не помню, была ли у него в Женеве папка, с которой он прилетел из Москвы».

В ходе расследования обстоятельств бегства Носенко были получены показания Р., его соседа по комнате в женевской гостинице, члена советской делегации: «Проживал со дня

приезда в одном номере с Носенко. Раньше его никогда не знал. Неприятный жилец – очень сильно храпел.

Носенко значился экспертом по разоружению и присутствовал на всех заседаниях комитета. В подготовительной работе к заседаниям комитета Носенко никакого участия не принимал. Ему хотели поручить вести протокольные вопросы, от чего он категорически отказался. Когда я ближе присмотрелся к Носенко, я сразу догадался, откуда он и что он работает в КГБ. В составе нашей делегации были товарищи из МИДа, МО и из КГБ. Носенко был не из МИДа и не из МО.

Спустя неделю после совместного проживания Носенко мне сказал, что у него есть план поехать посмотреть страну, особенно горы в княжестве Лихтенштейн. Но сейчас этого сделать нельзя, поскольку в горах лежит снег, а как только освободятся дороги от снега, эту поездку надо осуществить.

Он спросил меня, согласен ли я поехать с ним, я ответил согласием.

Накануне его бегства, т. е. 3 февраля, я видел Носенко сильно выпившим. Я пришел в гостиницу поздно и увидел Носенко у Ш., они сидели и выпивали. Пили они присланную в посылке то ли водку, то ли коньяк… Носенко был выпивши гораздо больше двух других участников. В разговоре не принимал участия, молчал. Вернувшись в наш номер, ни о чем не говорил и лег спать.

4 февраля, как обычно, было заседание. После заседания наша делегация давала завтрак в честь заместителя У Тана. На этот завтрак были приглашены человек четырнадцать. Носенко на завтрак приглашен не был. Это было приблизительно часов в 13. Носенко сказал, что пойдет обедать в город.

Вечером, часов в 11, я возвратился в номер. Носенко в нем не было. Меня это не удивило, так как Носенко очень часто приходил позже меня. Я приходил в половине 12-го, а он – ив час, и в два ночи. В конце января и начале февраля Носенко возвращался поздно ночью раза четыре или пять, выпивши.

Я лег спать без Носенко. Проснувшись, я увидел, что Носенко нет и он не ночевал. Меня это встревожило, тем более что 5 февраля мы должны были переезжать из гостиницы на виллу, после ремонта. 4 февраля утром, перед тем как идти на заседание, Носенко, зная о том, что 5-го мы переезжаем на виллу, предложил мне переехать вместе с ним на его машине. Я согласился.

Утром 5-го машина пришла. Но Носенко не было, и я все больше начинал волноваться по поводу его отсутствия. Я пошел к Ш. и сообщил, что Носенко не ночевал в гостинице. На это Ш. мне ответил, чтобы я не волновался, он, наверное, задержался где-нибудь у женщин советской делегации. Другой руководитель делегации, когда узнал, что Носенко не ночевал, также сказал, что ничего страшного в этом нет. Меня же это волновало еще и потому, что нужно было освобождать номер, машина ждала, а Носенко не было. Если его вещи оставить в номере, значит, он занят и его надо оплачивать, а денег бухгалтерия на это уже не отпустила.

Часов в 8 утра я сказал Ш., что Носенко все еще нет, а надо переезжать, а без четверти час я поехал в гостиницу, забрал вещи и перевез их на виллу.

Вещи Носенко в 13 часов 5 февраля при переезде на виллу собирал и укладывал в чемодан я. Присутствовали товарищи из консульского отдела.

Бритва, которой Носенко брился, была оставлена на месте. Создавалось впечатление, что Носенко как будто куда-то вышел. Вместе с рубашками исчезла папка, с которой Носенко прилетел. Я хорошо запомнил эту папку, так как видел ее в Шереметьеве у него в

руках. Когда нам предложили сдавать вещи и надо было их ставить на весы, я свою папку положил на весы, а Носенко, как я заметил, свою на весы не клал. Видел я ее у Носенко в номере, где мы с ним жили. Когда я собирал вещи, то этой папки не было в номере.

Он свой паспорт, как все мы, не сдал генеральному секретарю делегации (по прибытии в Женеву. – О.Н.). Это было грубым нарушением.

Примерно через неделю после исчезновения Носенко Госдеп США опубликовал заявление о просьбе Носенко о политическом убежище. В дальнейшем мне стало известно, что Носенко бежал и изменил Родине».

Как видно из приведенной выше записки Второго главного управления КГБ, Носенко выехал в Женеву «с контрразведывательными задачами». Это означало, что ему было поручено «контрразведывательное обслуживание членов советской делегации в целях обеспечения их безопасности». Примерно так это формулировалось в наших внутренних документах. Резидентура КГБ в той стране, куда направлялась делегация или туристская группа, получала из Центра ориентировку о выезде оперработника, и ей предписывалось оказывать ему необходимую помощь в «решении поставленных оперативных задач». Кому-то из сотрудников линии контрразведки поручалось установить контакт с приехавшим работником. Если он не был известен резидентуре, это делалось по паролю, сообщенному из Москвы в ориентировке вместе с фамилией контрразведчика. Затем его информировали об оперативной обстановке в стране и городе, о действиях спецслужб противника и их агентуры против советских граждан, договаривались об условиях постоянной связи и об использовании каналов резидентуры в случае необходимости для передачи сообщений в Центр. В свою очередь прибывший оперработник ставил в известность о полученных задачах, а затем периодически докладывал в резидентуру об обстановке внутри и вокруг делегации и в необходимых случаях обращался за соответствующей помощью.

Носенко также поддерживал контакт с резидентурой, причем на отношении к нему сказывалось, что он был не рядовым сотрудником, а принадлежал к руководящему составу довольно высокого уровня – являлся заместителем начальника отдела Центра, о чем резидентуре было известно. О реакции резидентуры КГБ в Женеве на исчезновение Носенко можно судить по показаниям ответственных ее сотрудников. Вот одно из них: «Было известно, что раньше Носенко сильно пил. В этот же приезд в Женеву я не замечал этого за Носенко, он вел себя так, как и все. Если ему приходилось выпивать, то употреблял он спиртное в меру, и никогда я не видел его пьяным.

Исчез Носенко 4 февраля. Последним его видел советник т. Б., который вместе с Носенко в этот день вышел в 13 часов с минутами из здания Дворца наций, где проходили заседания комитета. Носенко сказал Б., что он пойдет обедать в город. Больше Носенко никто не видел.

В этот день Носенко никто не разыскивал, так как мы знали, что он оперработник и у него могли быть свои дела. Оперативные меры по его розыску были приняты только на следующий день – 5 февраля.

Около 11 часов утра 5 февраля глава делегации Царапкин сообщил об исчезновении Носенко в Представительство СССР при ООН в Женеве. Было сказано, что Носенко не ночевал в гостинице и не явился туда утром. А в этот день, когда убежал Носенко, все члены делегации утром должны были из гостиницы переезжать в особняк, где ремонт был закончен. Так как Носенко не было, его вещи перевезли наши товарищи.

Когда мы узнали об исчезновении Носенко, то нами был принят ряд мер по его розыску. Опрашивали советских граждан в колонии, но это не дало никаких результатов. Был проведен ряд оперативных мер по его розыску, но они также не дали положительных результатов. Мы произвели осмотр личных вещей Носенко. Не обнаружили двух новых нейлоновых рубашек, купленных в Женеве, шерстяной рубашки, которую он носил повседневно, пижамы, портфеля. Портфель был дорогостоящий. Носенко заявил, когда купил, что он ему нужен для поездки по стране. Выезжая из Москвы, он вез с собой папку на молнии. Он был с ней на аэродроме в Шереметьеве, в самолете она лежала на полке. Эту же папку видели и на аэродроме Флорида… После бегства при осмотре его личных вещей ее не оказалось. В Париже на аэродроме кто-то из товарищей держал эту папку в руках и рассказал, что она была увесистая, не пустая, что-то в ней лежало.

Накануне бегства – 3 февраля – Носенко отчитывался о своей работе и своих связях в резидентуре (перед руководством. – О.Н.). Во время отчета ничем лишним у нас он не интересовался и никаких данных о его повышенном интересе к работе резидентуры у нас не было. Он, наоборот, категорически отверг наше предложение участвовать совместно с нашими товарищами в некоторых оперативных мероприятиях. Он сказал, что примет участие в них только с разрешения Центра. Он вел себя так, что никаких подозрений против него не возникало.

Мы опросили швейцарских граждан, но и они нам ничего об исчезновении Носенко не рассказали. Один из сотрудников швейцарской полиции рассказал нам, что якобы Носенко около 17 часов 4 февраля посетил гостиницу, где он проживал. Но портье гостиницы, с которым мы беседовали, ничего об этом нам не сказал. Верить же работникам швейцарской полиции мы не могли, так как это могло быть и информацией, и дезинформацией.

Каких-либо других данных о Носенко, кроме того, что он исчез, мы ни у полиции, ни у швейцарских властей не получили. Надо сказать, что сразу после того, как 5 февраля стало известно об исчезновении Носенко, мы обратились к швейцарским властям с просьбой розыска Носенко, но просили их об этом ничего не публиковать. Швейцарские власти не публиковали об этом ничего в своей печати до субботы. В субботу о бегстве Носенко стало известно одному из корреспондентов французской газеты, который позвонил в советское представительство и интересовался по этому вопросу. После этого в целом ряде газет мира появились сообщения о бегстве Носенко. Одна из газет даже поместила фотографию якобы Носенко, но это была фотография другого члена советской делегации.

Первые сообщения о бегстве Носенко в заграничной прессе были весьма туманными, т. е. они являлись обычными домыслами корреспондентов. После же серьезного выступления т. Царапкина в прессе появились сообщения о том, что Носенко изменил Родине и что он представляет большую ценность для американской разведки. В прессе также сообщалось, что Носенко являлся сотрудником КГБ и занимал там руководящий пост и что он очень много знает о работе КГБ. В газетах также писалось, что «такого, как Носенко, у американцев никогда не было».

Да, мы до последнего дня думали, что Носенко исчез помимо своей воли, но мы глубоко в этом ошибались. Никаких, даже мельчайших, данных о том, что Носенко был похищен американской разведкой, у нас нет и не было.

Что явилось причиной для измены Родине Носенко, я не могу сказать. Для меня это явилось полной неожиданностью».

Вспоминает полковник КГБ в отставке Глеб Максимович Нечипоренко, бывший в то время работником Первого главного управления: «В феврале 1964 года, готовясь к длительной загранкомандировке, я активно изучал английский язык и поэтому регулярно слушал передачи «Би-би-си», главным образом передачи новостей.

В этот день я услышал сообщение, поразившее меня как гром среди ясного неба. Зарубежное радио передало, что в Швейцарии заявил о своем невозвращении в СССР член советской делегации на Международной конференции по разоружению Носенко, который являлся «ответственным сотрудником КГБ». Я знал во Втором главном управлении оперработника с такой фамилией. Это был заместитель начальника 7-го отдела, занимавшегося иностранными туристами. После услышанного, чтобы уточнить информацию, я позвонил своему товарищу, работавшему в том же отделе в непосредственном подчинении Носенко. Леонид был тогда болен, находился дома и ничего не знал. Услышав от меня о случившемся, он мрачно выругался и произнес: «Ну, теперь меня совсем закопают». Основания у него для такой реакции были».

Вот как вспоминает об этом Леонид Иванович Ефремов, полковник КГБ в отставке: «В начале 1964 года, после игры в волейбол во время офицерских спортивных занятий, я принял слишком холодный душ, и меня сильно прихватил радикулит. Я был дома на больничном, когда позвонил Глеб и сообщил, что мой начальник, Носенко, попросил политического убежища в США. Услышав это, я выругался, что я еще добавил, не помню, но после этого разговора вообще загремел в госпиталь, где провалялся с сильнейшим радикулитом до 24 июля.

Чтобы была понятной моя реакция на сообщенную новость, необходимо вкратце рассказать, как я попал под командование Носенко.

Когда я в 1948 году пришел на работу в разведку, то принял дела по совколонии в Китае у Анатолия Голицына, который уходил куда-то в аспирантуру на учебу. Он впоследствии в основном учился и практической работой почти не занимался. Тем не менее вместе с одним сослуживцем они разработали концепцию перестройки советской внешней разведки, которую приняли на всех уровнях. В 1952 году они были даже на приеме у Сталина, и он одобрил их идею. По их схеме была проведена реорганизация разведки, а они получили ордена и повышения.

В конце 1961 года Голицын, находясь в длительной загранкомандировке в Финляндии, изменил Родине и перебрался в США. Помню, что перед отъездом в Хельсинки Голицын помногу сидел в архивах службы и что-то старательно переписывал из архивных дел.

В связи с его изменой в резидентуры КГБ пошла ориентировка и было отозвано много разведчиков, кого он знал или мог знать. Понятно, что я тоже оказался в их числе и в январе 1962 года покинул Бангкок, где работал под посольской крышей.

В Москве, как «расшифрованного», направили во Второй главк, и в феврале 1962 года я попал в 7-й (туристический) отдел, в американское отделение, начальником которого недавно стал Идол (кличка Носенко. – О.Н.).

Поэтому, когда я услышал о его бегстве, стало ясно, что мне здорово «повезло» – «сгорев» на одном предателе, «лег» под другого.

После моего выхода из госпиталя в июне 1964 года и появления на работе в отделе меня опрашивали по факту измены Идола – замечал ли я признаки того, что он готовился к бегству. Я отвечал, что мне трудно об этом судить. Он, как замначальника 7-го отдела, был куратором нашего американского отделения. Брал регулярно к себе на ознакомление все подборки на американских туристов, попавших в наше поле зрения и

заинтересовавших нас в оперативном плане, и держал эти материалы по нескольку дней. Нам было известно, что он имел в кабинете толстую рабочую тетрадь и записывал в нее все, что казалось ему нужным. При вскрытии сейфа этой тетради не оказалось. При опросе мне задали такой, на мой взгляд, глупый вопрос:

– Зачем вы давали Носенко подборки?

– Простите, а как же я мог отказаться дать их своему начальнику? – ответил я вопросом на вопрос.

Отстали от меня довольно быстро, и я продолжал спокойно работать в отделе».

Так виделось ЧП по эту сторону железного занавеса. Ну а что происходило в это же время по другую его сторону?

20 января 1964 года на один из конспиративных адресов ЦРУ в Нью-Йорке поступила из Женевы телеграмма безобидного содержания за подписью «Алекс». Это была долгожданная весточка, и уже через несколько часов два сотрудника американской разведки, владеющие русским языком, двумя различными рейсами вылетели в Швейцарию на встречу с их «старым знакомым». В июне 1962 года Юрий Иванович Носенко, офицер КГБ, находясь в Женеве под прикрытием члена советской делегации по разоружению, вступил в контакт с американскими представителями и предложил разведке США свои услуги. Свое предложение он мотивировал тем, что нуждается в деньгах для покрытия растраченных казенных денег, и согласился продать секретную информацию за 300 американских долларов (соответствовало ли это обменному курсу 30 сребреников, полученных Иудой Искариотом в библейские времена, сказать затруднительно). Позднее Носенко заявил, что это было легендой, чтобы его не восприняли как провокатора со стороны КГБ. Забавная оценка собственной личности!

В 1962 году Носенко провел несколько встреч с американскими разведчиками, во время которых передал сведения о разведывательных и контрразведывательных операциях органов госбезопасности, что привело к их провалу и аресту иностранных агентов, сообщил о наличии и расположении техники подслушивания в американском посольстве в Москве, о многих аспектах оперативной деятельности контрразведывательных подразделений, информировал, что в Москве выявлен и находится под контролем тайник, используемый посольской резидентурой ЦРУ для связи с кем-то из своих агентов (речь шла о канале связи с Пеньковским).

Ценность полученной информации для американской стороны была столь велика, что два разведчика, работавшие с Носенко, вылетели в Вашингтон на разных самолетах, чтобы гарантировать ее доставку на случай непредвиденных обстоятельств. Один вез магнитофонные пленки бесед с ним, а другой – собственноручные записи.

Носенко дал согласие на продолжение сотрудничества с американской разведкой, оговорив два условия. С ним не должна поддерживаться связь в Советском Союзе, и он не собирается переходить на Запад, поскольку не намерен оставлять семью. Дальнейшие контакты будут устанавливаться при его будущих выездах за рубеж. С этой целью были оговорены условия постоянной связи и ему был передан почтовый адрес в Нью-Йорке, куда он должен был направить письмо, открытку или телеграмму условного содержания, как только в очередной раз окажется за границей.

Американские разведчики Бэгли и Кисельватер, работавшие с Носенко в Женеве в 1962 году, не сомневались в «добропорядочности» своего визави и в достоверности его информации. Высоко оценивались его сведения и в штаб-квартире в Лэнгли, в Советском отделе Управления по планированию. Таким образом, по терминологии ЦРУ, оно

получило defector in place, дословно «перебежчика на месте», то есть «служащий объект разведывательного интереса», например вооруженных сил, правительства, разведки, – который или которая выражают верность другому государству, обычно враждебному по отношению к его собственному, но остаются на своем посту, превращаясь в «агента проникновения». А КГБ почти два года имел в своих рядах довольно высокопоставленного скрытого предателя.

Но не все в штаб-квартире ЦРУ, знавшие о новом «доброжелателе», испытывали эйфорию по поводу его появления. В первую очередь это был легендарный охотник за «кротами» – Джеймс Энглтон, начальник внешней контрразведки ЦРУ.

Когда один из встречавшихся с Носенко в Женеве разведчиков, Бэгли, в прямом и переносном смысле на крыльях вернулся в США, он с жаром рассказал Энглтону (кстати, заядлому рыболову), какая им попалась крупная рыба, и с восторгом информировал о беседах и полученных сведениях.

Последний по-отечески покровительственно выслушал его, а затем ознакомил с материалами другого перебежчика – Анатолия Голицына, дезертировавшего из КГБ за полгода до Носенко.

Выступая уже в конце 1970-х годов в Комиссии Конгресса по расследованию убийства президента Кеннеди, Питер Бэгли заявил: «Сначала Носенко показался мне искренним… После ознакомления с материалами (Голицына. – О.Н.), чьи сообщения я не видел до возвращения в штаб-квартиру после встреч в 1962 году с Носенко, он выглядел довольно странно…».

Так под впечатлением от прочитанного и влияния Энглтона этот оперработник стал на всю жизнь убежденным сторонником только одной точки зрения: Носенко – подстава КГБ.

Могу себе представить, какое нетерпение испытывали два специалиста по «советским делам», летевшие в Женеву на встречу с «перебежчиком на месте», работником штаб-квартиры КГБ. Разведчик накануне приближающейся встречи с ценным источником впадает в состояние, которое я назвал бы синдромом информационной жажды. Все другие заботы отходят на второй план, мысли сосредоточены на том, как при лимите времени получить максимум новых сведений, быстро оценить их важность и оперативно подготовить к передаче в Центр, четко поставить перед агентом новые задания и оказать на него воспитательное воздействие.

Не знаю, что испытали Бэгли и Кисельватер, услышав на первой встрече в январе 1964 года от «перебежчика на месте» из КГБ, что он лично вел дело Ли Харви Освальда в период его пребывания в Советском Союзе. От такой информации в тот момент вообще можно было впасть в шок: к тому времени прошло немногим более полутора лет с тех пор, как Л. Х. Освальд вернулся в США из СССР, где прожил почти два с половиной года и женился на советской гражданке, всего четыре месяца – как посетил советское и кубинское посольства в Мехико, и два месяца – как был арестован в качестве предполагаемого убийцы президента и через день застрелен Джеком Руби. Уже два месяца работала назначенная новым президентом Комиссия по расследованию убийства президента Кеннеди. В воздухе еще витали предположения о возможной причастности КГБ к покушению на американского президента.

Как осведомленное лицо, Носенко далее твердо заявил, что КГБ никакого разведывательного интереса к Освальду не проявлял, и упорно настаивал на полной непричастности КГБ к событиям в Далласе. В силу своего служебного положения и

неофициальных приятельских контактов в чекистской среде Носенко действительно был весьма осведомленным человеком. Входе опросов в Женеве он представил много другой очень ценной для противника оперативной информации. Например, дал наводку на американского военнослужащего в Париже, который передавал нашей разведке ценнейшую натовскую информацию стратегического характера, что позволило Советскому правительству быть в курсе военных сценариев и мобилизационных планов НАТО в Европе и на других его флангах. Позднее этот источник был вычислен, арестован ФБР вместе со своим подысточником и оба были осуждены на 25 лет тюремного заключения. От Носенко ЦРУ получило подробную информацию об обстоятельствах провала Пеньковского, что было важно для учета в будущем при организации работы с агентурой в Советском Союзе.

Помимо передачи сведений о конкретных операциях Носенко, работая с представителями ЦРУ на конспиративной квартире в Женеве, помог составить подробную организационную схему КГБ и назвал всех сотрудников, кого только мог вспомнить. Казалось, информационный родник, бьющий из уст «перебежчика на месте», неплохо утолял жажду уже троих работавших с ним американских разведчиков.

Но уже в первых беседах Носенко дал понять, что вынашивает идею остаться на Западе. 4 февраля он заявил, что из Центра пришла телеграмма, в которой ему предложено возвратиться в Москву. Это может, по его словам, означать, что КГБ подозревает что-то, поэтому он боится возвращаться, так как его могут арестовать, пытать и затем расстрелять. Носенко выразил надежду на защиту со стороны ЦРУ и просил организовать ему побег не позднее текущего дня. Позднее он признал, что легенду с телеграммой выдумал для оказания нажима на ЦРУ. Несмотря на уже существовавшие в штаб-квартире ЦРУ сомнения в отношении искренности Носенко, оттуда, учитывая его осведомленность о деле Освальда, пришло немедленное согласие на предложение женевской резидентуры о его переправке в Соединенные Штаты.

В тот же день, 4 февраля, Носенко, теперь уже просто «перебежчик», был переправлен на автомашине по подложным американским документам в гражданской одежде (по другим данным – в форме офицера американской армии) через швейцарскую границу в Германию. Там он в течение недели содержался на конспиративной квартире в окрестностях Франкфурта-на-Майне, куда для бесед с ним прибыл начальник Советского отдела Управления по планированию ЦРУ Дэвид Мэрфи. Он обсудил вопросы дальнейшего сотрудничества, подтвердил суммы вознаграждения за ранее переданную информацию и ежегодного содержания в размере 25 тысяч долларов, одновременно предупредив о необходимости с целью подтверждения своей искренности пройти испытания на полиграфе. Мэрфи принадлежал к тем в ЦРУ, кто не верил в истинность сообщений Носенко, во всяком случае тех, которые касались отношения КГБ к Освальду.

Еще в Германии Носенко по предложению одного из американских разведчиков, его куратора, подписал несколько предложенных ему бумаг. Ему разъяснили, что они представляют собой его «официальное обращение о политическом убежище». 11 февраля в сопровождении сотрудников ЦРУ Носенко самолетом был доставлен на военную авиабазу Эндрюс близ Вашингтона. Оттуда его перевезли на конспиративную квартиру в северной части штата Виргиния на попечение ее содержателей. В оперативных учетах ЦРУ появился новый псевдоним – АЕФОКСТРОТ. Так окрестили нового перебежчика.

14 февраля нарочный доставил в советское посольство в Вашингтоне пакет из Государственного департамента с документом следующего содержания:

«Государственный департамент, ссылаясь на ноту посольства № 3 от 11 февраля 1964 года относительно Носенко Ю.И., имеет честь сообщить следующее. Как известно посольству, Государственный департамент 14 февраля с. г. организовал встречу между Носенко Ю. И. и двумя представителями советского посольства. На этой встрече Носенко сообщил представителям посольства, что он по собственному желанию решил просить убежище в США. Эта просьба была удовлетворена.

Государственный департамент

Вашингтон

14 февраля 1964 года».

Вскоре из советского посольства поступила информация о состоявшейся в Вашингтоне встрече и беседе с перебежчиком. Далее следуют выдержки из записи беседы представителя посольства с Носенко: «Встреча происходила в помещении американской службы иммиграции и натурализации. С американской стороны на встрече присутствовали заведующий сектором американо-советских двусторонних отношений отдела СССР Госдепа Роберт Оуэн, представитель службы иммиграции и натурализации и третье, не назвавшее себя лицо, судя по всему – сотрудник разведорганов.

С нашей стороны на встрече был 3-й секретарь посольства И., который ранее знал Носенко.

Войдя в комнату, где находился Носенко, и удостоверившись в его личности, я обратился к нему с вопросом о том, каким образом он оказался в руках американских властей.

В ответ на этот вопрос Носенко сделал следующее, явно заранее сформулированное заявление: «Решение оставить Советский Союз было принято мною не внезапно и не в последние дни. Это решение созревало давно. Моя работа давала мне возможность видеть глубже и больше, чем пишется в советских газетах. В силу всех обстоятельств, в здравом уме и без какого-либо давления извне я принял решение остаться на Западе. В ночь с 4 на 5 февраля 1964 года я покинул Швейцарию и обратился к соответствующим американским властям с просьбой предоставить мне политическое убежище. Решение свое я принял с учетом всех обстоятельств и окончательно».

На вопрос, означает ли сказанное им, что он решил стать невозвращенцем по политическим мотивам, а не в силу каких-то особых обстоятельств, в которых он оказался, будучи за границей, последовал ответ Носенко: «Да, по политическим мотивам, каких-либо других обстоятельств здесь не было».

На вопрос о том, как должна понимать его решение его семья, его дети, что сказать детям о том, куда девался и кем стал их отец, Носенко ответил: «Это самый болящий (выражение Н.) вопрос, но мне сейчас нечего сказать по этому поводу, давайте не будем больше говорить об этом».

В ответ на вопрос, как он намерен строить свою жизнь дальше, Носенко заявил: «Собираюсь поселиться в США и принять американское гражданство, но для этого, видимо, потребуется какое-то время».

В ответ на реплику, что, стало быть, он отрекается от советского гражданства, Носенко заявил: «Об этом говорит сам факт моего обращения за политическим убежищем. Да, я отказываюсь от советского гражданства».

На замечание, отдает ли он себе отчет во всем том, что он говорит, и понимает ли он,

кем он становится отныне в глазах своей Родины и своей семьи, Носенко ответил: «Да, я все понимаю, решение мое принято с учетом всех обстоятельств».

Вел себя Носенко в ходе беседы довольно спокойно, лишь временами слегка волнуясь, говорил он не в вызывающем тоне, но с какой-то неприятной ухмылкой. Каких-либо признаков того, что он находился под психологическим или иным воздействием, во время беседы заметно не было.

В целом разговор с Носенко оставил впечатление, что он, видимо, действительно пошел на измену Родине сознательно, а не просто оказался жертвой американской разведки в силу каких-то обстоятельств, хотя быть полностью уверенным в этом на основании одного разговора, конечно, нельзя. К.».

Дезертиру можно было считать, что бегство удалось. Измена Родине из тайной превратилась в явную. Во внутренних оперативных документах КГБ появилась новая кличка – Идол.

В результате измены Носенко образовался равнобедренный «любовный» треугольник. В его основании был индивидуум. Две боковые стороны представляли собой могущественные спецслужбы, огромные бюрократические структуры двух, мягко говоря, не очень дружественных между собой держав. Треугольник был подвижным, каждая его сторона жила и действовала в соответствии со своими интересами и образом мышления. Его своеобразие заключалось в том, что ни одна из сторон этой «фигуры», как правило, не знала, что в данный конкретный отрезок времени делают две другие.

Став дезертиром, или, как тогда говорили о перебежчиках с Востока на Запад, «выбрав свободу», Носенко мог предполагать, но не знал, какие меры принимает КГБ после его измены. Неизвестны были ему и планы его гостеприимных хозяев, от которых теперь полностью зависела его дальнейшая судьба.

В КГБ в тот момент не представляли, что Носенко совершил предательство еще в 1962 году, а бегство – уже второй шаг на этом пути. Комитет не знал, каков точный объем секретной информации, переданной предателем противнику, и как ЦРУ намерено распорядиться этими сведениями. Не было известно и отношение американской разведки к перебежчику, насколько она доверяет ему, как намерена использовать его в будущем – в качестве консультанта, вербовщика или участника активных мероприятий.

ЦРУ, в свою очередь, стояло перед дилеммой: кто перед ним – «искренний» предатель или «перебежчик по заданию», то есть подстава КГБ. Если это подстава, то какова цель или цели такой операции, что из переданных Носенко сведений является направленной информацией, а что дезинформацией.

Пожалуй, проще всего сформулировать свои задачи в сложившейся ситуации было руководству КГБ. Налицо факт измены одного из руководящих сотрудников контрразведки. Значит, главное – осуществить комплекс мер по локализации провала и максимальному снижению нанесенного службе ущерба.

Из беседы с В.Е. Семичастным, в тот период председателем КГБ: «Вопрос. Владимир Ефимович, какова была реакция в КГБ и в государственном руководстве на измену Носенко? Ответ. Сахаровский доложил мне, что в западной прессе прошло сообщение о том, что Носенко попросил политического убежища, находясь в составе советской делегации в Женеве. Было известно, что накануне ухода он звонил домой и уточнял дозы лекарств, которые должен был приобрести для дочери, страдающей астмой. По каналам МИДа сообщил также какую-то информацию для своего отдела, где являлся заместителем

начальника (Второго главного управления. – О.Н.). Первичная информация об обстоятельствах ухода сводилась к тому, что Носенко вел работу с какой-то дамой как объектом изучения и возможной вербовки. Но, по словам Сахаровского, она сама его изучала. Якобы в тот же вечер, после звонков в Москву, Носенко уехал с ней в ресторан за границей Швейцарии, а затем оказался на базе ВВС США на территории ФРГ.

Все произошедшее было для нас как гром среди ясного неба. Дело было очень серьезным, оно не просто взволновало нас всех, но, пожалуй, привело в шоковое состояние. Настроение во Втором и в Первом главных управлениях было не из веселых. В ЦК я сразу докладывать не стал, пока не поступили на наши запросы ответы из резидентур. Получив их, позвонил Хрущеву, доложил, что может быть серьезный ущерб, поскольку Носенко много знал – проработал в КГБ одиннадцать лет. Высказал версию, что, возможно, его «увели», но, скорее всего, он ушел сам. Новые сведения доложим дополнительно. В ответ Хрущев заявил: «Разберитесь как следует, что произошло. Вы же подводите страну, он ушел не просто как ваш, но как работник под крышей другой организации. Разберитесь во всем и доложите». После устного доклада пошла записка в ЦК с информацией по нему.

Все это время мы с Сахаровским обсуждали, как снизить ущерб от измены, локализовать провал, сколько оперработников, которых знал Носенко, придется отзывать из резидентур, и другие меры. Во время этих обсуждений родилась идея предложить Хрущеву направить президенту Джонсону за его подписью письмо с просьбой возвратить нам Носенко, сославшись при этом на то, что просит об этом его престарелая мать, что отец его был весьма заслуженный человек.

Эти тревожные для нас дни совпали с проведением очередной сессии Верховного Совета. Я решил подойти к Хрущеву в перерыве одного из заседаний, на которых я присутствовал. Я прошел в комнату отдыха для президиума, расположенную за сценой. Все Политбюро находилось там, расположившись небольшими группами и ведя беседы между собой. Хрущев тоже стоял там, рядом с ним стоял Микоян. Я подошел к ним и обратился к Хрущеву: «Никита Сергеевич, по этому тяжелому событию, связанному с делом Носенко, помимо всех предпринимаемых нами мер мы хотели предложить вам обратиться с письмом к президенту Джонсону, чтобы попросить его возвратить Носенко в Союз». Хрущев выдержал паузу, лицо его на глазах побагровело, он весь напрягся и ответил: «Ты обосрался, сам и отмывайся, я не хочу и не буду этим говном заниматься. Вы страну подвели. Мы тебя послали в органы, чтобы почистить там, там много было еще…». Хрущев после моего предложения был очень накален, в выражениях совсем не стеснялся.

Меня последнее заявление Хрущева тоже задело, и я не удержался, чтобы не возразить: «Никита Сергеевич, не могу же я свою работу начинать с чистки сыновей министров…». Тут Микоян, стоявший рядом и все слышавший, неожиданно вмешался в разговор: «Может, дадим ему кого-то из ЦК, кто будет заниматься кадрами, а он сосредоточится на руководстве оперативной работой». Я опять бросил реплику, зачем же мне еще кто-то из ЦК, когда я сам член ЦК. Хрущев в это время повернулся к Микояну и раздраженно бросил: «Что ты суешь свой нос в любую щель, что ты суетишься!» Но Микоян не унимался: «Но при Дзержинском ведь так было…». «Ну, что ты сравниваешь, ЧК тогда только создавалась…», – возразил Хрущев. Короче говоря, Хрущев однозначно дал мне понять, что он вмешиваться в это дело не намерен и чтобы разбирались сами. С этим я и вернулся на свое место в зал. Перерыв закончился, и заседание продолжилось. Спустя 20–

30 минут ко мне подошел сотрудник охраны и, наклонившись, сказал, что меня ждет у себя Хрущев. Я покинул зал, перешел площадь от Большого Кремлевского дворца к административному зданию, где был расположен кабинет Хрущева как премьера. Он был в кабинете один и встретил меня словами: «Ну что, влетело?..» Видно было, что он уже отошел и разговор пойдет по-деловому. Я ответил: «Никита Сергеевич, ну, я сейчас приду в комитет и тоже устрою нагоняй, и что будет? Пойдет все по цепочке сверху донизу, все задергаются, а толку… Мы ведь ведем тайную войну, будут успехи, будут потери, в том числе и в личном составе. Вот и сейчас в результате этого дела нам придется вывести из боя около 400 человек». И уже совсем примирительно он сказал: «Ну ладно, ты дал глупое предложение, и я погорячился. Давай занимайся этим делом. Постарайся сделать так, чтобы было поменьше потерь». Я все рассказал о наших мерах, проверке обстоятельств предательства, отзыве из-за рубежа работников, известных Носенко. Зашел разговор о семье, в которой рос Носенко. Обстановка в ней, если можно так выразиться, была своеобразная. Отец (министр судостроения) играл с сыном-подростком в бильярд на деньги, мать имела любовника-генерала, о чем сыну было хорошо известно. Из всех учебных заведений, в которых Носенко-сын учился, его выгоняли, несмотря на вмешательство отца. В КГБ он попал по ходатайству отца, по протекции бывшего председателя Серова. Очевидно, ясно, как он дорос до своей высокой должности в контрразведке. Как я помню, расследование по предательству Носенко вели Чистяков – это Следственный отдел КГБ – и Сахаровский, начальник Первого главного управления».

Первые меры по факту измены были приняты как раз по линии Следственного отдела, который обеспечивал юридическую сторону, и Первого главного управления, откуда в зарубежные резидентуры была отослана циркулярная ориентировка.

//-- «ПОСТАНОВЛЕНИЕ --//

о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству

г. Москва, 15 февраля 1964 г.

Старший следователь Следственного отдела КГБ при

СМ СССР__________, рассмотрев материалы в отношении Носенко Юрия Ивановича, 1927 года рождения, уроженца г. Николаева, украинца, гражданина СССР, члена КПСС с 1957 года, работавшего заместителем начальника отдела Главного управления КГБ при СМ СССР, капитана, проживавшего в городе Москве, ул. Народная, д. 13, кв. 54, установил: 19 января 1964 года Носенко выехал в составе советской делегации в Женеву для участия в работе Комитета 18 государств по разоружению.

4 февраля 1964 года он исчез и, по имеющимся данным, обратился к американским властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища.

Принимая во внимание, что в действиях Носенко усматриваются признаки преступления, предусмотренные п. «а» ст. 64 УК РСФСР, руководствуясь ст. ст. 108, 109, 112, 126 и 129 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Возбудить в отношении Носенко Юрия Ивановича уголовное дело по признакам пункта «а» ст. 64 УК РСФСР.

2. Принять настоящее дело к своему производству и приступить к предварительному следствию.

3. Привлечь к проведению следственных действий по делу:

Старший следователь Следственного отдела КГБ

при СМ СССР (подпись) Согласны:
Начальник 1-го отделения Следственного отдела
КГБ при СМ СССР (подпись)
Начальник Следственного отдела КГБ
при СМ СССР
Генерал-майор юстиции Чистяков
(подписал заместитель. – О.Н.)».

Вспоминают о тех днях и мои коллеги, в момент бегства Идола работавшие в резидентуре КГБ в Вашингтоне. Один из них, И., рассказывает мне: «Об уходе Носенко на Запад мы вначале узнали из публикации в американской прессе, где говорилось, что он находился в Женеве в составе советской делегации на каких-то переговорах и попросил там политического убежища. Вскоре после этого пришла шифротелеграмма из Центра. Она была расписана на ознакомление всем сотрудникам резидентуры. В ней говорилось, что Идол перебежал на Запад, изменив Родине, он в шифротелеграмме уже обозначался данной ему, как предателю, кличкой. Описывалось, кто он, давалась его характеристика. Далее просили сообщить, кто, возможно, был знаком с ним, дать, если известны, дополнительные данные о нем, информировать о возможных случаях вербовочных подходов по его наводкам. Это был циркуляр, который разослали во все зарубежные резидентуры КГБ или в большинство из них. После ознакомления с телеграммой на ее основе в резидентуре было проведено оперативное совещание. Главный вопрос о том, кто каким-то образом сталкивался с Идолом в период предыдущей работы или вообще был знаком с ним. Кроме того, были даны инструкции по линии поведения в случае вербовочных подходов со стороны американских спецслужб и другие установки по бдительности и общим вопросам безопасности.

В ходе совещания один из сотрудников заявил, что он знаком с Идолом. В свое время этот оперработник был секретарем комитета комсомола КГБ и выносил выговор Идолу за какой-то проступок. К моменту этих событий он находился в командировке, наверное, около двух лет или чуть меньше. Сразу в Центр пошла шифротелеграмма, оттуда срочно пришло указание о немедленном откомандировании этого сотрудника. Мне выпала доля участвовать в его отправке. Опасаясь возможного вербовочного подхода или других акций против него, мы в спешном порядке, или, вернее, беспорядке, начали сборы. Упаковали его с семьей достаточно быстро и проводили домой с только что открывшегося аэродрома Даллас.

Другой наш работник, также знавший Носенко, выехал домой спустя несколько месяцев.

Через некоторое время с почтой из Центра пришло письмо по Носенко с приложением его фотографии. Письмо, по-моему, тоже было циркулярным, и в нем давались указания, как следует поступать в случае встречи, случайной или преднамеренной, с Носенко.

Никаких сомнений по поводу того, что он предатель, ни у кого из нас не возникало».

Рассказывает Г., сотрудник линии контрразведки в Вашингтоне: «Когда стало известно о предательстве Носенко, то выяснилось, что некоторые из сотрудников резидентуры были знакомы с ним по Москве, сталкивались в процессе служебной деятельности. Помню, что забеспокоился один оперработник, выступавший под журналистским прикрытием, однако он продолжил работу. В то же время сотрудник нашей группы «КР», недавно приехавший в командировку, вскоре был отозван в Москву, поскольку был знаком с Носенко».

В Мексике мы тоже узнали о бегстве Носенко из газет.

В нашей резидентуре в Мехико только один из сотрудников хорошо знал Носенко по прежней работе во внутренней контрразведке. Когда в западной прессе появились сообщения о бегстве Носенко, он был очень расстроен и стал собирать чемоданы, ибо мы все хорошо знали, чем заканчиваются подобные знакомства с предателями. Правда, он приободрился, увидев в газетах фотографию, на которой был изображен другой человек, но утверждалось, что это Носенко. Мы даже предположили, что это провокация американских спецслужб: ушел другой человек, а против Носенко проведено активное мероприятие по компрометации.

Но вскоре все сомнения рассеялись. Из Центра поступила циркулярная шифротелеграмма, подтверждавшая, что Идол действительно изменил Родине. В ней излагались обстоятельства его ухода, биографические данные и характеристика, давались указания о мерах безопасности в связи с предательством и рекомендации, как вести себя в случаях вербовочных подходов со стороны противника. В Москву сообщили о сотруднике, ранее работавшем с предателем, но тогда наш товарищ носил другую фамилию, и Идол не знал, в какую страну он выехал в командировку. Очевидно, в суматохе тех дней в Центре это сыграло свою спасительную роль. Раздумывать о том, что Идол может опознать его по фотографии, было некогда, и реакции Центра не последовало. Через некоторое время томительного ожидания он распаковал чемоданы, приступил к работе и трудился в резидентуре еще не один год.

Пока наша служба «зализывала раны» и проводилось следствие по уголовному делу, новоявленный «политический беженец» в «условиях свободы» отдался своему многолетнему устойчивому пристрастию – запил. По воспоминаниям бывшего в то время заместителем управления американской разведки по планированию (то есть по оперативной работе) Р. Хелмса, Носенко скоро дошел до того, что «не хотел заниматься ничем, кроме попоек и кутежей». В один из «заходов» он допился до того, что начал бить посуду в баре. Страна, в которой он оказался, никакого интереса у него не вызывала. Он стал проявлять нежелание обсуждать подробности операций КГБ, импровизировал в своих ответах на вопросы, обрывал разговор предложением: «Давай выпьем». ЦРУ решило «размягчить» его и организовало ему каникулы на Гавайях, но было разочаровано, увидев, что после возвращения манера поведения Носенко не изменилась. Джон Харт, ветеран ЦРУ, занимавшийся по его поручению анализом дела Носенко во второй половине 1970-х годов, объясняет состояние перебежчика в тот период так: «Он был очень обеспокоен, что после того, как из него выдоят информацию, его выбросят и КГБ попытается его выкрасть или убить. Тем не менее он был сговорчив и продолжал сотрудничать… хотя в последующие недели стал более трудным. Он переживал серьезный личный кризис, который привел его к сильным запоям». Позволю себе заметить, что, хотя ЦРУ уже убедилось в склонности перебежчика к злоупотреблению спиртным, ни в 1964 году, ни в конце 1970-х там не знали, а возможно, и до сих пор не знают, что Носенко начал пить с 13 лет, а в 19 был законченным алкоголиком. Поэтому, на мой взгляд, мистер Харт мог искренне заблуждаться в своих выводах о том, что «личный кризис» привел Носенко к «сильным запоям». Скорее наоборот – именно алкоголизм довел его до глубокого кризиса и краха личной судьбы.

Затуманенное сознание и вольготная жизнь едва ли способствовали пониманию перебежчиком того, что его «кураторы» – деловые люди и их терпение может иссякнуть. Не думаю, чтобы он ожидал, что свалившаяся на него свобода скоро превратится на несколько лет в кошмарный сон полной изоляции и жестокого обращения.

Получив «подарок» в лице Носенко, ЦРУ одновременно ощутило в своих руках «горячую картофелину» – признание перебежчика, что он имел прямое отношение к материалам КГБ на Освальда как до покушения в Далласе, так и после убийства президента Кеннеди. В дни, когда президентская комиссия вела интенсивное расследование трагедии, такую «картофелину» нельзя было ни выбросить, ни проглотить так, чтобы не обжечься.

Я могу хорошо себе представить, в каком затруднительном положении оказались руководители ЦРУ и непосредственные кураторы источника информации в тот период. С одной стороны, нужно срочно оценить важнейшую информацию о белом пятне в жизни предполагаемого убийцы президента – его пребывании в Советском Союзе, определить, является ли она достоверной, и в зависимости от этого решить, как ее использовать. С другой стороны, нужно срочно выяснить, как в данном случае действует принцип работы с перебежчиками – «пятьдесят на пятьдесят», то есть настоящий предатель Носенко или подстава противника, в данном случае КГБ. Не выяснив это, невозможно решить первую задачу с оценкой информации. Практически образуется замкнутый круг. Но часы пущены, источник уже месяц находится в руках разведки, а ясности не прибавляется.

В конце февраля впервые к АЕФОКСТРОТУ допущены сотрудники ФБР, головной организации, которой поручено вести расследование убийства президента. 26 и 27 февраля два работника опрашивают его по делу Освальда. 1 марта за подписью директора ФБР Гувера в Комиссию Уоррена направляется первый официальный документ с информацией Носенко об Освальде и отношении к нему со стороны КГБ. Эти сведения вполне устраивают ФБР, так как оправдывают их ведомственную позицию: ведь Освальд не был поставлен на оперативный учет как опасный элемент до покушения в Далласе.

В этот же период ЦРУ составляет перечень вопросов, касающихся Освальда, для направления советскому правительству по дипломатическим каналам. Скорее всего, это один из первых шагов плана по выяснению искренности АЕФОКСТРОТА. Мысль ясна – попытаться получить дополнительные сведения советской стороны для использования в оперативном анализе проблемы КГБ – Носенко – ЦРУ. Но Государственный департамент отклоняет это предложение, считая, что его реализация может привести к нежелательным дипломатическим осложнениям: советская сторона может усмотреть в вопроснике ЦРУ намек на то, что по подозрениям американской стороны Освальд являлся советским агентом, и решить, что к правительству СССР обращаются, чтобы оно документально подтвердило такие подозрения.

3 марта Советский отдел Управления по планированию ЦРУ, под чьей опекой находится перебежчик, формулирует 44 вопроса и подвопроса по делу Освальда для использования их ФБР при опросах Носенко. Вопросник направлен на углубление базового сообщения Носенко об отношениях КГБ с Освальдом. Гувер отказывается завизировать список вопросов, и он не используется сотрудниками ФБР при повторном опросе Носенко 3, 4 и 6 марта. Носенко изъявляет готовность дать показания по делу Освальда президентской комиссии, но это не вызывает положительной реакции. 9 марта Советский отдел выражает письменный протест по поводу отказа ФБР, высказывая сомнения в его способности добыть сведения по советскому периоду и заявляя о невозможности работать по делу Освальда без соответствующей информации.

К треугольнику добавилась еще одна сторона, и он на какое-то время превратился в четырехугольник. Новый участник истории – ФБР – становится оппонентом ЦРУ в оценке лояльности перебежчика американским спецслужбам. Нет единого мнения и в самой

разведке, чьим достоянием по «праву первой ночи» остается АЕФОКСТРОТ, в течение двух месяцев превратившийся в сплошную головную боль для своих хозяев.

В раскаленных умах руководителей Советского отдела, поддерживаемых кем-то из Службы внешней контрразведки ЦРУ, рождается блестящая идея – подвергнуть перебежчика полной изоляции и, на жаргоне американской разведки, «потрясти», допросить с пристрастием. В 1978 году на заседании комиссии Конгресса по очередному расследованию убийства президента Кеннеди уже упоминавшийся Харт объяснил, что, будучи не в состоянии получить признание Носенко в дружественной обстановке, указанные руководители «решили поместить его в более спартанские условия и начать строгие допросы. Целью было создать ему психологический дискомфорт, запугать и вытряхнуть скрываемые секреты».

Идею довели до руководства разведки. Р. Хелмс, заместитель директора ЦРУ, считавший дело Носенко «костью в горле», встретился с заместителем генерального прокурора для обсуждения такого беспрецедентного предложения, а затем заручился поддержкой и самого генерального прокурора США Роберта Кеннеди.

Решение было принято. 4 апреля политический беженец Носенко, он же секретный источник ЦРУ АЕФОКСТРОТ, он же предатель КГБ Идол, был посажен на полиграф (детектор лжи) и без судебного разбирательства и приговора суда оказался в одиночном тюремном заключении, где провел свыше трех лет, а вообще в изоляции – четыре года и восемь месяцев.

Выступая в 1978 году в упомянутой комиссии Конгресса, Носенко делился воспоминаниями о своей изоляции, начиная с первой проверки на детекторе лжи, и дальнейшем общении с кураторами, которым он в 1964 году добровольно вверил свою судьбу: «Сотрудник ЦРУ начал кричать, что я лгу, и в комнату немедленно ворвались несколько охранников. Они приказали мне встать к стене, раздеться и обыскали меня. После этого повели наверх, в одну из комнат чердака. Там была лишь металлическая кровать, прикрепленная к полу. Никто ничего мне не сказал, сколько я буду здесь находиться и что со мной будут делать. Через несколько дней два сотрудника ЦРУ… начали допросы. Я старался сотрудничать и вечерами даже писал для них все, что мог вспомнить о КГБ. Допрашивали меня месяца два. Тон допросов был грубым и враждебным. Затем они перестали приходить. Меня держали в этой комнате до конца 1964 года или до начала 1965 года. Принуждали вставать каждый день в 6 часов утра и не разрешали ложиться до 10 часов вечера. Условия были очень плохие. Я мог пользоваться душем только один раз в неделю, раз в неделю мог бриться. Мне не давали зубной щетки и зубной пасты, кормили очень плохо. Я все время испытывал голод. Мне не разрешали ни с кем разговаривать, не давали читать. Не разрешали даже подышать свежим воздухом или посмотреть в окно. Единственное окно в комнате было плотно закрыто решеткой и шторами, дверь в комнату была обита железом, а за дверью меня стерегли круглые сутки два охранника.

Единственной мебелью в комнате была узкая кровать и электрическая лампа. Летом в комнате было очень жарко».

Действительно, трудно себе представить условия более спартанские, чем были созданы для АЕФОКСТРОТА кураторами из ЦРУ.

Такие действия ЦРУ по отношению к своему добровольному помощнику можно оценить по-разному. Все зависит от того, какие критерии положить в основу оценки. С точки зрения гуманизма – бесчеловечно. С позиций прав человека и юстиции – беспредел.

С профессиональной точки зрения – единственно правильный ход в той конкретной ситуации. Это мнение мое, как бывшего офицера разведки. Обычно, анализируя прошлые действия и зная их результат, мы нередко заявляем: «Нет, лучше было сделать так». Но даже сейчас, спустя 30 лет после тех событий, я не вижу альтернативы оперативным мерам, принятым нашими противниками в сложившейся обстановке. Попробую объяснить, почему я так считаю.

Пока перебежчик оставался на воле и постоянно находился в объятиях зеленого змия, работа с ним была бесполезна. Кроме того, он вскоре вообще мог впасть в состояние белой горячки и потерять человеческий облик. Поэтому представляется очень весомым аргумент, высказанный Р. Хелмсом в 1978 году в комиссии Конгресса, о терапевтическом эффекте изоляции, или, как пошутил по этому поводу один известный американский писатель, «создания отделения Общества анонимных алкоголиков в штате Виргиния».

Контрастный переход от доброжелательности к резко враждебному отношению в условиях заключения при угнетенной психике после прерванного затяжного запоя мог привести к «крушению» его легенды, если он действительно был бы подставой КГБ. Накопление информации в ходе систематических допросов с пристрастием, при которых ему задавались повторяющиеся и разнообразные вопросы на одну и ту же тему, тоже позволило бы проверить его легенду на прочность.

Изоляция обрывала связь между участниками (Центр – подстава) предполагаемой операции КГБ и лишала возможности ее корректировки и развития в нужном направлении.

Исключалось его бегство обратно, будь он подставой или искренним, но разочаровавшимся предателем.

Перебежчик становился недоступен ни для возможных враждебных акций со стороны КГБ (если он искренний изменник), ни для дотошных журналистов.

Заканчивая свои доводы в пользу принятой меры в отношении Носенко, хочу подчеркнуть, что, когда речь заходит о профессиональных, то есть технологических приемах деятельности спецслужб, включая разведку, надо иметь в виду, что они не всегда сочетаются с понятиями «гуманизм» и «законопослушание».

Кстати, в моей оперативной практике был похожий случай. Работа с перебежчиком из одной западной спецслужбы строилась по принципу «пятьдесят на пятьдесят» и скорейшего утоления информационной жажды. Вскоре в результате использования других возможностей стали очевидны мотивы его действительно добровольного перехода на нашу сторону. Но наряду с этим сообщаемые им сведения носили очень дозированный характер и явно не соответствовали его осведомленности. Прогресса в информационной отдаче не наблюдалось, и это нас весьма нервировало. Ведь как только противник узнает о том, что носитель секретов стал перебежчиком, он немедленно примет меры, чтобы сделать информацию, которой тот обладает, как можно более бесполезной для нас, что ставит под угрозу безопасность наших разведчиков, а иностранным агентам грозит лишением свободы, а то и жизни. Особенно обидно, когда носитель секретов сидит перед тобой и выталкивает их из себя, несмотря на все твои старания, в час по чайной ложке. Сидишь, улыбаешься ему – он ведь доброжелатель, а хочется крикнуть: «Давай быстрей, там моих друзей, может быть, уже обкладывают!» Мы наконец не выдержали и предложили руководству вариант, правда, не такой жесткий, как у ЦРУ с Носенко, но тоже с изоляцией и не с опросами, а с допросами. Высокое начальство думало, думало, но

предложение не приняло. Постепенно источник «раскочегарился», но оперативная ценность информации за это время уменьшилась.

Однако вернемся к рассмотрению событий, происходивших на разных сторонах известного треугольника. Более двух месяцев изоляции и строгих допросов не дали ожидаемого эффекта. Носенко не раскалывался, упорно стоял на своем в вопросе о негативном отношении КГБ к Освальду в период его пребывания в СССР, но в то же время путался в деталях собственной биографии и давал противоречивые ответы на конкретные вопросы по оперативному делу Освальда, которое якобы вел. Правильное тактическое решение не срабатывало, поскольку осуществлялось в рамках изначально ошибочной стратегии. Подробнее на этом остановлюсь ниже.

Время бежит неудержимо, уже вторая половина июня. Президентская комиссия по расследованию должна завершить свою работу в сентябре, таково указание президента, ибо в ноябре состоятся президентские выборы. Но один из главных вопросов – об участии иностранных государств в покушении – далек от выяснения. В увязке с ним белыми пятнами остаются и вопросы о том, что делал Освальд в Советском Союзе и зачем посещал советское и кубинское посольства в Мексике за два месяца до убийства. А здесь вот он, важнейший свидетель, вроде владеющий этой информацией, но никто не может взять на себя смелость и ответить, кто он – доброжелатель или дезинформатор.

Трудная миссия выпадает на долю одного из руководителей, Р. Хелмса. 24 июня он в приватном порядке встречается с председателем президентской комиссии Э. Уорреном и предупреждает его, что предмет разговора составляет государственную тайну, поэтому не должно быть ни записей, ни свидетелей беседы.

Хелмс объясняет, что в разведсообществе [3 - Разведсообщество США – объединение 14 ведомств, именуемое также Центральной разведкой.] существуют два взгляда («две школы», по выражению Хелмса) на дело Носенко. Одни придерживаются мнения, что он подлинный перебежчик и его информация об Освальде правдива, а другие – что он до сих пор агент КГБ и, действуя по инструкциям последнего, должен ввести комиссию в заблуждение относительно деятельности Освальда в Советском Союзе (впредь я буду именовать представителей этих двух школ «верующими» и «неверующими»). Далее Хелмс заявил, что ЦРУ не может высказаться определенно, какая из точек зрения правильна (эти разногласия среди занимающихся делом Носенко именно в ЦРУ и существовали, из разведсообщества к нему было допущено только ФБР, сотрудники которого, включая директора Гувера, однозначно придерживались первого взгляда), и не сможет разрешить этот вопрос до опубликования отчета комиссии. На вопрос Уоррена, как быть с меморандумом, полученным из ФБР, где такие проблемы не затронуты, Хелмс спокойно ответил, что он может говорить только за ЦРУ, и повторил, что не может однозначно сказать, кем является Носенко – доброжелателем или подставой КГБ. Весьма удрученный и озадаченный Уоррен в тот же день созвал рабочее совещание комиссии, на котором в конфиденциальном порядке обсуждался вопрос, возникший в связи с информацией Носенко. Было принято первое кардинальное историческое решение комиссии, что Носенко не будет свидетельствовать перед комиссией и не будет проинтервьюирован никем из ее членов. Меморандум ФБР не будет опубликован в материалах комиссии, а будет направлен в Национальный архив на хранение.

В те же дни на дальней стороне треугольника – на бывшей Родине – предатель и дезертир тоже был объектом пристального внимания, но только сотрудников Следственного отдела КГБ. Заканчивалось предварительное следствие по его уголовному

делу, заведенному в феврале по факту измены. В результате проведенных следственных действий был установлен состав преступления и подготовлен следующий документ:

«По уголовному делу № 240
//-- ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ --//
по обвинению НОСЕНКО Юрия Ивановича в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 64 УК РСФСР.

В Следственный отдел КГБ при СМ СССР поступило сообщение о том, что находившийся в Женеве заместитель начальника 7-го отдела Второго главного управления КГБ при СМ СССР капитан НОСЕНКО Юрий Иванович 4 февраля 1964 года изменил Родине.

В связи с этим 15 февраля 1964 года в отношении НОСЕНКО Юрия Ивановича было возбуждено уголовное дело.

Расследованием по делу УСТАНОВЛЕНО:

19 января 1964 года в составе советской делегации НОСЕНКО вылетел из г. Москвы в Швейцарию для участия в работе Комитета 18 государств по разоружению. 4 февраля в 12 часов 20 минут после окончания очередного заседания Комитета 18 государств по разоружению, проходившего в г. Женеве, НОСЕНКО покинул Дворец наций, пешком направился в город и исчез.

Впоследствии НОСЕНКО, изменив Родине, выехал из Европы в США и обратился к американским властям с просьбой о предоставлении ему права политического убежища.

14 февраля 1964 г. на встрече с представителями советского посольства в Вашингтоне НОСЕНКО заявил, что решение изменить Родине он вынашивал давно и Советский Союз покинул по политическим мотивам. В тот же день Государственный департамент США предоставил ему право политического убежища.

Решение изменить Родине НОСЕНКО изложил также и в письме на имя своей жены, полученном из Вашингтона 20 февраля 1964 г., в котором подтвердил, что это его решение не случайно, оно складывалось годами и является якобы одним из самых правильных решений, которые ему приходилось принимать в его жизни.

В настоящее время, находясь в США, НОСЕНКО выдает американским властям известные ему совершенно секретные сведения, составляющие государственную тайну.

На путь совершения измены Родине НОСЕНКО встал в результате полного морального и политического разложения, систематического пьянства и разврата.

Измена Родине, как свидетельствуют материалы дела, НОСЕНКО была заранее подготовлена. Так, прибыв в г. Женеву, он не сдал свой дипломатический паспорт, в котором имелась французская виза, а оставил его при себе, в то время как все члены советской делегации сдали свои паспорта генеральному секретарю делегации.

Кроме того, перед бегством в США НОСЕНКО забрал с собой купленный в Женеве кожаный портфель, две нейлоновые и две шерстяные рубашки, пижаму, а также коричневую папку, привезенную из Москвы.

В совершении измены Родине НОСЕНКО изобличается показаниями свидетелей (следует перечень фамилий. – О.Н.), вещественными доказательствами (перечень страниц дела. – О.Н.) и письменными документами (перечень страниц дела. – О.Н.). На основании изложенного ОБВИНЯЕТСЯ: НОСЕНКО Юрий Иванович, 1927 года рождения, уроженец г. Николаева, украинец, гражданин СССР, женат, бывший член КПСС с 1957 года, с

высшим образованием, капитан, сотрудник КГБ при СМ СССР, проживавший в Москве, Народная улица, дом 13, кв. 54, в том, что, находясь в служебной командировке в г. Женеве (Швейцария), 4 февраля 1964 года изменил Родине, бежал в США и обратился к американскому правительству с просьбой о предоставлении политического убежища. 14 февраля 1964 г. на встрече с представителями советского посольства в Вашингтоне заявил, что решение изменить Родине вынашивал давно и покинул Советский Союз по политическим мотивам и в тот же день получил от властей США право политического убежища. В настоящее время, находясь в США, выдает американским властям известные ему совершенно секретные сведения, составляющие государственную тайну, т. е. в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 64 УК РСФСР.

Обвинительное заключение составлено в г. Москве.

15 июня 1964 года

Старший следователь Следственного отдела КГБ

при СМ СССР подполковник (подпись)

СОГЛАСНЫ:

Начальник 1-го отделения Следственного отдела КГБ

при СМ СССР подполковник (подпись)

Начальник Следственного отдела КГБ при СМ СССР

подполковник (подпись) (подписал заместитель. – О.Н.)».

За два дня до того, как заместитель директора ЦРУ Хелмс направился к председателю президентской комиссии по расследованию Уоррену, чтобы посетовать на неразрешимость проблемы, возникшей с Носенко, на приведенном выше обвинительном заключении в отношении последнего появилась следующая резолюция:

//-- «УТВЕРЖДАЮ --//

Дело по обвинению Носенко Ю.И. направить на рассмотрение в Военную коллегию Верховного суда СССР

Заместитель главного военного прокурора

генерал-майор юстиции (подпись)

22 июня 1964 г.».

С позиций сегодняшнего дня ситуация выглядит трагикомичной. Водном государстве готовятся заочно судить бывшего офицера контрразведки, изменившего Родине и перебежавшего к противнику. В другом – том, которому он добровольно предложил свои услуги и сообщает секреты, он заточен в одиночку без суда и следствия только по подозрению в том, что послан своей бывшей службой с дезинформационной миссией. Уверен, что все мои коллеги, особенно пострадавшие от предательства Носенко, узнав об условиях его содержания в ЦРУ, удовлетворенно потерли бы руки и сказали: кесарю кесарево. Не знаю, как бы отреагировал Хелмс, если бы прочитал тогда московский документ. Скорее всего, отложил бы свой визит к председателю комиссии. Возможно, собрал бы совещание «верующих» и «неверующих» в ЦРУ. Не исключено, что и те и другие увидели бы в документе подтверждение своей позиции.

«Ну что, есть еще сомнения в искренности предателя?» – могли бы спросить первые. «Пожалуйста, вот очередная уловка КГБ, чтобы подкрепить легенду подставы!» – вероятнее всего, воскликнули бы вторые.

Но тогда статус-кво треугольника сохранялся: ни одна его сторона по-прежнему не знала, что делают и думают две другие.

В июле 1964 года Идол все еще находился в заключении и подвергался жестким допросам, в том числе и по делу Освальда. Его ответы, по мнению допрашивавших, по-прежнему были сбивчивыми и противоречивыми.

27 июля в Вашингтоне состоялась вторая встреча, которую по принятому на ней решению тоже следует считать исторической. Собрались члены президентской комиссии, включая Аллена Даллеса, бывшего директора ЦРУ, имевшие отношение к разделу «об иностранной причастности» к убийству Кеннеди в будущем отчете, и представители ЦРУ во главе с Хелмсом. Согласно меморандуму ЦРУ, подготовленному по встрече, на ней обсуждалась идея о том, что в связи с сомнениями Управления в отношении Носенко он может быть «представлен общественности… какое-то время спустя после опубликования отчета комиссии». Если комиссия в отчете сошлется на него без упоминания сомнений ЦРУ, существует «опасность, что его информация (будет) прочитана в зеркальном отражении прессой и общественностью и приведет к выводам, что СССР руководил убийством». Поэтому комиссия решила высказать свои суждения по Освальду и Советскому Союзу без ссылок на Носенко. События, связанные с этим персонажем, в Москве и Вашингтоне развивались практически одновременно, а отдельные эпизоды почти накладывались друг на друга.

В июле следствие по уголовному делу на бывшего сотрудника КГБ было завершено, материалы переданы для судебного рассмотрения в Военную коллегию Верховного суда СССР. 23 июля в Москве, за четыре дня до описанной выше встречи в Вашингтоне, состоялось заседание коллегии, которая рассмотрела материалы дела и вынесла решение:

//-- «ПРИГОВОР --//

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная коллегия Верховного суда СССР в составе:

председательствующего – заместителя председателя Военной коллегии, генерал-майора юстиции Т-ва, народных заседателей – генерал-майора инженерно-технической службы П-ва и генерал-майора инженерно-технической службы Ц-ва, с секретарем подполковником административной службы Б-м, с участием представителя государственного обвинения – заместителя Главного военного прокурора, генерал-майора юстиции В-ва и защитника – адвоката А-на, в закрытом судебном заседании в помещении Военной коллегии Верховного суда СССР 23 июля 1964 года заочно рассмотрела уголовное дело по обвинению бывшего сотрудника Комитета государственной безопасности при СМ СССР капитана НОСЕНКО Юрия Ивановича, родившегося 30 октября 1927 года в г. Николаеве, украинца, женатого, с высшим образованием, исключенного из членов КПСС в связи с настоящим делом, награжденного медалями «За победу над Германией», «40 лет Вооруженных Сил СССР» и «За безупречную службу» III степени, – в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 64 УК РСФСР.

Проверив в судебном заседании собранные по делу доказательства, Военная коллегия Верховного суда СССР

УСТАНОВИЛА:

19 января 1964 года НОСЕНКО в составе советской делегации вылетел самолетом из Москвы в Швейцарию для участия в работе Комитета 18 государств по разоружению.

4 февраля, после окончания очередного заседания этого комитета, НОСЕНКО изменил Родине, выехал в Соединенные Штаты Америки и обратился к американским властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища. Эта просьба Государственным департаментом США была удовлетворена.

14 февраля 1964 года НОСЕНКО во время встречи с представителями советского посольства в Вашингтоне заявил, что решение об измене Родине он вынашивал давно и бежал в США по политическим мотивам.

Вина НОСЕНКО в измене Родине доказана исследованными в судебном заседании копией ноты Государственного департамента США о предоставлении НОСЕНКО политического убежища, записью беседы с НОСЕНКО работников советского посольства, письмом НОСЕНКО, которое он прислал жене из США, а также показаниями свидетелей, допрошенных в судебном заседании, об обстоятельствах бегства НОСЕНКО.

Руководствуясь ст. ст. 301–303, 315 и 246 п. 1 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда СССР

ПРИГОВОРИЛА:

НОСЕНКО Юрия Ивановича признать виновным в измене Родине и на основании пункта «а» статьи 64 УК РСФСР подвергнуть смертной казни – РАССТРЕЛУ с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

На основании статьи 36 УК РСФСР лишить НОСЕНКО воинского звания «капитан» и внести представление в Президиум Верховного Совета СССР о лишении его правительственных наград.

Внести представление председателю Комитета государственной безопасности при СМ СССР о лишении НОСЕНКО медали «За безупречную службу» III степени.

Приговор обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежит.

Подлинный за надлежащими подписями.

Копия верна: Председательствующий по делу

генерал-майор юстиции Д. Т-в

(печать)».

В этом месте сравнительного изложения хронологии событий у меня возник соблазн перебрать альтернативные ситуации тех дней по формуле «если бы… то…».

Если бы советская сторона опубликовала в Москве информацию о суде и вынесенном приговоре Идолу, то состоялось бы совещание 27 июля в Вашингтоне? Какое решение было бы принято на нем?

Если бы американская сторона предала гласности сведения, переданные Носенко об Освальде, то какова была бы реакция советской стороны?

Если бы подобные сообщения совпали по времени, то какие шаги предприняли бы обе стороны?

Ответы на эти вопросы многовариантны.

Но обратимся к реальному ходу событий.

Проведением суда юридическая сторона предательства Носенко была закрыта. Осудив его заочно, КГБ получил хотя бы моральную компенсацию за большой ущерб, нанесенный оперативной деятельности контрразведки и разведки. Строго наказаны были также отдельные руководители и сослуживцы, «безответственно относившиеся к изучению морально-политических и деловых качеств Носенко, дававшие необъективные характеристики на него». Трое были уволены из КГБ и лишены воинских званий, трое

просто уволены, еще к десятерым применены суровые дисциплинарные санкции. Начальник Второго главного управления, генерал-лейтенант Грибанов, тот, который в апреле 1964 года утвердил постановление о сдаче дела на Освальда в Особый фонд архива КГБ, поскольку «материалы агентурной разработки на Освальда представляют историческую ценность», и дружбой с кем хвастался Носенко перед американцами, был отстранен от должности. Несколько сотен оперативных работников были отозваны из зарубежных командировок или переведены в другие подразделения. Те сотрудники Первого главного управления, которые работали на момент бегства Носенко в Москве и которых он знал или предположительно мог знать, стали «невыездными», то есть их карьере в разведке пришел конец.

Но естественно, что и после суда Идол оставался объектом пристального оперативного внимания КГБ и любые новые сведения о нем накапливались в делах соответствующих подразделений. Не располагаю данными о том, поступала ли в тот период в Москву какая-либо информация о местопребывании и занятиях Идола в США. В этом плане «колпак», которым ЦРУ накрыло перебежчика, оказался достаточно прочным. «Носенко, попросту говоря, стал пленником ЦРУ, затерянным в американском ГУЛАГе», – пишет Д. Вайс в своей книге «Кротовая охота».

В конце сентября 1964 года был опубликован отчет Комиссии Уоррена. Ни имени Носенко, ни сообщенных им сведений о пребывании Освальда в СССР и отношении к нему КГБ в отчете не приводилось. Все, что говорилось о проживании подозреваемого убийцы в Советском Союзе, было основано на содержании его «Политического дневника», показаниях жены, материалах американского посольства в Москве и документах, переданных советским правительством.

Строгие допросы АЕФОКСТРОТА, в том числе по делу Освальда, продолжались в тех же условиях и с тем же результатом. Он не знал, что через год ему предстоит справлять новоселье: специально для его содержания на территории учебного центра ЦРУ – Кэмп-Пири, или, по выражению американских разведчиков, на Ферме, строился «благоустроенный» бункер, «очень дорогое сооружение из специальных стальных и бетонных конструкций». 14 августа 1965 года «новоселье» состоялось. О подробностях того «радостного» дня АЕФОКСТРОТ поведал комиссии Конгресса в 1978 году: «…Мне завязали глаза, надели наручники, привезли в автомобиле на аэродром и посадили в самолет. Я был перевезен в другое место, где меня посадили в бетонную камеру с решеткой на двери… была только железная кровать с матрацем без подушки, без простыней и без одеяла. Зимой было очень холодно, и я попросил одеяло, которое мне дали через некоторое время. Днем и ночью за мной наблюдали с помощью телевизионной камеры».

Как видим, условия в бункере были не менее «комфортабельными», чем в прежнем месте заключения.

Еще через год директором ЦРУ стал Р. Хелмс. Очевидно, в этом качестве «кость в горле» стала мешать ему еще больше. Он дал команду оплотам «неверующих» – Советскому отделу и внешней контрразведке – разобраться наконец с делом АЕФОКСТРОТА в течение 60 дней.

Но «верующие» и «неверующие» сошлись стенка на стенку, и тяжба по делу затянулась еще на два года. Вначале Советский отдел вновь посадил перебежчика на полиграф и опять получил отрицательные результаты. Затем появилось заключение по делу, состоявшее из 900 страниц. Составителем его был уже упоминавшийся Бэгли, крестный

отец АЕФОКСТРОТА, восторженный зачинатель его дела, ставший затем инквизитором для своего питомца. Вывод этого документа можно считать ошеломляющим – перебежчик вообще не тот, за кого себя выдает, и никогда не работал там, где говорит. Теперь даже в стане «неверующих» возникли разногласия. Как быть после этого Энглтону со своим любимцем Голицыным, который, хотя и зародил первые сомнения в отношении искренности Носенко, всегда однозначно утверждал, что тот действительно являлся сотрудником КГБ? Так, может, подстава – Голицын? Назревал скандал.

Спустя десять лет после этих событий неутомимый Харт разыскал в делах ЦРУ документы, свидетельствующие о глубоком кризисе в те дни «неверующих» в Советском отделе, и в первую очередь самого Бэгли. Вначале Бэгли шлет письмо Энглтону, предупреждая о «разрушительных последствиях», если Носенко будет освобожден. Затем собственноручно набрасывает перечень мер, которые могли бы вывести из тупиковой ситуации в деле АЕФОКСТРОТА:

5) ликвидировать объект;

6) сделать его неспособным связно излагать свои соображения (специальные психохимикаты и т. п.) и, возможно, упрятать в сумасшедший дом;

7) посадить в сумасшедший дом, не делая сумасшедшим.

Поистине занятная могла возникнуть ситуация, если бы каждая сторона тогда узнала о позиции двух других. Но самое курьезное, на мой взгляд, то, что, когда одна сторона по суду приговорила изменника к расстрелу, другая прикидывала в оперативном плане, как лучше ликвидировать его физически, поскольку не может разобраться, кто он – подстава или доброжелатель.

После обнаружения «набросков» Бэгли был сильно раздражен и заявлял, что никогда никому их не показывал, что это были его собственные мысли. Но лично меня здесь смущает одно обстоятельство. Если эти «мысли» были приобщены к делу, то, очевидно, получили какую-то категорию служебных документов, соответствующий регистрационный номер и гриф секретности. Значит, они «остались живы» уже независимо от их автора, кто-то имел доступ к ним, и рано или поздно они могли быть воплощены в жизнь. Но это только предположения.

Пока суд да дело, кто-то в Советском отделе нашел мудрое решение сплавить АЕФОКСТРОТА со всем его богатым багажом в Службу безопасности ЦРУ.

Торжественная передача состоялась в сентябре 1967 года, а в конце октября АЕФОКСТРОТ переправляется из бункера на конспиративную квартиру под Вашингтоном. Теперь уже «верующие» сажают его на полиграф – результаты положительные. Новое заключение, тоже на нескольких сотнях страниц, известное как «Доклад Соли», но с противоположными выводами – искренность перебежчика несомненна.

Как только дело АЕФОКСТРОТА «уплыло» вместе с ним из Советского отдела, там спешно начали то, что на кораблях называют «большой приборкой». Все, кто непосредственно занимался им, включая начальника отдела Мэрфи, его заместителя по контрразведке Бэгли, одновременно эксперта по КГБ, были направлены в загранкомандировки, в основном в Европу. Заодно и других специалистов по «советским делам» (внутри ЦРУ их называли «славянами»), кто хоть в какой-то степени имел отношение к делу, перевели из Советского отдела в другие подразделения. На их места пришли люди из разных «географических» отделов, не знающие «советской» линии и

даже не владеющие русским языком. Позднее один сотрудник ЦРУ метко назвал это «великой чисткой славян». Как в Москве по делу Идола, так в Вашингтоне по делу АЕФОКСТРОТА появились пострадавшие. Бюрократия пожирает собственных детей.

Спустя еще год, уже в октябре 1968-го, генеральный инспектор ЦРУ собрал за круглым столом всех лиц, заинтересованных в деле АЕФОКСТРОТА. Участвовали директор Хелмс, его заместитель адмирал Тейлор, Соли и другие сотрудники Службы безопасности, новый глава отдела Советской России и представители внешней контрразведки. Сам Энглтон в тот день был в госпитале. Генеральный инспектор сделал заявление, что дело против Носенко заведено необоснованно и велось неправильно. Затем он предложил, чтобы он был освобожден, устроен где-то на территории США и отношение к нему было таким же, как к любому перебежчику из России, выбравшему Соединенные Штаты. Обойдется это ЦРУ недорого и поможет избежать разрушительных последствий. Почти все присутствующие, кроме представителей внешней контрразведки, согласно кивнули. Хотя после «чистки» ряды «неверующих» поредели, держались они стойко. Они объяснили, что все еще полностью убеждены, что Носенко – агент-дезинформатор. Поэтому, соглашаясь с его освобождением, настаивают, чтобы вся информация, полученная в прошлом, так же как и передаваемая им в будущем, имела примечание: «От источника, который, вероятно, имел доступ, но чья надежность не установлена».

Вскоре Служба безопасности помогла Носенко приобрести дом в Северной Каролине. Ему компенсировали обещанные ранее суммы, положили ежегодный оклад в 30 тысяч долларов (почему-то сумма, опять кратная 30), приступили к оформлению американского гражданства. В обмен он должен был хранить гробовое молчание о своем трехлетием заточении, об обвинении в том, что был «посланцем Москвы», и последующем оправдании американской разведкой. Теперь ЦРУ старательно зализывало раны.

Зимой следующего, 1969 года АЕФОКСТРОТ под новым именем начал новую жизнь, а через некоторое время женился (это был его четвертый брак). Все произошло так, как он и предполагал, заявив советским дипломатам 14 февраля 1964 года в Вашингтоне, что собирается поселиться в США и принять американское гражданство, «но для этого, очевидно, потребуется какое-то время». Время действительно потребовалось. Проходит еще несколько лет, и услугами «самого противоречивого в ФБР перебежчика в истории Америки» начинают пользоваться и «верующие», и «неверующие» в ЦРУ. Он становится консультантом внешней контрразведки, правда, уже без ее многолетнего апостола, безуспешного охотника за «кротами» Джеймса Энглтона, уволенного в отставку.

Непосвященному может показаться, что это парадокс или нонсенс. Совсем наоборот. Нужны не столько услуги Носенко, сколько он сам: так легче держать его в поле зрения, что очень важно после столь длительного «дружеского» общения с ним. Кроме того, периодически перебежчику можно подбрасывать кое-какую информацию по конкретным делам под видом получения консультаций и поглядывать, а не последует ли на нее реакции с третьей стороны треугольника. Нельзя забывать, что именно внешняя контрразведка осталась при своем мнении об искренности АЕФОКСТРОТА. Может возникнуть вопрос, что это – проявление здравого смысла или паранойи? Прежде чем ответить, позволю себе немного пофилософствовать. За более чем тридцатилетний стаж работы в спецслужбах (из них почти четверть века – во внешней контрразведке) я пришел к заключению, что, говоря об участниках оперативной деятельности, следует различать профессиональную и клиническую паранойю. Все мои рассуждения и определения –

результат практических наблюдений.

Когда я слышу отзыв об оперработнике, что он профессионал, то вижу за этим целый набор качеств: широкие общие и глубокие специальные знания, владение приемами формальной логики, умение в то же время строить свою деятельность алогично и улавливать это же в замыслах и действиях противника, высокая степень интуиции и способность быстро адаптироваться к меняющейся обстановке. Когда все это в комплексе за многие годы опыта достигает высокого уровня, появляется обостренное чувство противника и реактивная готовность к отражению ожидаемой угрозы с его стороны. Однако это не маниакальная подозрительность, а то состояние, которое я называю профессиональной паранойей. В большей степени, чем разведчики, ею страдают сотрудники контрразведки, что обусловлено различием их функциональных обязанностей. Если разведчик в первую очередь заботится о безопасности собственной деятельности, то контрразведчик помимо своей отвечает за безопасность какого-то объекта и всего работающего там персонала.

Наряду с этим в спецслужбы попадают люди, предрасположенные к паранойе или страдающие начальной ее стадией. У этих людей, оказавшихся в «благоприятной» среде, испытывающих постоянные нервные стрессы и физические перегрузки, болезнь начинает прогрессировать и постепенно приобретает необратимый характер. В процессе оперативной деятельности для подтверждения своих навязчивых идей они выстраивают логические схемы, причем настолько убедительно, что под их влияние подпадают и сослуживцы. Сразу бывает трудно распознать, что, строя умозаключения, они отсекают все, что могло бы опровергнуть их идею. Появляются группы единомышленников, с жаром отстаивающих правоту своего «идеолога». В этом плане мне даже представляется, что паранойя имеет признаки инфекционного заболевания.

Нередко, продвигаясь по служебной лестнице, такие «идеологи» добавляют к своей маниакальности еще авторитет бюрократической власти, которым давят всех несогласных с их точкой зрения. Одолеть их в этих случаях невозможно в течение длительного времени.

Изложенный феномен я считаю формой клинической паранойи. Наглядным примером этой разновидности, по-моему, можно назвать Джеймса Энглтона. Одержимый мыслью о наличии в высшем эшелоне ЦРУ советского агента, он с маниакальным упорством в течение 20 лет охотился за «кротом», изломав за это время карьеры нескольких способных квалифицированных оперработников, чем в значительной степени снизил эффективность деятельности Советского отдела против главного противника – СССР. Так никого и не поймав, он в то же самое время поддерживал дружеские отношения с агентом КГБ Филби, а в числе подозреваемых им не было агента, внедренного в ЦРУ в результате совместной операции чехословацкой и советской разведок.

Что касается услуг нового консультанта ЦРУ и ФБР по советским делам, то мне представляется, что это было правильное тактическое продолжение все той же ошибочной стратегии.

Прошло еще несколько лет относительного затишья, и дело АЕФОКСТРОТА (или как его теперь?) было вновь пересмотрено. 11 мая 1977 года ЦРУ и ФБР пришли к совместному заключению на основе новой оценки всей предоставленной им информации, что Носенко был настоящий перебежчик. Не исключаю, что при этом были учтены и результаты его изучения в период использования в качестве консультанта.

Минуло почти полтора десятка лет с момента появления перебежчика, названного

Хелмсом «злым духом, витавшим над американской разведкой». Наконец-то закрыто дело, о котором тот же Хелмс вспоминал: «Я не думаю, что в моей жизни было что-нибудь, причинившее мне больше беспокойства». «Неверующие» сдались окончательно. Но жизнь, как и улица, полна неожиданностей.

Вторая половина 1970-х годов. Раскручивается очередной виток расследования обстоятельств покушения в Далласе. Работает Специальная комиссия Конгресса США по расследованию убийств под председательством сенатора Луиса Стоукса. Теперь уже бывший перебежчик в качестве официального свидетеля дает показания комиссии, а его информация об Освальде начиная с 1964 года тщательно анализируется.

Поистине их судьбы переплелись, как сиамские близнецы. Но мало того, в их биографиях и характерах присутствует совершенно мистическое сходство.

Оба родились в октябре (хотя под разными знаками зодиака).

Оба служили в подразделениях Военно-морского флота.

Оба ранили себя из револьвера в левую руку. Произошло это в октябре, когда обоим было по 17 лет.

Оба подозревались в совершении самострела: один совершил его, опасаясь отправки на фронт, другой – не желая переезжать к новому месту службы.

Оба понесли дисциплинарное наказание за проступок.

Оба были очень упорны в достижении эгоистичных целей.

Оба проявляли садизм в отношении близких.

Оба стали перебежчиками.

Оба женились на иностранках в других странах: один – на русской, другой – на американке.

Оба имели дочерей.

Один заочно приговорен к смерти.

Другой публично застрелен.

Из отчета Специальной комиссии Конгресса США (палаты представителей) по расследованию убийств под председательством сенатора Луиса Стоукса (отчет опубликован 29 марта 1979 года): «Юрий Носенко. Из всех вопросов, расследованных комиссией в связи с возможной советской причастностью к убийству, ни один не представлялся настолько многообещающим, как изучение заявлений, сделанных офицерами КГБ, перешедшими на сторону Соединенных Штатов. Для определения, как КГБ относится к американским перебежчикам, его бывший сотрудник может представлять значительный интерес. В этой области комиссия имела доступ к трем таким лицам. Один из них, Юрий Носенко, заявил, что располагает значительно большими сведениями, чем просто общей информацией об американских перебежчиках…».

…В конце концов оказалось, что комиссия тоже не в состоянии решить проблему Носенко. Методы, использованные Управлением в отношении Носенко, – его допросы и заключение – фактически вывели его из строя как ценный источник информации, относящейся к убийству Кеннеди. Тем не менее комиссия убеждена, что Носенко лгал об Освальде и ФБР, и ЦРУ в 1964 году, и комиссии в 1978 году. Причем предполагалось, что он либо лгал потому, что просто хотел повысить собственную значимость, либо ставил целью дезинформировать «интервьюеров», что могло привести к зловещим последствиям.

Из-за отсутствия достаточных доказательств для анализа различных альтернатив комиссия решила ограничить свое заключение следующей характеристикой Носенко: «…Недостоверный источник информации об убийстве, или, точнее, о том, вступал ли КГБ

в контакт с Освальдом и держал ли его под своим наблюдением».

Так червь сомнений проник в умы американских законодателей. Опять появились «неверующие», только уже за пределами разведсообщества. Но если судить по словам Бэгли, который сказал: «Носенко был подставой, является подставой и всегда будет подставой», то подозрения в подлинности перебежчика у бывших сотрудников ЦРУ сохраняются и по сей день.

Я хотел на этом поставить точку и завершить главу. Закончено сравнительное хронологическое изложение событий, представлены некоторые авторские комментарии по ходу их развития. Можно было бы этим и ограничиться, коль скоро судьба Идола как таковая не является самостоятельным сюжетом моей книги. Но, как уже говорилось ранее, она неразрывно переплелась с судьбой Освальда, который является главным персонажем моего исследования, и КГБ. Кроме того, противная сторона (ее небольшая, но влиятельная часть) заблудилась в «системе трех сосен»: КГБ – Освальд – Носенко, и в результате мрак, покрывавший тайну участия КГБ в далласских событиях, до конца так и не был рассеян. Все это вынуждает меня высказать свое сугубо личное мнение о том, почему за океаном Идол превратился в «злого духа», а не стал ключом к разгадке самого «таинственного» для тамошних разведывательных служб периода жизни Освальда.

Читателям, которые не любят готовых решений, предлагаю прервать чтение на этой странице, поразмыслить над изложенной историей, оценить действия сторон, сделать свое заключение и потом, если появится желание, продолжить чтение и сопоставить выводы с мнением автора. Итак, прежде чем поделиться своими умозаключениями, должен подчеркнуть, что в основу анализа, на котором они построены, легли фактические сведения по теме, взятые из книг западных авторов, отдельные официальные документы разных организаций в США, а также материалы уголовного дела КГБ, воспоминания о тех днях – мои и моих коллег, в том числе имевших непосредственное отношение к расследованию бегства Идола. Понятно, что выводы делались с позиции продолжительного опыта работы в КГБ и частичного знания методов деятельности противостоящих спецслужб.

Так почему же зашли в тупик опытные специалисты по советским делам, занимавшиеся в ЦРУ делом Носенко?

Попробую назвать и рассмотреть три причины, или три ошибочных подхода, которые мне видятся главными. Начну по порядку.

1. В конце декабря 1961 года в ЦРУ появился «свежий» перебежчик, сотрудник резидентуры КГБ в Хельсинки. Это был большой подарок для Джеймса Энглтона, только что отметившего седьмую годовщину на посту начальника внешней контрразведки ЦРУ, куда он был назначен в 1954 году, по странному совпадению – 20 декабря, то есть в День чекиста – ежегодный ведомственный праздник КГБ.

Анатолий Голицын, получивший в американской разведке псевдонимы АЕЛААЛЕ и Джон Стоун, в британской – КАГО, а в КГБ – кличку Горбатый, помимо прочей оперативной информации однозначно заявил американцам, что в ЦРУ внедрен высокопоставленный советский агент. Это немедленно сделало его фаворитом Энглтона, который, одержимый такой же идеей, все семь лет неустанно охотился за «кротом» в ЦРУ, включая даже самый высший эшелон. Одновременно Стоун представил модель будущей работы КГБ с подобным агентом: для его поддержки будут направляться люди извне под легендой перебежчиков или двойников, которые, передавая фрагменты дезинформации, должны подкреплять доверие к внедренному агенту. Внедренный человек, в свою

очередь, будет способствовать подтверждению подлинности пришельцев извне. Несостоятельность модели, показанной как общий подход КГБ к работе с ценной агентурой в спецслужбах противника, очевидна, ведь подготовка и привлечение новых людей к ее реализации, расширение «технологического пространства» проведения всей операции, разрастание внутренней и внешней оперативной информации по ней не способствуют обеспечению безопасности ценного источника, а создают дополнительные слабые звенья и тем самым больший риск провала. Но Стоун явно заботился о собственной безопасности. К модели он добавил еще то, что направляемые КГБ в будущем «перебежчики» будут также выполнять задания по его личной компрометации и дискредитации переданных им сведений. Заняв место фаворита, он ограждал себя от возможных в будущем конкурентов и создавал для них прокрустово ложе.

Позволю себе сделать небольшое лирическое отступление. Когда я перешел из географического отдела Первого главного управления во внешнюю контрразведку, Горбатый, работавший там же, находился в Финляндии, и я не был знаком с ним. Летом 1961 года, когда я готовился к предстоящей командировке в Мексику, в коридоре мне встретился коллега, с которым мы познакомились в период проведения Всемирной выставки «Экспо-58» в Брюсселе. Узнав, что я делю кабинет с несколькими работниками, что создает определенные неудобства, Валерий, так его звали, предложил перейти к нему в комнату, где он пока располагался один, и на следующий день я перебрался к нему со своим бумажным хозяйством. Валерий рассказал мне, что за тем столом, который я занял, несколько дней работал сотрудник линии контрразведки из Финляндии, который сопровождал бывшего «невозвращенца», пожелавшего вернуться на Родину. Оперработник выехал назад в резидентуру буквально накануне моего прихода в этот кабинет. Валерий охарактеризовал его как известного в отделе «теоретика» и перспективного сотрудника, соавтора новой концепции организации безопасности советских учреждений и граждан за рубежом, авторы которой были поощрены самыми высокими инстанциями и получили чуть ли не государственные награды.

Когда, уже будучи в Мексике, я в конце того же 1961 года знакомился с ориентировкой Центра об измене Горбатого, то понял, что именно с ним я разминулся всего на несколько часов в кабинете Валерия. Даже кратковременный контакт с ним тогда, вероятнее всего, перечеркнул бы мою еще не начавшуюся разведывательную карьеру. Валерий, который был куратором Горбатого в Центре, стал «невыездным», был переведен во внутреннюю контрразведку, затем вновь вернулся в Первое главное управление, но его карьера, так же как и многих десятков других разведчиков, была погублена.

Судя по всему, в силу стечения обстоятельств модель Горбатого не подверглась глубокому критическому анализу в ЦРУ, а была принята на ура, превратившись таким образом в ловушку для ожидаемых перебежчиков, один из которых не замедлил объявиться и попался в нее. В ту же ловушку был затянут и Бэгли, восторженно вернувшийся из Женевы в Вашингтон с крупным, как он считал, уловом. Прогноз оправдался, модель Горбатого – Энглтона заработала.

Появление в 1964 году того же перебежчика со взрывоопасной информацией об Освальде и его противоречивое поведение в ходе опросов просто еще более укрепили убеждения сторонников модели. Может, я ошибаюсь, но такое впечатление, что в ажиотаже первых месяцев работавшие с перебежчиком просто не задумывались над вопросом, как может инициатор серьезной «долгоиграющей» и многоцелевой подставы полностью отдать ее в руки противника, тем более если это кадровый руководящий

работник, таким образом лишив себя возможности иметь с ним связь и контролировать его и тем самым превратив всю операцию в абсурд. Именно поэтому я считаю изоляцию Идола правильным тактическим шагом, поскольку это в первую очередь отсекало пуповину подозреваемой подставы. Тем не менее модель как стратегия, очевидно, продолжала подчинять себе все действия, по крайней мере до опубликования отчета Комиссии Уоррена. Постепенно ее недееспособность становилась все заметнее, но отказаться мешала уже сила инерции бюрократической структуры. Признать изначальную ошибочность модели означало бы расписаться в собственной некомпетентности со всеми вытекающими последствиями. Предпринимается лихорадочный поиск лазеек для ухода от ответственности. Появляются соображения Бэгли об избавлении от источника головной боли, затем принимается блестящее бюрократическое решение перебросить дело с больной головы на здоровую. Чтобы побыстрее выветрился дух модели, убирают подальше ее покровителей. Кстати, «великая чистка славян» – это тоже последствия модели, ибо, по данным Горбатого, тот самый агент в ЦРУ, из-за которого и городился весь огород, славянского происхождения. Такова, по моему мнению, первая оперативная ошибка по делу АЕФОКСТРОТА.

2. В рамках модели в отношении ее центральной фигуры решался главный вопрос: подстава он или нет? Но ни в одной из прочитанных мной публикаций не промелькнул вопрос, пригоден ли подозреваемый для этой роли. По существу же, именно от положительного или отрицательного ответа на него зависел вообще смысл постановки первого вопроса и реальность всей модели. Если такой вопрос даже не рассматривался, то это было второй серьезной ошибкой в разрешении всей проблемы, возникшей по делу перебежчика. Трудно поверить, чтобы он никем не был поставлен. Возможно, в закрытых документах ЦРУ он и присутствует. Мне известно, какое внимание в американской разведке уделяется сбору биографических и характеризующих сведений об интересующих ее лицах и какая для этого разработана система. Грешен, сам пользовался их прекрасно разработанными вопросниками в своей оперативной деятельности. Судя по открытым публикациям, и в данном деле прилагалось немало усилий для получения подробной информации о биографии перебежчика, его необычно скором служебном росте. Но, учитывая сложившуюся в дальнейшем тупиковую ситуацию, ответ на упомянутый вопрос, очевидно, так и не был найден.

Причиной этого могли стать как недостаток информации, так и неспособность оценивать ее с точки зрения ценностей советского общества и «канонов» КГБ, а возможно, и то и другое.

3. Если предыдущие ошибки я отношу к категории оперативных, то третью – к разряду методологических, поскольку она затрагивает аналитическую работу по делу перебежчика. Речь пойдет об использовании «кураторами» дела законов и методов формальной логики, а логика, как известно, «это искусство ошибаться с уверенностью в своей правоте».

В 1978 году Бэгли в письме в Комиссию Стоукса однозначно заявляет о выводе, который может быть сделан по «миссии» Носенко: «Если Носенко подстава КГБ, в чем я убежден… то не может быть сомнений, что рассказанная им история об Освальде в СССР – послание КГБ. Послание в преувеличенной и неправдоподобной форме говорит, что Освальд не имел ничего общего с КГБ… Направляя такое послание, КГБ фактически показывает, что ему нужно что-то скрыть… Это «что-то» может быть фактом, что Освальд был агентом КГБ [sic!]».

В данном случае мы имеем дело с понятием, которое в логике именуется доказательством, то есть «с рассуждением, имеющим целью обосновать истинность (или ложность) какого-либо утверждения, которое называется тезисом доказательства. Суждения, на которые опирается доказательство и из которых логически следует тезис, называются аргументами (основаниями). Во всех доказательствах все основания должны быть доказанными основаниями. Недоказанное основание, с логической точки зрения, не есть основание, а доказательство, опирающееся на такое основание, – ошибочное доказательство». Так гласит учебник логики, которым я пользовался еще в студенческие годы. А теперь посмотрим, на каких основаниях строит свой вывод Бэгли:

1) «Носенко подстава» – недоказанное субъективное мнение: с 1977 года существует противоположный вывод;

2) «информация об Освальде – послание КГБ» – не доказано;

3) «направляя послание, КГБ стремится что-то скрыть» – не доказано.

Таким образом, он совершает логическую ошибку в доказательстве, именуемую petitio principii (предвосхищение основания) и заключающуюся в том, что вывод делается из положения, которое само еще должно быть доказано. 16 ноября 1978 года Бэгли был приглашен для дачи показаний на заседание Комиссии Стоукса. Повторив основные положения своего письма, он заявил, что расскажет краткую историю одного дела, иллюстрирующую, насколько ложна информация Носенко. Затем он поведал о судьбе финской пары, которая в 1953 году, поверив коммунистической пропаганде, нелегально перешла границу и обратилась в отделение милиции с просьбой о советском гражданстве. КГБ 11 месяцев допрашивал их, а затем они были отправлены в концлагерь. Далее Бэгли вновь приступил к логическим построениям. Как же так, рассуждает он, с одной стороны, мы имеем бывшего морского пехотинца США, с другой – простую финскую семью. Он и она хотят жить в России. Но их 11 месяцев допрашивают и ссылают в лагерь как подозрительных, а с Освальдом КГБ даже не разговаривает. Опыт финнов подтверждает все, «что мы знаем о настоящем Советском Союзе от Солженицына и многих других…». После этого он делает вывод: «Опыт Освальда, как об этом рассказывает Носенко, не мог иметь места».

Здесь Бэгли прибегает к косвенному опровержению, что тоже является видом доказательства в логике. Он опровергает тезис «Освальд не допрашивался КГБ». Но условием такого опровержения «является доказательство истинности положения… противоречащего опровергаемому тезису. Из истинности такого положения на основании закона противоречия следует ложность опровергаемого тезиса». К сожалению, Бэгли опять ошибается или путается и попадает в логическую ловушку. «Истинность» противоречащего положения он демонстрирует всего одним «финским» примером и ссылками на Солженицына и «многих других». Из этого нельзя даже смастерить умозаключение типа «все перебежчики в СССР допрашивались КГБ, Освальд перебежчик в СССР, значит, Освальд допрашивался КГБ». Такое умозаключение могло бы претендовать на истинное общее положение, опровергающее частный тезис – случай с Освальдом.

Чтобы самому не впасть в логическую ошибку, могу лишь предположить, что схожие примеры не совсем удачного применения формальной логики, как видите, довольно коварной науки, вероятно, содержатся в заключении по делу АЕФОКСТРОТА, автором которого был тоже Бэгли.

Вообще же, на мой взгляд, использовать логические методы при анализе чужой оперативной деятельности нужно с очень большой осторожностью. Многие разведывательные операции сходны по общим технологическим признакам, но каждая из них всегда уникальна как по целям, сочетанию тех же технологических элементов, участникам, так и по месту и времени. Можно ли, например, сводить к единому знаменателю, как это делает Бэгли, историю с нелегальным переходом границы финской парой и делом американского туриста, пожелавшего остаться в стране, – событиями, происшедшими, кроме того, с разницей в шесть лет. Их можно сопоставить по одному-двум схожим признакам, то есть по аналогии. Но никак нельзя считать тождественными и превращать в основания доказательства.

Конечно, я не отрицаю полезность методов формальной логики в оперативном анализе. Возьмем хотя бы такой пример. Как известно, начатая Энглтоном охота за «кротами» в ЦРУ привела к тому, что он сам попал в число подозреваемых как советский агент. Думаю, что кому-то из его коллег удалось вычислить его в этом качестве только благодаря следующему умозаключению: 20 декабря – День чекиста, Энглтон назначен (главой внешней контрразведки ЦРУ) 20 декабря, значит, Энглтон – чекист!

Перечитав свою критику в адрес ЦРУ по поводу профессиональных ошибок, допущенных в деле Идола, я обратил внимание на один момент. Упрекая «неверующих» в отсутствии вопроса или ответа о пригодности перебежчика на роль подставы и подчеркивая важность этого обстоятельства, сам я не выразил собственного мнения на этот счет. И тогда я задумался, в какой форме это лучше сделать, и остановился на следующей. Предположим, что кого-то в КГБ осенило осуществить модель с подставой и идет подбор возможного исполнителя этой роли. Представим также, что мне, как оперработнику, поручили рассмотреть материалы на одного из кандидатов на подставу, и я приступаю к выполнению задания.

Прежде чем определить критерии для оценки кандидата, возникает первый вопрос: оперативная игра будет проводиться только на территории Советского Союза или с выводом подставы за рубеж? Выясняется, что готовится вывод, причем на длительный период, поэтому решено подобрать кадрового сотрудника – надежного и опытного. Ну что ж, теперь можно обратиться к биографии кандидата.

Тяжелый начальный период Отечественной войны, высший эшелон советской власти и государственного аппарата эвакуирован в Куйбышев. Там в 1942–1943 годах Юрий, сын старого большевика, заслуженного наркома судостроительной промышленности СССР, в военно-морской спецшколе получает знания за восьмой класс средней школы. Не исключено, что его отец, связанный с морем своей профессией, мечтал, что в будущем сын за штурвалом построенных им судов будет бороздить волны далеких морей и океанов, и поэтому определил его в названную школу. Возможно, это было желание самого сына, охваченного романтикой дальних морских странствий.

В 1943 учебном году Носенко уже курсант военно-морского подготовительного училища в городе Баку. Но его пребывание там заканчивается довольно неожиданно…

«Секретно Экз. единств.

ПРИКАЗ начальника Бакинского военно-морского подготовительного училища

5 февраля 1944 г., № 4, г. Баку

18 января 1944 года курсанты 10-й роты тт. Носенко Ю.И. и Р-ко Ю.А. дезертировали из училища в г. Москву, используя для этого поддельные документы, сфабрикованные ими

при помощи курсанта той же роты т. П., которому курсант Носенко, как старшина класса, приказал нарисовать на чистом листе бумаги печать училища. Свое дезертирство курсанты Носенко и Р-ко готовили еще за несколько дней до начала каникул и, чтобы оно было заметным (так в документе. – О.Н.), умышленно распространили среди курсантов слух о том, что им разрешен отпуск в Москву по ходатайству их родителей.

В настоящее время принятыми мерами розыска курсанты Носенко и Р-ко задержаны в г. Москве и находятся в распоряжении военкомата.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Курсантов Носенко и Р-ко за дезертирство из училища ОТЧИСЛИТЬ и переслать весь материал расследования в военкомат г. Москвы для привлечения их к судебной ответственности.

Начальник училища капитан 1-го ранга Апостолы».

Судя по дальнейшим событиям, никаких негативных последствий это ЧП для Носенко не имело. Зато достоверно известно, что 18 августа того же года он зачислен на второй курс, но уже Ленинградского военно-морского подготовительного училища. Не проходит и двух месяцев, как следует новое ЧП:

«Выписка из Приказа начальника Ленинградского военно-морского подготовительного училища. 3 октября 1944 г., № 026, г. Ленинград.

Содержание: «О случаях увечья и ранения курсантов, работавших на подсобном хозяйстве училища при обращении с трофейным и отечественным оружием»».

Констатирующая часть приказа основана на объяснениях Носенко об обстоятельствах ранения. Сего слов, он пробовал, подойдет ли патрон от пистолета «суоми» к револьверу «бульдог», и в результате ранил себя в левую руку. Был направлен на лечение в госпиталь.

В постановляющей части приказа сказано: «ПРИКАЗЫВАЮ:

…7. Курсанта 2-го курса Носенко после его выздоровления отчислить из училища за недисциплинированность.

Начальник училища капитан 1-го ранга Авраамов».

Очевидно, к счастью, ранение оказалось нетяжелым, потому что уже 16 октября Носенко был отчислен… «с направлением для продолжения учебы в Ленинградский судостроительный техникум» с того же самого дня. Теперь профессия судостроителя в семье могла стать наследственной. В 1945 году, завершив учебу в техникуме, он получил «знания в объеме 10 классов». Через год направленность его обучения вновь, на этот раз резко, меняется.

С 1946 года Носенко – студент Московского института международных отношений и начинает путь к карьере дипломата. О его стремлении к знаниям можно судить по характеристикам, составлявшимся в студенческие годы. В характеристике за 1948 год отмечено, что Носенко «несерьезно относится к учебе, плохо посещает семинарские занятия, постоянной общественной работы не вел». В 1949 году вновь отмечается, «что должного трудолюбия в учебе не проявляет, и его невысокая успеваемость и слабая общественная работа были предметом обсуждения группы и комсомольской организации». Аналогичная характеристика написана на Носенко на последнем, пятом, курсе в 1950 году. В ней говорилось также, «что он очень часто на экзамены приходил совершенно неподготовленным и получал неудовлетворительные оценки». Заканчивается

пятый курс, близится к концу учеба в институте. Но впереди еще госэкзамены. И вот 19 мая 1950 года на имя директора МГИМО поступает письмо, подписанное заместителем министра высшего образования Михайлова, в котором сказано, что «Министерство высшего образования СССР разрешает допустить студента 5-го курса Носенко к сдаче государственных экзаменов без предоставления аттестата зрелости за среднюю школу».

Это означает, что он был допущен к вступительным экзаменам (если сдавал) и зачислен в институт без предъявления основополагающего документа, дающего право на поступление в высшее учебное заведение. Одно это свидетельствует о многом.

Но диплом благополучно получен, появился молодой специалист – юрист-международник, референт-переводчик по США. Можно себе представить уровень его знаний международного права, страноведения и английского языка. После продолжительного отдыха, до марта 1951 года, он опять приближается к морской стихии. С этой даты до апреля 1953 года Носенко служит старшим переводчиком начальника разведки 7-го Военно-морского флота в г. Совгавань, а затем переводчиком 7-го морского разведпункта 4-го Военно-морского флота.

Похоже, призвание наконец определилось, надо подаваться в разведчики. Однако согласно строгим инструкциям Управления кадров оформление кандидата могло начаться только после прохождения им Центральной военно-врачебной экспертной комиссии (ЦВВЭК) и ее заключения о его годности по состоянию здоровья для оперативной работы, а Носенко за период службы в ВМФ длительное время находился на излечении в туберкулезном санатории Центральной поликлиники Санитарного управления Кремля. Но нет преград, когда есть номенклатурный папа – министр и член ЦК КПСС.

7 апреля 1953 года младший Носенко по личному указанию заместителя министра внутренних дел генерал-лейтенанта О-ва в срочном порядке, без соответствующего оформления и прохождения ЦВВЭК был зачислен на должность оперуполномоченного отдела «Р» Первого главного управления МВД СССР со следующей формулировкой: «Учитывая, что т. Носенко Ю.И. имеет высшее образование, владеет английским языком, по работе в настоящее время характеризуется положительно, считаем возможным оформить его в органы МВД в соответствии с существующими положениями».

В мае 1953 года Носенко становится контрразведчиком. Очевидно, как «специалиста по США», его назначают оперуполномоченным 1-го отделения (американского) 7-го отдела Второго главного управления.

Но даже в рамках суровой внутренней дисциплины Лубянки Носенко остается верен себе. Ровно через год на него накладывается взыскание, подписанное начальником главка: «За использование оперативных документов в личных целях лейтенанта Носенко арестовать на 15 суток без исполнения служебных обязанностей». «Документы прикрытия» он всего-навсего использовал для прикрытия последствий своих любовных похождений, нанесших ущерб его здоровью. Каждый из совершенных им проступков по тем временам означал для простого смертного увольнение из органов. Но Носенко не был простым смертным.

Спустя два с половиной года, 31 июля 1962 года, его назначают заместителем начальника 7-го отдела. Я специально обращаю внимание на дату. Судя по всему, при этом назначении руководство не учло его новый «американский» опыт – предательство в июне в Женеве и начало сотрудничества с ЦРУ.

Посмотрим, а как обстояли дела со здоровьем? В марте – апреле 1960 года находился на лечении в Первой больнице Четвертого главного управления Министерства

здравоохранения СССР (бывшего Санупра Кремля) с тем же диагнозом, с которым был зачислен в спецслужбу: «Туберкулез легких. Фиброз правой верхушки с буллезными вздутиями и плотными очагами. Легочные кровотечения».

В сентябре 1962 года, уже после вояжа в Женеву, проходил обследование у фтизиатра. Диагноз: «Неактивные ограниченные старые фиброзно-очаговые изменения в легких в фазе уплотнения». Что-то явно благотворно сказалось на улучшении здоровья – то ли женевский климат и новые знакомства там, то ли назначение на большой руководящий пост. Возможно, и то и другое.

В декабре 1962 года он снимается с диспансерного наблюдения как «практически здоровый».

Чтобы совершить такую головокружительную карьеру, как у этого гипотетического «кандидата на подставу», всего за девять лет работы, нужно было иметь или семь пядей во лбу, или «мохнатую лапу» на самом верху. Если первое не наблюдалось, то второе работало безотказно. Может возникнуть вопрос: чем была вызвана чехарда с его перемещениями из отдела в отдел? Этому есть простое объяснение. Для служебного роста необходимы свободные должности, вот его и перебрасывали в другое подразделение с повышением на освободившиеся должности или под освобождающиеся в ближайшее время.

Итак, поднят один пласт биографии «кандидата», по которому можно судить о его общеобразовательном и профессиональном уровне. Хотя картинка получается довольно красочная, делать общее заключение рановато. Нужно еще посмотреть, каким он виделся окружающим – своим близким, соседям по месту жительства, сослуживцам.

Первое слово самому близкому человеку – матери Носенко, Тамаре Георгиевне. Из ее свидетельских показаний в 1964 году:

«Вопрос. Что вам известно об обстоятельствах поступления Носенко Ю.И. в органы госбезопасности?

Ответ. По этому вопросу я ничего показать не могу. Каким образом мой сын Юрий поступил в органы госбезопасности, я не знаю. Об этом разговоров с моим мужем не было. Я помню, муж говорил, что наш Юра выпивает и не имеет права работать в органах. Там работают люди кристально чистые. Судя по этим словам мужа, я уверена, что он, так же как и я, не содействовал Юрию в поступлении в органы госбезопасности».

Лукавит Тамара Георгиевна, но как не понять сердце матери!

Чуть ранее в своих показаниях она признавала, что «известны отдельные случаи недостойного поведения моего сына на нашей даче».

А вот выдержка из выступления адвоката в судебном заседании. Ему была предоставлена возможность детально ознакомиться с материалами уголовного дела и, естественно, с биографией его подзащитного: «С 15-летнего возраста Носенко, по существу, поощрялся матерью, а иногда и отцом не по заслугам и воспитывался в духе безнаказанности. Благодаря высокому положению отца Носенко легко прошел по жизни. Возникает недоумение, как только его могли взять на работу в органы КГБ».

Ответ присутствует в том же фрагменте выступления – именно «благодаря высокому положению отца».

В мае 1961 года, когда Носенко занимал уже третью ступеньку служебной лестницы – был заместителем начальника отделения и воспитывал подчиненных, – соседями по месту жительства он характеризовался «исключительно с отрицательной стороны, как человек опустившийся и злоупотребляющий спиртными напитками».

В том же 1961 году один из сослуживцев, полковник Л., характеризовал Носенко «как избалованного условиями жизни человека, ведущего себя в отделении высокомерно и грубо, игнорировавшего распоряжения начальника отделения, склонного к употреблению спиртных напитков. Компанию Носенко всегда стремился поддерживать с людьми, занимающими соответствующее положение.

Вербовку иностранцев проводил на компрометирующих материалах, так как для осуществления их на идеологической основе он недостаточно подготовлен».

Вот что показал сотрудник КГБ, находившийся вместе с Носенко в 1962 году в Женеве в составе делегации по разоружению: «Носенко был мало занят на работе. В вечерние часы свое отсутствие объяснял мне встречами с агентурой. Приходил в гостиницу, как правило, в 10–11 часов вечера. Днем в город выходил редко. Был или в представительстве, или на заседаниях. Ко мне, как работнику Первого главного управления, интереса не проявлял. После возвращения в Москву он сказал, что будет назначен заместителем начальника отдела».

Об этом же периоде дает показания другой сослуживец Носенко: «Примерно с лета 1962 года я заметил, что Носенко был часто чем-то возбужден, и, как потом стало известно, это было вызвано тем, что он рассчитывал занять вакантную должность заместителя начальника отдела. Он был часто неуравновешен и иногда без причин кричал на оперработников».

Можно предположить, что не только жажда очередного повышения вызывала его «неуравновешенность», но и страх, появившийся после совершенного в Женеве предательства.

Вновь предоставлю слово Леониду Ивановичу Ефремову: «В главке все хорошо знали, что Идол имел основательную «подпорку». Его отец Носенко Иван Исидорович, министр судостроительной промышленности, был любимцем Сталина, а Сабуров дал клятву отцу быть его покровителем.

После измены среди сослуживцев шли разговоры, что Идол ушел не с пустыми руками, и не только по нашим делам, но и по «верхам». Все были уверены, что американцы примут его с распростертыми объятиями».

О том, что сведениями о «верхах» Идол располагал, может свидетельствовать следующий эпизод, тоже рассказанный Леонидом Ивановичем: «Осенью 1963 года на празднование ноябрьских праздников в Москву приехала группа американцев в составе 22 человек, представлявших крупнейшие компании США: «Америкэн стил корпорейшн», «Дженерал моторе», «Америкэн авиэйшн» и др. Хрущев пригласил их в Кремль на прием по случаю 7 ноября. Руководству 7-го отдела и некоторым оперработникам, в числе которых оказался и я, тоже выдали приглашения.

В ходе приема Никита перебрал и начал грозить «американским дармоедам». Охрана, ребята из 9-го управления, принялись отпаивать его молоком. Тем не менее «дармоеды» пригласили Хрущева поехать в гостиницу «Советская», на что он согласился, и началась суета с отъездом туда. Мы тоже спустились в гардероб и там стали свидетелями интересных сценок с участием Носенко, который был в нашей группе.

Вначале его восторженно приветствовала, называя «Юрочкой» и приглашая «заходить в гости», респектабельная дама, оказавшаяся супругой главы советского правительства Косыгина, затем маршал авиации Вершинин по-свойски перекинулся с ним несколькими фразами, обращаясь к нему как к «Юрке». С таким же дружеским обращением подошел молодой генерал, как выяснилось, сын Микояна Сергей, командующий в то время ВВС

Киевского военного округа.

Наблюдая за общением Идола с такими людьми, мы, «простолюдины», слегка оробели, осознав уровень его «подпорок»».

Теперь облик «кандидата» становится полнее. Но существует еще одна архисложная проблема. Если планируется длительная рискованная командировка, причем под легендой перебежчика, то семья становится участником операции (модель), ибо должна подкреплять такую легенду, неся бремя «семьи изменника Родины», и, естественно, главная тяжесть ложится при этом на плечи жены. Это одна сторона проблемы, но существует и другая. Помимо подкрепления легенды семья служит еще, как бы цинично и антигуманно это ни звучало, закрепляющим фактором. Или, иными словами, удерживает подставу от, мягко говоря, необдуманных шагов. Но я уже говорил ранее, что деятельность спецслужб, зародившихся за много веков до Рождества Христова, далеко не всегда отличается гуманизмом.

«Семейный аспект» в разработке сценария реальной операции по подставе является одним из основополагающих элементов и требует досконального знания как общего отношения ее исполнителя к супружеской жизни, склонности к внебрачным связям, так и обстановки в семье в данный момент, конечно, если он женат. Поэтому посмотрим на нашего гипотетического «кандидата» и под этим углом зрения для подготовки окончательного заключения о его пригодности к роли подставы в разрабатываемой модели, тоже гипотетической. Вновь для этого обратимся к биографии Носенко. Опять первое слово матери: «В первый брак (Юрий) вступил в 1946 году с девушкой по имени Ф. Мы вынуждены были дать согласие на женитьбу, поскольку она была беременна от Юрия. Мы руководствовались тем, чтобы как-то спасти честь девушки. Однако мой сын Юрий заявлял, что Ф. ему не нравится и что жить с ней он не будет. В силу этих причин он и расстался с Ф.».

В том же 1946 году Носенко знакомится с новой девушкой, родители которой дружат с его родителями. В январе 1948 года он вступает в новый брак. Но и тот весьма недолговечен. Фактически он прекратился в декабре 1948 года, а юридически был расторгнут в июне 1953 года. Этой женщине, чье имя по понятным причинам здесь не приводится, как бывшей жене уголовного преступника, пришлось давать свидетельские показания в 1964 году: «После непродолжительной совместной жизни узнала, что он (Носенко. – О.Н.) был законченный пьяница – алкоголик.

В октябре 1948 года от брака с Носенко родилась дочь. Она родилась с большими физическими недостатками: была волчья пасть, заячья губа и косоглазие. Профессор, обследовавший ее, сказал, что это могло быть вызвано отравлением организма отца алкоголем. Дочь не могла брать грудь нормально, и поэтому мне приходилось сцеживать молоко и кормить ее из ложечки. Носенко это нервировало, он не мог смотреть на это. Он вырывал у меня дочь, бил меня, рвал на мне одежду, глумился надо мной и выгонял меня из квартиры».

Из этих же материалов видно, что для «погашения» синдрома похмелья «кандидат» продавал даже свои вещи – пропил часы и костюм. Родители в ответ купили золотые часы и лучший костюм. Не буду описывать оргии, организуемые им в квартире.

Уже «устроенный» в КГБ, скорее всего, в целях исправления в условиях суровой дисциплины, Носенко заводит третью семью и превращается в любящего мужа и заботливого отца. Вот здесь действительно раскрываются его незаурядные актерские способности. Он с энтузиазмом исполняет эту роль по собственному сценарию, выступая

перед различными аудиториями – сослуживцами, американскими разведчиками и… своей очередной семьей.

Напарнику по первой поездке в Женеву в 1962 году повествует о своей любви к жене (третьей) и дочери. Одновременно клеймит вторую за измены с… родственником.

Вступив тогда же в контакт с американской разведкой, рассказывает ее представителям о тяжелом заболевании дочери (астма) и потребности в дефицитном лекарстве. Разведчики делают все возможное, чтобы достать лекарство, которого не было даже в США. Привозят из третьей страны с помощью специально посланного курьера и вручают Носенко. Впоследствии он заявляет им, что тогда лекарство спасло жизнь его дочери.

Изъявив готовность продолжить сотрудничество с ЦРУ, заявляет, что не намерен оставаться на Западе, так как не хочет покидать семью.

Из показаний члена советской делегации Р., соседа Носенко по номеру в женевской гостинице в 1964 году: «Носенко всегда старался подчеркнуть, что он очень любит своих дочерей, и это как-то неприятно было слушать. Он все время рассказывал и подчеркивал, что он купил дочерям, что он им послал в подарок… Ездил в Лозанну и купил там подарки для дочерей и отправил их с кем-то в Москву. Он рассказывал, что женат второй раз (странная забывчивость. – О.Н.) и что в Женеву приехал вторично».

Интересно, что все это происходило, когда «заботливый» папа объявил удивленным американцам о своем намерении бежать на Запад. Вот как описана в книге Дэвида Вайса «Кротовая охота» встреча с американскими разведчиками в Женеве, на которой Носенко разыграл «семейную карту»: «Гук привез письмо, – продолжил Кисельватер. – Однажды Носенко приходит рано и читает его мне одному. Он расстроен. Это было интимное, сентиментальное письмо с новостями от его семьи. Он говорит: «Они (КГБ. – О.Н.) могут не послать меня больше. Может быть, я должен остаться». Затем сказал: «Может быть, я никогда не увижу ее (жену. – О.Н.) вновь». По мнению Кисельватера, Носенко боролся с эмоциями и потерей своей семьи».

Блестящий ход. На первой встрече зондаж и наблюдение за реакцией, затем «семейная карта» и «эмоции» для нажима на чувства, а потом нокаутирующий удар. Читаем там же: «…Разведчики были ошеломлены, «оцепенели», как выразился Бэгли, когда 4 февраля Носенко бросил «бомбу». Он сказал, что решил остаться, потому что получил телеграмму с отзывом в Москву. Он попросил защиты у ЦРУ».

Все-таки видно, что 11 лет в КГБ для «семьянина» не прошли даром. Раньше уже говорилось, что вся история с телеграммой была его выдумкой.

Уже наверняка зная, что не вернется, он продолжает исполнять свою роль любящего мужа и заботливого отца. С той же оказией он отправляет в Москву ответное письмо:

«27.01.64.

Здравствуй, моя родная Милусенька!

Завтра отправляю тебе письмо с оказией. Сегодня пошел уже девятый день, как я уехал из дома. Конечно, сильно скучаю за тобой, за ребятами. Хотя прошло и немного времени, но чувство такое, как будто бы прошел целый месяц. Мысленно я все время с вами, думаю, вспоминаю. Ну, ничего, зато встреча будет более радостной.

Милуся! Как ты себя чувствуешь? Ты должна следить за собой, не забывай о своем здоровье, вовремя кушать и, конечно, что для тебя самое главное, не волноваться. Договорились?

Как девочки? Скучают? Вспоминают? Скажи им, что я их крепко целую и прошу беречь свою мамочку. Родная моя! Крепко-крепко обнимаю и целую тебя.
Юрий».

(Коль скоро Носенко, преследуя свои цели, читал американским кураторам из ЦРУ интимные письма жены, то я считаю себя вправе привести здесь в качестве иллюстрации это послание, которое было передано следствию бывшей семьей предателя.)

Даже осуществив, по его словам, свой «давний замысел» и став политическим перебежчиком в США, он предстает в беседе с советскими представителями этаким «тоскующим семьянином». Вернемся к записи этой беседы: «На вопрос о том, как должна понимать его решение его семья, его дети, что сказать детям о том, куда девался и кем стал их отец, Носенко ответил: «Это самый болящий (выражение Носенко) вопрос, но мне сейчас нечего сказать по этому поводу, давайте не будем больше говорить об этом»». Однако позже он сам возвращается к этому вопросу в своем эпистолярном произведении, полученном женой теперь уже из США:

«Милусенька!

Мое решение жить и работать в США не случайно, оно складывалось годами. Я не хочу доказывать свою правоту, т. к. в письме всего не скажешь.

Единственно, что меня тревожит и мучит, – это отсутствие тебя и наших девочек. Сообщи матери, что, несмотря на мою глубокую любовь к отцу, я сделал бы то же самое при нем и мое решение – одно из самых правильных решений, которые я принимал в своей жизни.
Юрий».

Если верить настойчивым утверждениям Носенко, что его решение бежать из СССР «складывалось годами», выходит, что первыми, кого он предавал, готовясь к осуществлению своего замысла, были его третья жена и дочери, которых он заранее обрекал на потерю «любящего мужа и заботливого отца». Можно предположить, что он использовал их как «прикрытие» и рассматривал как промежуточный этап своей жизни до перехода к новой жизни в другой стране.

Конечно, по логике Бэгли, все это смахивает на легенду, придуманную «коварным» КГБ для своей подставы. И это, на мой взгляд, действительно легенда, но разработанная и реализованная самим Идолом. С ее помощью он дурачил всех и вся, включая КГБ и ЦРУ, с целью достижения собственных интересов.

Таким образом, разбор семейного аспекта «кандидата» показывает глубокий распад его личности и одновременно необыкновенную способность приспосабливаться. Последнее качество вынуждает меня положить белый шар в пользу его пригодности к участию в гипотетической модели подставы.

Коснувшись главных личностных характеристик «кандидата», рассмотрим вопрос с точки зрения «политического аспекта» его пригодности.

В этой главе уже приводились воспоминания бывшего председателя КГБ Семичастного об интересных деталях, связанных с делом Идола. Для него, сравнительно недавно назначенного шефом КГБ, измена Идола стала такой же костью в горле, как для Хелмса в ЦРУ.

Мягким июльским днем 1992 года я снова встретился с ним, чтобы задать несколько

вопросов на интересующую меня тему:

«Вопрос. Американские спецслужбы, в большей степени ЦРУ, долгое время считали Носенко нашей подставой, направленной в США для дезинформации по Освальду и зашифровки нашего источника в американской разведке. Какова ваша оценка такого мнения, Владимир Ефимович?

Ответ. Если бы мне в те дни сказали, что наши противники воспримут предателя Носенко как нашу подставу, я бы смеялся до слез. Подставить под легендой измены Родине сына министра, да не просто министра, а весьма заслуженного и известного в стране человека? Простите, но кто бы решился заикнуться об этом в инстанцию (ЦК) и какие для этого нужно было бы выдвинуть аргументы? Кроме того – по крайней мере в бытность мою председателем КГБ – исключалась возможность подставы кадрового чекиста, тем более такого уровня, за рубежом под легендой предательства. Ну а если касаться технологической, что ли, стороны дела, то Носенко по своим личным качествам совсем непригоден для подобной роли и никогда не был бы для нее отобран, ведь он к тому же был законченным алкоголиком. Еще в 1955 году хотели его уволить, но высокие покровители не допустили этого.

Из тех же публикаций, как мне рассказали, явствует, что первым, кто высказал американцам мысль, что Носенко наша подстава, был его предшественник по предательству Голицын. Думаю, что он видел в Носенко соперника и изобрел такую «подсказку», чтобы «изобличить» его и посеять у американцев недоверие к нему. Не исключено, что кто-то из наших работников в Союзе или за границей в беседе с агентурой или американскими разведчиками высказал предположение о «специальной миссии» Носенко, могло это произойти и под слуховым контролем в разговорах между собой за рубежом.

Ну а когда такая информация наложилась на «подсказку» Голицына, то уже появилась убежденность со всеми вытекающими для Носенко последствиями. Я все-таки думаю, что тогда наши противники еще плохо представляли принципы нашей работы, несмотря на имевшие место случаи предательства сотрудников КГБ».

Не хотелось бы навязывать читателю свое мнение, но не могу удержаться от следующего замечания: Идол скорее мог стать председателем КГБ, чем беззащитной подставой в стане противника.

Как бы ни оценивалась личность Носенко и его поступки, следует отметить, что информация, переданная им ЦРУ на тему «КГБ и Освальд», была в основном правдивой, хотя и излагалась перебежчиком в противоречивой форме.

Возможно, именно поэтому ЦРУ не решилось или по каким-то причинам не захотело предъявить Носенко и его данные об Освальде Комиссии Уоррена в качестве официальных свидетельств отношения КГБ к подозреваемому убийце президента.

На мой взгляд, такой шаг поставил бы в то время советских руководителей в довольно щекотливое положение: с одной стороны, пришлось бы публично признать Носенко изменником Родины, приговоренным за это Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни, а с другой – подтвердить достоверность его показаний, тем самым представив всему миру «защитником» интересов Советского Союза.

Вероятно, ЦРУ не просчитало этого хода в шахматном гамбите.

Тем не менее есть основания полагать, что ЦРУ все же воспользовалось информацией АЕФОКСТРОТА для своих собственных экспертных оценок по отдельным аспектам пребывания Освальда в Советском Союзе, направленных в Комиссию Уоррена. Такое

предположение базируется на некоторых выводах по этому периоду биографии Освальда, содержащихся в отчете комиссии и приведенных в главе 1 настоящей книги.

Не исключено, что названные оценки ЦРУ могут содержаться в закрытой пока части материалов Комиссии Уоррена.

ПРЕВРАЩЕНИЕ РЫБЫ В ПСА

Осенью 1963 года в один из уик-эндов мы с Павлом Яцковым вырвались на рыбалку. В то время излюбленным местом рыбаков нашего посольства в Мехико было искусственное водохранилище Преса-Эндо, расположенное на Мексиканском нагорье примерно в 80 километрах от столицы. Мы выехали пораньше, еще затемно, чтобы успеть к утреннему клеву. Половив с утра в одном из заливов, после завтрака мы решили перебраться к нашему излюбленному месту вблизи плотины, подпирающей водохранилище. Подъехав туда, увидели невдалеке старинный красный «фиат», а на берегу рыбака со спиннингом. Выгрузившись из машины и вооружившись снастями, мы приблизились к воде и обменялись приветствиями с рыбаком.

Он ответил нам по-испански, но явно не был мексиканцем. На вид я бы дал ему немногим более 30 лет. Рост примерно метр восемьдесят, худощавый, светловолосый, с продолговатым лицом и то ли серыми, то ли голубыми глазами. Павел поинтересовался результатами рыбалки, незнакомец дружелюбно ответил, и между ними завязалась оживленная беседа. Сделав несколько забросов, я вскоре перебрался на другое место и продолжал ловлю несколько в стороне от Павла и нашего нового знакомого.

Посольская рыбацкая команда освоила этот водоем полутора годами ранее и довольно регулярно посещала его, о чем было широко известно. Но за все время мне впервые встретился здесь рыболов не из местных жителей. Павел прибыл в Мексику недавно – в сентябре. И хотя это был его второй заезд, в первую командировку он здесь не рыбачил и таких подробностей просто не знал.

Вскоре солнце стало немилосердно припекать, рыба замерла, клев полностью прекратился… Павел подошел ко мне, и мы, посовещавшись, решили собираться домой: улов был вполне приличный, а вечернего клева ждать не хотелось. Яцков рассказал, что наш новый партнер по ловле – гринго, зовут его Джон, живет постоянно в Мексике, преподает английский язык в Мексико-Сити-колледже, многих выпускников которого принимают на работу в мексиканскую дипломатическую службу. Джон женат на мексиканке, имеет детей, проживает недалеко от Павла. Поскольку гринго назвался заядлым рыбаком, они договорились о продолжении знакомства и совместных выездах на рыбалку. Я высказал свое удивление по поводу того, что впервые за полтора года встретил здесь, на Эндо, гринго, и задал провокационный вопрос: «Как ты думаешь, зачем он приехал сюда – чтобы ловить рыбу или познакомиться с нами?» Павел с улыбкой, перефразировав известную житейскую мудрость «поживем – увидим», ответил: «Половим – посмотрим».

Отношения Павла с Джоном продолжились в Мехико. Джон держался естественно, не лез с расспросами о биографии Яцкова, в то же время откровенно рассказывал о себе.

Однако на одной из встреч после далласской трагедии, когда уже было известно о посещении Освальдом нашего посольства в Мексике и встречах с консульскими работниками, Джон стал расспрашивать Павла, с кем именно беседовал Освальд в

консульстве, каково было его поведение, какое впечатление произвел он на беседовавших с ним, какова оценка его способности осуществить теракт и многое другое. За серией этих вопросов явно торчали чьи-то профессиональные ушки, и дальнейшие отношения с Джоном строились с учетом того, что они находятся под контролем американских спецслужб.

12 июня из резидентуры в Мехико был направлен в Центр отчет оперработника «Р». В нем, в частности, говорилось: «О Джоне Б.

«Р» познакомился с Дж. Б. (в дальнейшем Пес [4 - «Пес» в переводе с испанского – «рыба».]), 1931 г.р., уроженцем Аризоны (США), немецкого происхождения, имеет американское гражданство, женат на мексиканке, имеет троих детей. Работает преподавателем английского языка. Пес родился в семье служащего, работавшего в учреждении, занимающемся наблюдением за индейскими племенами, проживающими в резервациях. После смерти отца в 16 лет вынужден был пойти работать, с тем чтобы поддержать семью и одновременно не прекращать учебы. Служил в армии, в авиачастях, базировавшихся на Аляске.

После службы поступил в Сиракузский университет в штате Нью-Йорк на филологический факультет, где изучал русский язык. Из-за нехватки средств перевелся на учебу в Мексико-Сити-колледже в г. Мехико, где учился на факультете международного права, то есть готовился на дипломатическую службу. Будучи студентом, женился на мексиканке. В связи с материальными затруднениями и нежеланием уезжать из Мексики, где ему очень понравилось (по существующим правилам служащий Госдепа не может находиться на работе в стране, откуда происходит его жена-иностранка), в 1958 году учебу прекратил. Некоторое время, чтобы накопить деньги, работал в США шофером на автобусе международной линии. До прошлого (63 года) являлся преподавателем в Мексико-Сити-колледже. В настоящее время оттуда уволился и устроился преподавателем английского языка во вновь открывшийся католический институт «Анауак», где платят вдвое большую зарплату.

Жена «П», педагог по образованию, работает директором одной из государственных школ в Мехико. Судя по разговорам, имеет каких-то влиятельных родственников в правительстве Мексики. Якобы является подругой жены нынешнего мексиканского президента.

По предварительным данным, Пес располагает обширными связями среди американцев, проживающих в Мексике. Так, «Р» познакомился у него в доме с американцем Рестоном Б-с, примерно 30–32 лет, преподавателем английского языка, и его женой-мексиканкой, которая дает уроки испанского языка сотрудникам американского посольства, а также самому послу Фултону Фримену. Пес имеет друга-мексиканца, являющегося начальником группы таможенного контроля на мексикано-американской границе. Через него Пес иногда получает беспошлинные товары из США.

В США проживают мать и старший брат – фермер. Пес большой любитель рыбной ловли. «Р» познакомился с ним в один из воскресных дней во время выезда за город. У «Р» сложились хорошие дружеские отношения с «П», он вместе с семьей бывал у него в доме, Пес и его семья также заходят домой к «Р».

Из полученных первичных данных можно сделать вывод, что «П» не проявляет интереса к политике, однако достаточно ориентируется в международной жизни и находится в курсе внутренних событий, происходящих в США и Мексике. Критикуя местный бюрократический аппарат, коррупцию и взяточничество, от высказываний в отношении

политики правительства и правящих кругов США пока воздерживается.

Основным стремлением «П» в настоящее время, как это можно понять, является желание заработать достаточную сумму денег, чтобы открыть свое дело и стать обеспеченным человеком.

«Р» будет продолжать укреплять с ним дружеские отношения и изучать как его самого, так и его связи. Кроме этого, через агентурные возможности резидентуры постараемся собрать на него и его жену характеризующие сведения. Просим проверить по учетам Центра».

В июле 1964 года из Центра ответили: «Пес по нашим учетам не проходит. Вопрос о целесообразности разработки указанного лица можно будет решить после получения дополнительных сведений о его положении, политических взглядах и разведывательных возможностях».

Последующее изучение Песа не давало оснований думать, что он обладает серьезными разведывательными возможностями. Кроме того, в резидентуре считали его выход на нас неслучайным и предполагали, что за этим, скорее всего, стоит американская разведка. Поэтому его предварительное изучение не переросло в разработку, а отношения поддерживались как с «нейтральной связью».

Однажды Павел сказал мне, что Пес нашел интересное озеро недалеко от курортного городка Куэрнавака и предлагал поехать туда вместе на рыбалку. Павел, в свою очередь, предложил мне присоединиться, а заодно и посмотреть, как американец поведет себя. В ближайшую субботу утром мы отправились в Куэрнаваку, где должны были встретиться с Песом.

Встретившись, довольно быстро по проселкам добрались до озера. Оказалось, что в нем в отличие от Эндо водится только мелкая рыбешка, напоминающая ерша, и, хотя клевала она довольно бойко, нашу страсть спиннингистов такая ловля удовлетворить не могла. Все же мы пробыли там несколько часов, а затем возвратились к месту стоянки автомашин, не спеша перекусили и стали собираться обратно.

В течение дня Пес держался очень компанейски, искренне сожалел, что не выяснил заранее, какая рыба водится в озере, и внешне выглядел расстроенным по поводу нашего разочарования рыбалкой. Пошутив, что такова рыбацкая доля, мы предположили наверстать упущенное и как-нибудь махнуть за крупняком.

Это было мое последнее личное общение с Песом, но, как оказалось впоследствии, мне пришлось по долгу службы столкнуться с ним заочно.

Дружба Павла с Песом продолжалась, они общались семьями, вместе разведывали и осваивали новые рыбацкие места. Поскольку, как уже говорилось, Пес был отнесен к категории «нейтральных связей», переписка с Центром по нему не велась, а Яцков о своих встречах с ним просто ставил в известность резидента. Летом 1965 года завершился срок моей командировки в Мексику. Четыре года пролетели незаметно. В августе мы с семейством возвратились в Москву, где я приступил к работе в Службе № 2 ЛГУ, в направлении, которое курировало деятельность наших резидентур в Латинской Америке по линии контрразведки.

В начале мая 1967 года (к тому времени я уже руководил направлением) сотрудник шифрослужбы принес мне телеграмму мексиканской резидентуры. Резидент сообщал, что известный Центру Пес во время рыбалки в отдаленной от столицы местности передал Павлу написанное на русском языке письмо вербовочного характера и сказал, что с ним хотят встретиться два представителя ЦРУ. Далее следовали выдержки из письма и

приводились обстоятельства вербовочного подхода. В телеграмме говорилось также, что, анализируя происшедшее, резидентура считает, что к этому надо отнестись спокойно и не предпринимать никаких ответных действий, пока не будут собраны соответствующие сведения о сотрудниках ЦРУ в Мексике, причастных к этой провокации. С оперсоставом резидентуры проведено совещание. Все встречи с агентурой и «связями» проводятся с контрнаблюдением. Товарищу (значился псевдоним Павла) указано на то, что он «недостаточно глубоко изучал свои «связи» и не проявил должной настороженности по отношению к Псу». В случае развития провокации приняты меры к тому, чтобы другой сотрудник резидентуры был готов в любое время взять на связь агентуру Павла и продолжать работу с ней. Посла по существу дела проинформировали.

Читая телеграмму, я от души рассмеялся, когда увидел, что прежнюю кличку Джона – Пес – резидентура уже пишет и склоняет как русское слово «Пёс». Так Рыба превратилась в Пса.

По распоряжениям и резолюциям на полях шифровки стало ясно, что информация дошла до высшего уровня руководства КГБ и разведки. В то же время тон резолюций давал основание заключить: содержание шифровки не вызвало раздражения наверху, а это означало, что ответ можно готовить в спокойной обстановке, хотя любая затяжка с ним исключалась.

Во-первых, нужно было поскорее довести до резидентуры реакцию Центра и тем самым успокоить ребят. Я уже прекрасно знал по собственному опыту, в том числе и в связи с далласскими событиями, как важно вовремя узнать позицию Центра по острой проблеме: это снимает неопределенность и порождаемую ею нервозность сотрудников резидентуры. Во-вторых, исполнение резолюций автоматически попадало под контроль высших инстанций ведомства, откуда в любое время могли позвонить и сурово спросить, как исполнены резолюции по такой-то шифротелеграмме.

Ответ пришлось готовить самому, поскольку я имел непосредственное отношение к знакомству с Псом и при мне происходило зарождение его «дружбы» с Яцковым, хорошо представлял оперативную обстановку в Мексике и, кроме того, был куратором Павла, личное оперативное дело которого хранилось у меня в сейфе.

В первую очередь попросил одного из работников срочно проверить по картотеке двух вербовщиков-американцев, участвовавших в подходе (попытке вербовки), хотя и не надеялся, что на них что-то имеется. Главным вопросом моих размышлений была цель подхода.

Я знал Павла несколько лет, в том числе по совместной работе в Мексике. К апрелю 1967 года, то есть к моменту попытки вербовки, стаж его зарубежной разведывательной работы составлял уже около девяти лет, из них без малого восемь (в два захода) в Мексике. Понятно, что этого хватило, чтобы противостоящие спецслужбы, включая в первую очередь ЦРУ, собрали на него солидный банк данных. Однако мне трудно было предположить, что те, кто готовил вербовочный подход к нему, всерьез рассчитывали на позитивный результат. Как следовало из выдержек вербовочного письма, приведенных в телеграмме, оно носило «уважительный характер», никакой «компры» (компромата) в качестве рычага давления не использовалось. «Ударной» выглядела сумма, в которую его оценили, – 500 тысяч долларов, что по тем временам (да и по нынешним) составляло весьма внушительную цифру. Но сама идея «покупки» Павла мне казалась смешной.

Это был не первый случай проявления «внимания» противостоящей стороны к Яцкову. Во время его первой командировки в Мексику в 1958 году в тамошний МИД пригласили

нашего посла Базыкина и заявили, что третий секретарь посольства Яцков занимается делами, несовместимыми со статусом дипломата: недавно выступал на собрании, потом на профсоюзном митинге, призывал к забастовке. Посол с удивлением ответил, что этого просто не могло быть, поскольку названный дипломат уже месяц как находится в Москве в отпуске. Эпизод завершился большим смущением мексиканских официальных лиц. Чья-то попытка дискредитации Яцкова с последующей высылкой провалилась.

Чего же теперь хотели наши противники?

В те годы преобладающей реакцией руководства на вербовочные предложения нашим разведчикам за рубежом была еще политика поспешных отзывов оперработников в Союз, даже по самому факту подхода, «во избежание возможных дальнейших провокаций противника». Противник, зная об этом, осуществлял вербовочные подходы, имея практически беспроигрышный вариант – или получение согласия на сотрудничество, или отзыв разведчика. В любом случае налицо нанесение ущерба нашей службе. Потому ЦРУ активно использовало этот метод.

Постепенно, как раз в конце 1960-х – начале 1970-х годов, стала побеждать другая позиция – трезвая оценка конкретной ситуации, выбор и принятие альтернативных решений. Безусловно, это повысило психологическую защищенность сотрудников резидентур КГБ против вербовочных акций противоположной стороны, зачастую направленных скорее на их дискредитацию и отзыв, чем на привлечение к сотрудничеству. Однако позднее, когда оппоненты почувствовали изменение нашей позиции, они, до конца не отказавшись от старого метода, разработали новую тактику – использование естественных или создание искусственных ситуаций для массового выдворения сотрудников советских официальных учреждений с целью парализации действовавших под их прикрытием резидентур КГБ. Но в те дни это было еще отдаленной перспективой в нашем противоборстве с ЦРУ и другими иностранными спецслужбами.

Продолжая размышлять над целями акции против Павла, я пришел к двум выводам.

1. С учетом приближающегося окончания командировки Яцкова ЦРУ организовало подход к нему, но, не надеясь на вербовку и не сомневаясь, что он доложит обо всем, пытается добиться дискредитации Павла, возможного досрочного отзыва из Мексики и создания затруднений по его замене. Ведь после подхода его должность прикрытия автоматически превращается в расшифрованную, и, следовательно, придется подбирать для замены уже не только оперработника, но и новую должность для него, что потребует времени. Таким образом, на какой-то срок будет ослаблена работа резидентуры по линии контрразведки, то есть на участке обеспечения безопасности советских учреждений и граждан и разведывательной деятельности самой резидентуры.

2. Нельзя исключать, что действия против Павла – это только элемент более широкой операции. Известие о попытке вербовки такого «железного» (так в вербовочном письме) оперработника и его возможный досрочный отъезд, по мнению противника, создадут в резидентуре нервозную обстановку, вызовут у сотрудников психологический стресс. В этом случае сложится благоприятная ситуация для проведения основного мероприятия – подхода к кому-то из наших разведчиков, на кого противник, возможно, располагает материалами, дающими ему основание использовать их для давления и рассчитывать на положительный исход…

Как я и предполагал, в картотеке не оказалось сведений на вербовщиков Павла. Собственно, другого трудно было ожидать. Ведь речь шла о действиях спецслужбы,

которая серьезно относится к зашифровке и безопасности своих работников.

Текст набросанной мной шифротелеграммы резиденту в Мехико получился предельно кратким. В ней говорилось, что действия резидентуры по локализации провокации ЦРУ правильны.

Контакты Павла с агентурой рекомендовалось временно прекратить и внимательно следить за складывающейся вокруг него обстановкой. Высказывалась просьба прислать почтой подробный отчет о планировавшейся встрече с американцем и о характере отношений с Псом в течение последних двух лет. Сообщалось, что по учетам Центра один из вербовщиков не проходит, а второго без дополнительных данных проверить нельзя.

Должен заметить, что ни в те дни, ни при обсуждении этой операции в последующем даже не возникало мысли, что в основе переманивания Павла могло лежать стремление ЦРУ заполучить подробности о визитах Освальда в наше и кубинское посольства в сентябре 1963 года. Хотя именно интерес Пса к обстоятельствам этих посещений и содержанию бесед утвердил нас во мнении, что его отношения с нами развиваются под контролем американской разведки.

Заместитель начальника Службы № 2, которому я докладывал проект телеграммы, подписал ее, не внеся никаких поправок. Затем, выслушав мои аналитические выкладки по поводу возникшей ситуации и задав по ходу два-три уточняющих вопроса, сказал:

– У Павла Антоновича осенью истекают четыре года. Если обстановка вокруг него будет нормальной, пусть дорабатывает. Дергать раньше времени не станем. Ну а вы составляйте план подготовки, поедете его менять. Собственно, готовиться вам нечего, работайте на направлении, а план просто нужен для утверждения, чтобы начать оформление в командировку. С руководством главка вопрос согласован. Если у вас вопросов нет, действуйте.

Забрав подписанную телеграмму, чтобы передать в шифровальную службу для отправки, я вышел из кабинета уже в новом качестве. В голове промелькнула мысль, что Рыба, превратившись в Пса, заодно превратила и меня в кандидата на новую миссию в Мексику. Не проведи люди ЦРУ этой операции, возможно, вновь я встретился бы с ними совсем в другой стране.

Недели через три диппочтой из Мехико поступили материалы по апрельской «вербовочной поклевке»: подлинник письма ЦРУ с вербовочным предложением, вложенный в обычный конверт. И подробный отчет об обстоятельствах встречи с американскими вербовщиками. Знакомство с документами я начал с чтения письма:

«Уважаемый П. П.!

Как Джон уже рассказал вам, я хотел бы встретиться с вами, чтобы обсудить серьезное деловое предложение. Думаю, что оно заинтересует вас.

Надеюсь, что вы не почувствуйте себя оскорбленным тем, что я обращаюсь к вам таким путем. Не думайте, что это неряшливый подход, основанный на ошибочной оценке положения. Наоборот, именно потому, что у нас есть полное основание уважать вас как весьма сильного и способного противника, я и имею полномочия сделать вам уникальное предложение.

Мне известно, что вы опытный оперативный работник и не нуждаетесь в посторонних советах, как себя вести. Хочу уверить вас, что вам нечего бояться от личной встречи со мной. Во-первых, у меня нет никаких материалов или других поводов к шантажу, угрозам и т. п. Никаких. В любом случае это было бы бесполезно. Во-вторых, и более важно,

никто в Мексике не знает о том, что я обращаюсь к вам, за исключением Джона, моего коллеги (который и приехал со мной) и самого меня. Наша резидентура в Мексике считает, что вы железный человек, к которому любой подход был бы безнадежен. Насчет этой операции не было ни шифровок, ни переписки, ни разговоров – ничего. Все чисто.

Что касается самого предложения, напишу только кратко. Если дело интересует вас, нам нужно все переговорить подробно. Предлагаю вам перейти к нам в буквальном смысле слова. Если вы согласны, но сами предпочитаете остаться до истечения вашего срока в Мексике, я не возражаю, но я не прошу и не хочу, чтобы вы вернулись в Союз. Не прошу от вас никаких рисков, а просто чтобы вы пришли к нам с теми знаниями, которыми вы уже обладаете, и чтобы вы полностью и добросовестно поделились вашими знаниями с нами. С нашей стороны я полномочен предложить вам 500 000 (полмиллиона) долларов и право жительства в США (или где вы предпочитаете). Словом – средства, позволяющие вам жить как вам хочется, и свободу – в полном смысле слова – распоряжаться этими средствами.

Не знаю, как вы решите, но надеюсь, что вы обдумаете мое предложение и что вы не побоитесь обсудить дело со мной до принятия окончательного решения.

Я».

Письмо мне понравилось, Подтвердилось, что выдержано оно в уважительном, «мягком» тоне. Явно над ним работали не один день и не один человек. Можно было предположить, что вначале его составили на английском языке, а затем перевели на русский. Чувствовалось также, что переводчик хорошо владеет русским языком, но он для него не родной. Об этом свидетельствовали некоторые речевые обороты, орфографические и грамматические ошибки, характерные для иностранца, знающего русский, но не для русского, даже не очень образованного. Что меня разочаровало в письме (за кого нас принимают?), так это попытка авторов убедить адресата, сотрудника разведки, к тому же профессионального контрразведчика, в том, что «никто в Мексике не знает… что я обращаюсь к вам, за исключением Джона» (наши догадки оправдались: Джон, он же Пес, оказался связанным с мексиканской резидентурой ЦРУ). И далее: «Насчет этой операции не было ни шифровок, ни переписки, ни разговоров – ничего. Все чисто». Это уж совсем нонсенс. Любая разведка мира всегда, я подчеркиваю – всегда, убеждает объект вербовки, что приняты все меры безопасности, чтобы сохранить в тайне факт его будущего или уже осуществляемого сотрудничества, что «круг лиц, кому об этом известно, весьма ограничен» или, как вариант, «сведен до минимума» (каков сей «круг» или «минимум», обычно не комментируется и остается на совести спецслужбы). Такие заявления – канон вербовочной работы. Но говорить так, как сказано в письме, да еще при обращении к «опытному оперативному работнику», предлагая ему прийти и «добросовестно поделиться знаниями», – по меньшей мере, несерьезно.

Если представить технологическую цепочку подготовки и проведения операции, а она практически одинакова во всех спецслужбах, то можно прикинуть, сколько человек как минимум обязаны знать о ней. В резидентуре американской разведки не менее четырех-пяти сотрудников: резидент, его заместитель по оперативной работе, руководитель группы «советского блока», оперработник, ведущий дело (то есть разработку Павла), кто-то из шифровальщиков. В штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли: куратор мексиканской резидентуры, его руководство в отделе Западного полушария, определенный круг людей в Советском отделе, руководители директората по планированию и высшее звено ЦРУ (кто-

то должен был санкционировать 500 000 долларов и право жительства в США), представители службы контрразведки, возможно, консультант-психолог. Так что, по самым скромным подсчетам, получалось не менее 20 человек, включая непосредственных участников «подхода». Подсчеты эти основаны на знании закономерностей построения и работы бюрократической системы спецслужб как институтов государственной власти – будь то КГБ, ЦРУ, ФБР или любая аналогичная организация. Ведь природа бюрократии универсальна как при социализме, так и при капитализме…

Лишь спустя восемь лет мы смогли заглянуть за кулисы операции против Павла, прочтя книгу «Дневник сотрудника ЦРУ» (Agee Ph. Inside the Company: CIA Diary. N.Y., 1975). Ее автор, бывший работник отдела Западного полушария ЦРУ Филипп Эйджи, был куратором мексиканской резидентуры в 1967 году, а позднее ее сотрудником под прикрытием олимпийского атташе. В перечне операций, проводившихся против нас в Мексике, есть описание и ее подготовки. Вот что там сказано: «Лиовал-1 – не очень интересное, но более важное дело. Агент – один американец, который преподает английский язык в Мехико и является заядлым рыбаком. На рыбалке он познакомился с Павлом Яцковым, советским консулом и установленным старшим офицером КГБ, возможно, резидентом в Мехико (шефом КГБ). Яцков и агент проводят один или два уик-энда в месяц на рыбалке в горах, и между ними сложились дружеские отношения. Когда Яцков будет возвращаться в Москву – он находится в Мексике уже несколько лет, – мы решили, не попытаться ли переманить его с помощью Лиовала-1. Речь идет о предложении ему 500 000 долларов за переход на нашу сторону. «Компания» намерена также устроить его под созданную крышу в качестве владельца доходной рыболовной гостиницы в Канаде. Недавно Петр Дерябин, хорошо известный перебежчик КГБ 50-х годов, теперь гражданин США и сотрудник ЦРУ, приезжал в Мексику, чтобы изучить объемистые сообщения о Яцкове, написанные Лиовалом-1.

Он пришел к заключению, что имеется большая вероятность того, что Лиовал-1 завербован Яцковым, и доложил об этом Полу Диллону, сотруднику резидентуры, ведущему дело. Тем не менее операция продолжается, а ее контрразведывательные аспекты анализируются».

Так мы узнали американскую кличку Пса. Таким образом, хоть и задним числом, наши сомнения в отношении его рассеялись, а подозрения подтвердились – все-таки он оказался связанным с ЦРУ.

Да и по поводу заверений автора письма все стало ясно. «Никто в Мексике не знает… Не было ни шифровок, ни переписки, ни разговоров – ничего. Все чисто». Как говорится, все шито-крыто. А на поверку вышло шито, но не очень крыто.

В книге Эйджи нет описания кульминационного этапа операции с участием Лиовала-1. Поэтому подробности послушаем из уст ее главного героя и участника, ради которого она и затевалась.

Рассказ Павла Антоновича Яцкова: «На одной из встреч в начале или середине апреля 1967 года Джон сказал мне, что от кого-то из своих знакомых узнал об очень интересном месте, расположенном на Тихоокеанском побережье южнее города Акапулько. Затем стал взахлеб расхваливать это место и описывать, какая там замечательная морская рыбалка и подводная охота, и предложил съездить туда на несколько дней.

К тому времени за три с лишним года нашего знакомства у нас сложились с ним хорошие дружеские отношения. Вместе мы облазили все известные и открыли немало новых рыбацких мест на разном удалении от Мехико. Причем в большинстве случаев

«первооткрывателем» и инициатором поездок в неизвестные уголки был Джон. Вообще, он старался подчеркнуть всегда, я бы даже сказал, демонстрировал, свою давнюю увлеченность рыбалкой, хотя, по моим наблюдениям, его рыбацкое снаряжение и экипировка свидетельствовали о том, что занимается Джон этим сравнительно недавно. Кроме того, ведь «рыбак рыбака видит издалека». Рыболова-профи можно отличить по характерным признакам обращения со снастью, приемам ловли, выбору приманок в зависимости от места и погоды. Всего этого у Джона я не замечал. Однако подобные наблюдения не отражались на моем добром расположении к нему, хотя я был уверен, что он является осведомителем американских спецслужб.

С некоторых пор меня в характере Джона стало смущать другое. На своем веку – и на фронте, и в оперативной деятельности, и в охотничьих и рыбацких похождениях – мне не раз приходилось попадать в острые, даже чрезвычайные ситуации, и я хорошо знаю цену надежности тех, кто в это время находится рядом с тобой. Иногда она может равняться цене жизни. Поэтому прежде всего я делю людей на две категории – смелых и трусливых, а потом уже оцениваю по другим критериям. Так научила меня жизнь и во многом моя профессия.

Как-то Джон в очередной раз прознал об одном горном озере в окрестностях Куэрнаваки, в котором, по его словам, водилась форель. Вскоре мы отправились на поиски. Кое-как добрались на машине до предгорного селения, где дорога обрывалась. Там оставили машину, расспросили местных жителей об озере. В проводники к нам напросился местный подросток, якобы хорошо знавший дорогу туда.

Довольно долго, под палящим солнцем, мы пробирались вверх по горным тропкам. Наконец вышли к небольшому озерцу. Перекусили, наладили снасти и приступили к ловле. Незаметно приблизились сумерки, и, как бывает в этих широтах, стало быстро темнеть. Сразу, как зашло солнце, резко похолодало – сказывалась высота. Торопливо собравшись, я, Джон и проводник двинулись в обратный путь.

В наступившей полной темноте мы ориентировались на огоньки в долине и продвигались почти на ощупь. Мальчишка, который днем резво вел нас наверх, теперь плелся в хвосте. Потом он вообще куда-то пропал. Пришлось остановиться и кликать его, но безрезультатно. Холод давал себя знать, и мы основательно продрогли в нашей легкой одежде. Подождав некоторое время, решили спускаться дальше, чтобы в крайнем случае вернуться на поиски с подмогой и со светом – фонарями или факелами.

Когда мы добрались до селения и подошли к машине, около нее уже толпился народ. Увидев только нас, люди стали спрашивать, где парнишка. Им объяснили, что самый сложный участок дороги он прошел с нами, а потом отстал и не откликался, тогда мы решили идти за помощью в деревню. Голоса собравшихся зазвучали возбужденно, кто-то громко высказал предположение, что «эти грингос», наверное, убили Панчито. Джон пытался что-то объяснять, голос его дрожал. Я же прикидывал, как прорваться к машине. Мы стояли, окруженные плотным кольцом разгневанных людей, часть которых пребывала явно в подпитии, и достаточно было малейшей искры, чтобы началась расправа, после которой едва ли кто из нас двоих смог бы вновь ездить на горные озера. Вдруг в толпе крикнули, что Панчито появился, народ неохотно расступился, и мы мигом очутились в автомашине. Джон еще длительное время не мог прийти в себя, уже на значительном расстоянии от деревни он все высказывал опасения, что за нами устроят погоню со стрельбой.

В другой раз во время одной из наших «экспедиций» он очень растерялся и испугался,

когда ночью на лесной дороге у нас отказал в машине бензонасос и мы полночи, подливая бензин прямо в карбюратор, как черепахи ползли до первого жилья.

Короче, после этих историй я понял, что Джон трусоват и полагаться на него в тяжелой обстановке нельзя. Тем не менее его предложение поехать в Пуэрто-Эскондидо – так, кажется, называлось облюбованное им местечко – выглядело заманчивым. Соблазн был рассчитан на мою рыбацкую жилку. В этот раз Джон вполне грамотно выбрал приманку. Я доложил резиденту и договорился, что использую для поездки предстоящие первомайские праздничные дни.

Выехали ночью на автомашине Джона типа «лендровера». Путь предстоял немалый, более полутысячи километров, причем большей частью по горным дорогам. Чтобы сильно не утомляться, мы периодически меняли друг друга за рулем. Ехал я в приподнятом настроении в ожидании предстоящей интересной рыбалки и отдыха на берегу океана от столичной суеты и смога, от повседневных консульских и шпионских забот. Кроме рыбацких, о чем мечтает каждый рыболов перед ловлей, других сюрпризов, честно говоря, я не ожидал и не предполагал, что сюрприз едет со мной, в кармане моего спутника, «заядлого рыболова», «друга» по рыбалке и, как вскоре выяснилось, агента американской разведки. Джон оживленно поддерживал разговор, держался без напряжения, и мы как-то незаметно скоротали ночь. В Пуэрто-Эскондидо приехали уже днем, а затем добрались до совсем небольшого селения.

Остановились в маленькой гостинице, сняли два одноместных номера, быстренько распаковали вещи, наспех перекусили и, не откладывая, поспешили на берег океана. Арендовав лодку, отплыли на некоторое расстояние от берега и сделали первые забросы. Результат не заставил себя ждать. С глубины метров в сорок мы стали беспрерывно вытаскивать килограммовых рыбин, у которых от перепада давления из пасти вылезал пузырь. Рыбалка действительно была отменной. Но через некоторое время стала сказываться бессонная ночь и усталость от долгой дороги. Несмотря на легкий океанский бриз, мы разомлели под тропическим солнцем, нас потянуло в сон. Поэтому решили прекратить «избиение младенцев» по килограмму и более весом и вернуться на берег. Почти весь улов оставили лодочникам, захватив только пару-тройку штук, чтобы отдать в ресторанчик при отеле и попросить приготовить нам на ужин. За ужином обсудили и наметили на завтра плотную программу, включающую не только надводную ловлю, но и ныряние в масках и ластах. Затем разошлись по номерам, пожелав друг другу спокойной ночи. Едва прикоснувшись к подушке, я заснул как убитый.

На следующее утро раздался стук в дверь, а затем в нее как-то неуверенно протиснулся Джон. Он был явно смущен и взволнован. Поздоровавшись, прямо от двери – комнатка позволяла это сделать – протянул мне почтовый конверт и, не произнеся больше ни слова, вышел из номера. Я с удивлением повертел в руках конверт, на котором по-русски был напечатан машинописный текст. По обращению в начале текста стало ясно, что послание адресовано мне. Пробежал содержание один раз, затем перечитал еще и еще. Сомнений не могло возникнуть – я держал в руках прямое вербовочное предложение американской разведки. Я бы солгал, если бы сказал, что для меня это не было неожиданностью. Признаюсь, такой оборот дела меня ошарашил.

За переход на сторону противника мне предлагали полмиллиона долларов, право жительства в США и просили «захватить» знания, которыми я располагаю, и «полностью и добросовестно поделиться» ими с нашим главным противником. Мою голову оценили по тем временам неплохо. Суммы, называемые при других вербовочных подходах к

нашим разведчикам, были значительно ниже. Что ж, есть чем гордиться. Таковы первые мысли, которые пронеслись в голове. Их ход прервался нарастающей злостью по отношению к «другу». Значит, как и подозревали, он являлся Псом с самого начала. Соблазняя превосходной рыбалкой, заманивал меня в ловушку – вытаскивал в отдаленное место, лишал возможности в трудной ситуации связаться со своими, создавал благоприятную обстановку для сценаристов вербовочного подхода. Но раз подозревали, нужно было при каждой новой «экспедиции» исходить из того, что Пес рано или поздно подбросит подлянку. Так что пенять надо только на себя.

Из привычного состояния «ловца душ» я попал в положение зверя, обложенного неизвестным числом охотников, причем далеко от родного спасительного логова. Необходимо было погасить раздраженность, взвесить и оценить обстановку.

Писаные и неписаные инструкции определяли линию поведения на случай вербовочных подходов к нашим разведчикам примерно так: занимать твердую позицию, в продолжительные разговоры не вступать, категорически отрицать принадлежность к КГБ, заявлять решительный протест по поводу провокации. Если предложение о сотрудничестве делалось при захвате с поличным, например при получении материалов от подставы или агента, то настоятельно рекомендовалось дополнительно не подписывать никаких протоколов или других бумаг и требовать немедленной связи с официальными советскими представителями. Конечно, в жизни не всегда происходило все полностью так, как расписано в инструкциях. Но в отчетах в Центр все выглядело тип-топ, начальство в Москве оставалось довольно, а умный и смелый резидент, правильно оценивший обстановку, взяв на себя ответственность и прикрыв оперработника, сохранял для резидентуры активную боевую единицу. К счастью, к моменту описываемых событий в Центре шел пересмотр действий разведчиков во время вербовочных подходов. Уже рекомендовалось не уходить от разговора, постараться получить максимум информации о том, какими сведениями о разведчике располагает противная сторона, что взято за основу вербовки, выяснить по возможности установочные данные на вербовщиков. Оперработнику разрешалось делать, в зависимости от ситуации, встречное предложение вербовщикам о сотрудничестве с советской разведкой.

Положение, в котором я оказался, было непростым: большая удаленность и полная изолированность от посольства – ни связи, ни собственного транспорта. Еще накануне, когда мы приехали, я узнал, что позвонить отсюда в столицу нельзя. Очевидно, разработчики операции уделяли серьезное внимание этому, подбирая «поле боя» для сражения. Было неясно, какие силы и где сосредоточил противник и кто противостоит мне, кроме трусливого Пса. Конечно, все это замышлялось, чтобы подавить меня психологически еще до встречи и беседы с вербовщиками. Поэтому следовало ожидать, что, несмотря на «изысканность» выражений во врученном письме с целью размягчить меня, американские «коллеги» преподнесут какой-то другой контрастный сюрприз из своего арсенала, который, как мне было хорошо известно, весьма богат и разнообразен.

Прикинув все это, я подумал: в таких условиях главное для меня – не дать противоположной стороне считать, что я шокирован, растерян, не уверен в своих силах. Поэтому решил не отсиживаться в номере, а пойти в примыкавший к гостинице ресторанчик, чтобы позавтракать и осмотреться. Ну а дальше поступать в зависимости от окружающей обстановки и возможных действий «рыбаков». Ведь теперь я сам превратился в «рыбку», хотя, наверное, моя кличка в ЦРУ была совершенно другой.

По старой, еще армейской привычке при выезде на природу я обычно брал с собой

какое-либо оружие, ну а нож – непременно. В этот раз захватил небольшой револьвер 22-го калибра и, естественно, как любой рыбак, имел хороший рабочий нож. Когда открыл сумку, стоявшую у изголовья кровати, то обнаружил, что барабан револьвера, который я заполнил перед отъездом, пуст. *censored*н сын «дружок» исхитрился опустошить его. Пришлось подпоясаться ремнем, на котором в ножнах покоился кучильо – кинжал внушительных размеров. В таком виде и отправился на завтрак.

Ресторанчик, расположенный поблизости, был также невелик, как и наш «отель»: всего несколько столиков на веранде под навесом. За одним из них я увидел Пса в компании двух незнакомых мне мужчин, судя по всему американцев. В стороне сидели еще двое посетителей, явно не из местных. Когда я вступил под навес, люди из компании Пса повернулись ко мне.

– Добрый день, присаживайтесь, Павел Антонович, – произнес один из сидевших по-русски с небольшим акцентом и отодвинул свободный стул. Я принял приглашение и сел к столу. Говоривший был среднего роста, нормального телосложения, с бледным круглым лицом, с редкими светлыми волосами. Характерной приметой являлись искривленные передние зубы нижней челюсти. Второй – высокого роста, наверное не меньше метра восьмидесяти пяти, атлетического телосложения, смуглый, с правильными чертами лица. Я начал разговор с вопроса, с кем имею дело. Блондин, очевидно шеф команды, оживился и торопливо ответил:

– Меня зовут Ник Бенц, я из ЦРУ. А это мой коллега Джон Келли, – он указал на высокого американца, тот согласно кивнул головой. – Мы специально прибыли из Вашингтона для встречи с вами…

Тогда я прервал его и заметил:

– Если вы автор письма, то, значит, плохо меня знаете, раз решились делать такие гнусные предложения.

– Да, письмо писал я, но не вижу ничего оскорбительного для вас, – возразил шеф и заявил: – Я уполномочен провести переговоры по изложенным в письме вопросам и предлагаю вам начать деловой разговор.

– Боюсь, что, судя по содержанию письма, мне не о чем вести переговоры, – довольно резко произнес я.

– Не удивлен вашим ответом, Павел Антонович. Но знаете ли вы, что такую крупную сумму ЦРУ никому еще не предлагало? Перед вами откроются большие возможности распорядиться такими деньгами как вам захочется. Кроме того, разве вы не хотели бы владеть уютным охотничьим домиком на каком-то уединенном живописном озере в США или, например, в Канаде? Такая возможность вам тоже могла бы быть предоставлена при вашем согласии.

Ник Бенц явно приступил к реализации плана вербовочной беседы, составленного в штаб-квартире или в резидентуре ЦРУ. Первое напряжение у меня как-то спало, я позволил себе улыбнуться, хотя, вероятно, моим собеседникам (думаю, не менее напряженным) она могла показаться кислой и не очень располагающей к общению.

– Но для меня все это не предмет торговли, так что переговоры, господин Бенц, не состоятся.

Неожиданно после моих слов шеф, то ли в соответствии с планом, то ли импровизируя, спросил:

– А как вы относитесь к поступку Светланы Аллилуевой, ее решению остаться на Западе?

– Об этой… которая бросила своих детей, я вообще не желаю разговаривать.

Затем, опережая очередной вопрос или выступление шефа, я в свою очередь обратился к нему:

– Вы знаете, я был лучшего мнения об американских «коллегах», которые должны понимать, что такие серьезные вещи, как вербовка, обсуждаются тет-а-тет, а не в присутствии целой оравы свидетелей. Вы что, боитесь остаться со мной наедине? Вот если бы мы были одни, разговор шел бы иначе.

Теперь шеф жестом остановил мою тираду и, повернувшись к своей команде, что-то сказал по-английски. Я понял, что он просит их оставить нас вдвоем. Тогда я возобновил свою речь:

– Сейчас зря вы хотите отослать своих людей. Как вы смотрите на мое предложение вам работать на советскую разведку? Может быть, готовы? Вознаграждение будет не меньшим, чем обещано мне.

Не исключено, что я ошибаюсь, но по реакции шефа мне показалось, что такой ход с моей стороны не был предусмотрен планом беседы. Вначале он напрягся, как бы что-то соображая, выдержал небольшую паузу, после чего, четко фиксируя каждое слово, произнес:

– Такое предложение бесперспективно. Ну а вас я прошу еще подумать над моим предложением.

Встав со стула, я ответил, что при следующей встрече надеюсь получить от него согласие на сотрудничество, и направился с веранды.

Шеф не удержался, и вслед я услышал:

– Почему вы не стали вербовать Джона?

Видно, этот вопрос весьма интересовал оппонентов. Обернувшись, я громко с усмешкой сказал:

– А на кой хрен нам такое дерьмо? Ты-то зачем привел его сюда?

Больше не оглядываясь, я пошел ко входу в гостиницу. Там поинтересовался, откуда можно позвонить в Мехико. Оказалось, что ближайший такой телефон расположен за несколько километров от того богом забытого местечка. Выдерживая свою линию поведения, я забрал ласты и маску и как ни в чем не бывало пошел к океану.

Половив и поныряв пару часов, вернулся в гостиницу и встретил Пса. Он выглядел совсем не таким бодрым, каким был по дороге сюда. Не дав ему заговорить, я обозвал его иудой и присовокупил еще несколько крепких выражений по-испански и по-русски. Пес с виноватым видом стал извиняться и оправдываться, объясняя, что его заставили так поступить. Он рассказал, что около месяца назад к нему приходил некий Джон Келли с рекомендательным письмом от его брата. Представился сотрудником ЦРУ и поинтересовался отношениями со мной. Предложил создать ситуацию, чтобы они могли со мной встретиться и поговорить. Причем Келли якобы предупредил, что в случае разглашения этого разговора Пса ожидают крупные неприятности. Затем напомнил о необходимости выполнения патриотического долга и оказания помощи американскому правительству. Келли, по словам Пса, сообщил ему, что я сотрудник КГБ и что беседа со мной будет иметь обоюдный интерес. Далее, демонстрируя «откровенность», Пес сказал, что перед встречей вербовщики чувствовали себя неуверенно, несколько раз спрашивали, нет ли у меня оружия. «Так вот, голубчик, почему ты меня обезоружил», – подумал я, но промолчал.

(А как же псевдоним Лиовал-1? А как же объемистые сообщения о Яцкове, написанные

Лиовалом-1? Все это появилось меньше чем за месяц? Несомненно, Пес выдавал подготовленную ему отходную легенду, чтобы прикрыть свое агентурное сотрудничество с американской разведкой. – О.Н.)

– Давай собирайся и выноси вещи. Будем возвращаться. Встретимся у машины, – бросил я ему.

– Пабло, плюнь ты, ну что случилось? Давай останемся, такая рыбалка, еще поплаваем, поныряем, – стал уговаривать он.

– Да, ты приготовил отличную «рыбалку». Давай быстро! – выразительно посмотрев на него, я зашагал в номер.

Пес не заставил себя долго ждать. Погрузив вещи, я отобрал у него ключи от машины и сел за руль. Его отправил на заднее сиденье, где мог наблюдать за ним в зеркало. Вскоре мы покинули ставший столь памятным для меня этот уютный уголок Тихоокеанского побережья Мексики.

Обратно ехали почти всю ночь. Машину вел только я, Пес большую часть пути спал или делал вид, что спит, устроившись на заднем сиденье. Видно, бедняга здорово переволновался и был рад возможности расслабиться и отдохнуть. За всю обратную дорогу мы не обмолвились ни единым словом. В целом все прошло нормально, если не считать нескольких неприятных для меня мгновений, когда на одном из поворотов на большой скорости на нашу сторону вылетел междугородный автобус и мне чудом удалось вывернуть в кювет. Слава богу, он оказался неглубоким, и мы выбрались из него без посторонней помощи. Когда в Мехико подъехали к моему дому, я молча выгрузился и пошел не прощаясь. Пес пытался договориться о продолжении «дружбы», но в ответ услышал несколько крепких «пожеланий».

В тот же день я подробно доложил резиденту о состоявшейся «рыбалке» и о роли в ней Пса. Чтобы не показать противнику, что мы как-то нервозно реагируем на имевшую место попытку вербовки, решили выждать и послать сообщение в Центр несколько дней спустя. Были праздничные дни, посольство не работало, поэтому срочная шифровка в Москву по телетайпному каналу, контролируемому противником, могла дать ему основание считать, что это информация резидентуры о вербовочном подходе. Конечно, до получения ответа из Центра я пребывал в состоянии напряженного ожидания. Но присланная ответная шифровка была выдержана в спокойных тонах, и у меня отлегло от сердца».

Так завершилась одна из «дуэлей» между ЦРУ и КГБ горячего периода холодной войны. Та сторона заранее готовилась к ней по тщательно разработанному сценарию, с привлечением немалых сил. Для нас это был практически экспромт. Кто же выиграл «дуэль»?

Я не читал проекта операции «Лиовал-1» и выше изложил только собственные прошлые умозаключения о ее возможных целях. Не пришлось ознакомиться и с отчетом американских исполнителей и их руководства по ее реализации. Поэтому могу судить однобоко, только глядя из нашего окопа. Вербовка, предательство (то есть переход на сторону противника) или досрочный отзыв Павла из страны не состоялись. После непродолжительного перерыва он возобновил оперативную деятельность, работу с агентурой и объектами разработки. После известия о подходе ритм функционирования резидентуры не был нарушен, внутренняя атмосфера оставалась спокойной. Когда резидент на специальном совещании оперсостава сообщил об обстоятельствах провокации, коллеги по резидентуре стали доброжелательно подшучивать над Павлом по поводу его «удачной рыбалки».

Сам он без проблем проработал в Мексике еще семь месяцев, до конца ноября 1967 года, когда я сменил его. Правда, была сделана рокировка должностей прикрытия: я вернулся в Мексику на пост второго секретаря посольства и лишь позже занял место Яцкова – заведующего консульским отделом.

В Москве Павла встретили нормально. После возвращения ему пришлось некоторое время работать в Центре, потом были Италия, Куба, Никарагуа, Мозамбик. Это свидетельство того, что последствия «дуэли» ограничились для него психологической встряской, он не получил «смертельной раны» и остался в рядах активных бойцов «плаща и кинжала».

Как-то, работая над книгой, я спросил Павла, не испытывает ли он неприязни или злости к Джону (он же Рыба, он же Пес, он же Лиовал-1). Павел добродушно усмехнулся и махнул рукой:

– Какая там неприязнь. Четверть века прошло. Тогда мы воевали. Как агент он сработал неплохо. «Подружился», приучил к поездкам, а потом грамотно втянул в вербовочную ситуацию. Пожалуй, и роль свою выполнил более умело, чем его кураторы свою. Кроме того, это слабый человек, которого действительно можно запугать или соблазнить материально. Бог с ним…

– Как ты думаешь, стоит или нет приводить в книге его полное имя?

– Да зачем? Мы же не знаем, почему он стал агентом наших противников. А теперь уж небось тоже дедушка, как и мы с тобой… придется внукам объяснять… Вот, может, прочитает твою книгу и объявится, тогда соберемся и опять вместе махнем на рыбалку. Ох, недавно и классное место я нашел!..

Мы не знаем не только почему Джон стал агентом ЦРУ, но и как сложилась его судьба и что стало с ним после расшифровки перед нами. Наверное, это было заложено в его контракте о сотрудничестве.

Зимой 1993 года у меня дома побывал Энтони Саммерс, видный журналист и писатель, автор широко известной на Западе книги «Заговор», посвященной проблеме покушения на президента Кеннеди. Понятно, что главной темой нашего разговора были события в Далласе в 1963 году. Энтони показал мне несколько документов американских спецслужб, полученных им по Закону о свободе информации. Часть их них касалась деятельности нашего посольства в Мексике и его сотрудников, включая работников резидентуры КГБ, и была связана с сентябрьским визитом к нам Освальда.

Один из документов вызвал у меня особый интерес, и с разрешения Энтони я тут же скопировал его и предлагаю читателю в собственном переводе на русский.

«Центральное разведывательное управление

Комиссия: № 1216 2 июля 1964 г.

МЕМОРАНДУМ ДЛЯ: Дж. Ли Рэнкина, генерального юрисконсульта президентской Комиссии по расследованию убийства президента Кеннеди.

ПРОБЛЕМА: Ли Харви Освальд.

1. Следующие высказывания относительно субъекта меморандума были сделаны недавно советским консулом в Мексико-Сити Павлом Антоновичем Яцковым:

«Я встретился с Освальдом здесь. Он влетел в мой кабинет и хотел, чтобы я представил и рекомендовал его кубинцам. Он сказал, что жил в СССР. Я заявил ему, что должен проверить, прежде чем смогу рекомендовать его. Он был очень взвинчен, и руки у него дрожали, он стремительно покинул кабинет. Я не верю, что такой нервный человек, как

Освальд, чьи руки дрожали, мог точно выстрелить из винтовки».

2… (здесь пропуск. – О.Н.) проверила свои материалы за период, когда Освальд находился в Мексико-Сити, и предполагает вполне возможным, что Освальд думал, что беседовал с Валерием Костиковым, когда в действительности разговаривал с Яцковым. Или что он вначале говорил с Костиковым, который представил его своему начальнику Яцкову.

3. Источником вышеизложенной информации является доверительный контакт… (здесь пропуск. – О.Н.), который считается надежным. Ввиду этого соответствующий ограничительный гриф присвоен этому меморандуму».

Содержание документа ЦРУ в сопоставлении с датами его подготовки и периодом «дружбы» Павла с Псом дали основание предположить, что именно последний и являлся «источником информации» и «доверительным контактом, который считается надежным». Когда Павел тоже увидел этот документ, он согласился с моим выводом и предложил пропуск в параграфе 3 заполнить псевдонимом Лиовал-1.

КАК ПЕКУТ ЗАГОВОРЩИКОВ

В конце 1970-х годов я занимал должность заместителя начальника Информационно-аналитического отдела внешней контрразведки Первого главного управления, которая официально именовалась Управлением «К», а в переписке с резидентурами – линией «КР». Характер функциональных обязанностей отдела понятен из самого названия. К нам стекалась контрразведывательная информация из всех зарубежных резидентур КГБ, и мы готовили из этих «продуктов» различные «блюда». Одно из направлений работы – подготовка и выпуск информационных сводок и аналитических бюллетеней по вопросам оперативной обстановки в мире, отдельных регионах и странах, о подрывной деятельности спецслужб противника против советских учреждений и граждан, о различных ЧП в советских колониях за рубежом и т. д. Их периодичность была различной – от ежедневных до ежеквартальных. Прогноз ожидаемых тенденций в развитии оперативной обстановки на наступающий год мы готовили в конце предыдущего. Адресаты сводок тоже были различны – от председателя КГБ и членов его коллегии до начальников направлений в отделах Первого главного управления. Подобные материалы позволяли руководителям разных уровней лучше ориентироваться в оперативной обстановке за рубежом и учитывать ее изменения при организации разведывательной работы своих подразделений, что повышало безопасность их деятельности.

В один из дней мне принесли средних размеров пакет из плотной желтой бумаги, заклеенный скотчем. На лицевой стороне черным фломастером было написано: «Нечипоренко О.М. (лично)».

В конце рабочего дня, покончив с делами, я вскрыл пакет и извлек оттуда записку моего приятеля и книжку на английском языке карманного формата в обычной обложке. В записке было сказано: «Олег! Ту книгу, которую ты просил, мы пока что не нашли. Высылаю тебе эту книгу, надеюсь, подойдет для твоей библиотеки. С приветом, Алексей».

Я взял книгу. На обложке значились ничего не говорившие мне фамилии двух авторов и название: «Л.Б. Дж. и заговор против Дж. Ф.К.». На титульном листе была помещена

краткая аннотация в форме подзаголовка: «Документальный отчет о предварительной информированности вице-президента о «Свидании в Далласе» – убийстве Кеннеди».

Сразу за титульным листом следовало еще более многообещающее вступление: «Сенсационное обнародование Хью Макдональдом, автором бестселлера «Свидание в Далласе», новых разоблачительных фактов об убийстве президента Джона Ф. Кеннеди».

Заинтригованный, я стал листать книгу дальше.

«…Хрущев засмеялся:

– Владимир, ты ловкий человек. Я согласен, что информация делает господина Джонсона нашим человеком.

Глаза Краснова уставились на премьера:

– Ты разочаровываешь меня, Никита. В твоих действиях сквозит такое личное удовлетворение. Ты столкнулся с президентом Кеннеди и проиграл.

Хрущев кивнул:

– Я понимаю. Я потерял много, но он потеряет свою жизнь. Он конченый человек…».

Далее замелькали знакомые имена: Ли Харви Освальд, де Мореншильд, Линдон Джонсон, Владимир Семичастный – и названия мест: Москва, Даллас, Новый Орлеан, Нуэво-Ларедо, Мехико.

Заинтересовавшись, я стал по диагонали пробегать одну главу за другой. Вскоре все стало ясно. В этом, с позволения сказать, «документальном отчете» повествовалось о «советском заговоре», организованном и возглавляемом самим Хрущевым с целью убийства своего «обидчика» – президента США Кеннеди. Естественно, инструментом организации, подготовки и осуществления покушения выступал КГБ, а руководителем операции – его председатель Семичастный.

Так, не особо вникая в детали, я дошел до двадцатой главы, где меня ожидал большой сюрприз: буквально в самом начале наткнулся на собственные имя и фамилию: «Олег Максимович Нечипоренко». Давно привык к тому, что фамилию даже по-русски часто искажают при написании, а здесь в латинской транскрипции она была приведена исключительно правильно. Должно быть, подумал я, кто-то сверил ее написание с официальными документами, чтобы не возникло сомнений, о ком идет речь.

Теперь мне уже расхотелось бегло прочитывать страницы. Я закрылся в кабинете, решил не отвечать на телефонные звонки, кроме прямой связи с начальником Управления, и углубился в чтение. По мере чтения «документального отчета» более внимательно останавливался на тех местах, где «составители» описывали наше посольство и резидентуру КГБ в Мехико, касались моей биографии и разведывательной деятельности. Создавалось впечатление, что все это я уже не раз читал и помню почти дословно. Ба! Да ведь это взято из нашей «настольной» книги, авторство которой принадлежит Джону Бэррону, – «КГБ. Тайная работа советских секретных агентов», вышедшей в 1974 году в США, а затем изданной на многих языках по всему миру. Она стояла на полке в моем кабинете среди справочных изданий, которыми приходилось пользоваться во время работы. Чтобы подкрепить или развеять свои подозрения, достал ее оттуда и раскрыл на странице, где начиналась глава XI «Подрывной план против Мексики». Положил обе книги на стол и приступил к «литературоведческим изысканиям», начав сравнение с описания «пейзажа», или, вернее, «интерьера».

В результате получилась следующая картина.

Джон Бэррон. «КГБ. Тайная работа советских секретных агентов»: «…В 60-е годы КГБ полностью подчинил себе советское посольство в Мехико и превратил его в одно из

самых больших в мире святилищ подрывной деятельности» (с. 231).

«Но самым недоступным в посольстве была большая часть третьего этажа, которую офицеры КГБ называли «темницей». Это референтура, сердце и мозг каждого советского посольства. Здесь планировались все операции КГБ, отсюда осуществлялось руководство ими. Здесь хранились все секреты советской подрывной деятельности в Западном полушарии» (с. 232).

«Чтобы попасть в референтуру в Мехико, сотрудник проходил по узкому коридору и нажимал кнопку, открывающую дверь в тамбур и сигнализирующую дежурному о его приближении. Тамбур заканчивался стальной дверью с глазком, через который осматривался пришедший.

Все наружные окна референтуры были заблокированы цементом, чтобы предотвратить дистанционное электронное наблюдение или фотографирование… из-за такой атмосферы подземелья курение запрещалось.

Референтура никогда не закрывалась. И в течение последующих лет Нечипоренко приходилось посещать ее в любые часы дня и ночи. Это было единственное место в Мексике, где он мог чувствовать себя в полной безопасности и свободно говорить о своей работе» (с. 232).

Хью Макдональд, Робин Мур. «Л. Б. Дж. и заговор против Дж. Ф. К.»: «Русское посольство в Мехико считается самой главной точкой в обширной системе русских посольств. Это сердце коммунистической подрывной деятельности на Американском континенте» (с. 107).

«У Нечипоренко был маленький кабинет в самом недоступном помещении посольства, известном под названием «референтура». Это сердце и мозг всех русских посольств. В этих строго охраняемых и защищенных электронными средствами комнатах разрабатываются все тайные операции КГБ, отсюда осуществляется руководство ими. В Мехико в референтуре хранятся все секреты советских подрывных действий в Западном полушарии» (с. 108).

«Чтобы попасть в референтуру, два человека прошли по узкому коридору. Охранник нажал кнопку, чтобы дать знать кому-то внутри, что нужно открыть дверь в тамбур. Он заканчивался другой стальной дверью с глазком, через который их можно было осмотреть. После этого наконец им открыли вторую дверь, и они вошли в референтуру.

…Все наружные окна референтуры были заложены цементными блоками, чтобы избежать дистанционного электронного наблюдения и фотографирования. Это напоминало темницу. Курение запрещалось. Это было место, где Нечипоренко мог чувствовать себя в полной безопасности в любое время дня и ночи» (с. 109–110).

Далее я перешел к сопоставлению отрывков, касающихся моей персоны.

Джон Бэррон: «Его (Нечипоренко. – О.Н.) работа в референтуре началась с изучения некоторых операций КГБ против Мексики. Это показало ему, что КГБ был не столько заинтересован в сборе информации о самой стране, сколько в вербовке агентов, способных влиять на мексиканскую политику и вызывать беспорядки…

Нечипоренко увидел, что сейчас КГБ пытался внедрить женскую агентуру на ключевые секретарские должности в особо важных правительственных учреждениях. Стремился также заслать в МИД агента, который мог бы воздействовать на назначение мексиканских дипломатов по всему миру. Еще более зловещей операцией КГБ была попытка создать свою собственную полицейскую силу, состоящую из продажных бывших полицейских. С их помощью планировалось собирать сведения для шантажа мексиканцев, для

запугивания антикастровских эмигрантов и для исполнения «мокрых дел»» (с. 233).

«Однако его главным заданием было проникновение в университеты и вербовка студентов для подрывной деятельности в будущем. Перспективные кандидаты обычно выявлялись через коммунистическую партию или Институт по мексиканско-русскому культурному обмену. Курировал его советский атташе по вопросам культуры, сотрудник КГБ. Финансировался институт тоже КГБ» (с. 233).

«Стройный, смуглый и красивый, он отпустил себе привлекательные усики и с вьющимися черными волосами и кожей оливкового цвета выглядел настоящим латиноамериканцем. Действительно, мексиканские власти предполагали, что он был либо сыном испанских коммунистов, прибывших в Россию после испанской гражданской войны, либо, что вполне возможно, сыном русского отца и испанской матери… Его испанский был безупречным…» (с. 231).

«Попросту говоря, Нечипоренко был лучшим оперативником КГБ в Латинской Америке» (с. 231).

Хью Макдональдс, Робин Мур: «Нечипоренко, направленный в Мексику в 1961 году, возглавил программы по подбору агентов, которые могли влиять на политические события и организовывать беспорядки. Он отвечал за внедрение женской агентуры на ключевые секретарские должности и агентов в мексиканский МИД для оказания влияния на выбор и распределение дипломатов по всему миру. Подобные операции типичны для КГБ в любой стране, включая Соединенные Штаты. Нечипоренко организовал также частную детективную группу, используя за деньги бывших служащих полиции. С помощью этой группы он собирал информацию для шантажа мексиканских чиновников… КГБ использовал эту частную полицейскую силу, чтобы нейтрализовать и ликвидировать антикастровских эмигрантов» (с. 164).

«Нечипоренко имел еще одну приоритетную цель – проникать в университеты и вербовать студентов для будущих подрывных акций. Прикрытием для этого служил мексикано-русский культурный обмен, управляемый и финансируемый КГБ» (с. 164–165).

«Родившийся в 1921 году от русского отца и испанской матери, он безупречно говорит по-испански. Небольшие черные усики делают его внешность больше испанской или мексиканской, чем они сами (то есть родительская кровь. – О.Н.)» (с. 108).

«Нечипоренко, без сомнения, лучший оперативник КГБ в Латинской Америке» (с. 108).

Расписав мои «достоинства», Джон Бэррон в 1974 году по свежим следам представил меня как опасного противника, направляющего все усилия на свержение мексиканского правительства и вообще на подрыв демократического строя в Мексике. Вначале в качестве главного инспиратора студенческих беспорядков, а затем селекционера кандидатов в подпольную террористическую группировку. Ну а кого же, стряхнув с моей персоны пыль, сделали из меня составители «документального отчета» в 1978 году?

«…Этот человек прекрасно оправдывал выпавший на него выбор руководить на региональном уровне теми подготовительными действиями, которые должны были привести к убийству президента Джона Ф. Кеннеди».

Таким образом, мои «акции» поднялись с уровня одной страны до масштаба регионального и даже межконтинентального. Как в русской поговорке про щи, если ее перефразировать: «Тех же щей да погуще влей».

Не были ли эти «щи» сварены, а потом подогреты на одной и той же кухне? Об этом пришлось бы долго гадать, если бы не существовало еще одной книги, которую можно считать ключом к разгадке. Вышла она тоже в США, но в 1976 году, то есть в промежутке между появлением двух отмеченных выше. Ее название – «Портрет солдата холодной войны». В ней автор, бывший высокопоставленный сотрудник Оперативного управления ЦРУ, ветеран американской разведки Джозеф Б. Смит рассказал о своей карьере в различных регионах земного шара, включая и разведывательную деятельность в Латинской Америке. Оказалось, что в описываемый им период в Мексике мы с ним находились в «окопах» по разные стороны линии «невидимого фронта». Дж. Смит, или, как его называли коллеги, «маленький Джо», будучи одним из руководителей ЦРУ в Мехико, участвовал в «советских операциях», то есть в работе против нас в этой стране. А для меня, как заместителя резидента КГБ по внешней контрразведке, объектом № 1 разведывательного интереса и проникновения являлась резидентура американской разведки, действовавшая под прикрытием посольства США. Не припоминаю, чтобы мы встречались лично, но фамилия Смита мне была тогда известна в составе резидентуры ЦРУ. Ну а как следует из его мемуаров, он имел самое непосредственное отношение к моей разработке, соответственно, многое знал обо мне, а возможно, даже был причастен к осуществлению операции по ликвидации моей «затянувшейся» разведывательной миссии в Мексике. Тем не менее отдаю дань уважения его разностороннему оперативному опыту и особенно твердой принципиальной позиции, занятой в непростой для него, как ветерана ЦРУ, период середины 1970-х годов. Думаю, что для этого понадобилось немалое личное мужество. Потому, используя в дальнейшем эпитет «уважаемый» рядом с именем моего бывшего противника, делаю это абсолютно искренне, без малейшей тени иронии.

Я обратился к книге уважаемого Джозефа Смита и назвал ее ключом к разгадке потому, что в ней со всей достоверностью показана кухня подготовки и проведения активных мероприятий по компрометации разведчиков противной стороны, в данном случае сотрудников КГБ за рубежом. Она вполне может служить, на мой взгляд, в качестве пособия в специальных учебных заведениях разведки или контрразведки.

Для большей наглядности я приведу здесь несколько цитат из его работы, сопроводив их своими комментариями.

«Однажды вечером в феврале 1970 года мы получили сигнал, что Рая Кисельникова посетила полицейский участок и попросила политического убежища. Мексиканская политика предоставления иностранцу такой привилегии гарантировала удовлетворение ее просьбы. Мексиканские власти были счастливы подбросить ее нам и забыть о ней… Она работала секретарем в советской торговой миссии, где все сотрудники были из КГБ… Рая сбежала по сугубо личным мотивам… самостоятельно нашла друга и решила, что ее пристрастия к посещению баров и дискотек в «Розовой зоне» достаточно для бегства из посольства…

…Мы понятия не имели, что Рая Кисельникова близка к побегу. Если бы знали, то попытались бы установить контакт с ней и убедить продолжать работу в обмен на хорошую зарплату и будущие вознаграждения, которые заложили бы в наш контракт».

Ситуация сложилась интересная и со стороны могла показаться смешной. Если в резидентуре ЦРУ, стремившейся к проникновению в наши учреждения в Мексике, не были готовы к «приходу» Кисельниковой, то мы в резидентуре КГБ, обеспечивающие безопасность советских граждан, прозевали ее «уход». В результате наши противники получили неожиданную приятную находку, а мы понесли неприятную потерю.

Кисельникова по штатному расписанию Министерства внешней торговли СССР занимала в торгпредстве должность инокорреспондентки, что в переводе с бюрократического на нормальный русский язык означает «секретарь-машинистка». Она сидела в служебном помещении торгпредства, где помимо чистых внешторговцев работали несколько наших и военных разведчиков. Выезды в город по служебной необходимости тоже происходили в надежном сопровождении кого-нибудь из сотрудников торгпредства. Проживала она в маленькой комнатке во флигеле на территории торгпредства, что исключало посещение ее кем-либо из иностранцев, ну а досуг проводила в рамках «плановых» культурных мероприятий советской колонии. Таким образом, человек практически все 24 часа находился в поле зрения, и ее не рассматривали как «секьюрити риск», или, иными словами, «угрозу безопасности».

Мы не придали значения тому, что в определенный момент Кисельникова стала проявлять повышенную заботу о своей внешности и одежде, хотя остальные женщины колонии на это внимание обратили. Что касается «друга», упомянутого Смитом, то впоследствии выяснилось, что не она «нашла» его, а он «пришел» к ней. Это был представитель местного малого бизнеса, который поддерживал деловые связи с торгпредством и регулярно посещал его. С этого и начался «исход» Кисельниковой.

Первый тревожный звонок прозвенел то ли в конце 1969, то ли в начале 1970 года. В один из уик-эндов Кисельникова покинула торгпредство утром и возвратилась домой только на следующий день, в воскресенье вечером. Когда после появления мы с резидентом беседовали с ней, она слегендировала свое отсутствие, сказав, что была вместе с кем-то из наших мужчин, но не хочет его называть, чтобы не скомпрометировать. Естественно, проверку эта легенда не выдержала, и возник вопрос о санкциях, поскольку налицо было «нарушение норм поведения советских граждан за границей». Посоветовавшись, решили не отправлять ее немедленно, а сделать это немного погодя под благовидным предлогом. Информировали Центр и дали наши предложения. Вскоре на имя торгпреда из Москвы поступило указание о том, что в связи с переводом на работу в ГДР (Кисельникова владела немецким языком) ей необходимо в течение недели сдать дела и вылететь в Союз. Ее окружили дополнительным вниманием, помогали делать покупки, всячески отвлекали от раздумий в связи с отъездом. Нам казалось, что она поверила в легенду и все пройдет благополучно. Но совершенно неожиданно из Внешторга по открытому телеграфу поступила телеграмма, которая попала прямо в руки Кисельниковой. Из послания ей стало ясно, что речь идет не о переводе, а об отзыве. Вскоре «друг» доставил ее в полицейский участок.

По словам Джозефа Смита, «она была испугана и не хотела беседовать. Она только хотела остаться в Мексике и никогда не возвращаться в Россию». Через некоторое время американцам все же удалось с помощью несложных профессиональных приемов разговорить Кисельникову. «Потом, однако, ее информация и пояснения дополнили наши обычные персональные данные и сплетни о людях КГБ в посольстве… Но главным было то, что мы установили месторасположение и описание референтуры – кагэбэвского эквивалента резидентуры ЦРУ».

Кисельникова действительно могла частично описать референтуру, но именно потому, что это не было помещением резидентуры. Спрашивается, как она, не имея ни малейшего отношения к нашему ведомству (хотя Смит и называет ее почему-то секретарем в КГБ), очутилась в святая святых – его зарубежной резидентуре? А в референтуре – помещении шифровальной службы посольства – Кисельникова побывала незадолго до своего

исчезновения, хотя не входила в число лиц, имеющих допуск туда. Дело в том, что оставшийся за посла временный поверенный без согласования с нами своей властью распорядился подключить ее к печатанию раздела о торговых отношениях с Мексикой в годовом посольском отчете, который, как секретный документ, печатался в защищенном помещении. Так Кисельникова, вопреки инструкции, попала в референтуру.

Мы в резидентуре прикинули рамки ее осведомленности и степень ущерба, который мог нанести нам ее «уход». Поскольку с закрытыми документами, кроме приведенного случая, она не работала, ее информационный багаж составляли сведения о внутренней жизни советской колонии и о том, кто есть кто среди дипломатов и сотрудников торгпредства. Конечно, мы понимали: противник может использовать это в качестве компрометирующих материалов для вербовочных подходов или в активных мероприятиях, но против кого, где и когда – сказать было невозможно.

Вот как, согласно Смиту, распорядились полученными от Кисельниковой сведениями в резидентуре ЦРУ: «Главное, что мы могли сделать при реализации информации Раи, – предать ее огласке, чтобы поставить в затруднительное положение офицеров КГБ в Мексике. В разведывательной технологии это называется «сжечь». Офицер, которого решили спалить на жарком огне, был Олег Нечипоренко. Он прибыл в Мехико в 1961 году и к моменту бегства Раи находился там уже девять лет. Мы решили уделить особое внимание ему, потому что он все эти годы являлся объектом вербовочной разработки, но объектом безнадежным. Поскольку его не могли завербовать, мы использовали измену Раи, чтобы предать широкой огласке факт, что он офицер безопасности КГБ, и с помощью Раиной пресс-конференции придумали историю о том, будто он был главным зачинщиком студенческих беспорядков в Мехико в 1968 году, завершившихся перестрелкой, в которой погибло значительное число участников из студентов».

Думаю, что помимо невербуемости еще одно обстоятельство задело ЦРУ за живое и требовало сатисфакции: «Однажды он даже пришел в американское посольство под видом просителя визы, и его пребывание там не было обнаружено в течение нескольких часов. Сколько он узнал о расположении посольских помещений и какую другую информацию собрал, мы не знали. Таким образом, он был тем, кого мы были особо счастливы нейтрализовать».

Согласен, что такое нахальство терпеть и прощать нельзя. Но это был заурядный случай. А как отреагируют мои бывшие оппоненты, если я скажу, что сидел в кресле американского посла в его кабинете на пятом этаже и мы с Валерием Костиковым разгуливали по коридору, куда выходит дверь резидентуры ЦРУ? Позволю себе отвлечь внимание читателей на этот забавный эпизод.

Однажды в 1964 году в наш отдел по линии консульской ассоциации поступили три именных приглашения на прием по случаю официального открытия нового здания посольства США. Естественно, мы не могли отказать себе в удовольствии пойти.

Когда собралось достаточное количество приглашенных, началась экскурсия по зданию и осмотр внутренних помещений. Понятно, что мы с Валерием оказались в первых рядах экскурсантов. Гостей провели по основным помещениям нижних этажей, показали конференц-зал и кинозал, библиотеку, столовую, несколько служебных помещений общего назначения. Затем всех пригласили пройти на эспланаду над центральным входом, где и должна была проходить основная церемония. Приотстав от основной толпы гостей, устремившихся за коктейлями, мы оказались рядом с группой конгрессменов, прибывших на торжество из Вашингтона, вблизи которых топтались ребята из посольской службы

безопасности и сопровождавшие законодателей дипломаты. Вдруг мы услышали, что кто-то предложил почетным гостям подняться на лифте для осмотра верхних этажей. В нас проснулся профессиональный азарт: а вдруг повезет? И мы «случайно» присоединились к их группе.

Когда все вышли из лифта на пятом этаже, нашу компанию «избранных» провели через блок помещений, составляющих, как было объяснено по ходу, канцелярию посла. Затем один из сопровождавших гостей сотрудников посольства открыл дверь и пригласил пройти и осмотреть кабинет посла. Вместе с другими устремились туда и мы с Валерием.

Заполнившие помещение конгрессмены стали задавать какие-то вопросы, сопровождавшие давали пояснения, а мы приблизились к столу в центре кабинета, и я не смог отказать себе в удовольствии присесть в кресло посла США и повертеться в нем вправо и влево – когда еще представится такая возможность? Костиков, стоявший рядом, ухмылялся, глядя на эту сцену: сотрудник резидентуры КГБ за рабочим столом американского посла в Мексике.

Покинув кабинет, гости разбрелись по коридору и стали заглядывать в служебные комнаты, как нам объяснили, расположенного здесь политического отдела (в те годы – основное прикрытие зарубежных резидентур ЦРУ). Мы прекрасно знали, что политический отдел является прикрытием резидентуры ЦРУ, однако по номерам кабинетов, указанных во внутреннем телефонном справочнике посольства, нельзя было определить, как отдел территориально подразделяется на «чистых», то есть госдеповцев, и на «нечистых», то есть разведчиков. И вот в результате неожиданно представившейся возможности нам многое стало ясно.

Завершив экскурсию, мы вместе с конгрессменами спустились в бельэтаж, где проходил прием, и выпили по коктейлю за гостеприимство хозяев и не зря потраченное время. Потом нашли президента консульской ассоциации, от души поблагодарили его за приглашение и с чувством исполненного долга отправились восвояси.

С ближайшей почтой в Центр был отправлен подробный отчет обо всем увиденном на «объекте № 1», каким было для нас посольство США, с приложением составленных схем, посольских буклетов с прекрасными цветными фотографиями некоторых помещений, поэтажными планами и другой полезной для нашей службы информацией.

Завершив «лирическое отступление», вновь вернемся к проблеме активных мероприятий.

Надо отдать должное: наши противники умело организовали и провели эту пресс-конференцию. Вложенный в уста Кисельниковой текст создавал впечатление, что она была чуть ли не главной участницей тайных операций резидентуры КГБ в Мексике. Удар, предназначенный мне, был рассчитан неплохо. В ЦРУ знали, что я уже изрядно поднадоел мексиканским властям своим участием по консульской линии в разного рода «разборках», связанных с ЧП, происходившими с советскими гражданами. А тут еще «свидетельства» вмешательства во внутренние дела, что служило сильнейшим раздражителем для национальных чувств мексиканцев.

Однако столь резкий на первый взгляд удар не произвел ожидаемого эффекта: местная пресса пошумела день-два, и все сошло на нет. Какой-либо негативной правительственной реакции мексиканцев в отношении посольства и его сотрудников вообще не последовало. Я продолжал по линии прикрытия трудиться во благо укрепления советско-мексиканских отношений, одновременно решая свои специальные разведывательные задачи, в первую очередь против главного противника – северного соседа Мексики.

Наши оппоненты тоже сделали выводы по результатам проведенного активного мероприятия и терпеливо ждали случая, чтобы нанести новый удар. Такой случай представился весной 1971 года.

Утром 16 марта мы с работником группы «КР» отправились в уже упомянутый выше курортный городок Куэрнаваку, расположенный в 60 милях от Мехико. Отдельные американские граждане, постоянно проживавшие там, содержали пансионы, в которых останавливались студенты из США, приезжавшие в каникулярное время изучать или совершенствовать испанский язык, познакомиться с богатой историей и культурой Мексики, а заодно отдохнуть в благодатном климате этого райского уголка. При разного рода исследовательских центрах по гуманитарным дисциплинам существовали «академии» и так называемые летние школы, в которых преподавали испанский и другие языки. Понятно, что наличие агентурных возможностей среди членов американской колонии позволяло вести изучение и разработку «вербовочного контингента» нашей разведки – американских студентов. Целью была вербовка из их числа «перспективных агентов», то есть тех, кто, уже сотрудничая с нами, сможет в дальнейшем занять места в федеральных ведомствах США, включая ЦРУ и ФБР.

К марту 1971 года я уже несколько месяцев промышлял в Куэрнаваке, укреплял отношения с неким контактом, с помощью которого появлялась возможность контролировать деятельность одной из летних «академий» иностранных языков – получать установочные и биографические сведения о ее слушателях из числа американцев, вести их изучение в целях поиска основ для вербовочной разработки. Собранные данные могли послужить подспорьем для резидентуры КГБ в США в дальнейшей работе по отдельным из них. Я был вхож в дом-пансионат Лини де Врайс – эмигрантки из США, жертвы политических преследований времен маккартизма.

Приехав в тот мартовский день в Куэрнаваку, мы увидели газеты с огромными заголовками и многочисленными фотографиями на первых страницах. Мальчишки-газетчики кричали об аресте большой группы «партизан». Купив несколько разных газет, мы узнали, что мексиканской полицией раскрыта и разгромлена левацкая экстремистская организация «Движение революционного действия», которая ставила своей целью насильственное свержение мексиканского правительства и члены которой уже осуществили ряд вооруженных диверсионных акций. На газетных полосах были портреты арестованных и фотографии конфискованного оружия и другого снаряжения экстремистов. В сообщениях подчеркивалось, что главари группировки обучались в Университете имени Патриса Лумумбы в Москве, а специальную подготовку проходили в тренировочных лагерях на территории Северной Кореи. Это давало основания полагать, что для нашего посольства могут наступить тяжелые времена.

Понимая, что давно выгляжу одиозной фигурой в глазах мексиканских властей и теперь нельзя исключать санкций с их стороны, я решил подстраховаться и за ленчем познакомил свой интересный контакт с моим молодым коллегой. К вечеру в тот же день мы вернулись в столицу. Вечерние выпуски вновь пестрели заголовками на туже тему.

Через день, 18 марта, временный поверенный в делах, советник-посланник Дмитрий Дьяконов был вызван в МИД Мексики. Мы уже знали, какие меры готовятся против сотрудников нашего посольства и против кого персонально, но ждали официального подтверждения. После его возвращения такое подтверждение мы получили. Вечером в прессе появилось сообщение мексиканского МИДа: «Сегодня министром иностранных дел Эмилио Рабасой был вызван господин Дмитрий А. Дьяконов, советник-посланник и

временный поверенный в делах Союза Советских Социалистических Республик.

Министр иностранных дел сообщил поверенному в делах, что сам г-н Дьяконов и гг. Борис П. Коломяков, первый секретарь; Борис Н. Воскобойников, второй секретарь; Олег М. Нечипоренко, второй секретарь, и Александр Большаков – служащие советского посольства – являются персонами, чье присутствие нежелательно и неприемлемо в Мексиканской Республике, и что вследствие этого правительство Мексики желает, чтобы они покинули национальную территорию в самое ближайшее время».

21 марта мы, все четыре сотрудника резидентуры во главе с резидентом Коломяковым, вылетели рейсом бельгийской авиакомпании «Сабена» в Брюссель для дальнейшего следования в Москву. Дьяконов, которого тоже «приписывали» к нашему ведомству, специально задержался на день, чтобы подчеркнуть свою непричастность к КГБ.

Меня с семьей в аэропорт отвозил Валерий Николаенко, второй секретарь посольства, «чистый» сотрудник МИДа. Мы решили подключить к нашим проводам побольше «чистых» дипломатов, чтобы запутать врага. Я вспомнил об этом, когда прочел в книге уважаемого Джозефа Смита, что Николаенко был объектом его личной вербовочной разработки. Он называет его, к моему удивлению, советским разведчиком. Неужели наш гениальный замысел удался? Николаенко впоследствии благополучно дорос до ранга посла, а в годы перестройки стал заместителем министра иностранных дел Советского Союза.

А вот что пишет по поводу тех событий их непосредственный участник Джозеф Смит: «В результате нашего «показа» его (меня. – О.Н.), как опасного офицера КГБ, к тому же причастного к вмешательству в мексиканские дела, когда мексиканское правительство раскрыло небольшую группу партизан и выяснило, что они транзитом через Россию проезжали на подготовку в Северную Корею, власти Мексики обвинили в еще большем вмешательстве во внутриполитические события и выслали вон из Мексики.

Публично представить офицеров КГБ в таком виде и где только возможно объявить их persona non grata – это то, что мы пытались сделать, когда нам не удавалось завербовать их».

В Центре к нам отнеслись доброжелательно, понимая, что высылка – результат политической акции, а не наших неправильных действий, приведших к провалу. Мы разбежались по своим прежним подразделениям, из которых уезжали в командировку. Я вновь вернулся в Службу внешней контрразведки и приступил к работе, но уже в новом качестве – расшифрованного разведчика.

В сентябре 1971 года мексиканцев переплюнули англичане: они выслали аж 105 служащих советских учреждений в Лондоне. Мой брат Глеб Нечипоренко, сотрудник Первого главного управления, за год до этого вернулся из Англии, где несколько лет работал в составе резидентуры КГБ. Мы с ним работали в одном здании на площади Дзержинского (ныне – Лубянская площадь), но в разных подразделениях. Узнав о высылке наших «англичан», я зашел к нему. В кабинете собрались несколько его коллег: шло обсуждение события. Поприветствовав присутствующих, я обратился к брату:

– Слушай, Глеб, а ведь мы с тобой чуть не попали в Книгу рекордов Гиннесса…

Все вопросительно посмотрели на меня.

– Каким образом? – спросил брат.

– Сначала ты мне ответь, какие бывают братья?

– Ну, родные, как мы с тобой… еще сводные…

– Двоюродные, – принялись подсказывать коллеги. – Молочные…

– Братья по оружию. По перу… – продолжил Глеб.
– Так вот, если бы ты задержался в Лондоне, то наверняка вошел бы в число ста пяти высланных, и мы с тобой стали бы разведчиками – братьями non grata.

Собравшиеся «сочувственно» закивали головами и начали выражать нам свое «сожаление» по поводу упущенной возможности попасть на страницы знаменитого издания…

В начале ноября того же года я вылетел со специальным заданием в мой любимый регион, в одну из стран Латинской Америки. Во время моего пребывания там противник преподнес мне очередной сюрприз. В ноябрьском и декабрьском номерах журнала «Ридерс дайджест» появилась публикация фрагмента из будущей книги Джона Бэррона о КГБ, датой выхода которой назывался 1972 год. Впоследствии этот отрывок действительно лег в основу главы XI книги. Содержание публикации не вызывало сомнений в том, на базе чьих материалов автор готовил ее. Специалисты по активным мероприятиям из ЦРУ не унимались и «по-дружески» подливали масла в огонь. Вопреки правилу «лежачего не бьют», они продолжали молотить меня с двух рук. По моим подсчетам, это был уже третий удар. Теперь я предстал как враг Мексики номер один.

Утверждение подкреплялось «признаниями» Кисельниковой и «доказательствами» участия в организации террористической организации «Движение революционного действия». Мало того, я был выведен в образе этакого Джеймса Бонда от советской разведки. Ну а где Джеймс Бонд, там и женщины. Кисельникову стараниями авторов публикации превратили в мою возлюбленную, у которой я «нашел все, чего не хватало» у моей жены, а также и моего «единственного настоящего друга в Мехико», с которым «делился» коварными подрывными планами во время «многочисленных минут откровения, проведенных вместе». Да и другие разведчики души в ней не чаяли, причем настолько, что таскали ее с собой на операции и она «была свидетельницей встреч оперативников КГБ с мексиканскими агентами». Наша официальная беседа с Кисельниковой в МВД Мексики после ее бегства (кроме меня в беседе участвовал торгпред, ее непосредственный начальник) вообще выглядела как душещипательная сцена расставания двух влюбленных, завершившаяся поцелуями и рыданиями сторон.

Должен признаться, что, читая похвалы в свой адрес, я испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, было приятно: каков, а? С другой – меня несколько беспокоило, как воспримут это мои начальники и строгие кадровики. Ведь кто-то из наших «классиков» говорил, что к похвалам противника нужно относиться с классовых позиций и с осторожностью: коль скоро тебя хвалят, значит, ты что-то делаешь не так.

Но беспокойство оказалось напрасным. Возвратившись в конце декабря 1971 года из командировки, я узнал, что получил повышение: назначен руководителем латиноамериканского направления Службы внешней контрразведки, преобразованной в мое отсутствие в управление. Спустя какое-то время меня перевели на такую же должность в американское направление.

В 1971 году грянул гром: в США вышла та самая книга Джона Бэррона – «КГБ. Тайная работа советских секретных агентов». Она была переведена на многие языки и быстро разошлась по всему миру.

Впервые за весь послевоенный период в печати в таком концентрированном виде была представлена деятельность нашего ведомства: подробно описаны формы и методы работы основных служб – разведки и контрразведки, на примерах конкретных операций показаны приемы вербовочной и агентурной работы, проведения активных мероприятий, дана

графическая схема организационной структуры КГБ и описание функциональных обязанностей его подразделений. Небольшое приложение касалось деятельности Главного разведывательного управления.

Но, пожалуй, самым болезненным для нашей стороны оказалось помещенное в книге «Приложение Д» под названием «Советские граждане, причастные к тайным операциям за границей». Это был список из нескольких сотен фамилий, главным образом сотрудников КГБ, затем военных разведчиков и «чистых» дипломатов. Появление в списке последних можно объяснить тем, что, вероятно, ставилась задача запугать «чистых» и разжечь вражду между ними и разведслужбами.

Акцию серьезно подготовили, хорошо отдокументировали в информационном плане и умело подали с целью воздействия на самые различные круги общества в разных странах. По моему личному мнению, ее следует назвать самым успешным активным мероприятием ЦРУ против нашей службы за многие годы, последствия которого мы ощущали еще долгое время. В результате был нанесен значительный материальный и моральный урон: все оперработники, упомянутые в указанном приложении, получили в своем личном кадровом деле штамп: «Проходит по книге «КГБ»». Это означало, что использование нескольких сотен опытных разведчиков за рубежом ограничивалось, а немалого числа – вообще исключалось. Вспоминаю, как даже бывшие сослуживцы, уже находившиеся тогда на пенсии, звонили мне на работу и просили посмотреть, нет ли их фамилии в «черном списке». Заглядывали коллеги и из других подразделений полистать приложение и поискать себя. Необнаружившие уходили с облегчением, а значившиеся в списке – в раздумьях и почесывая в затылке. Так что моральное воздействие акции сказывалось как в Центре, так и в резидентурах.

К моменту выхода книги у меня уже в определенной степени выработался иммунитет к выпадам противника, и я спокойно отнесся к очередной «рекламе» своей деятельности. Тем более что в главе, одним из «героев» которой выступал и я, ничего нового по сравнению с публикацией в 1971 году в «Ридерс дайджест» практически не было. Однако единичку в списке нанесенных мне ударов я добавил – это был четвертый.

В этом разделе на примере собственной судьбы я попытался показать, как на основе собранной противной стороной информации проводится работа по компрометации и нейтрализации чужих разведчиков. Как из «неудобных» противников путем перевода одной активной акции в другую готовят «заговорщиков» международного масштаба. Авторы «документального» произведения «Л. Б. Дж. и заговор против Дж. Ф. К.» как раз и превратили меня в участника «заговора» с целью убийства американского президента и с помощью мифического агента сделали «руководителем» Ли Харви Освальда.

Хотя этот, уже пятый, по моему счету, удар – «документальный отчет» выпуска 1978 года – я не отношу к категории серьезных акций и потому не собираюсь его подробно разбирать, должен заявить, что его авторам принадлежит приоритет в одном вопросе. О том, что я был третьим из сотрудников резидентуры КГБ, встречавшихся с Освальдом в сентябре 1963 года в Мехико в советском посольстве, знал очень ограниченный круг лиц, и никогда и нигде даже предположительно об этом не шла речь в средствах массовой информации. Таким образом, только 15 лет спустя в книге «Л. Б. Дж. и заговор против Дж. Ф. К.» впервые моя фамилия прозвучала в связи с именем Освальда, хотя и в совершенно несуразной форме. Сам я заявил публично о встрече с Освальдом только 9 января 1992 года на пресс-конференции в Москве. Выходит, что приоритет здесь – за составителями «отчета».

Как же отразился на моей карьере и судьбе град ударов, нанесенных мне противостоящей стороной? После 1971 года я больше не работал подолгу в составе зарубежных резидентур КГБ. Но короткие служебные поездки за границу продолжительностью от нескольких дней до нескольких месяцев в период с 1971 по 1985 год составили в сумме срок одной длительной командировки. Может показаться странным, но диапазон моей деятельности с географической точки зрения не сузился, а даже расширился. Я исколесил многие страны – от Ближнего Востока до Латинской Америки, от Европы до Юго-Восточной Азии. Пожалуй, выпал только Африканский континент. Участвовал и в вербовочных операциях, и в работе с агентурой, и в проведении «активных мероприятий», и в поддержании контактов с нашими коллегами, или, как их называли тогда, «друзьями», из бывших социалистических стран. Лишь в мае 1991 года я ушел в отставку.

Так и подмывает закончить какой-либо патетической фразой, обожаемой писателями и журналистами, типа «так завершилась профессиональная карьера одного из бойцов невидимого фронта». Но говорить о невидимом фронте могут только те, кто на нем не воюет. Разведки-противники отлично видят и чувствуют друг друга, постоянно находятся в состоянии противоборства. Фронт становится невидимым только тогда, когда нет борьбы. А такого в мире спецслужб не бывает.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

29 мая 1993 года я прочитал в одной московской газете, что это день рождения Джона Ф. Кеннеди. Родился он в 1917 году.

Прочитанная новость навела на мысль, что, не случись Далласа, Кеннеди мог бы еще жить и, возможно, писать мемуары о своей жизни, а не получать в посмертные дни рождения вместо подарков книги, посвященные исследованию так и не выясненных до конца обстоятельств его гибели.

Оглядываясь назад, вижу, что практически вся моя более чем тридцатилетняя карьера офицера советской разведки прошла под знаком этого потрясшего мир трагического события и его многолетних последствий. К тому же Судьба – Распорядительница мира свела меня (и двух моих коллег) напрямую с одним из участников трагедии – предполагаемым убийцей президента США Джона Кеннеди, тем самым превратив и нас в лиц, сопричастных всей этой истории.

Вот почему я долгое время проявлял повышенный интерес к далласской загадке и старался по возможности «запитываться» материалами, публикуемыми по данной теме как в Советском Союзе, так и за рубежом. Когда же исторические перемены в нашей стране позволили бывшим сотрудникам госбезопасности выйти из «Зазеркалья» и даже выступить со своими мыслями на страницах печати и по ТВ, мне тоже захотелось поделиться кое-какими сведениями о главном персонаже далласской драмы – Ли Харви Освальде.

Вначале это было всего лишь скромное желание рассказать о подробностях его визитов в наше посольство в Мехико в сентябре 1963 года. Но постепенно я пришел к выводу, что невозможно повествовать об одном эпизоде, в котором участвовали предполагаемый убийца американского президента и три офицера советской разведки, без более широкого показа взаимоотношений между КГБ и Освальдом во время проживания последнего в

СССР и после его возвращения в США. Тогда я приступил к исследованию, результатом которого и стала эта книга.

Как уже отмечалось, за период после 1963 года тема «КГБ и Освальд» породила множество самых разных «теорий», по большей части носивших довольно спекулятивный характер. Цель, которая ставилась в данной работе, – снять существовавшую неопределенность и тем самым закрыть «белое пятно», каким являлась названная тема. Насколько это удалось – судить тем, кто решился прочесть книгу.

Сам я считаю, что после ее публикации останется лишь другое «белое пятно» – взаимоотношения между американскими специальными службами (ФБР, ЦРУ, Служба безопасности и разведки ВМС) и Ли Харви Освальдом.

Воспользовавшись правом исследователя, я изложил собственные взгляды по трем аспектам проблемы Далласа, которые мне представляются коренными. Еще раз вкратце сформулирую их.

1. Анализ доступной информации позволяет с большой долей вероятности сказать, что в 1963 году в США намерение каких-то сил ликвидировать президента приобрело некие организационные формы в виде конкретной заговорщической структуры. Трудно по тем же сведениям судить, насколько «вызрел» заговор к ноябрю 1963 года, но очевидно, что Джон Кеннеди пал не от руки исполнителя или исполнителей заговорщической структуры.

2. Сумма отдельных фактов свидетельствует о том, что в рамках некой группы или структуры, объединенной целью покушения на президентами Харви Освальд рассматривался в качестве будущего козла отпущения и прилагались усилия по созданию его публичного образа – лихого «антипрезидентского» парня, меткого стрелка и готового на все террориста.

Однако нет оснований считать, что Освальд был «выведен» кем-то на огневой рубеж у окна шестого этажа здания техасского склада учебников как козел отпущения, будучи участником заговорщической структуры, и покушался на жизнь президента США, подчиняясь чьей-то чужой воле.

3. Сложное сочетание личностных и политических мотивов, достигших к утру 22 ноября «критической массы», вынудило Освальда занять позицию у окна шестого этажа и произвести несколько прицельных выстрелов из принадлежавшей ему винтовки по президенту.

Убийство полицейского офицера Типпита он, видимо, осуществил, пребывая в аффективном состоянии после осознания содеянного им на Дили-Плаза.

Велика вероятность соприкосновения Освальда с представителями заговорщической структуры (без его ведома об их принадлежности к ней), скорее всего, в новоорлеанский период его жизни в 1963 году.

Эти выводы отражают сугубо личную точку зрения автора и не претендуют на категорию аксиом. Читатель волен соглашаться или не соглашаться с ними. Не исключено, что где-то еще хранятся свидетельства, которые могут полностью опровергнуть суждения автора. Но пока приходится довольствоваться имеющимися материалами и подкреплять ими свои предположения.

В 1963 году в силу обстоятельств я непосредственно столкнулся с Освальдом. Это наложило отпечаток на мою дальнейшую судьбу. Мне даже кажется, что в биографиях главного персонажа книги и ее автора есть очень схожие моменты.

К примеру, из первого еще при жизни с помощью продуманных манипуляций «лепили»

образ политического террориста и участника заговорщической группы, после гибели к этому еще добавилось звание иностранного агента для особых заданий.

Автора последовательно превращали в инициатора студенческих беспорядков в Мексике, затем создателя террористической организации и, наконец, «менеджера» крупномасштабного советского заговора с целью убийства президента США.

Но самое интересное, что в конце концов в результате «активного мероприятия» нас объединили, сделав меня руководителем убийцы Джона Кеннеди – Ли Харви Освальда.

Все это были рутинные методы работы заинтересованных организаций в условиях холодной войны. Ее же следствием можно считать и гибель Кеннеди, и искусно создававшийся и долгие годы поддерживаемый ореол загадочности вокруг этого печального события.

Будь другая обстановка, сведения на Освальда, хранившиеся тогда в сейфах спецслужб двух государств, легко удалось бы свести воедино. И тогда он вряд ли бы смог занять место в «снайперском гнезде» 22 ноября 1963 года.

Даже если бы обмен сведениями произошел после гибели президента, это сыграло бы все равно свою положительную роль. Вероятнее всего, отпала бы необходимость во многих последующих расследованиях, не осталось бы места для различных «загадочных теорий», изменились бы сюжеты многих книг.

//-- * * * --//

В ноябре 1993 года я вылетел в Даллас по приглашению организаторов симпозиума, посвященного 30-й годовщине гибели Кеннеди. Мне предстояло участвовать в работе двух комиссий: «Разведывательное сообщество и перебежчики» и «Освальд в Мексике». Незадолго до этого в США вышла моя книга «Паспорт на убийство». Мог ли я когда-нибудь представить, что окажусь в Далласе, да еще в качестве автора изданной в США книги об убийце президента Кеннеди, да еще, как мне стало известно из списка участников мероприятия, в компании бывших и даже действующих сотрудников американских спецслужб.

В Даллас я прибыл поздно ночью. Как только разместился в отеле, где проживало большинство участников симпозиума и планировалось проводить все его заседания, подошел к окну и раздвинул шторы. Пульс мой зачастил, когда глазам предстали знакомые по фото– и кинокадрам очертания подсвеченных зданий, окружавших Дили-Плаза, и среди них контур склада школьных учебников. Отель располагался совсем рядом с площадью.

Утром отправился туда. Первое впечатление поразило: мне показалось, что это макет, искусственная съемочная площадка. По всем схемам, рисункам, фотографиям я представлял площадь значительно большей в пространственном отношении. На самом деле она оказалась очень компактной, выглядела какой-то камерной и даже уютной.

Я два раза посетил Дили-Плаза и постарался побывать в тех местах, которые, по различным «теориям» заговоров, якобы служили укрытием для стрелков, ведших перекрестный огонь по автомашине президента. Постоял там, откуда свидетели заметили снайпера в окне шестого этажа склада учебников, обмерил шагами интересовавшие меня расстояния.

В здании склада теперь функционирует музей. «Снайперское гнездо» сохранено в первозданном виде, но доступа к нему нет, оно отгорожено стенками из прозрачного пластика. Однако из соседнего окна можно наблюдать тот отрезок Элм-стрит, на котором выстрелы поразили президента.

Прошелся и по пути предполагаемого ухода предполагаемого убийцы. Особенно внимательно обследовал то место на травяном холме, где за деревянной оградой якобы скрывался второй снайпер, чей фронтальный выстрел будто бы смертельно поразил президента в голову. Забор подновили, и он стал удобным «тетрадным листом» для изложения туристами своих мыслей:

«ДФК был убит нашим правительством и интересами большого бизнеса»;

«ДФК, покойся с миром, и пусть (далее нецензурное выражение) те, кто убил его»;

«Боже мой, они убили его!!!»;

«Мы достанем вас, подонки. – Американец»;

«Если они могут стрелять в президента, они могут стрелять и в меня»;

«Государственный переворот ЦРУ в Америке».

Собственное обследование Дили-Плаза укрепило меня во мнении, что никакого «перекрестного огня» в ноябре 1963-го не велось. На ней действительно имеются точки, пригодные для ведения стрельбы на маршруте автокортежа, но только в абстрактных, идеальных условиях. Волею судьбы единственным приемлемым местом оказалось окно шестого этажа склада учебников.

Я выступал на симпозиуме, который в целом проходил под эгидой сторонников «теорий» различных заговоров. Несмотря на мою позицию, утверждающую версию об убийце-одиночке и в принципе расходящуюся со взглядами организаторов симпозиума, отношение ко мне с их стороны, как и со стороны участников, было самым доброжелательным. Под впечатлением состоявшихся встреч и бесед сложилось убеждение, что упорные «заговорщики» еще многие годы будут поддерживать веру в заговоры в американском обществе.

Особенно памятной и приятной для меня стала встреча с человеком, месяца за четыре до симпозиума приславшим мне письмо из Флориды – письмо, оказавшееся полной неожиданностью. Кроме всего прочего, в нем говорилось: «Наши пути скрещивались раньше, хотя, возможно, вы этого не знаете. Я являлся сотрудником ЦРУ в Мехико, когда вы представляли там КГБ. Точнее, я был там, когда вас и ваших коллег объявили persona non grata. И должен добавить, что имел к этому некоторое отношение. Я был причастен к подготовке истории о том, что несколько молодых мексиканцев под эгидой Советов прошли обучение в качестве террористов. В действительности, как я помню, доказательства были скудными, но мы убедили мексиканского президента в достоверности этой истории, и он приказал выдворить вас всех из страны».

Как вы поняли, встретились мы с Джо Маленьким – Джозефом Б. Смитом, мемуары которого процитированы в моей книге.

Теперь я совсем разуверился в возможности предсказывать зигзаги человеческих судеб.

Глава 5
ПОСТСКРИПТУМ

СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

29 мая 1963 года роковой выстрел оборвал жизнь Джона Фицджералда Кеннеди, и обстоятельства этого убийства по сей день окутаны тайной.

«Дело закрыто», – уверенно утверждают одни. «Преступление не раскрыто», – не менее убежденно заявляют другие.

«Ли Харви Освальд – убийца-одиночка президента Кеннеди», – не сомневаются первые. «Был заговор и не менее двух стрелков», – настаивают вторые.

Неумолимо сужается круг людей, так или иначе связанных с этим событием, а споры все продолжаются.

С грустью перечисляю своих коллег и друзей – персонажей этой книги, ушедших из жизни: Виталий Алексеевич Герасимов, Сергей Сергеевич Константинов, Валерий Владимирович Костиков, Юрий Павлович Мостинский, Павел Антонович Яцков, Джозеф Смит, он же Джо Маленький.

Не стало главного свидетеля и моральной жертвы того, что произошло в Далласе на ее глазах, – Жаклин Кеннеди-Онассис.

И сегодня хочу в память ушедших постараться дополнить свое исследование появившимися в последние годы новыми сведениями, которые, на мой взгляд, могут быть интересны читателям.

Начну с рассекреченных материалов американской разведки, касающихся ее работы против советского посольства в Мексике. В моей книге уже говорилось, что все городские телефонные разговоры посольства контролировались резидентурой ЦРУ через мексиканскую телефонную сеть и их записи обрабатывались и анализировались для оперативного использования. Приводимые ниже выдержки из документов представляют собой расшифровку звонков, перехваченных в те дни, когда Освальд находился в Мехико и посещал советское и кубинское посольства. Все эти материалы включены в обобщенную справку ЦРУ от 13 декабря 1963 года, составленную в ходе начавшегося расследования убийства президента: «27 сентября (10 ч. 37 мин.) – неизвестный звонит советскому военному атташе и говорит, что ему нужна виза, чтобы поехать в Одессу. Ответивший говорит, что необходимо позвонить по номеру 15-60-55 и спросить консула. Звонивший просит адрес, и ему его называют. (Нет особых оснований увязывать этот звонок с Освальдом.)

27 сентября (16 ч. 06 мин.) – звонок из кубинского консульства в советское. Сильвия Дюран, мексиканская гражданка, техническая сотрудница кубинского консульства, сообщает советскому представителю, что американский гражданин посетил их консульство с просьбой о выдаче транзитной визы, чтобы проследовать через Кубу на пути в Советский Союз. Она хочет узнать, с кем он беседовал в советском консульстве и кто сказал ему, что проблем с получением визы у него не будет. Если советская виза гарантирована, кубинское консульство может выдать ему транзитную и просто проинформирует кубинские иммиграционные службы. Советский представитель сначала просит ее подождать, а потом она вновь все объясняет другому советскому сотруднику, который берет ее номер телефона и обещает перезвонить.

27 сентября (16 ч. 26 мин.) – советский сотрудник звонит Сильвии Дюран и говорит ей, что американец посетил их и показал письмо из советского консульства в Вашингтоне, заявив, что он продолжительное время ждет визы для себя и своей жены на поездку в Советский Союз, но ответа из Вашингтона нет и что ожидание длится уже четыре или пять месяцев. Американец показал также письмо, подтверждающее, что он является членом Комитета справедливого отношения к Кубе, заметив, что кубинцы не могут

выдать ему визу без наличия советской. Сильвия Дюран говорит, что у них та же проблема, американец находится еще в их консульстве. Они не могут выдать ему транзитную визу, пока ему не будет гарантирована советская виза, однако, несмотря на это, он хочет поехать на Кубу, чтобы там ожидать ее получения. На Кубе знакомых у него нет. На этом беседа подходит к концу. Сильвия Дюран говорит, что она сделает отметку на его «карточке», а советский сотрудник в заключение произносит: «Кроме того, он нам неизвестен», – и приносит извинения за причиненное беспокойство. Сильвия Дюран отвечает, что все в порядке.

28 сентября (11 ч. 51 мин.) – Сильвия Дюран звонит в советское посольство из кубинского консульства. Она говорит, что американец вновь у нее. Ответивший просит ее подождать. Когда другой советский служащий берет трубку, Сильвия передает свою американцу, который пытается по-русски говорить с советским служащим. Последний отвечает по-английски. Американец просит его говорить по-русски, говорит, что он был в советском посольстве, беседовал с консулом и что тот записал его адрес. Советский служащий отвечает, что он это знает. Тогда американец произносит нечто загадочное: «Но он мне неизвестен. Я пришел в кубинское посольство, чтобы спросить их о моем адресе, потому что он у них имеется». Советский служащий приглашает его еще раз зайти и оставить адрес, американец соглашается.

Согласно нашим записям (прослушивания телефонов. – О.Н.), Освальд не звонил в советское и кубинское посольства до вторника 1 октября 1963 г. Предыдущие дни были воскресенье и понедельник. Содержание его последующих звонков свидетельствует, что он не вступал в контакт с советскими представителями в указанные дни.

1 октября (10 ч. 31 мин.) – неизвестный звонит советскому военному атташе и на ломаном русском языке говорит, что был у них в субботу (28 сентября) и беседовал с консулом. Ему сказали, что пошлют телеграмму в Вашингтон, и он хочет узнать, есть ли какие новости. Советский служащий просит позвонить по другому номеру: 15-60-55 – и спросить консула.

1 октября (10 ч. 35 мин.) – телефонный звонок, в котором Ли Освальд назвал свое настоящее имя (о чем телеграммой был информирован Вашингтон 9 октября 1963 г.), объясняя, что в предыдущую субботу посетил посольство и беседовал с консулом. Ему сказали, что пошлют телеграмму в Вашингтон, и он хочет знать, есть ли какие новости. Он не может припомнить имя консула. Ответивший – охранник посольства Объедков – уточнил: «Костиков, такой темноволосый». Освальд ответил: «Да. Меня зовут Освальд». Советский служащий попросил минутку подождать и затем ответил, что пока ничего не получено. Освальд спросил: «Может быть, они ничего не сделали?» Охранник ответил, что был направлен запрос, но пока никакого ответа не получено. Освальд произнес: «И что…», но советский служащий повесил трубку.

3 октября (15 ч. 39 мин.) – неизвестный звонит по телефону советского военного атташе и сначала на ломаном испанском, а затем по-английски спрашивает о визе. Его отсылают в консульство, называя телефон 15-60-55. Звонивший записывает номер. Сотрудник атташата не отвечает на следующий вопрос, может ли звонивший получить визу, и разговор прекращается (нет серьезных оснований увязывать этот звонок с Освальдом, который, как теперь известно, в этот день въехал в США через г. Ларедо)».

На основе приведенных расшифровок наши противники сделали тогда следующий вывод: «До тех пор пока не будут обнаружены прямые доказательства советской причастности (к покушению. — О.Н.), более вероятно, что общение Освальда с

сотрудниками КГБ Объедковым и Костиковым явилось роковым совпадением. Совпадением, связанным отчасти с советской привычкой ставить сотрудников разведки в посольствах на должности, где они осуществляют прием значительной части посетителей и телефонных звонков. Все пять консульских служащих советского посольства – разведчики или подозреваются в принадлежности к разведке. Несомненно, если бы Освальд был агентом, подготовленным для совершения убийства или проведения диверсий, они воспрепятствовали бы его открытым визитам и телефонным звонкам в посольство в Мехико после того, как он попытался пару раз сделать это. Наш опыт плотного изучения советской разведки в Мексике показывает, что они порой ошибаются и иногда небрежны в своих методах, но не допускают столь непростительных промахов».

С профессионально-технологической стороны вывод абсолютно правильный. Лишь в одном заблуждались наши оппоненты. В консульском отделе советского посольства в Мехико работало не пять служащих, а только трое, но все мы действительно были сотрудниками разведки. И любой посетитель, обращавшийся в отдел по различным вопросам, неизбежно вступал в контакт с представителями КГБ, сам того не подозревая, а может, и подозревая.

Твердо убежден, что, если сложить воедино наши свидетельства о встречах с Освальдом и содержание приводимых документов американской разведки, не останется места никаким спекуляциям по поводу «подлинности» Освальда, посетившего советское и кубинское посольства в сентябре 1963 года.

По моему мнению, вполне допустимы и причины путаницы с фотографией неизвестного посетителя нашего посольства, вначале принятого за Освальда, изложенные в том же документе: «В своем первичном сообщении от 9 октября резидентура в Мехико сообщила, что располагает фото предположительно американского гражданина, покидающего советское посольство 1 октября 1963 г., в день, когда Освальд звонил туда. (Строго засекреченная операция в Мехико обеспечивает нас негласными фотографиями не всех, но многих посетителей советского посольства, сделанными с помощью телеобъективов.)

Соответственно, 24 октября 1963 г. мы телеграммой запросили Военно-морское министерство выслать нам фото Ли Освальда периода его службы в морской пехоте для сравнения снимков. Мы не получили такой фотографии до 22 ноября 1963 года, но в любом случае оказалось, что человек, снятый у советского посольства, не был Освальдом. Так случилось, что ни один из нескольких оборудованных фотокамерами наблюдательных постов в Мехико не сделал снимка Освальда, пригодного для идентификации».

Поскольку из других документов резидентуры ЦРУ следует, что в эти дни произошла замена фотооборудования на стационарных постах наружного наблюдения и новая техника по закону подлости (американцы говорят – «по закону Мэрфи») подвела, можно принять на веру такое объяснение: подобные ляпы не исключены. Однако из следующего блока рассекреченных американских материалов видно, что с постов наружного наблюдения не только фиксировались посетители с помощью специальной техники, но и велось визуальное наблюдение за входом и внутренней территорией посольства, результаты которого отражались в ежедневных сводках. Ниже приведены выдержки из отчета о таком наблюдении 22 ноября 1963 года, то есть в день событий в Далласе:

«<…> 2. От источника ЛИКАЛЛА (кодовое наименование поста № 3. – О.Н.): 22 ноября Костиков замечен беседующим с Шубиным в 10.05. Вскоре после этого подошел к главным воротам и покинул посольство (в одиночку) в 10.16.

<…> Информация от источника ЛИМИТЕД (код поста № 1 – О.Н.). Е. 22 ноября (1963 года. – О.Н.). В 13.36 Костиков вышел из посольства в сопровождении Виталия Борисовича Шубина (КГБ), Владимира Шпакевича (подозреваемый сотрудник разведки), Владимира Васильевича Турыгина. Все уехали на автомашине с водителем посольства Юрием Дмитриевичем Калининым (КГБ). Все вышеназванные вернулись в посольство в 14.02. Костиков покинул посольство с женой в 14.10, вернулся один в 15.39.

<…> В обобщенной сводке источников ЛИМИТЕД и ЛИКАЛЛА за 22 ноября не отмечено какой-либо необычной активности персонала советского посольства».

Изложенный выше отчет наружного наблюдения за 22 ноября был направлен мексиканской резидентурой ЦРУ своему руководству в Вашингтоне внеочередной телеграммой 23 ноября в 18:10. К этому времени в американских газетах уже появились сообщения о посещении Освальдом в сентябре посольства СССР и Кубы в Мехико, и упоминалась фамилия Костикова, как советского дипломата, принимавшего предполагаемого убийцу президента, что и вызвало бурный натиск прессы на наше посольство, о чем рассказано в начале моей книги.

Думаю, закономерен вопрос: а где подобные отчеты за дни визитов Освальда в два посольства соцстран 27 и 28 сентября – как раз за те дни, когда на постах не работала опертехника? Если они были уничтожены, то в какой период, до или после убийства в Далласе? Если существуют, то почему не рассекречены? Отсутствие ответов на такие вопросы – прекрасный повод для спекулятивных выводов сторонников теорий заговоров.

Появились новые материалы, касающиеся убийства в Далласе, и из архивов бывшего Первого главного управления КГБ СССР. Так, рассекреченный Службой внешней разведки Российской Федерации документ, содержащий «некоторые разведывательные данные о политических целях и ближайших последствиях убийства президента США Дж. Кеннеди», подписанный зампредом КГБ, был направлен в ЦК КПСС (для Международного отдела) и первому заместителю Министерства иностранных дел: «Имеющиеся в распоряжении Комитета госбезопасности разведывательные данные дают основание считать, что убийство 22 ноября с. г. в г. Далласе (штат Техас) президента США Дж. Ф. Кеннеди было организовано реакционными монополистическими кругами в союзе с профашистскими группами Соединенных Штатов с целью усиления наиболее реакционных и агрессивных аспектов в политике США. Указанные круги были недовольны отдельными сторонами внешней и внутренней политики Кеннеди, в частности некоторыми мероприятиями по нормализации советско-американских отношений, расширению политических прав негритянского населения, а также известным ограничением интересов части буржуазии США, прежде всего нефтяных и металлургических монополий».

«Убийственное» и многообещающее начало. Теперь можно говорить, что этот абзац стал на долгие годы основой всех пропагандистских акций советских СМИ и ряда «активных мероприятий» внешней разведки по гибели президента Кеннеди.

Все последующее содержание документа призвано убедить потребителей в однозначности приведенного заключения с помощью обещанных «разведывательных данных»: «Министерство внутренних дел Франции пришло к заключению, что убийство Кеннеди организовано крайне правыми расистскими кругами США…

…По мнению постоянного представительства Франции при ООН, убийство Кеннеди было тщательно организованной акцией определенной политической группы, стоящей на более правых позициях…

Представители ряда африканских и азиатских стран в ООН придерживаются мнения… что это акт мести оппозиционных их правительствам группировок…

…Ряд политических деятелей в США и в других странах расценивают факт убийства… как попытку правых сил перейти в наступление…

Мексиканский посол на Кубе на закрытом совещании с дипломатическим составом посольства 25 ноября с. г. заявил, что, судя по обстоятельствам убийства… речь идет о весьма обширном заговоре… Если накануне убийства… соотношение сил в США было не в пользу правых, то сейчас, по мнению посла, оно может заметно измениться в их пользу…

По некоторым данным, непосредственным организатором убийства… является группа техасских нефтяных магнатов… подлинными руководителями этой преступной акции являются три ведущих нефтяных магната Юга США (далее следуют фамилии. – О.Н.)…

Президент США Джонсон, как показывают имеющиеся данные, стремится не допустить того, чтобы убийство… открыто связывалось с ультраправыми кругами Соединенных Штатов».

Но, конечно, квинтэссенцией документа являются «разведданные», добытые прямо из логова заговорщиков: «Дипломатический обозреватель газеты «Балтимор сан»… в частной беседе в начале декабря с. г. рассказал, что по поручению группы техасских финансистов и промышленников во главе с миллионером Хантом ныне арестованный Руби предложил Освальду за убийство Кеннеди крупную сумму денег (лично, если тот сумеет скрыться, или его жене и матери, если Освальд будет арестован).

Руби, давно знакомый с Освальдом, знал о крайне трудном материальном положении Освальда, долгое время не имевшего работы и нуждающегося в средствах на содержание семьи.

Освальд был наиболее подходящей фигурой для совершения террористического акта против Кеннеди, поскольку его прошлое позволяло организовать широкую пропагандистскую кампанию с обвинениями в причастности к этому преступлению Советского Союза, Кубы и компартии США. Однако Руби и стоящие за ним подлинные организаторы убийства Кеннеди, подчеркнул обозреватель, не учли того обстоятельства, что Освальд страдал психическим расстройством. Когда после длительного допроса Освальда стало ясно, что на суде он может во всем признаться, Руби немедленно ликвидировал Освальда. При этом Руби надеялся, что преступление удастся подвести под статью о «незаконных действиях из патриотических побуждений», которые по закону штата Техас не подлежат строгому наказанию.

Но сложившаяся ситуация, как подчеркнул обозреватель, вынудила крайне правые круги воздерживаться от разжигания в США широкой антисоветской и антикубинской кампании, которая планировалась этими кругами в связи с убийством Кеннеди».

Из этого пассажа следует, что советская внешняя разведка еще в декабре 1963 года располагала «исчерпывающей», «достоверной» и явно полученной от «надежного» источника информацией о том, кем был организован заговор против Кеннеди и кто его возглавлял, о взаимоотношениях Руби и Освальда и о роли каждого в заговоре, о том, что Освальд «страдал психическим расстройством» (не забудьте, что советские материалы, в частности историю болезни Освальда и сведения о его пребывании в Минске, А.И. Микоян передал американской администрации накануне похорон президента Кеннеди), как и о том, на что «надеялся» Руби, идя на ликвидацию своего «дружка» Освальда, и почему испугались «заговорщики» разжигать широкую антисоветскую и антикубинскую

кампанию «в связи с убийством Кеннеди».

Представьте, что я почувствовал, когда, прочитав этот документ, понял, что «свидетельства», полностью опровергающие мои выводы об Освальде какубийце-одиночке, все эти годы хранились на архивных полках родной организации всего в двух лестничных пролетах от моего бывшего служебного кабинета.

Но понял я и еще кое-что. Мне сразу стало ясно, почему после выхода моей книги в США, когда из нее, а также из комментариев и интервью стало известно мое мнение о роли Освальда в убийстве Кеннеди, кто-то из бывших коллег пустил слушок, будто она написана по заказу ЦРУ, так как версия об убийце-одиночке устраивает администрацию США. Видимо, с этим было связано и поведение некоторых «ответственных товарищей» в Центре и Вашингтонской резидентуре Службы внешней разведки Российской Федерации, пытавшихся в ходе моей поездки в США на презентацию американского издания создать мне имидж еретика от разведки и полностью изолировать от «советской колонии», несмотря на то что накануне отъезда директор службы Е.М. Примаков выразил мне полное понимание и оказал поддержку. Этим же, скорее всего, можно объяснить внезапно угасший пыл киоскерши в здании штаб-квартиры Службы внешней разведки в Ясеневе, которая горела желанием немедленно заняться продажей русского издания моей книги, а потом, после ее выхода в свет, смущаясь и пряча глаза, уверяла, что никак не может достать автомашину, чтобы привезти экземпляры книги.

Вообще, возникшие после ноябрьских событий 1963 года в Далласе идеологические, политические, психологические установки работают по сей день и, очевидно, будут работать и в будущем по обе стороны океана.

В рассказах всех моих коллег, работавших в США в ноябре 1963 года, приведенных в книге (глава 1 «Факты», раздел «Хроника роковых дней»), отмечалось, что обвинения американской стороной Советского Союза в причастности к гибели президента Кеннеди продолжались очень недолго и прекратились как бы в одночасье. Причиной этого тогда посчитали приезд на президентские похороны Анастаса Микояна, передавшего американской стороне некоторые документы о пребывании Освальда в Союзе и устные заверения в том, что никакие специальные отношения с ним советские официальные лица не поддерживали. Но вот спустя более 30 лет всплыла, пожалуй, основная причина.

В 1999 году в магазинах Москвы на русском языке появилась новая книга (в США издана в 1996 году) – «Операция «Соло». Агент ФБР в Кремле» (М.: Терра – Книжный клуб; Олимп, 1999) Джона Бэррона, автора нашумевшего издания «КГБ. Тайная работа тайных советских агентов», которому на страницах моей работы уделено немало места. В очередном труде Бэррон на документальной основе повествует об операции «Соло», в ходе которой ФБР долгие годы сотрудничало со вторым лицом в компартии США. С начала в 1951 году был завербован Джек Чайлдс, а затем, по его наводке, старший брат Моррис. Оба они еще в 1930-е годы прошли по линии Коминтерна обучение в Москве, включавшее и спецподготовку для конспиративной работы в условиях подполья. С обоими в тот период были установлены контакты представителями советских спецслужб. Однако к началу 1950-х по разным причинам братья от активной партийной деятельности в США отошли. Но после привлечения к сотрудничеству ФБР удалось возобновить их работу в рядах американской компартии, завоевать к ним полное доверие со стороны сменявшихся лидеров КПСС и с помощью своих двух агентов почти четверть века контролировать фактически все контакты этих двух компартий, включая и канал поступления финансовой поддержки со стороны КПСС, а также получение

конфиденциальной информации о мировом коммунистическом движении.

Когда Моррис, главный персонаж в операции (кличка в ФБР – «58», год начала операции по контролю за передачей денег), почувствовал некоторые признаки недоверия к себе со стороны сотрудников КГБ, которым было поручено ЦК КПСС обеспечивать техническую сторону передачи финансовых средств за рубежом, он умелыми действиями через высокопоставленных советских партийных деятелей добился пресечения попыток КГБ провести мероприятия по их с братом глубокой проверке.

Случилось так, рассказывается в названной книге, что Моррис Чайлдс в день покушения на Кеннеди находился в очередной раз в Москве и оказался в кабинете заведующего Международным отделом ЦК КПСС Пономарева, когда туда «буквально ворвались сотрудники с серыми лицами. Не зная, что Моррис понимает по-русски, они не обратили на него внимания и сообщили Пономареву, что полиция Далласа только что арестовала по обвинению в убийстве президента Кеннеди Ли Харви Освальда. Важные обстоятельства, которые они поспешно перечислили, объясняли их тревогу, граничившую с паникой».

«Обстоятельства» включали пересказ пребывания бывшего американского морского пехотинца в СССР, охотное избавление от него в связи с отъездом в США, отказ в выдаче визы при посещении советского посольства в Мексике и последующая потеря его из поля зрения вплоть до случившегося. Далее говорится: «КГБ клятвенно заверял Политбюро и Международный отдел, что ни до приезда Освальда в Советский Союз, ни во время его проживания здесь, ни потом его не использовали ни как агента, ни как информатора. Политбюро реквизировало в КГБ досье Освальда, и копия, которую секретарь передал Пономареву, не содержала ничего противоречащего этому утверждению».

Когда во время «нервной беседы» посетители обратили внимание на Морриса и один из них поинтересовался, кто это, Пономарев заверил его, что этот человек «заслуживает полного доверия», и заявил, что «ему следует сказать всю правду». После этого через переводчика Моррису была пересказана уже услышанная версия, и, «почти умоляя, собеседники старались заставить его поверить, что не имеют ничего общего с убийством» (с. 102–103).

Сам Моррис, ставший свидетелем возникшей паники и растерянности в высшем советском руководстве, не испытывал сомнений в непричастности Советов к событиям в Далласе. О степени их испуга после смерти и самого Освальда свидетельствовало абсурдное предложение некоторых сотрудников Международного отдела срочно отправить Морриса домой, чтобы он убедил правительство США в невиновности СССР. Заявив, что все его, как и компартии США, подобные попытки приведут лишь к обратному результату, Моррис в то же время «настаивал, чтобы были направлены инструкции, ограничивающие ее (компартии США. – О.Н.) заявления по поводу убийства выражениями сожаления и осуждения политического насилия. Он также настаивал, чтобы Советское правительство официально сообщило американскому правительству, тайно или публично, всю правду, до последних мелочей, о своих отношениях с Освальдом» (с. 104). Такие предложения в конце концов были якобы приняты Пономаревым и Сусловым, «58» прибыл в Нью-Йорк с инструкциями для первого лица американской компартии Гэса Холла 2 декабря 1963 года и сразу в мотеле возле аэропорта встретился со своим куратором из ФБР и сообщил все, «что удалось увидеть и услышать насчет убийства» (с. 105).

Далее в книге Бэррона сказано: «Не раскрывая источника информации, Бюро лично информировало президента Джонсона, генерального прокурора Роберта Ф. Кеннеди,

брата убитого президента, и еще нескольких высших руководителей. Комиссия Уоррена, расследовавшая обстоятельства убийства, получила секретное донесение, содержавшее то, что удалось узнать Моррису. Таким образом, через две недели после убийства, когда политические страсти достигли наивысшего накала, политическое руководство США получило неопровержимые доказательства непричастности Советского Союза» (с. 105).

Новая книга Дж. Бэррона проливает дополнительный свет и на то, почему ФБР в отличие от ЦРУ благосклонно относилось к перебежчику из КГБ Юрию Носенко: «Работая в Москве, Носенко познакомился с материалами, собранными КГБ на Освальда, и наблюдал панику, которую вызвал в комитете арест Освальда. Предоставленные Носенко сведения о пребывании Освальда в Советском Союзе и о реакции Советов на убийство президента Кеннеди совпали с теми, которые несколькими месяцами ранее привез Моррис. Поэтому ФБР знало, что Носенко говорит правду касательно, возможно, самого важного предмета из тех, о которых знал по роду работы. ФБР не сообщило этих подробностей ЦРУ, поскольку операция «Соло» была скрыта завесой секретности. Оно просто сообщило, что Носенко можно легализовать в США» (с. 119).

О том, во что обошлась такая «завеса секретности» самому перебежчику, читателю уже хорошо известно из моего рассказа о его предательстве и дальнейшей судьбе.

Летом 1996 года организаторы симпозиума, посвященного 30-й годовщине гибели Кеннеди, в котором мне довелось участвовать в 1993 году, прислали мне для ознакомления и возможных комментариев новую книгу: «Oswald Talked. The New evidence in the JFK Assassination».

Первое, о чем я задумался, увидев название: в каком значении употреблен глагол talk? Ведь на русский, в зависимости от контекста, он может переводиться как «рассказал», «проговорился», «сболтнул». Так что же Освальд сделал, по мнению авторов книги, супругов-журналистов Рэя и Мэри ла Фонтен?

В аннотации на суперобложке сказано, что авторы, работая в Далласе и других местах с ранее неизвестными документами, а также с теми, «которые прежде игнорировались или неправильно интерпретировались, открыли окно в полностью новый мир – мир Далласа-63 периода Джека Руби, Ли Харви Освальда и группы личностей, ранее никем не замеченных. Эта книга изменит взгляд Америки на убийство президента Кеннеди и его убийцу Ли Харви Освальда».

Там же приведено высказывание Оливера Стоуна, режиссера нашумевшего фильма о далласском убийстве «Джей Эф Кей» (по российскому ТВ демонстрировался под названием «Выстрелы в Далласе»), который пишет, что авторы, будучи «превосходными исследователями, спустя 30 лет откопали свежие свидетельства, которые вы никогда не увидите в потоке газетной информации».

В сопроводительном письме мои американские друзья, «заговорщики» по убеждениям, сообщали, что ла Фонтены нашли человека, который, очевидно, «играл» Освальда в Мексике, а затем в Далласе в период, непосредственно предшествовавший покушению, а также ряд документов, несомненно доказывающих связь Освальда с заговорщиками и американскими спецслужбами.

Можете себе представить, какие мысли и чувства владели мной, когда я с нетерпением стал читать эту книгу, которая, как было обещано в аннотации, должна была открыть мне «новый мир Далласа» и повести «туда, где читатель не был никогда ранее, куда ведут новые доказательства».

Вхожу в «Предисловие», как в прихожую, из которой, очевидно, и откроются двери в

«новый мир». Но «неожиданности», оказывается, поджидают прямо здесь, сразу за порогом: «Пока мы занимались документацией для этих поразительных открытий, недавно опубликованные материалы ФБР, ЦРУ и Минобороны США начали рассказывать подлинную историю Ли Харви Освальда и убийц (?!) президента Кеннеди. Вскоре стало ясно, что Бюро Эдгара Гувера вместо расследования убийства участвовало в организации массивной завесы вокруг Освальда. Также стало ясно и почему: проведение настоящего расследования могло бы привести к раскрытию неприятного факта, что Освальд, обвиненный в убийстве президента и далласского полицейского офицера Типпита, был завербован в марте 1963 года в качестве осведомителя ФБР (подобранного у ЦРУ, подобного же ведомства, которое ранее послало бывшего морского пехотинца, снабдив его специальным документом прикрытия, с разведывательной миссией в Россию). Уже в роли информатора ФБР Освальд посетил позднее в том же году Новый Орлеан, вернулся в Даллас в начале октября и 16 ноября предупредил Бюро о надвигающейся попытке убийства президента со стороны «кубинской банды». Предупреждение было направлено в штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне и оттуда разослано по другим управлениям службы» (с. 6).

На следующей странице следует пояснение причин такой осведомленности источника: «…Это была та группа антикастровских кубинцев, в которую Освальд проник как информатор ФБР, но им стало известно об этом. Он превратился для них в превосходного «козла отпущения»». Но где же «новое», ведь все это даже не «забытое старое», которое ворочают, как шашлык на шампуре, уже 35 лет. И авторы добросовестно признают это: «Подозрения о причастности Освальда к разведке сопровождали нас более тридцати лет. Книга «Освальд проговорился» (мой вариант перевода. – О.Н.) впервые подтверждает их документами. Но, конечно, суть таится в деталях» (с. 7).

Далее на 360 страницах убористого текста следует кропотливое исследование «деталей» многочисленных документов, показаний сотен лиц, и наконец-то мы попадаем в «новый мир», представленный в виде авторского «Приложения В» под названием «Дело против Освальда»: «Новые доказательства (?!), открытые в файлах полиции Далласа и в других местах или в отдельных случаях ранее проигнорированные, предлагают следующие выводы.

1. Освальд дезертировал в Россию под эгидой ЦРУ или (?!) военной разведки.
2. Он не был «действующим одиночкой» до своего возвращения.
3. Его первоначально (и втемную) «вело» в Далласе ЦРУ под умелым руководством Джорджа де Мореншильда.
4. Позднее он неохотно начал (на этот раз напрямую) сотрудничество в качестве источника ФБР и поддерживал эти отношения и на момент убийства.
5. Джек Руби тоже не действовал «в одиночку» и являлся кассиром в малоизвестной операции по торговле оружием, включающей похищенное военное снаряжение (?!) во время краж на армейских складах в Террелле и Форт-Гуде в Техасе, незадолго до убийства.
6. В торговле оружием принимали участие служащие армии США, члены полувоенной организации «Минитмен», Джон Томас Мейсон (выявленный авторами двойник, исполнявший, по мнению авторов, роль «мнимого Освальда». – О.Н.).
7. Освальд действовал вместе с Руби в той же операции или (?!) как сотрудник, или (?!) как осведомитель.
8. ФБР старалось скрыть свое сотрудничество с Освальдом, также как и все признаки,

указывающие на эту связь, включая материалы на Джона Элрода, доказательства действий Руби по торговле оружием и тайную деятельность Джона Мейсона, Джорджа Нонте и ДРЕ (антикастровская кубинская организация «Революционный студенческий директорат». – О.Н.)» (с. 386).

Итак, налицо очередное «раскрытие» заговора, исполненное на «новых доказательствах»! Но неужели «экстраклассные исследователи», строя свои выводы, не отдавали себе отчета в том, что они не могут быть «доказательными», если в их формулировках присутствуют «или», «вероятно», «или… или…»? Это признаки, присущие гипотетическим предположениям!

Нет оснований сомневаться в добропорядочности и искренности авторов рассматриваемой работы, но, к сожалению, они, как и многочисленные их предшественники, «заговорщики-документалисты», попали в ту же логическую ловушку подмены доказательств посылками для построения гипотезы, то есть положениями, которые сами должны быть доказаны. Поэтому свои исследования они заканчивали тем же, с чего начинали. Подобный пример petitio principi (предвосхищение основания) описан ранее.

Вместе с просьбой о комментариях к книге мне прислали и приглашение участвовать в июле 1996 года в Сан-Франциско во встрече «заговорщиков», на которой должно было состояться обсуждение вопросов, исследованных ла Фонтенами. Поскольку я не располагал достаточными средствами для такой поездки, то выразил признательность за приглашение и ограничился направлением организаторам некоторых замечаний по книге: «1. Новая информация ни в малейшей степени не поколебала мое твердое убеждение, что именно Ли Харви Освальд посещал наше и кубинское посольства в Мехико. Что касается Мейсона, то вполне допускаю, что его время от времени использовали в Далласе как «Освальда», но это требует дополнительного анализа.

2. Авторское описание «причастности» Освальда к торговле оружием, его «проникновения» в Революционный студенческий директорат и доступ к конфиденциальной информации о деятельности этой организации представляется мне, бывшему офицеру разведки, весьма поверхностным, схематичным и неубедительным по ряду аспектов.

3. Кто или что является источником информации о «встрече» Освальда с ФБР «16 ноября 1963 года»? Я не нашел ответа в книге, в которой приводится только факт без каких-либо деталей».

В четвертом пункте выражалось сомнение в свидетельствах некоего Элрода о существовании треугольника «арестованный торговец оружием – Освальд (как его сокамерник) – Руби». Говорилось, что возникло еще много вопросов при чтении, которые могут быть в последующем суммированы, в частности после получения мной материалов встречи в Сан-Франциско, прислать которые я попросил организаторов. К сожалению, последние получены не были, и дальнейшая переписка прервалась.

Летом того же 1996 года уже в английском городе Ливерпуле также намерены были собраться знатоки проблемы, чтобы обсудить в очередной раз обстоятельства гибели президента Кеннеди, опираясь, «в первую очередь (!)… на новые факты, всплывшие из архивов США». «Беда лишь в том, – заявил один из организаторов конференции, – что, если сейчас кто-нибудь открыто признается в убийстве Кеннеди, никто ему просто не поверит» (Известия. 1996. 31 мая). Так как больше никаких публикаций об этой встрече в

СМИ я не встретил, не знаю, состоялась ли она и каковы ее результаты, сколько новых заговоров было раскрыто и новых убийц выявлено.

Что же касается процитированного заявления, то его можно одновременно назвать и заблуждением, и пророчеством. Уже в июне того же 1996 года американские информационные агентства распространили сенсационное персональное «признание» исполнителя убийства Кеннеди, альтернативное официальной версии. Вот изложение этого сообщения из публикации «Огонька» от 25 июня 1996 года: «Согласно полученным журналистами документам, в марте 1994 года отбывающий в чикагской тюрьме пятидесятилетнее заключение за убийство полицейского Джеймс Файле сознался в том, что совершил «преступление века» вместе с профессиональным киллером мафии Чарлзом (Чаком) Николетти, а роль Ли Харви Освальда, на которого официально возлагается вина за покушение, сводилась к тому, чтобы запутать следствие…

…По словам Файлса, главная роль в организации убийства отводилась Николетти, у которого он был шофером. Тем не менее, утверждает заключенный, в день покушения Чак предложил ему «на всякий случай» подстраховать его. Файле согласился, так как «был зол на Кеннеди»: мафиози якобы готовил во Флориде антикастровских «гусанос» к вторжению на Кубу, а президент отказал им в воздушной поддержке, что и привело к катастрофе в заливе Свиней.

«Я понятия не имею о том, кто отдал приказ о покушении», – говорит Файле. Однако он считает, что Николетти получал распоряжения от часто упоминаемого в связи с далласской трагедией известного крестного отца мафии Сэма (Момо) Джианканы, а тот, в свою очередь, подчинялся другому мафиози – Энтони Аккардо по прозвищу Большой Тунец…

По словам Файлса, он прибыл в Даллас за неделю до покушения. В его задачу входило обеспечение акции оружием. Вдень покушения Файле якобы провел встречу с неким Роселли, который осуществлял связь между ЦРУ и мафией, и передал ему пакет с картой и удостоверениями сотрудников секретной службы, отвечающих за охрану американских президентов. После того как основной исполнитель акции – Николетти – попросил его «подстраховать», Файле занял позицию на заросшем кустарником холме, за изгородью. По словам осужденного, он должен был стрелять только в том случае, если Чак не сможет попасть в голову президента. Как утверждает Файле, среди полученных им особых инструкций было распоряжение о том, что жена президента – Жаклин Кеннеди – нив коем случае не должна пострадать.

Согласно признанию Файлса, он выстрелил лишь тогда, когда увидел, что Николетти попал не в голову, а в грудь президента. Его выстрел совпал по времени со вторым выстрелом Николетти. Позже, признался Файле, ему заплатили 30 тысяч долларов».

В указанной публикации справедливо подчеркивается, что правдивость этой сенсации фактически не поддается проверке: Николетти, Роселли и Джианкана, как известно, были убиты в период с 1975-го по 1977-й, а Аккардо чуть позже умер своей смертью. Файле говорит, что в заговоре был замешан еще один человек, но именно потому, что тот еще жив, наотрез отказывается назвать его имя. Подмечено также, что в рассказе «исполнителя» фигурируют лица и организации, которые назывались в связи с убийством Кеннеди во многих книгах, художественных и документальных фильмах.

Следует добавить, что ФБР сочло эти «признания» не заслуживающими доверия, но можно представить, какой елей был пролит «откровенным» Файл сом на души «заговорщиков», особенно теоретиков рокового треугольника «ЦРУ – мафия –

антикастровцы». Ведь в «признаниях» присутствуют все три стороны плюс провинившийся перед всеми ними президент США!

Но не успели остыть «откровения» заключенного мафиози, как на стол падает блюдо с новой сенсацией, изготовленной 36 лет назад, а разогретой только сейчас. Из сейфа директора ЦРУ извлекают и предают гласности единственную сохранившуюся копию (19 других были уничтожены) секретного доклада «Обзор кубинской операции», подготовленного в октябре 1961 года. Его автор, бывший генеральный инспектор ЦРУ Лайман Кирк-Патрик полностью опроверг версию о вине президента Кеннеди в том, что он не решился отдать приказ разбомбить Кубу «до состояния каменного века», к чему стремился президент Джонсон в отношении Северного Вьетнама.

В документе самокритично утверждается, что три причины привели к неудаче операции в заливе Свиней – «невежество, некомпетентность и высокомерие» парней из ЦРУ. Только малая часть инструкторов, готовивших антикастровцев, владела испанским языком (очевидно, в том числе и «злой» на президента Файле), но все они презрительно относились к своим подопечным, считая их «марионетками». В то же время преувеличивалась боеготовность «гусанос», которых кастровцы за три дня разодрали в клочья, уничтожив 200 и захватив в плен 1197 наемников. Прогнозируемого ЦРУ «восстания масс» на острове в результате вторжения не произошло.

«Как я мог быть таким глупым?» – расстраивался президент Кеннеди утром 19 апреля, когда стал ясен провал операции. Свидетели говорят, что, получив сообщение о своем поражении, он расплакался…

Однако Джон Кеннеди умел собрать волю в кулак. Как повествует агентство «Ассошиэйтед Пресс», уже через несколько месяцев в Белом доме рассматривали более изощренные способы устранения кубинского лидера, в частности с привлечением мафиози, которые ненавидели Кастро за то, что тот после прихода к власти прикрыл принадлежавший им нелегальный бизнес, установил контроль над *censored*цией и казино.

Вот если бы сразу, по горячим следам, поведать об этом, всем все стало бы ясно. Роковой треугольник не образовался бы, а «заговорщики» остались бы без предмета своих многолетних исследований.

Но Куба Кубой, а есть еще один треугольник, который составляют «президент Кеннеди – блудница Джудит Кэмпбелл Экснер – Сэм Джианкана, чикагский крестный отец». Как и знаменитую теорему Пифагора, этот треугольник тоже высчитывают уже много лет. Но в отличие от Пифагоровых «штанов», которые, как известно, на все стороны равны, его стороны явно разнобедренны. В 1975 году американский Конгресс, проводивший очередное официальное расследование дела по убийству Кеннеди, установил, что Сэм Джианкана и президент США пользовались услугами девицы Джудит Кэмпбелл. Происходило это именно в тот период, когда ЦРУ, с согласия президента, пыталось использовать крестного отца и его связи для ликвидации Кастро. Но, как утверждалось, «услуги» были чисто сексуального характера.

Поскольку две стороны названной фигуры уже много лет как перешли в другое измерение, все «доказательства», касающиеся существа взаимоотношений в треугольнике, формируются на основе показаний ныне здравствующей Экснер, которая меняла их множество раз, опасаясь, по ее словам, «мести мафии».

В 1988 году британская журналистка Китти Келли по прозвищу Гиена опубликовала в журнале «Пипл» статью под названием «Теневая сторона Камелота» [5 - Камелот –

волшебный замок, в котором жил легендарный британский король Артур (VI – начало VII века) со своими рыцарями Круглого стола.]. В статье, на основе «свидетельств» все той же Экснер, конечно, «сенсационных», утверждалось, что она была не просто блудницей, а конспиративно-политической связной.

Спустя почти 10 лет известный американский журналист Саймур*censored*ш по прозвищу Сай, получивший престижную Пулитцеровскую премию за освещение кровавых событий в деревушке Ми Лай во время войны во Вьетнаме и ставший знаменитым «разгребателем грязи» в американской политической жизни, обрушил на головы своих сограждан книгу, по странному совпадению тоже названную «Теневая сторона Камелота». Впрочем, думаю, это не случайность, а своеобразный ответ на издание в США в 1988 году к 25-й годовщине гибели президента богато иллюстрированного альбома, в котором разные стороны жизни Джона Кеннеди освещаются в апологетической, позитивной манере и в названии которого есть слово «Камелот».*censored*ш в своем «Камелоте», наоборот, демонстрирует образ Кеннеди как бы отраженным в кривом зеркале, рассказывая самые скандальные истории из жизни бывшего президента.

Вот какие впечатления произвела работа*censored*ша на бывшего советского журналиста-американиста, ныне проживающего в США, Мэлора Стуруа. В ноябре 1997 года он писал: «Листая «Теневую сторону Камелота», я не нашел, пожалуй, ни единого факта или слуха (или сплетни) о Кеннеди, которые еще не муссировались в печати в той или иной форме. Слухи о том, что он был женат еще до Жаклин, слухи о его донжуанских похождениях, слухи о том, что он болел венерическими заболеваниями, слухи о его связях с мафией, которая якобы помогла ему выиграть президентские выборы 1960 года, но не помогла избавиться от Фиделя Кастро; слухи, слухи, слухи, перемежающиеся известными фактами, тонущими в них… «Теневая сторона Камелота» – исчерпывающий каталог всех слухов и сплетен о Кеннеди и изложенный почти что в беллетризованной манере… Но кто поверит ей (книге. – О.Н.), тот ошибется. В девяноста пяти случаях из ста. Утверждения*censored*ша слабо документированы. Его основные источники – люди, которых он интервьюировал. Сейчас многие из них говорят, что*censored*ш переврал их показания, и вообще они мало что помнят. Ведь с тех пор много воды утекло» (Московский комсомолец. 1997. 24 ноября).

А вот оценка одного из историков Белого дома: «Эта книга – фикция, и я не хотел бы комментировать эту смесь злости и инсинуаций».

Понятно, что в новом «Камелоте» автор не мог оставить в тени эпизод с «треугольником», занимающий определенное место в «теории» заговора мафии против президента.*censored*ш ловко «углубил» этот эпизод, для пущей убедительности ввел в действие новых персонажей и подкрепил эксклюзивными свидетельскими признаниями, в свою очередь основанными на рассказах все той же Экснер. Читателя просто берут за руку и приводят на место событий: «6 апреля 1960 года в столовой дома в Джорджтауне, аристократическом предместье американской столицы, обедают трое: хозяин дома сенатор Джон Кеннеди, его близкий друг Билл Томпсон и девица сомнительной репутации, непременная Джудит Кэмпбелл, подруга главарей мафии. После обеда Кеннеди обращается к Джудит с просьбой организовать встречу с ее дружком Сэмом Флудом (кличка Джианканы). Между будущим президентом и *censored*ткой происходит следующий диалог:

– Я буду счастлива помочь вам. Но почему?

– Я думаю, он сможет помочь мне в ведении моей избирательной кампании.

Поразив блудницу своей обезоруживающей откровенностью. Кеннеди просит ее передать Джианкане в Чикаго «небольшой пакет». В нем солидная пачка долларов, что-то около 250 тысяч. Блудница, естественно, потрясена. И суммой, и доверием. Она робко осведомляется, а не опасна ли подобная транспортировка столь значительной суммы? На что Кеннеди многозначительно отвечает:

– Вам лучше не знать об этом».

Но и это еще не все. Далее следуют свидетельства того, кто, выполняя поручение самого близкого помощника Кеннеди О'Доннела, следил за «курьером» Экснер до того самого момента, пока она не вручила пакет с деньгами боссу Джианкане.

Складывается впечатление, что мистер*censored*ш настолько увлекся проникновением в «треугольник», что просто забыл или проигнорировал способность своих соотечественников и вообще читателей задумываться над тем, что им преподносится в виде «откровений». Однако обнаружилось, что они такой способностью обладают. В рецензиях на книгу в журналах «Ньюсуик» и «Тайм» все эти байки ставятся под сомнение. Характерно такое ироническое замечание: «Все это могло бы быть замечательным кино. Но как можно поверить в то, что Кеннеди мог в действительности воспользоваться услугами глуповатой герлфренд в столь крайне щекотливой миссии, как передача взяток мафии? Можно быть вполне уверенным на тот счет, что отец (братьев Кеннеди. – О.Н.) Джо обучил своих сыновей некоторым трюкам сохранения тайны. Вряд ли среди них было использование в качестве «мешочников» эмоционально нестабильных любовниц. К тому же надо иметь слишком большое (или больное? – О.Н.) воображение, чтобы представить могущественного крестного отца, ожидающего собственной персоной на железнодорожной платформе чикагского вокзала прибытия поезда».

Но проникновение в «треугольник» – лишь один из «оперативных» успехов автора, далее следуют повествования о связях безнравственного президента с журналисткой Эллен Рометш, оказавшейся восточногерманской шпионкой, с пресс-секретаршей его собственной жены Памелой Тэрнер и многими другими.

В сообщении агентства «Франс Пресс» о выходе в свет книги*censored*ша сказано, что он «выставляет Джона Кеннеди как человека аморального и сексуально озабоченного. В результате такого «неосторожного» поведения президент стал жертвой шантажистов, неоднократно вынуждавших его выплачивать огромные суммы денег за молчание».

Какой богатейший материал для пополнения коллекции «теорий» заговоров новыми версиями покушения в Далласе! Вот одна из них. КГБ, используя «секс-шпионаж», с помощью агентессы восточногерманской Штази (МГБ ГДР), подложенной президенту Кеннеди, пытался его завербовать. Однако он отказался пойти на сотрудничество, и тогда было принято решение его ликвидировать. С этой целью в США был «выведен» двойник Освальда, который за два месяца до операции выехал в Мексику для получения от советской разведки последнего инструктажа и оружия.

Выбор «вербовочной основы» подтверждается документом внешней разведки КГБ – недавно рассекреченной «Справкой о президенте США Джоне Кеннеди, составленной с использованием некоторых разведывательных данных» на 13 листах и датированной 31 мая 1961 года.

В разделе документа «Имущественное положение Кеннеди, его семья, личные качества, привычки» сказано: «В американской печати Кеннеди характеризуется как человек, не обладающий большой пунктуальностью, часто опаздывающий на назначенные встречи.

По непроверенным данным (!), Кеннеди характеризуется как человек, имеющий многочисленные связи с женщинами».

Возможно, эта фраза столь серьезной организации, какой был КГБ, укрепит позиции*censored*ша, поскольку в цитированном сообщении Франс Пресс говорится, что «достоверность информации этого журналиста уже недавно была поставлена под вопрос после того, как было выявлено, что документы о связях Джона Кеннеди с актрисой Мэрилин Монро были просто фальшивкой».

И вдруг в российской прессе (воскресный МК. 1998. 5 июля) громкий заголовок: «Мэрилин Монро: будуар для президента»: «…Мэрилин безумно любила Джека, была готова пожертвовать ради него всем, включая актерскую карьеру. Вряд ли сила любви Джека к ней была адекватной. Во всяком случае, жертвовать ради нее своей политической карьерой он не собирался…

О силе любви и обожании Мэрилин свидетельствует документ, который, по-моему, сегодня впервые приводится мною на русском языке (тот самый, который признан фальшивкой. – О.Н.)».

Далее следует взятое из «Теневой стороны Камелота» С.*censored*ша изложение магнитофонной записи «потока сознания» актрисы, сделанной на сеансе у психоаналитика. Из него следует, что Мэрилин считает себя «солдатом» президента и что «до того момента, пока у меня не отшибло память, я буду иметь Джона Фицджеральда Кеннеди, буду обладать им».

После этого автор публикации в «МК» принимается за конкретику, в достоверности которой, судя по всему, не сомневается: «Он (президент. – О.Н.) был ее Верховным главнокомандующим и по Конституции, и по жизни, и в Белом доме, и в кровати…

<…> Она гостила у Джека в фамильном поместье клана Кеннеди в Хайанис-Порте, навещала его в Белом доме (иногда – тайно, когда Жаклин находилась в Вашингтоне) (очевидно, любовница проникла в какой-то проходной Белый дом, который находится вне Вашингтона. – О.Н.).

<…> По некоторым (?!) данным, Мэрилин забеременела от Джека и специально ездила в Мексику, чтобы сделать аборт без особого (?!) шума…

<…> Вопреки молве, Мэрилин была… не прекрасной марионеткой, а умной женщиной, обладавшей талантом быстро поглощать знания. Джеку не было скучно с ней не только в постели. Она была одной из немногих, кто мог развеселить его. И ворковали наши голубки не только на «эту тему»».

Как профессиональный разведчик, могу только снять шляпу перед такой осведомленностью автора. Возможно, по этой подсказке вы и догадаетесь, кто он, но я назову его имя чуть позже.

Душещипательное описание празднования 45-го дня рождения президента Кеннеди в нью-йоркском «Мэдисон-сквер-гарден» в мае 1962 года, тоже позаимствованное у*censored*ша, очевидно, должно рассеять все сомнения в любовной связи двух великих персон. На празднике, куда Мэрилин сбежала со съемок в Голливуде, она спела «своим грудным голосом, в котором клокотали любовь, страсть, преклонение», заздравную песню юбиляру. Друг автора публикации, присутствовавший там, вспоминает: «Если я когда-нибудь видел признание женской красоты в глазах мужчины, то это были глаза Джона Фицджеральда Кеннеди в момент пения Монро».

Интересно, а какими глазами смотрел сам друг и тысячи других находящихся в зале мужчин на Мэрилин «в рискованном туалете, надетом практически на голое тело»? И

вообще, какими еще глазами можно было смотреть на такую прелесть?

Но вот апофеоз: «…В тот памятный вечер Джек и Мэрилин были вместе. Они – на сцене, Жаклин – в партере. Были они вместе и в ту памятную ночь: Джек пришел к ней в номер гостиницы. В ту памятную ночь Жаклин спала одна».

Ох уж этот Джек-президент, просто взял и пришел к звезде Голливуда в гостиницу и остался на всю ночь. Наверное, поздно пришел, когда спокойно спала охрана, спал Пентагон, спала вся Америка. И КГБ на другом берегу невдомек, куда подался Главный Противник. Не знала нация, что целую ночь она была беззащитна. Пронюхай советская разведка, что ядерный чемоданчик в ночные часы любовных утех преспокойно пребывал в будуаре актрисы, и прощайте, Скалистые горы! Хватился бы Пентагон, позвонили бы в Белый дом: «Где верховный главнокомандующий?» – а те в ответ: «И духом не ведаем». А каково первой леди? Свалил муж на всю ночь, и спросить некого: куда это президент делся? Один*censored*ш его адрес знает.

Теперь пора назвать и автора нашей «романтической» публикации. Все тот же советско-российский журналист Мэлор Стуруа, который также в «МК» уверял нас, что «Теневая сторона Камелота» – исчерпывающий каталог всех слухов и сплетен о Кеннеди» и что тот, кто поверит этой книге, «ошибется. В девяноста пяти случаях из ста. Утверждения*censored*ша слабо документированы». Итак далее. Так из какой же части книги*censored*ша составил Стуруа свою «клубничку»? Кстати, почему-то и*censored*ш, и Стуруа в своих живописаниях по поводу «беременности» и «аборта» Мэрилин упустили один важный «доказательный» факт. Летом 1962 года президент Кеннеди нанес официальный визит в Мексику. Скорее всего, он приурочил его к пребыванию там возлюбленной, чтобы «тайно» и «без особого шума» встретиться со своей верной «солдаткой» и выразить ей сочувствие. Если они не смогли предохраниться в «ту памятную» майскую ночь, то, по мнению компетентных медиков, все сроки совпадают.

Вообще надо сказать, что в последние годы «бытовуха», связанная с внутрисемейными проблемами супругов Кеннеди, стала выходить на первый план и постепенно оттеснять политические версии событий в Далласе. Включилась в хоровод и российская пресса, выдержки из которой, помимо «печальной повести» Стуруа, заслуживают того, чтобы привести их среди последних новинок темы: «Летом 1950 года в казино Монте-Карло приехал молодой и богатый американец. За неделю азартный янки оставил крупье все свои деньги (говорят, 200 тысяч долларов). Через каких-то десять лет этот же американец баллотировался в президенты США. Его соперник отправил в казино частных детективов, чтобы те раздобыли компромат, и приказал приготовить плакаты: «Как мы можем доверять судьбу страны человеку, который проигрался в рулетку?!» Онассис – а именно ему принадлежало казино – поговорил с родителями неудачливого игрока… Тела частных детективов и их нанимателя нашли через три месяца. А молодой человек, игравший в казино, стал президентом. Звали его Джон Фицджералд Кеннеди. Так Онассис сделался другом самой могущественной семьи Америки».

Далее рассказывается о знакомстве Аристотеля Онассиса с греческой оперной певицей Марией Каллас, их любви и разводе в связи с его женитьбой на вдове того самого непутевого молодого человека, которому он когда-то помог: «К этому времени отношения Жаклин с остальными членами клана Кеннеди испортились окончательно. А брак с Онассисом был для нее ссылкой, не слишком почетной, по мнению публики. Сам Онассис тоже не особо горел желанием вступать в брак, но ему пришлось согласиться: для Аристотеля это была деловая сделка. Не более» (Семь дней. 1996. № 38).

А вот описание других событий в семье Кеннеди, совпадающих по времени с периодом дружбы с Онассисом.

«СТРАШНАЯ ТАЙНА ОЖЕРЕЛЬЯ ЖАКЛИН КЕННЕДИ

…Среди многочисленных картин, изделий из золота, серебра, драгоценных камней, которые вместе с «Титаником» пошли на дно, в описи числилось ожерелье из рубинов бриллиантов, сапфиров и изумрудов. Все камни были чистой воды. Рубины в ожерелье были огранены в известной голландской фирме «Ашер» из одного крупного камня величиной с куриное яйцо (225 каратов) и делали ожерелье уникальным.

ВИНОВАТЫЙ СУПРУГ ИЛИ ЩЕДРЫЙ ЛЮБОВНИК?

В декабре 1960 года Джон Кеннеди после очередной размолвки с женой в знак примирения подарил Жаклин ожерелье из рубинов, бриллиантов, сапфиров, изумрудов… Когда Джекки примеряла подарок, Джон обратил внимание, что ожерелье не совсем похоже на то, которое он заказал у ювелира, но оно нисколько не хуже, даже изящней, а рубины были к лицу смуглокожей Жаклин Кеннеди. На следующее утро президент послал дополнительный чек на имя ювелира со словами благодарности за работу, превзошедшую все ожидания.

Драма произошла, когда Джон и Жаклин Кеннеди устроили рождественский прием в резиденции Белого дома. Среди приглашенных был представитель страховой компании «Ллойд» Винсент Харлей, который, увидев ожерелье на шее жены президента, побелел и хлопнулся в обморок. Придя в себя, он извинился и, никому ничего не объясняя, поспешил покинуть Белый дом. На следующий день он принялся кропотливо изучать каталоги произведений искусства «Титаника», которые в свое время составила его компания. Винсент был уверен, что это именно то ожерелье, которое считалось утерянным при кораблекрушении. Всю следующую неделю Харлей пытался проследить путь загадочного украшения. Расспросы ювелира ясности не внесли. Оказалось, он сделал на заказ ожерелье для жены президента и за изделием никого не прислали. Присланный Джоном Кеннеди чек ювелир принял с некоторым удивлением, решив, что это оплата за доставленное беспокойство и невостребованный заказ. Ювелир выставил невостребованный подарок на общую витрину. Дотошный Винсент Харлей договорился с президентом о личной встрече.

Но встреча так и не состоялась: по дороге к Белому дому семидесятичетырехлетний Винсент Харлей, отличавшийся завидным для его возраста здоровьем, умер в машине от сердечного приступа. Близкие господина Харлея заподозрили неладное, но полиция за неимением улик отказалась взять дело на расследование. Ожерелье так и осталось у Жаклин Кеннеди, которая, по рассказам очевидцев, пришла в странное замешательство, узнав о скоропостижной кончине старейшего сотрудника страховой компании. После этой загадочной смерти Жаклин никогда больше не надевала ожерелье. Похоже, Джекки была посвящена в тайну украшения, которую так и не удалось разгадать ни ювелиру, ни любопытному страховому агенту, ни ее мужу. Возможно, она специально воспользовалась случаем представить на всеобщее обозрение подарок. Весь вопрос, чей же подарок?

…Как через полвека ожерелье с затонувшего «Титаника» оказалось в Белом доме, кто все-таки подарил его Жаклин Кеннеди, как оно попало к ее таинственному поклоннику,

остается загадкой. По версии одного чиновника из страховой компании, во льдах Гренландии нашли замерзшего капитана Эдварда Джона Смита, сохранившегося с 1912 года, и столь же необыкновенно «законсервировавшуюся» пассажирку, на шее которой и было ожерелье из рубинов, алмазов, сапфиров и изумрудов» (Семь дней. 1996. № 35).

В итоге столь замысловатой «бытовухи» автор публикации приходит к глубокомысленному выводу: «О скандалах в семье президента на почве взаимной супружеской неверности знала вся Америка. По версии, которая нам (?!) кажется довольно убедительной (?!), далласское убийство Джона Кеннеди имело не политические, а глубоко личные мотивы. И неспроста (?!) уже более тридцати лет криминалисты, политики, бизнесмены ломают себе головы, почему был убит 35-й президент США. Может быть, причина (?!) была в Жаклин Кеннеди?» (Там же).

Одна загадка теснит другую и претендует стать ключом к ее разгадке. Ну что ж, уважаемый читатель, давайте попробуем ответить на поставленный выше вопрос. Посмотрите, как легко это можно сделать.

Складываем информацию из двух разных публикаций и проводим над ней небольшие манипуляции с помощью формальной логики. В результате получаем некий полуфабрикат, а именно следующее. В период общения Онассиса с семьей Кеннеди между Жаклин и Аристотелем возникают симпатии, постепенно перерастающие во взаимное увлечение. Этому способствует обида Жаклин на супруга за его постоянные ходки налево. Аристотель выражает ей глубокое сочувствие, отношения приобретают «интимный характер» (протокольное определение). В память о первой близости судовладелец-миллиардер, тайный обладатель ожерелья с «Титаника», преподносит его Джекки, теперь уже своей любовнице. Они оба в браке, поэтому тщательно скрывают свою связь, опасаясь громкого скандала.

Итак, основа интриги создана. Теперь – по прямой к Далласу. Но, чтобы продолжить композицию, придется прибегнуть к некоторым заимствованиям из ранее цитировавшихся источников.

На одной из конспиративных встреч Жаклин, захлебываясь слезами, рассказывает Аристотелю об очередном романе Джона, на этот раз с ее собственной пресс-секретаршей. В гневе она произносит: «Я бы задушила или пристрелила мерзавца, но не могу сама поднять руку на отца моих детей». Аристотель всячески утешает подругу, но в нем закипает злость на того, кого он однажды спас и кому помог стать президентом США. Про себя грек решает проучить прохвоста и избавить Джекки от постоянных треволнений. Опыт и связи для проведения подобных дел у него имеются. Жаклин не посвящается в задуманное.

22 ноября Джон застрелен на руках у жены. Кем? За что? Откуда? Все прошлые обиды растворяются в нахлынувшем горе.

Проходит время. Брат погибшего мужа Роберт что-то пронюхал. Отношение к вдове Джона в клане Кеннеди резко изменилось. Что ей делать? Восстановлен контакт с Аристотелем. Двусторонней любви нет, но достигается деловое соглашение, и празднуется свадьба. Клан прекращает копать дальше в этом направлении. Теперь подкрепим нашу версию словами из неволи одного из «участников» покушения на президента, гангстерского шофера Джеймса Файлса, которые придется повторить: «Среди полученных… особых инструкций было распоряжение о том, что жена президента – Жаклин Кеннеди – нив коем случае не должна пострадать.

<…>…В заговоре был замешан еще один человек, но именно поскольку тот еще жив,

[Файле] наотрез отказался назвать его (ее?! – О.Н.) имя».

Напомним, что Жаклин на период «признаний» мафиози была жива.

Теперь все расставлено по своим местам. Версия о «глубоко личных мотивах» убийства президента Кеннеди подтверждена «документально». На вопрос: «Может быть, причина была в Жаклин Кеннеди?» – дан положительный ответ. К 35-й годовщине событий можно готовить потрясающий воображение материал и сенсационные заголовки:

ДЖОНА КЕННЕДИ ЗАКАЗАЛА ЕГО СОБСТВЕННАЯ ЖЕНА!
ОЖЕРЕЛЬЕ НА ШЕЮ ЖЕНЕ. ПУЛЮ В ЗАТЫЛОК МУЖУ!
ОТ ТРАГЕДИИ «ТИТАНИКА» К ДРАМЕ В ДАЛЛАСЕ!

Ранее на страницах моей книги было рассказано, как готовятся «активные мероприятия» на кухне спецслужб. Теперь я попытался показать на конкретном примере покушения в Далласе, как независимые исследователи могут создавать сногсшибательные «версии», то ли по неразумению, то ли корысти ради.

Вообще, стараясь отслеживать появление новых или старых, переделанных на новый лад, «версий» покушения на Кеннеди, я обратил внимание на то, что, как бы это цинично ни звучало, они стали рекламной этикеткой, позволяющей проталкивать в СМИ немыслимую чепуху, подобную той, что приведена выше. Еще одна особенность – публикации типа «Убийство в Далласе» или «Загадка (разгадка) Далласа» бывают приурочены не только к очередным годовщинам, что было бы понятно, но тем или иным образом затрагивают какие-то текущие события.

В 1997 году за океаном высокого накала достигла тема продолжения российско-американского космического сотрудничества. И вот незадолго до 34-й годовщины далласских событий в США публикуется интервью с сыном Н.С. Хрущева: «…Сергей поведал американской прессе о том, что отец в свое время вел активные переговоры с американским президентом Джоном Кеннеди о совместной высадке российских и американских астронавтов на Луну. И договоренность была, оказывается, практически достигнута, но официальному закреплению партнерских отношений помешала гибель Кеннеди, которая произошла незадолго до последнего раунда «космических» переговоров. Сменивший Кеннеди на посту президент Джонсон отчего-то не продолжил дело, начатое своим предшественником, что, очевидно, должно свидетельствовать о существовании некой связи между неоконченными переговорами и гибелью любимца Америки. И хотя автор не проводил прямых параллелей между этими двумя событиями, смысловой мостик между ними перекидывается без особого труда» (Московский комсомолец. 1997. 6 окт.).

Трудно не согласиться с таким комментарием газеты, как и с заключительным выводом публикации: «Так что понятно, что тайное, если оно действительно было, становится явным не просто рано или поздно, а тогда, когда на него имеется хороший спрос».

Все это в полной мере относится к произведению «разгребателя грязи» Сеймура*censored*ша. «Теневая сторона Камелота» появилась как раз тогда, когда большая тень «сексуальных домогательств» накрыла президента Соединенных Штатов Билла Клинтона. Вся Америка, прильнув к телеэкранам, с нетерпением ждала результатов экспертизы по идентификации «особых примет» на гениталиях президента-домогателя. А в это время типографские комбайны выбрасывали на-гора тираж повествования о сексуальных похождениях другого «любимца Америки», одно из которых, вероятно, могло послужить причиной его гибели. Под такую сурдинку главное сыграть вовремя и в

нужном месте. Не важно, что потом одни будут подпевать, а другие – орать от негодования. Шар запущен.

Складывается впечатление, что при тесном общении с русскими в последние «постхладовойные» годы в Америку проник «вирус антикумирус», вызывающий широко распространенное в России хроническое заболевание, передающееся по наследству. Вначале оно гуляло по Российской империи, затем поразило Советский Союз, теперь от него страдает Российская Федерация.

Питательной средой возбудителя является верховная государственная власть, а переносчиками – чиновничество и СМИ. Болезнь имеет три этапа, каждый из которых характеризуется ярко выраженными признаками и парадоксальным состоянием «пораженного». Сначала его возносят на пьедестал как «кумира». Затем следует «культовый» этап, который может продолжаться пожизненно и даже post mortem. Этап «развенчания» может наступить сразу после первого или в любой момент прервать второй. Пока, судя по истории болезни, вакцины против нее не существует, и вирус уже вырвался за пределы российской территории и перебрался даже через океан, где наблюдаются его мутации.

А в России, в свою очередь, у впечатлительных натур стал проявляться перебравшийся из Америки синдром «далласских загадок».

//-- «ДЖЕК РУБИ или ЯКОВ РУБИН? --//

//-- НИТИ ЗАГОВОРА ПРОТИВ КЕННЕДИ ВЕДУТ В МОСКВУ --//

В этом году исполняется 30 лет со дня убийства американского президента Джона Фицджералда Кеннеди. И если об этом событии и официально названном убийце Ли Харви Освальде написано и рассказано немало, то об убийце самого Освальда, Джеке Руби, известно не слишком много (?). По данным (!) нашего автора, этот человек в послевоенные годы жил в Москве (!!!)».

Под таким интригующим заголовком и прицеленной редакционной врезкой были опубликованы в октябре 1993 года размышления автора, которыми, по его словам, он поделился с «газетой с интригующим названием «Совершенно секретно»» (1993. № 10).

Автор в конце 1945 года играл в известном джаз-оркестре под управлением Лаци Олаха, где познакомился с приятелем последнего, неким Яковом Рубиным, «или попросту Яшей», который якобы появился в Москве, спасаясь от преследований в Польше, так как был евреем и сионистом. Никто не знал, чем он занимается, но какое-то время Яша был ударником в другом джазе. Далее повествуется об их общении, совместных покупках музыкальных инструментов, об увиденном у Яши чемодане, наполовину набитом советскими деньгами в купюрах крупного достоинства, о его связях с Союзом польских патриотов в Москве.

Это, так сказать, фактологическая часть публикации, а затем следуют авторские размышления, которые, очевидно, и являются «нитями заговора против Кеннеди», снова ведущими в Москву: «Сидя осенним вечером 1963 года у радиоприемника, я услышал взволнованный голос диктора зарубежной станции, вещающей на английском языке о том, что в Далласе стреляли в американского президента. А позже та же радиостанция сообщила, что владелец ночного кабаре «Карусель» Джек Руби застрелил в тюрьме города Далласа предполагаемого убийцу Дж. Ф. Кеннеди Ли Харви Освальда.

«Джек Руби – кабаре – ночные развлечения – девочки – карусель…», – проносилось у меня в голове, напоминая что-то очень знакомое. И вдруг я подумал: а не есть ли этот Джек Руби тот самый Яков Рубин, живший в Москве в 1945 году? Тем более что

английские Джекоб, Джек – абсолютно полные синонимы русского имени Яков. Яша. А фамилия Рубин и Руби – сокращенный вариант от Рубинштейн. Вспомнилась и любимая им виртуозная пьеса, которую он так и не смог одолеть на аккордеоне, и его привилегированное положение в послевоенной Москве, и чемодан с деньгами, и, главное, мечта Якова Рубина – уехать подальше и открыть ночное заведение, где все крутилось бы, как манящая огнями карусель. Мечта, которую осуществил в Далласе Джек Руби, назвавший свое кабаре не по-английски «Мерригоураунд», как следовало бы ожидать, а именно «Карусель», как называют этот аттракцион в Европе и, в частности, в России. И еще: Яша уехал из СССР в 1946 году. В том же году в Далласе появляется некто Джек Руби…».

«Случайные совпадения?» – вопрошает автор и берет след. Однако тщетны попытки найти фотографии Джека Руби в советской прессе: «Особенно желательна была бы в профиль – у Яши Рубина характерная форма носа, и если бы это был он, я его узнал бы». Заинтересованная газета с «интригующим» названием пытается помочь автору, запросив материалы на Руби в США. Но на факсах очень плохие старые и смазанные фотографии, и в публикации не сказано, присутствовал ли на них интересующий нос. Поступившие новые для исследователя биографические данные Руби лишь запутывают его, и поэтому все дальнейшие «размышления» – уже наглядный яркий пример проявления синдрома «загадок Далласа»: «Сейчас, когда я вчитываюсь в биографические строки Джека Руби и сопоставляю различные факты, меня не покидает ощущение какой-то ловкой подмены человека или его биографии. Это как в фокусе с игральной картой (!). Вы ее запомнили и крепко держите. И вдруг оказывается, что у вас в руках совсем другая карта, – так ловко и незаметно вам ее подменили».

Помните, читатель? На пути из Далласа в Вашингтон подменяли гробы и «ловко» перебрасывали тело убитого президента, потом опытный английский исследователь разоблачил подмену Освальда и добился эксгумации его останков. Теперь подменили новую карту – то ли Джека Руби на Яшу Рубина, то ли наоборот. Кто следующий в колоде? Остался еще полицейский офицер Типпит.

Очевидно, впечатлительный джазист, на время отставив аккордеон, решил всерьез заняться расследованием убийства века: «Самый главный вопрос, от которого зависит все остальное, это – где был Джек Руби осенью 1945 года?

…Если же возникнет хоть малейшее сомнение в том, что механик, служивший в 1945 году в ВВС США, и человек, стрелявший в Далласе в Освальда, одно и то же лицо, то раскопки стоит продолжать, так как, ответив на вопрос, поставленный в заголовке, мы приблизимся к разгадке (!!!), чья же рука убила президента Джона Фицджералда Кеннеди».

Так ответ-то уже содержится в подзаголовке публикации в «Совершенно секретно»: «Нити заговора против Кеннеди снова ведут в Москву!»

Мне очень импонируют люди, которые смело берутся за любое новое дело, но почему-то всегда хочется напомнить им всемирный закон технологии, гласящий: «Каждый должен нести свой чемодан».

Но уж если человек поставил перед собой непосильную, но благородную цель, так хочется помочь ему. Если пыл цитированного джазмена не угас, я готов предоставить в его распоряжение четкие фотоснимки Джека Руби анфас, в профиль и в три четверти на опознание, несмотря на большой риск. Ведь если носы совпадут, то все, кто занимался и занимается далласской проблемой, останутся с носом… А может, уговорить его забыть

про Яшу и Джека, попросить взять аккордеон и «слабать» ту забытую прекрасную «Карусель», от которой мы с друзьями тоже балдели в молодости?..

Но вернемся к другим творцам новых версий. Теперь занятие этим бизнесом становится небезопасным, или, как сейчас принято выражаться на американский манер, имеет свои «риски».

Еще в 1992 году издательство «Сент-Мартинс Пресс» выпустило книгу «Смертельная ошибка». Ее авторы утверждали, что смертельный выстрел в голову Кеннеди произвел находившийся в следовавшей сзади автомашине сотрудник Секретной службы Джордж Хикки. Услышав первый выстрел, охранник якобы схватил винтовку, снял предохранитель, но, готовясь к стрельбе, потерял равновесие, нажал на курок и выстрелил. Все попытки авторов встретиться с ним телохранитель отклонил.

Свой иск против издателей он подал лишь спустя три года после публикации книги, в 1995 году. Вначале Хикки отказали в иске в связи со сроком давности по подобного рода делам. Однако суд высшей инстанции признал, что в данном случае срок давности не истек, поскольку во многих статьях и передачах спустя несколько лет после выхода книги приводится указанная версия. В постановлении апелляционного суда ответственность за распространение книги возлагалась на издательство, которое поспешило на внесудебное урегулирование иска о клевете с оскорбленным охранником. Размеры будущей значительной компенсации обе стороны полюбовно договорились держать в секрете. Послужит ли этот прецедент уроком для других прытких «исследователей»?

После знакомства со всем изложенным на предшествующих страницах может возникнуть вполне резонный вопрос. Хорошо, ваши нападки или критика различных «заговорщических» версий понятны, они противоречат отстаиваемой вами позиции о роли Освальда как убийцы-одиночки. А пополнились ли ряды тех, кто придерживается такой же точки зрения по поводу покушения в Далласе?

Могу ответить утвердительно и привести два, на мой «пристрастный» взгляд, убедительных примера.

В 1996 году в США вышла книга «Задание: Освальд» бывшего специального агента ФБР в Далласе Джеймса Хости, не раз упоминавшегося в моей работе. Он вел дело Освальда до покушения, а затем принимал непосредственное участие в расследовании убийства президента. В качестве свидетеля его привлекали в последующем официальные следственные комиссии и долгие годы осаждали журналисты и «независимые» исследователи. По существу, он явился козлом отпущения и был наказан директором ФБР Э. Гувером за то, что разрабатывал Освальда (как, замечу, и КГБ) как возможного шпиона и не разглядел в нем потенциального террориста, представлявшего собой угрозу для жизни президента.

Названную книгу я прочитал, как говорится, взахлеб. Это подробный рассказ «изнутри» о реакции ФБР и других американских спецслужб на 22–24 ноября, об их «тесном» взаимодействии в период расследования, в основном с целью прикрыть собственный зад и подставить чужой. О бюрократических уловках, позволяющих чужие успехи ловко представить как свои и заработать на этом авторитет и поощрение. Многие «технологические» приемы легко узнавались благодаря моему собственному прежнему опыту, поскольку принципы бюрократии универсальны. Конечно, появись это повествование Хости 35 лет назад, оно послужило бы хорошим подспорьем в нашей оперативной работе по Главному Противнику, позволяя лучше понять особенности его психологии и специфическую логику принятия решений. Но это, так сказать, сугубо

профессионально-корпоративная оценка книги. А сам автор завершает ее так: «Думаю, в этой книге я показал с избытком свою веру в то, что Ли Освальд убил президента Кеннеди. Я убежден, что Освальд действовал в одиночку. Я пришел к своим заключениям исключительно на легкодоступных свидетельствах, которые может изучить любой желающий…

Любой, кто тщательно изучил улики, как это делал я в течение многих лет, не может не прийти к заключению, что Освальд был единственным стрелком. Большинство людей пришли к своим выводам по поводу убийства на основании краткого, отрывочного чтения различных теорий. Очень мало людей ознакомились со всеми свидетельствами… На основе всех этих свидетельств и, более того, моей собственной жизни я не могу понять, почему некоторые люди все еще думают, что Освальд не делал этого или что был второй стрелок.

Как я сказал, свидетельства – в распоряжении любого желающего их изучить».

А вот как, по мнению Хости, «желающие» изучают доступные свидетельства: «Я часто сталкивался со всеми типами диких теорий убийства, представленных кажущимся бесконечным рядом buffs and pundits. В почти каждом случае я находил, что они вели свои «расследования» шиворот-навыворот. Фундаментальное правило проведения любого расследования означает, что вы должны определить начало и от него продвигаться вперед. Накапливаемые улики (свидетельства?) приведут нас со временем к подозреваемому. Только тогда, в конце расследования, становится ясно, кто является виновной стороной. Но эти «buffs» всегда начинают с конца, от их сложившегося убеждения или теории, и работают в обратном направлении. Они сначала определяют виновную сторону – мафия, правые фанатики, военно-промышленный комплекс, прокастровские кубинцы – и затем начинают доказывать свою теорию, используя только свидетельства, которые ее подкрепляют. Эти люди неспособны понять: то, что частное лицо или группа имела мотивы для убийства Кеннеди, еще не означает, что они сделали это.

Можно предположить, что «заговорщики» при опросах свидетелей использовали такие наборы вопросов, ответы на которые должны были подкреплять именно их «теорию» заговора, то есть доказательства строились не «от противного», не с целью опровержения собственной версии, а наоборот, для ее подтверждения. Это хорошо заметно, когда в разных книгах авторы делают ссылки на одних и тех же свидетелей, но для подкрепления совершенно противоположных гипотез».

То же самое, если читатель помнит, говорил и его покорный слуга.

Мы с Джеймсом Хости, к сожалению, не были знакомы и не могли обменяться мнениями по этой проблеме. При чтении его книги я увидел, что наши позиции по основным вопросам почти полностью совпадают. Но, наверное, и подискутировали бы, поскольку я не разделяю тот вывод, что Освальд убил Кеннеди по «политико-идеологическим» мотивам, «потому что пытался произвести впечатление на советских и кубинцев (прокастровцев. – О.Н.)».

А не пора ли воскликнуть: «Чему ж удивляться, что они оба валят все на Освальда-одиночку? У одного он был на связи в качестве информатора вплоть до дня убийства, а второй через другого агента КГБ готовил Освальда к покушению!» Чуть-чуть подработать – и готова очередная «дикая» версия о совместной причастности ФБР и КГБ к ликвидации президента США.

Осенью 1997 года Москву посетил «инженер человеческих душ» Норман Мейлер, патриарх серьезной литературы США. Друзья называют его «американским Толстым».

Дважды лауреат Пулитцеровской премии, с 1984 по 1986 год – президент американского ПЕН-клуба. В СССР вышли его романы «Нагие и мертвые» и «Американская мечта», а теперь в России – «Призрак *censored*тки».

Из интервью «Комсомольской правде» во время визита в Москву:

«Вопрос. Несколько лет назад вы приезжали в Москву, чтобы собрать материалы по делу Ли Харви Освальда. Не расскажете об этом?

Ответ. У меня есть друг по фамилии Шиллер, который сказал: «Мне кажется, КГБ разрешит нам ознакомиться с материалами по делу Ли Харви Освальда. Вас это интересует?» Я сказал – да.

Все дела в это время находились в Минске – Ли Харви там жил два года…

Я, Шиллер, переводчица Людмила Пересветова поселились в Минске и жили там полгода, с конца девяносто второго. Мы проинтервьюировали много людей, вплели кое-что из материалов КГБ. На основе всего этого я написал книгу «История Освальда».

Вопрос. Насколько мне известно, в этой книге пришли к выводу, что все-таки Освальд убил президента Кеннеди.

Ответ. Да, в общем, так можно сказать. Но я… гм… не совсем уверен в этом выводе. Я бы сказал, что на семьдесят пять процентов это так. Потому что Освальд обладал характером человека, способного на убийство. Но все-таки довольно много вопросов остаются открытыми» (Комсомольская правда. 1997. 7 окт.).

Здесь я позволю себе сделать небольшое отступление. Как уже упоминалось, существует любительский «восьмимиллиметровый» фильм Абрахама Запрудера – документ, состоящий из нескольких десятков кинокадров, который правительство США недавно выкупило у семьи автора съемки за 16 миллионов долларов.

Утром 22 ноября 1963 года Абрахам Запрудер, местный мелкий бизнесмен, занимающийся пошивом одежды, вместе со своей секретаршей занял удобную позицию на «травянистом холме», протянувшемся по правую сторону Элм-стрит, по которой должен был проследовать кортеж президента Джона Кеннеди. И вот кортеж свернул с Хьюстон-стрит на Элм-стрит у здания склада школьных учебников. Вначале камеру заело, но заминку удалось быстро устранить. Открытая машина с президентской четой и техасским губернатором с супругой приближается, наезжая на объектив. Президент приветствует сограждан, лицо Жаклин сияет. На мгновение автомашину от оператора закрыл дорожный указатель. И в следующий миг руки президента конвульсивно дернулись к шее, а голова стала клониться вперед.

Все эти трагические секунды бесстрастно фиксировала на цветную пленку кинокамера Запрудера. Свыше 500 снимков, запечатлевших с разных точек мгновения убийства, были сделаны 75 фотографами. Но из всех фоторабот и трех любительских фильмов именно лента Запрудера стала самой важной для определения деталей покушения. Фильм с точностью хронометра позволил вычислить время первого и последующих выстрелов.

Благодаря этой съемке эксперты установили, что первый выстрел обернулся промахом, а третий, смертельный, был произведен также, как и предыдущий, сзади-сверху. Последний вывод опроверг попытки теоретиков «заговора» доказать наличие второго стрелка. Интересно, что и российские эксперты по баллистике и судебной медицине с Петровки, 38, по моей просьбе еще в 1993 году с помощью новейших методов провели исследование все того же 313-го кадра. Официальное заключение: «Характеристики раны головы свидетельствуют, что выстрел был произведен сзади-сверху».

Фильм Запрудера опроверг и показания некоторых свидетелей, пожелавших войти в

историю. Так, некая Джейн Хилл утверждала перед Комиссией Уоррена, что находилась рядом с машиной президента во время его первого ранения. Однако в кадре ее не оказалось, что, естественно, сразу же девальвировало ее показания о втором стрелке (но не помешало использовать ее фантастические «свидетельства» в фильме О. Стоуна «Джей Эф Кей».) В то же время попавшая в кадр Запрудера в момент фатального выстрела другая свидетельница, Фрэнсин Барроуз, показала, что не заметила никаких выстрелов с той стороны.

Впервые фрагменты фильма Запрудера были использованы в расследовании обстоятельств покушения на президента Кеннеди Комиссией Уоррена, причем в репродукциях невысокого качества, что затрудняло их анализ. В дальнейшем этот документ изучался всеми официальными комиссиями и экспертами, а также многочисленными независимыми исследователями. Сам Абрахам Запрудер в качестве свидетеля в расследовании не участвовал. Эксклюзивные права на фильм у автора приобрел американский журнал «Лайф» за 50 тысяч долларов и опубликовал покадровую цветную подборку в одном из своих номеров еще в 1960-е годы.

Запрудер скончался в 1970 году от сердечной недостаточности. В 1975 году «Лайф» вернул фильм его семье – вместо того, чтобы передать в Национальный архив. Впоследствии сын Абрахама Генри распродавал права на использование фильма в книгах, документальных и художественных картинах, получая за это значительные суммы, нередко в десятки тысяч долларов. Теперь уже за миллионы долларов этот ключик к разгадке покушения в Далласе обрел вечное пристанище в Национальном архиве США.

Надеюсь, приведенные факты в комментариях не нуждаются.

Но вернемся к визиту Мейлера в Москву в 1997 году. К тому же периоду относится и мое знакомство с ним и его командой.

Мне было предложено стать консультантом их проекта, от чего я отказался, поскольку работал над своей книгой по той же проблеме. Будучи «конкурирующими фирмами», мы тем не менее периодически встречались и обменивались мнениями. Последняя беседа с Норманом состоялась в Далласе во время симпозиума в 1993 году. Он уже успел пролистать мою работу и задал несколько вопросов. Больше всего его поразило, как Освальд мог вооруженным войти в посольство и почему так легко ему вернули револьвер и патроны. На первый вопрос я ответил, что проблема терроризма против наших загранучреждений тогда еще не приобрела такой остроты и меры предосторожности были недостаточно строгими. В ответ на второй мне оставалось только пожать плечами. Норман так описывает мою реакцию на остальные вопросы: «Нечипоренко пожал плечами. «Так случилось», – сказал он. Он не мог объяснить, почему Яцков так поступил, но тогда это не казалось чем-то необычайным…

– Хорошо, – продолжал я. – Можно понять, что вернули оружие. Но патроны! А что, если бы Освальд после ухода зарядил револьвер и застрелил бы первого попавшегося человека на улице и потом сказал: «Русские дали мне патроны»?

Нечипоренко покачал головой. «Произошло то, что произошло, – сказал он, – и, наверное, вы должны были находиться там, чтобы поверить». Они просто не побоялись, что этот человек, Освальд, мог бы выйти на улицу и нанести ущерб своим оружием».

Признаюсь, что тогда нам и в голову не пришли такие опасения. Может быть, в Мексике мы просто привыкли к общению с вооруженными людьми, которых было немало среди наших связей. Вздрагивать по этому поводу я стал много лет спустя, уже работая над книгой. В рукописи, в увязке с убийством полицейского Типпита Освальдом, даже

появилась фраза: «…И не были ли патроны и барабане его револьвера теми же, что вернули ему перед уходом из советского консульства 28 сентября?»

Валерий Костиков, прочитав рукопись, предложил убрать этот пассаж по политико-этическим соображениям. Однако я сохранил его, и он вошел в американское и настоящее издания.

Но, безусловно, эпизод с револьвером Освальда был большим ляпом с нашей стороны, и помалкивали мы о нем 30 лет.

Ниже хочу привести выводы, сделанные Норманом Мейлером в конце своей книги, и возникшие вопросы, которые он, очевидно, имел в виду в интервью «Комсомольской правде»: «Таким образом, существенный вопрос заключается не в том, способен ли был Освальд совершить свой поступок, а в том, имел ли он душу убийцы…

К настоящему моменту мы знаем довольно много об Освальде. Допуская, что избранные автором факты существенны – важная предпосылка, когда речь идет о Ли Харви, все-таки трудно не поверить в то, что он нажал курок. Прежде всего это ломает наше представление о том, что Освальд позволил бы другому человеку, находящемуся на шестом этаже, выстрелить из его манли*censored*-каркано, в то время как он сам замешкался в буфетной, четырьмя этажами ниже. С какой целью? Что бы это ему дало? Даже если бы он разрешил другим использовать таким образом свою винтовку, он все равно непосредственно причастен к случившемуся, пусть в самом заговоре ему отводилась роль не более чем колесика в машине. Едва ли это было бы достаточным для человека, который изображается на протяжении всей этой книги. Если не понять его характер с этой точки зрения – значит не понять Освальда совсем.

Если кто-то склонен считать Освальда невиновным или по крайней мере частью заговора, тогда чей-то другой мрачный вердикт заключается в том, что Ли был способен убить Кеннеди и что он, возможно, совершил это в одиночку.

…Когда короли и политические деятели великих наций появляются на публике в запланированных мероприятиях, мы можем даже ожидать специального свойства космоса – аккумулировать совпадения: все разнообразие событий стремится в центр происходящего. Вполне допустимо, что два вооруженных человека с разными намерениями и абсолютно независимо друг от друга стреляют в один объект с разницей во времени в несколько секунд.

Все совпадает, ничто не противоречит предположению, что Освальд – по крайней мере, как он себе представлял, – был единственным стрелком. Все знания, приобретенные нами об Освальде, указывают на одиночный характер его поступка. Кроме того, очень трудно, независимо от того, в каком направлении идут поиски иных сценариев, поверить в то, что его могли выбрать в качестве стрелка для участия в заговоре. Другие любители? Возможно. Но не профессионалы. Кто бы доверил ему поразить цель? Любой согласованный план, который уготовил для Освальда роль стрелка, должен бы быть составлен с тем расчетом, что он промахнется…

Наконец мы подошли к ряду последних вопросов. Почему Освальд выбрал Кеннеди?

Все свидетели, вспоминая отдельные высказывания Освальда о Кеннеди, единодушны – редчайший феномен для свидетельских показаний. Проще говоря, они согласны в том, что Освальд считал Дж. Ф. Кеннеди хорошим президентом и он ему нравился. Или, по крайней мере, он так заявлял. Может возникнуть вопрос, а не старался ли он, со свойственной ему рефлексивной лживостью, с помощью болтовни скрыть, особенно от Марины, малейший намек на то, что у него в уме уже был план убийства? Однако, так как

Освальд не имел ни малейшей возможности, находясь в Далласе или Новом Орлеане, приблизиться к трону, чтобы исполнить свое намерение, наиболее разумным предположением может быть то, что ему, возможно, нравился Кеннеди так, как может нравиться обычный политик, но в конце концов его чувства никак не повлияли на его действия. Он не стрелял бы в Кеннеди только потому, что он ему нравился или не нравился, – это не соответствовало бы природе его поступка.

Фокус затем сместился. Можно оспаривать эту точку зрения; по всей вероятности, Освальд, скорее всего, виновен. Что же тогда оказалось подлинным намерением его поступка?»

Насколько мне известно от самого Мейлера, начиная свой проект, он стоял на позиции «заговорщика». Недаром на открытии «Симпозиума-30» в Далласе, организованного «заговорщиками», именно ему была предоставлена честь произнести вступительное слово. В планы его работы вообще не входило исследование обстоятельств самого покушения в Далласе. Первоначально он предполагал попытаться проникнуть в психологию Освальда и завершить труд эпизодом ухода последнего из советского посольства в Мехико навстречу неизвестности. Но, судя по содержанию его книги, Норман не смог или не захотел остановиться на полпути своего персонажа и был втянут в воронку далласских событий, изучение которых и привело его к процитированным выводам.

Итак, сравним позиции двух представителей совершенно разных слоев американского общества. Один – непосредственный участник событий, второй – сторонний наблюдатель. Один – профессионал-оперативник, владеющий технологией расследований конкретных преступлений, другой – «инженер человеческих душ», маститый писатель.

Первый уверен, что Освальд – убийца-одиночка, на 100 процентов, второй – на три четверти (я практически убежден: заявление Мейлера, что он уверен в виновности Освальда-одиночки на 75, а не на 100 процентов, всего лишь его публичная уступка своим друзьям-«заговорщикам»).

Можно подозревать агента ФБР Джеймса Хости в том, что он стремится «прикрыть» версией одиночки свою бывшую службу, которая значится среди организаторов «заговора». Но как быть с независимым писателем Норманом Мейлером, который после тщательного изучения психологии Освальда в рамках его биографии и обстоятельств покушения в Далласе перешел из стана «заговорщиков» в ряды приверженцев столь непопулярной в США версии «убийцы-одиночки»?

Вообще, может быть, зря писатель Мейлер ввязался в «разгадку» Далласа? Ведь, как уже говорилось, теперь это становится небезопасным делом…

Проживая в Минске, Освальд поддерживал тесные отношения с семьей иммигрантов из Аргентины Зигеров. Ее глава, Александр, по-отечески опекал американца на заводе, и последний проводил много времени в доме своих новых знакомых, дружа с их дочерьми – Анной и Элеонорой. Зигеры вернулись в Аргентину в 1969 году, но старшая дочь, Элеонора, задержалась в Союзе еще на 10 лет. Александр Зигер скончался в 1993 году, а его супруге сейчас уже за 80. В своей книге Мейлер описал отношения Освальда с Зигерами, а в приложении высказал сожаление, что не удалось побеседовать ни с кем из них.

Однако это удалось корреспонденту «Комсомольской правды» в Буэнос-Айресе Сергею Заворотному. Он взял интервью у младшей дочери – Анны. Вспоминая о дружбе Освальда с их семьей, она, в свою очередь, «уделила внимание» Норману Мейлеру: «Анна решила

подать в суд за оскорбление чести семьи Зигер на самого Нормана Мейлера, автора нашумевшей биографии Освальда. Аргентинка обиделась на маститого писателя за то, что он, по ее мнению, грубо исказил, а то и просто приврал в изложении фактов дружбы их семьи с Ли Харви Освальдом… Чем же задел за живое знаменитый писатель дочь Александра Зигера?

– Во-первых, откуда он взял, что я и моя сестра обожали загорать в бикини на балконе нашей квартиры, что якобы вызывало бурное осуждение у наших соседей? Да у нас и балкона-то не было.

Анна горячится. Вытаскивает из сумочки любительскую фотографию. Ее мама и папа действительно выглядывают из окна третьего этажа кирпичного дома в Минске. Балкона нет и в помине.

– Выдумал сеньор Мейлер и то, что мы якобы ходили на высоких каблуках и в коротких юбках, что жутко раздражало весь квартал. Все это неправда.

– Что же правда в рассказе писателя о вашей семье?

– Почти ничего. Освальд, например, не танцевал и не пел со мной танго, а я не учила его этому. Парень он был застенчивый, «вещь в себе». Предпочитал слушать танго и смотреть, как мы танцевали… (Помещенная в газете фотография, на которой изображены танцующие Освальд и Анна, явно говорит об обратном. – О.Н.)» (Комсомольская правда. 1997. 4 апр.).

По предположению корреспондента «КП», «дело, вполне возможно, окажется громким и скандальным», поскольку подобран уже адвокат, «шустрый малый», а пока сестрам «приходится ломать голову, откуда взять денег на тяжбу с богатым Мейлером». Поживем – увидим, а до тех пор «ждите ответа…».

На этом я собирался поставить точку в перечне очередных «разгадываний» и новых «загадываний», случившихся за истекшие семь лет, по далласской проблеме. Но – извините, уважаемые читатели – не далее как вчера получил от моих знакомых исследователей из США сообщение, с содержанием которого хочу вас ознакомить, но только при условии конфиденциальности. Привожу его с небольшими сокращениями: «Нами достоверно установлено, что жена Освальда Марина и президент США Джон Кеннеди состояли в любовной связи и поддерживали переписку, в качестве «почтальона» использовался специальный агент ФБР Джеймс Хости, которому для «крыши» было поручено ведение оперативного дела Освальда.

Тем самым он получал возможность посещать Марину в отсутствие мужа для обмена посланиями. В начале ноября Освальд обнаружил переписку, в семье разразился бурный скандал, в ходе которого он узнал о визитах Дж. Хости.

Охваченный гневом Освальд написал письмо с угрозами в адрес президента, ФБР и самого Хости и отнес его в местное отделение ФБР. Оно хранилось у агента Хости до 22 ноября и было уничтожено им после покушения на президента. Освальд накануне визита президента-соперника приехал домой за оружием для осуществления задуманной мести. Марина всю ночь вымаливала у него прощение, но он остался непреклонен. Утром, оставив обручальное кольцо, направился в Даллас для выполнения своего замысла. Чтобы избежать посмертной компрометации президента, Освальд был физически устранен, поскольку после задержания пригрозил все рассказать. Хости «командировали» в штат Канзас и пообещали сохранить жизнь при условии пожизненного молчания. Такое же условие было поставлено Марине, а для контроля над его соблюдением она через некоторое время была «выдана замуж» за агента спецслужбы. Документальные

подтверждения направим вам с ближайшей оказией».

Вот и все! Теперь осталась неразгаданной только тайна египетского Сфинкса.

В тот вечер после прочитанного известия голова кружилась, спать не хотелось. Не помогли даже 150 граммов доброкачественной водки. На какой-то момент забылся только глубокой ночью. Во сне мне явилась Пиковая Дама. Щурясь и криво усмехаясь, она язвительно спросила: «ТАК КТО ЖЕ УБИЛ КЕННЕДИ?»

И, держа перед собой веером три карты, исчезла.

Проснувшись, я подумал: кто и сколько еще времени будет раскладывать далласский пасьянс, тасуя замусоленную колоду?

МОЖЕТ, ПОРА ОСТАНОВИТЬСЯ?

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

И вот прошло еще восемь лет, но замусоленную карточную колоду продолжают тасовать.

СЕНСАЦИЯ!!! ЗАКАЗЧИКИ И ИСПОЛНИТЕЛИ ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕЗИДЕНТА КЕННЕДИ ИЗВЕСТНЫ!!!

«Освальд: Ты сказал, что ребята в Чикаго хотят избавиться от генерального прокурора (младший брат президента Кеннеди – Роберт. – О.Н.).

Руби: Да, но это нельзя сделать без того, чтобы во все не влезли федералы.

О.: Есть способ от него избавиться, не убивая его.

Р.: Это как?

О.: Я могу застрелить его брата.

Р.: Ты имеешь в виду президента?

О.: Да, президента.

Р.: Ты должен быть абсолютно уверен, что успеешь скрыться. Если позиция не будет правильной, то лучше упустить шанс, чем рисковать быть пойманным. Если ты скроешься, они обвинят в этом какого-нибудь сумасшедшего, коммунистов или даже политику, но никто никогда не должен знать, откуда деньги для этой работы.

О.: Откуда деньги?

Р.: Ты слышал о «черной руке», о «черной руке смерти»?

О.: Мафия?

Р.: Да, мафия.

О.: Я могу, однако, сделать это, все, что мне необходимо, – винтовка и высокое здание, но потребуется время, может быть, шесть месяцев, чтобы найти подходящее место. Но я должен иметь какие-то деньги на жизнь, пока буду готовить задуманное».

В завершение беседы Руби предупреждает Освальда, что мафия, если он будет задержан, поручит Руби убить его.

Эта бесценная информация для «заговорщиков» представляет собой фрагмент двухстраничной стенограммы «негласной записи» разговора, состоявшегося 4 октября 1963 года – за полтора месяца до убийства президента Кеннеди в ресторане «Карусель-клаб» в Далласе между Освальдом и Руби. В январе 2008 года ее озвучил на пресс-конференции окружной прокурор Далласа Крейг Уоткинс.

Еще год назад Уоткинс и его сослуживцы обнаружили в сейфе уже ушедшего из жизни бывшего прокурора Генри Уэйда 12 коробок материалов, относящихся к периоду

процесса над Джеком Руби. Содержимое коробок составляют документы процесса, тюремная переписка Руби (о судьбе самого оружия будет рассказано ниже), его бронзовый кастет, который он пускал в ход во время своих нередких потасовок, и одежда, предположительно принадлежавшая Руби и Освальду. Часть материалов остается еще не разобранной.

Среди найденного обнаружены контракт на фильм «Последний отсчет в Далласе» (Countdown in Dallas), подписанный Генри Уэйдом, и письма, в которых речь идет о сценарии будущего фильма.

Вот один из таких пассажей: «Я считаю, что фильм должен быть фактологически корректным, чтобы он был основан на официальных документах, чтобы свидетели, каким-то образом участвовавшие в событиях, были лично представлены в фильме. По моему мнению, результатом станет прекрасный фильм, интересный не только сегодня, но и как достоверное свидетельство событий для истории».

Помощница прокурора Уоткинса, Тэрри Мур, считает, что «стенограмма» является частью киносценария, над которым Г. Уэйд, бывший в 1964 году обвинителем в процессе Руби, работал в последнее время с продюсерами. Кроме того, она заявила, что «материал нереален. Злоумышленники так не говорят».

Администратор музея «Шестой этаж» на Дили-Плаза Гарри Мак, услышав о «стенограмме», рассмеялся и сказал: «Документально твердо установлено, что 4 октября Освальд находился в Ирвинге вместе с семьей. Он не мог одновременно быть в «Карусели» Руби». Можно добавить к этому, что 3 октября Освальд вернулся из известной поездки в Мексику, утром 4-го посетил по газетному объявлению компанию с целью устройства на работу. Получив отказ, позвонил Марине и через час добрался из Далласа в Ирвинг на попутном транспорте и находился там с семьей до понедельника 7 октября.

Что касается формы «стенограммы», то Г. Мак заявил, что в качестве «модели» для подделки использованы подобные документы, имеющиеся в отчете Комиссии Уоррена.

Такой обобщенный ответ на вопрос «А был ли мальчик?» вряд ли сохранит первоначальную эйфорию «заговорщиков» после озвучивания антикварной «карусельной беседы».

Кстати, тогда же в январе прокурор Уоткинс высказал намерение передать обнаруженные материалы по покушению на Кеннеди в музей «Шестой этаж»: «Здесь я живу, здесь это случилось, и я думаю, что хранение документов в «Шестом этаже» будет положительно влиять на развитие туризма в регионе». Вот такой региональный патриотический порыв! Власти Далласа в течение долгих лет старались исправить негативную репутацию города, где произошла американская трагедия, но вот уже почти 20 лет воспоминания о ней работают на благосостояние города, пополняя его казну.

Долгое время продолжались дебаты вокруг открытия для посетителей того этажа здания склада школьных учебников, откуда Освальд стрелял в президента. Наконец в 1989 году открытие состоялось. Во время пребывания автора в Далласе в ноябре 1993 года для участия в симпозиуме, посвященном 30-летию событий 1963 года, удалось посетить экспозицию, организованную на шестом этаже. «Снайперское гнездо» было отгорожено, но можно было увидеть панораму Дили-Плаза и представить маршрут движения президентского автокортежа, хотя метка места ранения Кеннеди тогда еще не была нанесена на проезжей части Элм-стрит. Но для меня главным экспонатом явилась крупномасштабная фотография на одной из стен помещения с изображением револьвера

смит-энд-вессон, который Освальд демонстрировал в нашем консульстве в Мехико тридцать лет назад, о чем я впервые рассказал в своей только что вышедшей тогда в США книге.

Теперь, судя по информации из Интернета, «музей 6-го этажа» – серьезное заведение, пользующееся широкой популярностью у туристов, – располагает всей присущей музеям атрибутикой: экскурсоводом, киоском, торгующим информационными изданиями и сувенирами, и билетной кассой. «Снайперское гнездо» – за стеклянной стенкой: коробки с книгами, восковая фигура стрелка и винтовка.

Городская администрация, учитывая интерес туристов, намерена развивать проект «Кеннеди – Освальд». Уже отреставрировано и приведено в тот вид, какой оно имело более 40 лет назад, то здание, где менее двух суток содержался арестованный Освальд. Туристам уже позволено посещать как камеру, где он находился, так и подвал, где его застрелил Руби. Но решение об организации там второго музея пока остается на бумаге.

А теперь поведаем историю принадлежавшего 45 лет назад Джеку Руби револьвера кольт-кобра, 38-го калибра, из которого одним выстрелом был убит Освальд в подвале полицейского управления Далласа.

В 1991 году некий застройщик из Флориды и заядлый коллекционер Энтони В. Пуглиезе III приобрел этот револьвер на аукционе за… 220 000 долларов. Затем новый владелец сделал из него 5000 выстрелов в бак, наполненный водой, чтобы выпущенные пули не подверглись деформации. Оформив на каждую «сертификат подлинности» и вставив их в сувенирные рамки, коллекционер-коммерсант выставил экспонаты на продажу по 1,495 доллара за штуку.

Судя по найденной в сейфе прокурора Уэйда кобуре, револьвер, очевидно, тоже находился там в качестве вещественного доказательства, но каким образом он стал в 1991 году лотом на аукционе, в публикации американского журнала «Ньюсуик» за 22 ноября 1993 года не сказано.

В XXI веке кольт-кобра вновь дал о себе знать, правда, на этот раз не звуком выстрелов, а в сообщениях масс-медиа.

«ПИСТОЛЕТ УБИЙЦЫ ОСВАЛЬДА НЕ УДАЛОСЬ ПРОДАТЬ С АУКЦИОНА

Револьвер кольт-кобра, из которого был застрелен предполагаемый убийца тридцать пятого президента США Джона Кеннеди, не нашел покупателя на аукционе в Лас-Вегасе.

Владелец револьвера планировал выручить за него более 2 миллионов долларов, однако в ходе торгов максимальная сумма, которая была предложена за экспонат, составила 750 тысяч долларов. По окончании аукциона коллекционер не стал расстраиваться из-за того, что револьвер продать не удалось, и добавил, что он не против придержать экспонат у себя.

Согласно британской «Гардиан», Джек Руби приобрел револьвер в 1960 году за 62 доллара 50 центов» (Лента. ру. 2008. 17 марта).

Кровавый антиквариат в Америке – явно выгодное предприятие!

Но Пуглиезе владеет не только смертоносными экспонатами из Далласа. В 1992 году ему удалось заполучить еще одну «драгоценность», имеющую отношение к далласской трагедии. В его коллекцию вошла окровавленная идентификационная бирка, снятая с пальца ноги Освальда дальновидным санитаром морга.

Автор публикации в «Ньюсуик» о приобретениях Пуглиезе завершает свой рассказ

глубокомысленным суждением: «Все это может выглядеть как добрая старая американская традиция извлекать прибыль из любого исторического момента, будь он трагическим или порочным».

УБИЙЦЫ ПРИХОДЯТ ИЗ КОМПЬЮТЕРА…

Более 40 лет спустя, уже в XXI веке, «выяснилось», что заключение Комиссии Уоррена, изложенное в ее отчете и приведенное в данной книге, не было окончательным.

Новый «вывод» об «истинном идеологе» покушения в Далласе был сделан на основании материалов, добытых в результате проведенной по инициативе комиссии «специальной операции» с перестрелкой и человеческими жертвами. К сожалению, местонахождение этого «вывода» нам неизвестно, но о событиях, ему предшествовавших, было рассказано «кем-то», очевидно, имевшим непосредственное отношение к Комиссии Уоррена, чем мы и воспользуемся: «Один из членов комиссии по расследованию (?! – О.Н.) обстоятельств смерти Кеннеди выяснил тот факт, что оба убийцы (Освальд и Руби. – О.Н.) посещали лабораторию ЭВМ, и заподозрил определенную связь этого события со смертью президента. В результате была спланирована операция (!!!), в результате которой несколько спецагентов нагрянули в лабораторию без предупреждения. Когда агенты попытались отключить ЭВМ от питания, ученые открыли по ним стрельбу и убили двух агентов. Но силы были явно не равны: когда подоспевшее подкрепление начало штурм лаборатории, все, кто был причастен к проекту, наложили на себя руки».

О какой же лаборатории идет речь в этом фантастическом триллере?

Все началось в 1962 году, когда в небольшом американском городке Ливермор-Фолс начались секретные эксперименты по заказу правительства США. В лаборатории намеревались создать искусственный интеллект на базе ЭВМ «Гамма-4». Руководителями проекта были назначены Властимил Ерничек и Леонард Зарков.

Эксперимент щедро спонсировался властями, так что, несмотря на буквально космическую дороговизну каждого бита памяти для ЭВМ, все необходимое оборудование было закуплено, и эксперимент проходил с большим успехом. Поворотным этапом в исследованиях стал декабрь 1962 года, когда машина начала оперировать понятием «я». Каждый сеанс общения с учеными ЭВМ начинала и завершала словами: «Я должна больше знать», – и разработчики всеми силами старались удовлетворить ее информационный голод.

Дальше больше: экспериментаторы приступили к созданию «электронного советника». Предполагалось, что машина будет выдавать стопроцентно правильное решение по той или иной проблеме, основываясь на информации, которую ей предоставляют ученые. Для начала ей было предложено предугадать исход бейсбольных матчей. Первые попытки оказались неудачными, что ЭВМ объяснила дефицитом информации о спортсменах, в первую очередь личного характера. Для более эффективной работы она потребовала, чтобы ей предоставили содержание разговоров бейсболистов с тренерами. Когда она получила эту информацию, ей удалось точно предсказать счет 11 матчей из 12 анализируемых…

Успех был ошеломляющим. Проект стали спонсировать с удвоенным энтузиазмом и щедростью. Конечно, правительство интересовали не столько результаты спортивных соревнований, сколько политические аспекты, так что вскоре ЭВМ получила первый

серьезный заказ от ЦРУ. Спецслужбы надеялись, что искусственный интеллект поможет им предсказывать поведение людей. Прежде всего их интересовал Фидель Кастро.

Изучив многочисленные выступления Кастро, ЭВМ пожелала изучить и эмоциональную составляющую выступлений лидера Кубинской революции. Этого ученые добились с помощью звукового анализатора речи. Вскоре машина выдала очень подробный психологический портрет Фиделя. Когда же ЦРУ потребовало от ЭВМ составить идеальный план покушения на кубинского лидера, ситуация приняла совершенно неожиданный оборот: создавалось впечатление, что искусственный интеллект проникся симпатией к Фиделю!

Сценарии покушений, которые предлагала ЭВМ, казались скорее порождением разгулявшейся человеческой фантазии, а не рациональными указаниями машины и подходили разве что для малобюджетных голливудских фильмов. ЭВМ предлагала подарить Фиделю котенка, зараженного бешенством, создать робота-мышонка, который бы нес иглу с цианистым калием, или угостить революционера отравленной сигарой. Агенты ЦРУ, разочарованные этими результатами, добились прекращения финансирования проекта.

Здесь придется прервать захватывающее повествование автора или авторов цитируемого триллера и дать некоторые пояснения, касающиеся планирования покушений ЦРУ на Фиделя Кастро.

Комиссия американского Сената, расследовавшая деятельность ЦРУ в середине 1970-х годов, насчитала восемь попыток покушений на кубинского лидера с 1960 по 1965 год. Спецслужбы Кубы располагали по меньшей мере доказательствами 20 таких попыток. В докладе комиссии говорилось, что «предлагавшиеся средства умерщвления носили самый разнообразный характер, начиная от специальных винтовок и отравленных таблеток и кончая отравленными авторучками, смертоносным бактериологическим порошком и другими изощреннейшими средствами». К этому списку можно добавить «план опрыскивания радиостудии, где должен был выступить Кастро, особым химическим составом, который производит действие, подобное воздействию ЛСД», а также пропитку «ящика сигар химическим соединением, которое ведет к временной потере ориентации». Кроме того, имелось в виду при случае «намазать его обувь слоем одного из соединений таллия (сильнодействующего средства для удаления волос), чтобы Кастро лишился своей бороды», а с ней и своего харизматического легендарного образа («ЦРУ глазами американцев». С. 193–195). Обсуждались варианты использования его увлечения подводной охотой для организации покушения на море.

Это действительно были совместные плоды «разгулявшейся фантазии» конкретных оперативников и сотрудников технического подразделения ЦРУ, а не «идеи, выданные компьютером», как размашисто изображается «кем-то». Очевидно, что этот «кто-то» позаимствовал сценарии, известные по многим публикациям, и украсил ими свой цветистый рассказ о «лаборатории» в жанре фикшн или фэнтези.

Но история на этом не заканчивается. Еще до провалившейся попытки спланировать покушение на Фиделя Кастро машина предложила своим создателям открыть в лаборатории подпольную букмекерскую контору. Зная исход практически каждого поединка, сотрудники лаборатории вскоре обеспечили себе финансовую независимость от государства. Так что после прекращения официального финансирования проект не был закрыт, а продолжался с удвоенным энтузиазмом. Сотрудники лаборатории подключали к работе своих родных и знакомых. Люди приходили в лабораторию для участия в

психологическом тестировании, которое могло длиться от нескольких часов до нескольких суток. Круг испытуемых стремительно расширялся. Среди многочисленных людей, побывавших в секретной лаборатории, были и два незнакомых друг с другом человека – Ли Освальд и Джек Руби. Причем Освальд провел в общении с ЭВМ пять суток, а ровно через неделю после этого он, простой служащий, совершил одно из самых громких убийств XX века…

Исследовав оставшуюся, очевидно, на развалинах научной лаборатории документацию, комиссия пришла к выводу, что именно ЭВМ могла спланировать и организовать убийство Кеннеди. Получив задание устранить Фиделя Кастро, искусственный интеллект сделал вывод, что это не просто преступление против независимого государства, но и действие, противоречащее законодательству США. Машина посчитала, что американское правительство проводит политику, направленную против ее народа, и потому оно должно быть свергнуто. Осталось только найти людей, которые подходили бы для реализации планов машины… Каким образом искусственный интеллект смог подчинить себе волю стольких людей и толкнуть их на чудовищные преступления? Должно быть, это так и останется тайной…

Каким образом? Странный вопрос! Да тем же самым, каким интеллект «естественный» навесил «лабораторную лапшу» на уши «стольким людям» с помощью Интернета. Так что тайны никакой нет.

В фэнтези-сценарии один компьютер в 1963 году превратил двух персонажей в преступников, совершивших в Далласе три убийства. Сегодня миллионы людей могут повторить содеянное двумя реальными убийцами 45 лет назад в Далласе – к счастью, только с помощью виртуального оружия. Если в первом случае компьютер использовали творцы-«заговорщики», то во втором пальма первенства принадлежит изобретателям-«одиночникам».

В ноябре 2004 года агентство «Рейтер» сообщило, что к сорок первой годовщине убийства Джона Кеннеди одна шотландская компания выпустила игру, в которой любой желающий может опробовать себя в роли убийцы президента США Джона Кеннеди (чтобы не выступать в качестве рекламщиков, мы не объявляем ни названия компании, ни названия игры, но понимаем, что не составит большого труда выудить их из Интернета). За 9,99 доллара игрок занимает место стрелка Ли Харви Освальда с кибервинтовкой на виртуальном шестом этаже склада учебников в Далласе. Заметим, что посещение музея «Шестой этаж» стоит от 10,5 (для пенсионеров) до 12 долларов.

В игре воссоздана максимально правдоподобно историческая обстановка на месте покушения. Игрок имеет в распоряжении три выстрела, причем интервалы между ними и места попаданий должны максимально соответствовать историческим фактам. В случае попадания в жену президента, Жаклин Кеннеди, очки снимаются. Игрок, наиболее четко сделавший три выстрела, получит 100 000 настоящих долларов в рамках объявленного конкурса на официальном сайте игры.

Как видим, стремление извлечь из далласской карточной колоды козырную выигрышную карту распространяется уже далеко за пределы территории самих Соединенных Штатов!

По утверждению компании, ее сотрудники семь месяцев провели в библиотеке, изучая доклад Комиссии Уоррена и другие документы, включая результаты баллистической экспертизы (возможно, и той, что содержится в приложении к данной книге). Поэтому игра отнесена к категории «документальных» (docu-game) и является «образовательной».

Как считают в компании, она «будет стимулировать интерес младшего поколения геймеров к этому очаровательному (употреблено слово fascinating, что в переводе означает «обворожительный», «очаровательный», «пленительный». – О.Н.) эпизоду американской истории».

Каковы же технологические характеристики такого чудесного развлечения начала XXI века?

Когда геймер, он же «Освальд», занимает «снайперское гнездо» на шестом этаже, начинается собственно игра. Он видит через окно проезжающий мимо здания президентский автокортеж. Правая кнопка мыши включает оптический прицел, левая – спусковой крючок. Три выстрела: первая пуля должна пролететь мимо автомобиля, вторая – попасть Кеннеди в шею, а третья – в голову. Чем ближе траектория пуль игрока к освальдовским, тем больше игрок набирает очков, максимальное их количество – тысяча.

Все остальное – это попытки игрока убить Кеннеди со всех возможных точек, под всеми возможными углами, в почти любом масштабе отображения – так называемый Action Replay (переигровка). Имеется также «баллистическое шоу», подробно показывающее траекторию полета каждой пули, точки ее входа и выхода. Теоретически можно проиграть бесконечное количество альтернативных сценариев, далеких от реальных событий. Например, сначала выстрелить в водителя, тогда машина остановится или съедет с дороги и врежется в фонарный столб – это если водитель умрет, нажав ногой на акселератор, и т. д. Имеются еще звуковые настройки и другие «навороты», например включаются-выключаются «кровавые эффекты» (blood effects). Нужно ли пояснять, о чьей крови идет речь?

Руководители компании-разработчика, создавшие «первую интерактивную (?!!) реконструкцию убийства Кеннеди», превратив его в мишень для геймеров, оказались на редкость высокоморальными людьми. «Мы отправили Эдварду Кеннеди письмо перед выпуском игры», – заявил один из них, некто Кирк Эвинг (Kirk Ewing). Последний также настаивает на том, что, «выпуская игру, ни он, ни его команда не хотели ничего такого. Просто выразили уважение к Кеннеди (!!!) и Истории. Единственная вещь, которую мы эксплуатируем, – это новая технология».

Брат бывшего президента США, ныне действующий сенатор от штата Массачусетс, ни слова не сказал о выходе в свет этого шедевра. Представитель сенатора Дэвид Смит (David Smith) выступил вместо него. «Это презренно. И нечего тут комментировать», – сказал он, однако не сообщил, будет ли что-нибудь предпринято для того, чтобы прекратить распространение игры.

«Мало того, что делать такие игры – невероятно дурной тон, так они еще и продают это в качестве образовательного инструмента, что дискредитирует само понятие образования… Это ужасная идея. Я не могу себе представить, какая образовательная ценность может быть у этой игры…», – возмущается президентский историк Кельвин Маккинзи (G. Calvin Mackenzie).

В среде игровой индустрии некоторые эксперты высоко оценили реализм, в частности суперреалистическое моделирование полета пуль, в общем, физику. Но, по словам тех же экспертов, «стрелять в узнаваемых личностей, которые никак не тянут на «плохих парней», у которых живы родственники, – все же противно, отвратительно, жестоко, совершенно бессмысленно и так далее».

Что же думают те самые молодые геймеры, у которых таким способом собираются стимулировать интерес к Истории?

Говорит 19-летний Роджер: «Это безвкусно по сути, так что никто не будет это скачивать… Я бы не стал, иначе чувствовал бы себя грязным».

15-летний Крис назвал игру «оскорбительной»: «Стрелять в президента – это что-то сверхъестественное».

«Они зашли слишком далеко, – мнение 17-летнего Мэтта. – Это за пределами добра и зла».

Предоставим заключительное слово все тому же менеджеру компании К. Эвингу: «Целью разработки игры было показать, что никакого заговора вокруг президента не было. Ли Харви Освальд действовал в одиночку, и, хотя застрелить Кеннеди было непросто, только Освальд и мог это сделать, произведя три выстрела».

Что же после таких слов остается делать «одиночникам»? Дружно скидываться на банкет в честь фирмы-производителя игры или вместе с «заговорщиками» призывать к бойкоту ее продукции за высшую степень аморальности.

Через 45 лет вопрос «Кто же убил президента Кеннеди?» активно вытесняется другим: «Как заработать на убийствах в Далласе?».

Далласская эпопея, начавшаяся для меня со встреч с Ли Харви Освальдом в последние дни сентября 1963 года, продолжается уже почти полвека. На разных этапах моей служебной, а затем и постслужебной деятельности пришлось соприкасаться с проектом «Кеннеди – Освальд – Руби» в разных качествах. В течение 30 лет, как офицер разведки, вместе с моими коллегами я хранил в тайне подробности наших бесед с Освальдом в Мексике. В 1978 году в США в «документальном отчете» – романе был вместе с Хрущевым и председателем КГБ Семичастным назван участником заговора по покушению на президента Кеннеди, непосредственно отвечавшим за подготовку Освальда к исполнению акции. После отставки в 1991-м провел исследование обстоятельств покушения и убийства Кеннеди, которое в виде книги на английском языке было опубликовано в США в 1993 году. Тогда же был приглашен и принял участие как «одиночник» в симпозиуме, посвященном 30-летию ноябрьской драмы в Далласе, организованном «заговорщиками», и выступал в двух комиссиях со своей версией роли Освальда. С 1994 по 2003 год моя книга, дополняемая новой информацией, появлением «сенсационных» открытий, касающихся смертельного треугольника Далласа, трижды переиздавалась в России.

В данном издании я постарался подкрепить фактами тенденцию коммерциализации далласской трагедии, а на риторический вопрос, завершавший предыдущее издание, – «Может, пора остановиться?» – со своей стороны дать утвердительный ответ.

О. Нечипоренко.
Москва – Красновидово. Сентябрь 2008 г.

Приложения

//-- ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ, ПРОВЕДЕННОЙ В БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ГУВД СКМ Г МОСКВЫ --//

МВД РФ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ г. МОСКВЫ
Москва, Петровка, 38 тел. 200-82-41
Баллистическая лаборатория
Экспертно-криминалистического управления СКМ ГУВД г. Москвы
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ
№ 571-а 28 июня 1993 г.

Мной, Мартынниковым Н.В., ст. экспертом баллистической лаборатории ЭКУГУВД СКМ г. Москвы, имеющим высшее юридическое образование и стаж экспертной работы 8 лет, была проведена баллистическая экспертиза по материалам убийства президента США Джона Ф. Кеннеди 22 ноября 1963 г. в г. Далласе. В качестве источников в ЭКУ была представлена копия реального любительского кинофильма, снятого в момент убийства Запрудером, а также видеоматериалы обстановки места происшествия и документальные свидетельства, содержащиеся преимущественно в следующих изданиях:

1. Дэвид С. Лифтон. Лучшее доказательство. Нью-Йорк, 1980.
2. Джим Марр. Перекрестный огонь. Заговор, который убил Кеннеди. Нью-Йорк, 1989.
3. Отчет комиссии, назначенной президентом для расследования дела об убийстве президента Джона Ф. Кеннеди. Правительство США, 1965. Типография Нью-Йорка.
4. Заключения судебно-медицинских экспертов, а также экспертов, специализирующихся в области баллистических исследований: Р.А. Фрежиера, сотрудника ФБР, стаж работы 23 года, К. Каннингхема, сотрудника ФБР, стаж работы 5 лет, Д.Д. Николь, директора Бюро уголовных расследований и опознания штата Иллинойс, стаж работы с 41-го года, репродукции фотоснимков винтовки, пуль, гильз. Огнестрельных повреждений на различных преградах, а также на одежде губернатора Коннелли и президента Кеннеди и на трупе последнего.

В результате всестороннего анализа представленных материалов можно заключить, что огнестрельные повреждении президенту Кеннеди и губернатору Коннелли были причинены, вероятнее всего, двумя пулями в результате выстрелов, произведенных сзади, несколько сверху справа. В материалах дела не найдено данных, противоречащих тому, что выстрелы могли быть произведены из винтовки манли*censored*-каркано обр. 91/38 калибра 6,5 мм С2766 из окна 6-го этажа техасского склада учебников. Выводы данного экспертного исследования, хотя и не могут претендовать на всестороннюю полноту и объективность ввиду отсутствия реальных вещественных доказательств, в той части, в которой они сформулированы, соответствуют авторитетным выводам и комиссии, занимавшейся расследованием убийства президента.

Вместе с тем представляется, что в материалах дела нет прямых доказательств двух фактов.

1. Того, что президент Кеннеди и губернатор Коннелли ранены именно теми пулями, которые были обнаружены в машине, поскольку данные пули изъяты не из тела президента и губернатора.

2. Того, что выстрелы из винтовки манли*censored*-каркано С2766, если президент и губернатор были ранены именно из нее, были произведены именно Л. Х. Освальдом, и никем иным, поскольку, ввиду малого количества времени, большой точности выстрелов, а также неавтоматической конструкции затвора, напрашивается вывод о высоком профессионализме стрелявшего. Данные возможности весьма маловероятны, однако

следует признать, что полностью исключить их нельзя.

В представленных материалах также имеются определенные пробелы, которые свидетельствуют либо о неполноте исследований, либо о недостатках источников. В целях объективности ниже они будут упоминаться по мере изложения тех или иных признаков.

Факторы, подтверждающие сделанные выводы

Основными признаками огнестрельных повреждений, принятыми в отечественной криминалистике и подтвержденными практикой экспертов, являются поясок обтирания и явление «минус ткань». Наряду с другими признаками огнестрельных повреждений признаки, перечисленные выше, позволяют точно установить, что данные повреждения образованы при выстреле из огнестрельного оружия, а не каким-либо иным способом – например, при ударе заточенным концом круглого напильника, шилом и т. д. Поясок обтирания представляет собой темный ободок, располагающийся вокруг повреждения и состоящий из продуктов сгорания порохового заряда, части копоти, смазки и т. д., увлекаемых пулей при вылете ее из канала ствола, а также частиц металла оболочки самой пули. Явление «минус ткань» связано с механизмом прохождения пули через преграду, в корне отличном от механизма действия ножа, шила и т. д. Инструменты и предметы разрывают или разрезают ткань, а пуля вырубает часть материала преграды, после чего, проходя через нее, несколько раздвигает стенки повреждения. Как это отображается на преграде? При сопоставлении краев повреждения в случае прохождения пули обязательно будет отсутствовать часть материала (ткани пиджака, кожи на теле трупа, костной ткани и т. п.), одновременно это будет свидетельствовать и о том, что данное повреждение является входным, у выходных повреждений явления «минус ткань» не наблюдается, т. е. имеет место разрыв или разрез либо их различные комбинации (края повреждений можно состыковать). Ясно также, что по повреждению можно определить с относительной точностью калибр пули – он будет соответствовать наружному диаметру пояска обтирания.

В проанализированных материалах комиссии описания вышеприведенных признаков практически не обнаружено. Так, например, в отношении повреждений пиджака президента сказано следующее: «…На краях отверстия были найдены следы меди, и нити ткани по этим краям были вдавлены внутрь. Это указывает на то, что отверстие было сделано входящей пулей». То есть классификация повреждения как огнестрельного делается на основе наличия металлов и направления нитей. Но данные признаки присутствовали бы и при нанесении повреждения медным металлическим стержнем подходящего диаметра. То же самое встречается и при описании входного повреждения на спине президента, сделанном в военно-морском госпитале в Бретезде полковником Финком: «…Отверстие является входным… Основанием для этого заключения служит тот факт, что рана сравнительно мала и имеет чистые края» (!).

Тем не менее на репродукциях достаточно четко видно, что повреждения на ткани одежды и на теле президента и губернатора имеют выраженные пояски обтирания и явления «минус ткань»; частично это подтверждается описанием повреждений, приведенным в источнике. Т. е. не подлежит сомнению, что выстрелы в президента и губернатора были произведены сзади. Спереди на теле и в одежде президента и губернатора повреждения имеют характер разрывов и разрезов, поясков обтирания не наблюдается, что характерно для выходных огнестрельных повреждений.

Криминалистическая методика свидетельствует о том, что по диаметру пояска обтирания можно было определить диаметр пули, а по отложениям определенных

металлов – инстанцию выстрела с точностью до нескольких метров. В представленной литературе вопрос идентификации по повреждениям (т. е. о соответствии повреждений пуле кал. 6,5 мм) не поднят, тем не менее описания диаметра повреждений свидетельствуют о том, что они близки к 6,5 см. Описаний определения дистанции также не имеется.

Отдельно следует остановиться на огнестрельном повреждении головы президента Кеннеди, поскольку некоторые моменты, связанные с ним, как известно, до сих пор вызывают споры в определенных кругах и даже среди специалистов. Тем не менее проведенный анализ свидетельствует о том, что факторы, сопутствующие выстрелу в голову, имеют классическое с точки зрения баллистики и судебной медицины отображение. Рассмотрим механизм действия пули при попадании в голову. Прежде всего голова – это жидкость (мозговое вещество), заключенная в твердую оболочку (череп). Жидкость, как известно, несжимаема, на этом основаны, например, гидравлические тормоза в автомобиле, т. е. при механическом воздействии на жидкость она адекватно передает усилие на противоположную преграду. Таким образом, при попадании пули в голову она сначала пробивает костную ткань, образуя при этом вышеописанные признаки входного огнестрельного повреждения (именно такие и имеются на затылке президента Кеннеди, а не на передней части его головы, затем следует мощный гидродинамический удар, распространяющийся в виде расширяющегося конуса из одной точки, соответствующей головной части пули, на противоположную сторону черепа уже на достаточно большом участке (в несколько кв. см). В результате переданного удара происходит вырывание подчас больших кусков костей черепа (что и произошло), а в некоторых случаях – разрывание черепа на куски. Все зависит от мощности и калибра примененного оружия и некоторых других факторов. Тот факт, что круглое огнестрельное повреждение с соответствующими признаками, примерно совпадающее с диаметром пули, располагается на затылке, а вырванный большой кусок черепа – спереди, однозначно свидетельствует о том, что выстрел был произведен только сзади. Это подтверждается кадрами фильма Запрудера, на которых зафиксирован выстрел в голову: при попадании пули произошел выброс мозгового вещества – естественно, в сторону полета пули. Противоположные утверждения противоречат логике и связаны с непониманием механизма гидродинамического удара при выстреле в голову – на выходе не может быть ровного круглого отверстия, т. к. усилия передаются через жидкость во всех направлениях, так же как от брошенного камня волны идут во все стороны.

Что касается момента отбрасывания головы и тела президента назад при выстреле в голову, то всякие попытки объяснить это выстрелом спереди полностью лишены оснований, поскольку:

1) признаки огнестрельных повреждений в голове свидетельствуют о выстреле сзади;

2) отбрасывание тела происходит с запаздыванием, через некоторое время после попадания пули и выброса мозгового вещества, т. е. не в связи с пулей, а от взаимосвязанных с ней явлений, что хорошо видно из фильма Запрудера;

3) при попадании пули в спину президента и спину губернатора при первом выстреле такого отбрасывания тел того и другого не происходит;

4) это противоречит баллистическим расчетам, основанным на вычислениях, связанных с понятием присоединенной массы.

Представляется, что в отбрасывании тела назад сыграли роль три основных фактора: выброс мозгового вещества (основополагающий), движение автомобиля и резкое

расслабление тела с потерей вестибулярного контроля вследствие мгновенного поражения ЦНС при попадании пули в голову.

При выбросе мозгового вещества в результате мощного гидродинамического удара возникла своеобразная сила отдачи, как при выстреле из огнестрельного оружия, – в области височной части черепа произошел маленький взрыв, противоположный вектор силы отбросил голову с туловищем назад.

Баллистические расчеты также доказывают, что в принципе от действия пули, выстреленной из винтовки типа манли*censored*-каркано калибра 6,5 мм, с какой бы стороны выстрел ни был произведен, голова и тело не могли быть отброшены на такое расстояние и с такой скоростью, как на кадрах фильма Запрудера. Масса пули настолько мала и несопоставима с массой тела, а ее скорость и удельная кинетическая энергия настолько велики, что даже если принять массу головы за 5 кг, скорость отбрасывания тела должна быть в пределах 0,16 м, т. е. 16 см/с! Но эти расчеты верны для изолированного тела, например шара, лежащего на столе. В действительности же голова связана с телом и ее массу необходимо принять большей. Таким образом, уже при 10 кг массы скорость отбрасывания составит 0,08 м/с, т. е. это будет почти незаметный для человеческого глаза процесс.

Учитывая высокую пробивную способность пули, выстреленной из винтовки системы манли*censored*, наиболее вероятно, что губернатор и президент были ранены двумя пулями, при этом, скорее всего, та пуля, которая поразила президента в шею, поразила и губернатора. Данное умозаключение основано на том, что если бы в шею президента Кеннеди и в губернатора Коннелли попали разные пули, они неизбежно бы «ушли» либо пробили бы части автомобиля и застряли в них, а не были бы обнаружены лежащими просто на полу салона.

Вместе с тем в совокупности тела президента и губернатора оказались достаточной преградой для одной пули, чтобы ее затормозить. Косвенным подтверждением попадания двумя пулями является наличие двух несквозных повреждений на стекле автомашины и на раме ветрового стекла, которые, вероятнее всего, были образованы при выходе пуль из головы президента и из тела губернатора Коннелли, уже не говоря о наличии повреждений на внутренней стороне стекла и его рамы, а также расположение осколков в автомобиле также свидетельствует о том, что выстрелы были произведены сзади-сверху.

В заключение следует отметить, что на основе существующих доказательств имеются возможности для извлечения дополнительных фактических данных, которые способны внести ясность в некоторые аспекты событий 1963 г. в Далласе:

1) по характерным признакам на торцах радиальных трещин ветрового стекла автомобиля можно установить, откуда был произведен выстрел (удар в стекло);

2) по следам канала ствола на пулях можно установить, какая из них была выстрелена первой;

3) возможно, попробовать провести экспертизу целого по частям – по осколкам пуль с целью решения вопроса, не составляли ли данные осколки одно целое, а также по гильзам и пулям с целью решения вопроса, не составляли ли гильзы и пули одно целое;

4) провести лазерное визирование огнестрельных повреждений в условиях реконструированной обстановки места происшествия из окна шестого этажа здания склада учебников, что позволит с более высокой точностью определить направление выстрелов, удостовериться в их количестве и, возможно, последовательности.

Ст. эксперт ЭКУ ГУВД СКМ г. Москвы Мартынников Н.В.

//-- ДОКЛАД КАПИТАНА ДЖОНА У. ФРИТЦА, ГЛАВНОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДАЛЛАСА --//

ДОПРОС ЛИ ХАРВИ ОСВАЛЬДА

Мы провели расследование в здании Техасского склада школьных учебников 22 ноября 1963 г. немедленно после того, как президент был убит, и после того, как мы нашли место, откуда Ли Харви Освальд стрелял, где он оставил три пустые патронные гильзы на полу и где была найдена винтовка, частично спрятанная под ящиками близ лестницы. Эти вещественные доказательства охранялись, пока криминологическая лаборатория не сделала фотографические снимки и не закончила поиски отпечатков пальцев. После того как лейтенант Дэй из криминологической лаборатории закончил свою работу с винтовкой, я взял ее и обнаружил в ее магазине патрон, который я извлек. В это время ко мне подошел какой-то полицейский и сказал мне, что г-н Рой С. Трули хочет меня видеть в связи с тем, что один из его людей покинул здание. Я уже говорил с г-ном Трули раньше, и он думал в то время, что все работающие в здании были налицо. Затем, в сопровождении другого полицейского, пришел г-н Трули и сказал мне, что Ли Харви Освальд оставил здание. Я спросил, знает ли он адрес этого человека, и он сказал мне, что знает и что это в Ирвинге, на 5-й улице Вест, дом № 2515.

Я тогда предоставил начальнику полиции Лампкину и другим полицейским заканчивать обыск здания и сказал детективам Р.М. Симсу и Э.Л. Бойду, чтобы они ехали со мной в муниципалитет, где мы могли быстро проверить полицейские архивы и другие данные, а после отправиться в Ирвинг и постараться задержать этого человека. В то время как я еще был в здании, мне сказали, что полицейский Дж. Д. Типпит застрелен в Ок-Клиффе. Придя к себе в канцелярию, я немедленно спросил полицейских, доставивших арестованного с места убийства Типпита, кто был убийца. Они сказали мне, что его зовут Ли Харви Освальд, и я сказал тогда, что этого человека подозревают в убийстве президента. Переговорив несколько минут с полицейскими в присутствии детективов Р.М. Симса и Э.Л. Бойда из Бюро по расследованию убийств и, возможно, каких-то лиц из Секретной службы, я приказал полицейским ввести этого человека в канцелярию. Я только начал допрашивать его, как мне позвонил по телефону Гордон Шенклин, начальник отделения ФБР в Далласе, и попросил меня передать телефонную трубку Джеймсу Букхауту, одному из его представителей. Он сказал г-ну Букхауту, что он хотел бы, чтобы Джеймс П. Хости присутствовал при этом допросе, так как он знал этих людей и уже производил по их поводу расследование. Я пригласил г-на Букхаута и г-на Хости помочь мне с допросом.

Выяснив его имя и фамилию, я спросил этого человека, работает ли он в Техасском складе школьных учебников, и он сказал, что работает. Я спросил его, на каком этаже он работает, и он ответил, что обычно на втором этаже, но иногда приходится работать на других этажах. Я спросил его, в какой части здания он находился в то время, когда президент был убит, и он ответил, что около того времени он завтракал на первом этаже. Г-н Трули сказал мне, что немедленно после выстрелов один из полицейских остановил этого человека где-то вблизи задней лестницы, и поэтому я спросил Освальда, где он был, когда полицейский остановил его. Он сказал, что пил кока-колу на втором этаже, когда вошел полицейский. Я спросил его, почему он покинул здание, и он ответил, что все были так возбуждены, что он подумал, что в этот день вряд ли будет производиться работа, и что эта компания особенно не следила за их рабочим временем, что они не отмечают свое время и что он подумал, что может легко уйти на остаток рабочего дня. Я спросил его,

имеет ли он винтовку, и он сказал, что не имеет. Он прибавил, что несколько дней назад он видел одну винтовку в здании, когда г-н Трули и некоторые служащие ее осматривали. Я спросил его, куда он ушел по оставлении места работы, и он рассказал мне, что у него есть комната на Бекли-авеню, в доме № 1026, что он вернулся туда, переменил брюки, взял свой револьвер и отправился в кино. Я спросил его, для чего он взял с собой револьвер, и он сказал: «Вы знаете, что делают ребята, когда у них есть револьвер? Они просто носят его с собой». Г-н Хости спросил у Освальда, был ли он в России. Он сказал ему: «Да, я провел в России три года». Он спросил, писал ли он в русское посольство, и он ответил, что писал. Этот человек пришел в большое возбуждение и стал дерзить агенту Хости, когда тот его допрашивал; он обвинил Хости в том, что тот дважды приставал к его жене. Когда агент Хости пытался говорить с ним, Освальд стучал кулаком по столу. Я спросил Освальда, что он имел в виду, говоря о приставаниях г-на Хости к его жене. Он сказал, что г-н Хости дважды непозволительно обращался с его женой, фактически приставал к ней. Г-н Хости также спросил Освальда, был ли он в Мехико, на что он ответил отрицательно. Во время этого допроса он рассказал мне, что посещал школу в Нью-Йорке и в Форт-Уорте, в Техасе; что после службы в Корпусе морской пехоты он окончил среднее школьное образование. Я спросил его, получил ли он какие-либо медали за стрельбу из винтовки, служа в морской пехоте. Он ответил, что получил обычные медали.

Я спросил о его политических убеждениях, И он ответил, что не имеет никаких, но что он является членом Комитета справедливого отношения к Кубе. И сказал мне, что они имеют главную квартиру в Нью-Йорке и что он был секретарем этой организации в Новом Орлеане, когда там жил. Он также сказал, что он поддерживает революцию Кастро. Один из полицейских сказал мне, что он снял комнату на Бекли-авеню под именем О. Х. Ли. Я спросил его, почему он это сделал. Он сказал, что это сделала его квартирная хозяйка: она неправильно поняла его фамилию. Освальд спросил, будет ли ему позволено иметь адвоката, и я сказал ему, что он может иметь любого адвоката, какого только пожелает, и что он сможет пользоваться в тюрьме телефоном и звонить кому угодно. Мне кажется, что во время этого допроса он впервые выразил желание переговорить с г-ном Абтом, нью-йоркским адвокатом. Допросы этого дня прерывались процедурами опознания, при которых свидетели опознали в Освальде человека, убившего полицейского Типпита, и перерывами, которые мне приходилось делать для разговоров с другими свидетелями и с полицейскими. Одна из этих процедур состоялась в 4 ч. 35 мин. пополудни и затем другие в 6 ч. 30 мин. и 7 ч. 55 мин. вечера. В 7 ч. 05 мин. вечера, в присутствии Вильяма Александера из канцелярии прокурора, я подписал документ-обвинение Освальда в убийстве Типпита. В 7 ч. 10 мин. вечера Освальд был привлечен судьей Джонстоном к уголовной ответственности.

Во время допроса на второй день я спросил Освальда относительно карточки, бывшей в его бумажнике, показывающей, что он принадлежит к Комитету справедливого отношения к Кубе, и он признал, что карточка его. Я спросил его о другом удостоверении в его кармане, на имя Алекса Хиделла. Он сказал, что выбрал это имя в Новом Орлеане, работая в организации комитета. Он сказал, что говорит по-русски, что переписывается с людьми в России и получает из России газеты.

Я показал винтовку Марине Освальд, и она не смогла определенно опознать ее, но сказала, что она похожа на винтовку, бывшую у ее мужа, и что он хранил ее в гараже дома Пэйнов, в Ирвинге. После этого я дополнительно допрашивал Освальда относительно

винтовки, но он утверждал, что у него нет никакой винтовки, сказав, что несколько лет назад у него была небольшая винтовка. Я спросил его, имел ли он оружие в России, и он ответил: «Вы знаете, вы не можете купить винтовку в России; вы только можете купить охотничье ружье. У меня был дробовик в России, и я иногда охотился, когда жил там». Марина Освальд сказала мне, что ей кажется, что ее муж привез ружье из Нового Орлеана, но он это отрицал. Он сказал мне, что кое-какие его вещи были сложены в гараже дома г-жи Пэйн в Ирвинге и что небольшое количество его личных вещей хранилось в его комнате на Бекли-авеню. Я приказал полицейским произвести полный обыск обоих этих мест.

После рассмотрения всех улик и свидетельских показаний, относящихся к убийству президента Кеннеди, прокурором Генри Уэйдом и его помощником, Уильямом Александером и Джеймсом Алленом, бывшим помощником прокурора Далласского округа, – я подписал и вручил прокурору обвинение Освальда в убийстве президента Кеннеди. Это произошло в 11 ч. 26 мин. вечера. Он был привлечен к уголовной ответственности судьей Дэйвидом Джонстоном в 1 ч. 35 мин. ночи 23 ноября 1963 г.

Освальд был помещен в тюрьму около 12 ч. ночи и в 1 ч. 36 мин. ночи он был приведен из тюрьмы к судье Дэйвиду Джонстону для постановления о предании его суду.

23 ноября в 10 ч. 25 мин. утра Освальд был приведен из тюрьмы для допроса. Присутствовали: представитель ФБР Джеймс Букхаут, специальный представитель и начальник местного отдела Секретной службы Форрест Соррелс, судебный пристав Роберт Нэш и чины полиции из Бюро по расследованию убийств и грабежей. Во время этого допроса я говорил с Освальдом о том, как он оставил здание, и он сказал мне, что он уехал автобусом, проехал до остановки близ его дома и прошел пешком домой. Во время ареста Освальда у него в кармане оказался автобусный пересадочный билет. Он признал, что этот билет был дан ему шофером автобуса, когда он ехал на автобусе по оставлении склада учебников.

Один из полицейских сообщил мне, что шофер такси Уильям Уэйн Уэйли думает, что он узнал по фотографии Освальда человека, севшего в его автомобиль близ остановки автобуса и ехавшего на Бекли-авеню. Я спросил Освальда, ездил ли он на такси в этот день, и он сказал: «Да, я ездил на такси. Автобус, в который я сел близ места работы, попал в затор уличного движения и продвигался слишком медленно, и я сошел и взял такси». Я спросил его насчет его разговора с шофером такси, и он сказал, что помнит, что когда сел в такси, то подошла одна дама, которая тоже хотела ехать, и шофер сказал Освальду посоветовать даме, чтобы она «взяла другое такси».

Мы выяснили из расследования в предыдущий день, что, когда Освальд уходил из дому, он нес длинный пакет. Он обычно уезжал от субботы до понедельника навестить свою жену, но на этот раз он уехал в четверг вечером. Я спросил его, не говорил ли он Весли Боэллу Фрежиеру почему он отправился домой в другой день, и говорил ли он ему что-либо о том, что он привез из дому несколько палок для занавесок. Он это отрицал.

Во время этого допроса он рассказал, что он вернулся к себе домой на такси и, перед тем как идти в кино, переменил рубашку и брюки. Он сказал, что такси до дому стоило ему 85 центов. На вопрос, что он сделал со своей одеждой, которую он снял по приходе домой, он ответил, что положил ее в грязное белье. На дальнейшие вопросы о том, где он был в момент убийства президента, он ответил, что завтракал с несколькими работающими с ним неграми. У одного из них была кличка Младший, другой же был маленький, низкорослый человек, имени которого он не знает. Он сказал, что у него был бутерброд с

сыром и фрукты; это был единственный пакет, который он принес с собой на работу, и он отрицал, что он принес длинный пакет, описанный г-ном Фрежиером и его сестрой.

Я спросил его, почему он жил здесь, в то время как его жена жила в Ирвинге. Он ответил, что г-жа Пэйн, дама, у которой жила его жена, училась русскому языку, что его жена нуждалась в помощи по присмотру за маленьким ребенком и что это взаимное соглашение устраивало их обеих. Он сказал, что он не особенно хорошо знает г-на Пэйна, но думает, что г-н Пэйн и его жена жили врозь большую часть времени. Он сказал, что у него нет автомобиля, но что у Пэйнов два автомобиля, и прибавил, что он хранит в гараже дома Пэйнов несколько брезентовых мешков с изрядным количеством его личных вещей, что он их там оставил в сентябре по возвращении из Нового Орлеана.

Он сказал, что у него есть брат Роберт, живущий в Форт-Уорте. Мы впоследствии установили, что этот брат жил в Дентоне. Он сказал, что чета Пэйн – его близкие друзья.

Я спросил его, был ли он членом коммунистической партии; на это он сказал, что у него никогда не было членского билета, но повторил, что он был членом Комитета справедливого отношения к Кубе (КСДК), и добавил, что он являлся членом Американского союза по защите гражданских свобод (АСГС) и платил членские взносы в размере пяти долларов. Я опять спросил его, зачем он взял с собой револьвер в кино. Он отказался отвечать на вопросы, касающиеся револьвера. Все же он сказал мне, что он купил его в Форт-Уорте несколько месяцев тому назад.

Допрашивая его, я заметил, что он давал ответы очень быстро, и я спросил его, подвергался ли он допросу раньше, и он ответил мне утвердительно. Он подвергся однажды продолжительному допросу ФБР после своего возвращения из России. Он сказал, что они применяли различные методы: пробовали и суровый, и мягкий, и товарищеский методы, и он сказал, что он очень хорошо знаком с процедурой допросов. Он напомнил мне, что не обязан отвечать ни на какие вопросы вообще до тех пор, пока он не переговорит со своим адвокатом, и я опять сказал ему, что он может иметь адвоката в любое время. Он сказал, что у него нет денег заплатить за телефонный разговор с г-ном Абтом. Я сказал, чтобы он позвонил за счет собеседника, если он хочет воспользоваться тюремным телефоном, или взять другого адвоката, если он желает. Он сказал, что не хочет другого адвоката; прежде всего хочет переговорить с этим адвокатом. Мне думается, что он потом ему позвонил, ибо позже, во время одного из допросов, он благодарил меня за данное ему разрешение пользоваться телефоном. Я объяснил ему, что всем заключенным разрешается пользоваться телефоном. Я спросил его, почему он хочет пригласить г-на Абта, а не какого-нибудь здешнего адвоката. Он ответил, что он не знает лично г-на Абта, но он хорошо знаком с одним судебным делом, во время разбора которого г-н Абт защищал некоторых лиц, обвиняемых в нарушении закона Смита, и что если он не заручится помощью г-на Абта, то он уверен, что Американский союз по защите гражданских свобод найдет ему адвоката. Он объяснил мне, что эта организация помогает людям, нуждающимся в защитниках и не имеющим возможности пригласить их.

Находясь в Новом Орлеане, Освальд жил на Магазин-стрит в доме № 1907 и одно время работал в «Уильям Рэйли К°», находящейся вблизи этого дома. Спрошенный о том, бывал ли он ранее под арестом, он рассказал, что участвовал в небольших беспорядках, работая с Комитетом справедливого отношения к Кубе, и дрался с противниками Кастро. Он также рассказал мне о дискуссии на какой-то радиостанции в Новом Орлеане, где он спорил с противниками Кастро.

Я спросил его, что он думает о президенте Кеннеди и его семье, и он сказал, что у него

нет определенного мнения о президенте. Он сказал: «Мне очень нравится семья президента. Я имею мои собственные взгляды на национальную политику». Я спросил его об испытании детектором лжи. Он ответил мне, что он отказался в ФБР от этого испытания и, разумеется, не согласится подвергнуться ему теперь. Г-н Букхаут, г-н Келли и начальник полиции также задавали вопросы Освальду во время этого допроса. Освальд был отведен обратно в тюрьму в 11 ч. 33 мин. утра. В 12 ч. 35 мин. пополудни его привели в канцелярию для другого допроса с участием инспектора Келли, некоторых других чинов полиции и меня. Я говорил с Освальдом по поводу различных мест в Далласе, в которых он жил, пытаясь установить, где он жил, в то время, когда была сделана фотография, изображающая его держащим винтовку, выглядевшую совершенно так же, как та, которую нашли. Судя по изображению на фотографии, она была снята близ лестницы с многими поддающимися опознаванию предметами на заднем дворе. Он рассказал мне об одном из мест, где он жил.

Г-н Пэйн сказал мне, где Освальд жил на Нили-стрит. Освальд был весьма уклончив, когда говорил по поводу этого местожительства. Позднее мы нашли, что это было то самое место, где была снята фотография. Я опять спрашивал его о его имуществе и о том, где могут храниться его вещи, и он сказал мне, что его вещи находятся в доме г-жи Пэйн и немного вещей – на Бекли-авеню. Он был отведен обратно в тюрьму в 1 ч. 10 мин. дня.

В 6 ч. вечера я приказал полицейским привести Освальда в канцелярию и в присутствии Джеймса Букхаута, полицейских чинов Бюро по расследованию убийств и грабежей и инспектора Секретной службы Келли показал Освальду увеличенную фотографию, изображающую его держащим винтовку и с револьвером на поясе.

Эта фотография была увеличена нашей криминологической лабораторией с фотографии, найденной в гараже дома г-жи Пэйн. Он сказал, что фотография была не его, что лицо было его, но что кто-то, кто подделал эту фотографию, наложил его лицо; другая часть фотографии представляла совсем не его, и он никогда этой фотографии не видел. Когда я сказал ему, что эта фотография была извлечена из гаража г-жи Пэйн, он сказал, что этой фотографии у него никогда не было, и я объяснил ему, что это было увеличение небольшой фотографии, найденной при обыске. Тогда я показал ему небольшую фотографию. Он отрицал, что когда бы то ни было видел эту фотографию, и сказал, что он знает все о фотографировании, что он сам много работал по фотографии, что небольшая фотография является уменьшенным снимком с большой фотографии, сделанным кем-то, кого он не знает. Он далее заявил, что поскольку он был снят здесь, в здании муниципалитета, и публика делала с него снимки, когда его переводили из моей канцелярии в тюрьму, то было легко получить снимок его лица и подделать эту фотографию. Он сказал мне, что он действительно хорошо понимает фотографическое дело и что со временем он сможет показать, что это не его фотография и что она была сделана кем-то другим. Тут он сказал, что не хочет больше отвечать на вопросы, и был возвращен в тюрьму около 7 ч. 15 мин. вечера.

В 9 ч. 30 мин. утра 24 ноября я потребовал, чтобы Освальд был приведен в канцелярию. На этот раз я показал ему план города Далласа, найденный при обыске его комнаты на Бекли-авеню. На этом плане было несколько отметок; одна из них примерно там, где президент был застрелен. Он сказал, что план не имеет ничего общего с покушением на президента, и вновь, как он уже это делал на предыдущих допросах, отрицал, что он знает что бы то ни было о покушении на президента или об убийстве полицейского Типпита. Он

сказал, что пользовался планом для того, чтобы определить местоположение зданий, в которые ходил в поисках работы.

Во время этого допроса инспектор Келли спросил Освальда о его религиозных убеждениях, и он ответил, что расходится со всеми религиозными мировоззрениями. Казалось, что он был уклончив в своих ответах инспектору Келли о своем отношении к религии, и я спросил его, верит ли он в Бога. Он уклонился и не ответил на этот вопрос.

Кто-то из федеральных чиновников спросил Освальда, думает ли он, что положение на Кубе улучшится теперь, после убийства президента. На это он ответил, что ему думается, что, поскольку президент убит, кто-то другой займет его место, быть может, вице-президент Джонсон, и что взгляды последнего будут, по всей вероятности, в большинстве своем схожи со взглядами президента Кеннеди.

Я опять спросил его относительно фотографии его с винтовкой, и на этот раз он опять категорически отрицал, что знает что-либо о фотографии или о винтовке, и отрицал, что он когда бы то ни было жил на Нили-стрит; и когда я ему сказал, что друзья, посещавшие его, сказали, что он там жил, то он сказал, что они ошиблись, думая, что они посещали его там, потому что он там никогда не жил.

Во время этого допроса Освальд сказал, что он марксист. Он повторил два или три раза: «Я марксист, но не марксист-ленинец». Он сказал мне, что радиостанция в Новом Орлеане, на которой он участвовал в дискуссии, была та самая, что передавала программу Билла Стаки. Он вновь отрицал знакомство с Алексом Хиделлом в Новом Орлеане и опять повторил о своих симпатиях к Комитету справедливого отношения к Кубе и к делу, за которое борется комитет.

Допрос продолжался еще некоторое время: затем начальник полиции Джесси Э. Керри пошел в канцелярию и спросил меня, готов ли я к переводу этого человека в тюрьму. Я ответил ему, что мы будем готовы, как только в подвальном этаже будет закончена организация охраны, откуда Освальд должен был быть посажен в машину для перевозки его в окружную тюрьму. Я возражал против того, что телесъемочные камеры загораживают тюремную дверь, и Керри объяснил мне, что эти аппараты передвинуты и что телесъемщики находятся достаточно далеко от двери. Тогда я сказал ему, что мы готовы. Он приказал нам приготовить заключенного, прибавив, что он и его помощник Стивенсон встретят нас в окружной тюрьме. Рубашка Освальда, бывшая на нем в момент ареста, была снята и отправлена вместе со всеми другими вещественными доказательствами в криминологическую лабораторию в Вашингтон для производства сравнительного анализа. Освальд сказал, что он хотел бы надеть рубашку, принесенную вместе с другой его одеждой в канцелярию, поверх майки, которая на нем была. Мы выбрали лучшую рубашку из его вещей, но он сказал, что он предпочитает надеть более теплую рубашку черного цвета. Мы сделали эту замену, и я спросил его, не хочет ли он надеть шляпу, дабы во время перевозки в автомобиле хоть несколько прикрыть лицо, вместо того чтобы предстать пред взорами толпы с открытой головой. Он не захотел этого сделать. Тогда полицейский Дж. Р. Ливелл соединил наручниками свою левую руку с правой рукой Освальда, и мы вышли из канцелярии, чтобы приступить к перевозке.

Поскольку этот доклад писался с черновых заметок и по памяти, вполне возможно, что один из упомянутых вопросов являлся темой другого допроса, а не того, что указан в этом отчете. Освальд допрашивался в самых неблагоприятных условиях в моей канцелярии размером 9 футов 6 дюймов на 14 футов и лишь с одним выходом, что вынуждало нас

каждый раз, когда его переводили из моей канцелярии в тюрьму – расстояние в 20 футов, – вести его через толпу из сотен людей. Толпа обычно делала попытки окружить его, выкрикивая вопросы, зачастую содержащие оскорбления. Эта канцелярия также окружена большими стеклянными окнами. И множество полицейских работает у них окон. У меня нет в этой канцелярии магнитофона, и я не был в состоянии вести протокол допроса.

Мне приходилось много прерывать допросы, выходить из канцелярии для допроса других свидетелей или для получения от полицейских дополнительной информации, необходимой для допроса.

//-- ДОКЛАДЫ АГЕНТОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ --//

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ

23 ноября 1963 г.

ЛИ ХАРВИ ОСВАЛЬД, 1026, Бекли-авеню, Даллас, Техас, допрашивался капитаном Уильямом Фритцем из Бюро по расследованию убийств и грабежей Главного управления полиции Далласа. Специальные агенты ФБР Джеймс П. Хости и Джеймс У. Букхаут присутствовали во время этого допроса. Когда они в 3 ч. 15 мин. дня вошли в комнату, где производился допрос, капитан Фритц уже некоторое время допрашивал Ли Харви Освальда.

Оба специальных агента назвали себя Освальду и поставили его в известность, что они являются представителями следственных властей и что все, что он скажет в их присутствии, может быть использовано против него. Освальд проявил враждебное отношение к ФБР и к обоим специальным агентам и сделал ряд нелестных замечаний относительно ФБР. Освальд потребовал, чтобы капитан Фритц снял с него наручники – следует заметить, что наручники были замкнуты за спиной Освальда. Капитан Фритц приказал одному из детективов снять наручники и вновь надеть их на Освальда спереди.

Капитан Фритц спросил Освальда, имел ли он когда-нибудь винтовку, и Освальд заявил, что он видел 20 ноября 1963 г., как г-н Трули, управляющий зданием склада школьных учебников, показывал нескольким лицам в своей канцелярии, расположенной на первом этаже здания, одну винтовку, но отрицал, что у него самого когда-либо была винтовка. Освальд заявил, что он никогда не был в Мексике, за исключением Тихуаны, да и то один раз. Он заявил капитану Фритцу о том, что прожил три года в Советском Союзе, где у него было множество друзей и родственников его жены. Освальд также признал, что несколько месяцев назад он состоял секретарем Комитета справедливого отношения к Кубе в Новом Орлеане. Он заявил, что этот комитет имеет свою главную квартиру в Нью-Йорке. Освальд признался, что получил награду за искусную стрельбу во время службы в Корпусе морской пехоты. Он признал далее, что проживает на Бекли-авеню в доме № 1026, в Далласе, под именем О. Х. Ли. Освальд признал, что он находился 22 ноября 1963 г. в Техасском складе школьных учебников, где он работает с 15 октября 1963 г. Он заявил, что в качестве рабочего он имеет доступ ко всему зданию, имеющему канцелярии на первом и втором этажах и склады на третьем, четвертом, пятом и шестом этажах. Освальд показал, что он завтракал примерно в полдень, и утверждал, что ел свой завтрак на первом этаже в столовой, однако пошел на второй этаж, где находится автомат с кока-колой, и взял бутылку кока-колы на завтрак. Освальд утверждал, что находился на первом этаже, когда президент Джон Ф. Кеннеди проезжал мимо этого здания.

Услышав, что произошло, сказал он, он подумал, что из-за наступившей суматохи в этот день работы больше не будет, потому он решил идти домой. Освальд показал, что он уехал домой на автобусе, там переоделся и пошел в кино. Освальд признал, что взял с

собой в кино револьвер, показав, что он сделал это, потому что ему так захотелось, не приводя другой причины. Освальд далее признал, что, когда его арестовали далласские полицейские, он пытался оказать сопротивление, получив при этом порез и шишку.

Освальд решительно отрицал, что застрелил полицейского Типпита или что он застрелил президента Джона Ф. Кеннеди. Допрос был закончен в 4 ч. 5 мин. дня, когда Освальд был отведен вниз для опознания.

22 ноября 1963 г. Даллас, Техас.

Подписи:

Джеймс П. Хости и

Джеймс У. Букхаут

Продиктовано: 23/11/63

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ

25 ноября 1963 г.

Ли Харви Освальд допрашивался в Бюро по расследованию убийств и грабежей Далласского полицейского управления в 6 ч. 35 мин. вечера капитаном Дж. У. Фритцем в присутствии специального агента ФБР Джеймса У. Букхаута. Освальд был поставлен в известность о личности и служебной правоспособности названного агента, как и о том, что он не обязан давать показания, что каждое даваемое им показание может быть использовано против него в суде, что каждое даваемое показание должно быть свободно и добровольно и что он имеет право совещаться с адвокатом.

Капитан Дж. У. Фритц представил Ли Харви Освальду фотографический снимок, найденный Далласским полицейским управлением при обыске, произведенном на основании судебного приказа в гараже дома г-жи Рут Пэйн, в Ирвинге, каковой и изображает Освальда, держащего винтовку и имеющего на себе револьвер в кобуре. Освальд был спрошен, узнает ли он себя на этом снимке. Он заявил, что не будет говорить об этом фотоснимке, не заручившись советом адвоката. Он заявил, что голова человека на снимке может быть его, но что является вполне возможным, что полицейское управление наложило эту часть фотографии на туловище кого-либо другого. Он указал, что многие фоторепортеры фотографировали его в течение того дня и, возможно, полиция подделала эту фотографию.

Освальд отрицал, что он купил какую бы то ни было винтовку в фирме «Клайн» в Чикаго.

Освальд пожаловался на то, что во время процедуры опознания полиция не разрешила ему надеть пиджак, подобный тем, которые были на других людях, выстроенных в одной линии с ним.

23 ноября 1963 г., Даллас. Техас.

Специальный агент Джеймс У. Букхаут

Продиктовано 24 ноября 1963 г.

//-- ОТЧЕТЫ ИНСПЕКТОРА СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ США ТОМАСА ДЖ. КЕЛЛИ --//

ПЕРВЫЙ ДОПРОС ЛИ ХАРВИ ОСВАЛЬДА

Около 10 ч. 30 мин. утра 23 ноября 1963 г. я провел первый допрос Освальда. Присутствовали при этом допросе, происходившем в помещении Бюро по расследованию убийств и грабежей Далласского полицейского управления, специальный агент ФБР Джеймс Букхаут, капитан Уилл Фритц от Бюро по расследованию убийств и грабежей Далласского полицейского управления, федеральный судебный исполнитель Роберт Кэш,

специальные агенты Дэйвид Грант и Соррелс, а также Бойд и Холл, сотрудники отдела капитана Фритца. Допрос не протоколировался. Г-н Соррелс и я присутствовали в качестве наблюдателей, поскольку Освальд был задержан по подозрению в убийстве и его охрана и допрос в это время лежали на ответственности Далласского полицейского управления.

В ответ на вопросы, задаваемые ему капитаном Фритцем, Освальд показал, что тотчас же по оставлении здания, где он работал, он уехал на автобусе в кинотеатр, где и был арестован; что, войдя в автобус, он взял пересадочный билет и после этого пересаживался в другие автобусы, пока не достиг своей конечной цели. Он отрицал, что в тот день принес на работу пакет, и отрицал, что когда бы то ни было упоминал о палках для занавесок в разговоре с парнем по имени Весли, везшим его на работу. Фритц спросил его, ездил ли он в тот день на такси, и тогда Освальд и изменил свою историю и показал, что когда он сел в автобус, то обнаружил, что автобус идет слишком медленно. Проехав два квартала, он сошел с него и взял такси до дома. Он заговорил с шофером такси, и тот сказал ему, что президент застрелен. Он уплатил за проезд на такси 85 центов.

Отвечая на вопросы, он показал, что это было в первый раз, что он поехал на такси, поскольку автобус всегда был к его услугам. Он показал, что, придя домой, он переменил брюки и рубашку, положив рубашку в ящик комода. Это была рубашка красного цвета, и он положил ее с грязной одеждой. Он описал эту рубашку, сказав, что она имела отложной воротник с пуговицами и была красноватого цвета. Брюки были серого цвета.

Он показал, что он завтракал в обществе работающих с ним негров. Он описал одного из них как негра с кличкой Младший, а другой был негритянский парень небольшого роста. Он показал, что его завтрак состоял из сыра, хлеба и яблок и это был единственный пакет, который он принес с собой на работу.

Он показал далее, что г-жа Пэйн практикуется в русском языке, живя в одном ломе с его женой. Он утверждал, что у него никогда не было винтовки. Он показал, что знает г-на Пэйна не очень хорошо, но что Пэйн приезжает обычно по средам или пятницам в дом, где его жена живет с г-жой Пэйн. Он показал, что г-н Пэйн имеет один автомобиль, а г-жа Пэйн – два. Отвечая на вопросы капитана Фритца, он показал, что его вещи находились в гараже г-жи Пэйн и что они состояли из двух брезентовых мешков и нескольких других пакетов, и что он привез их с собой из Нового Орлеана примерно в сентябре. Он показал, что его брат Роберт живет на Давенпорт-стрит, в доме № 7313, в Форт-Уорте и что Пэйны являются его наиболее близкими друзьями в городе. Он отрицал, что когда бы то ни было был членом коммунистической партии. У него никогда не было партийного билета. Он принадлежит к Американскому союзу по защите гражданских свобод и платит годовой членский взнос в размере 5 долл. Он добавил, что купил револьвер, найденный у него при аресте, около семи месяцев назад. Он отказался отвечать на вопросы, относящиеся к револьверу или к любому огнестрельному оружию, до своего разговора с адвокатом.

Освальд показал, что в прошлом, в разное время, он подвергался весьма подробным допросам со стороны ФБР; что они применяли все их обычные приемы допроса и всю их стандартную процедуру; что он очень хорошо знаком с процедурой допроса и что он не намеревается отвечать ни на какие вопросы, касающиеся какой бы то ни было стрельбы; что он знает, что не обязан на них отвечать до тех пор, пока к нему не будет приглашен адвокат. Он заявил, что ФБР применяло к нему свои жесткий и мягкий подходы; они применяли дружеский метод; что он хорошо знаком со всеми видами допросов и не имеет намерения давать какие-либо показания. Он заявил, что в течение трех последних недель,

когда агенты ФБР говорили с его женой, они вели себя невежливо и оскорбительно; они напугали ее, и он считает, что действовали они совершенно непозволительно. Он показал, что хочет обратиться к г-ну Абту, нью-йоркскому адвокату, которого он лично не знает, но который в 1949 или 1950 г. защищал «жертвы» закона Смита, что Абт поймет, какого рода это дело, и будет его превосходно защищать. Он показал в ответ на вопрос относительно его прошлых адресов, что он одно время жил на Магазин-стрит, дом № 4907, в Новом Орлеане и работал в фирме «Уильям Рэйли», что был арестован в Новом Орлеане за нарушение порядка и уплатил штраф в размере 10 долл. за участие в демонстрации в пользу Комитета справедливого отношения к Кубе, что участвовал в столкновении с некоторыми враждебными Кастро беженцами и что они были отпущены, тогда как он был оштрафован.

Будучи спрошен капитаном Фритцем, он сказал: «У меня нет никакого личного мнения о президенте. Моей жене и мне нравится его семья. Они интересные люди. У меня имеются мои личные взгляды на проводимую им политику. Я имею право выразить мое личное мнение, но в связи с обвинениями я не думаю, что мне следует распространяться далее». Освальд сказал: «Я не принадлежу к числу недовольных; ничто в президенте меня не раздражало». Он показал, что в 1962 г. он допрашивался ФБР, и что тогда же отказался подвергаться испытанию детектором лжи, и что он не намеревается теперь подвергнуться такому испытанию. Капитан Фритц показал ему военно-мобилизационное удостоверение, взятое из его бумажника, на котором значилось имя Алекса Хиделла. Освальд отказался отвечать по этому поводу, после того как и Фритц, и специальный агент ФБР Джеймс Букхаут потребовали его объяснений на этот счет. Я спросил его, смотрел ли он на автокортеж, и он ответил, что не смотрел. Тогда я спросил его, застрелили ли он президента, и он сказал, что нет. Я спросил его, ранил ли он выстрелом губернатора Коннелли, и он сказал, что нет. Он заявил, что он не намерен отвечать на дальнейшие вопросы без адвоката и что если он не получит Абта, то надеется, что Американский союз по защите гражданских свобод даст ему адвоката, чтобы представлять его. На этом капитан Фритц закончил допрос, в 11 ч. 30 мин. утра, 23 ноября 1963 г.

Томас Дж. Келли, инспектор

ДОПРОС ЛИ ХАРВИ ОСВАЛЬДА 23 НОЯБРЯ 1963 г.

Ли Освальд допрашивался в 12 ч. 35 мин. дня 23 ноября 1963 г. в канцелярии капитана Уилла Фриша, начальника Бюро по расследованию убийств и грабежей Далласского полицейского управления. Присутствовали при допросе: инспектор Келли, капитан Фритц, детективы Бюро по расследованию убийств и грабежей Сенкель и Тирнон и специальный агент ФБР Джеймс Букхаут. Капитан Фритц вел допрос, касавшийся главным образом установления мест жительства Освальда в Далласе и выяснения, где в Далласе хранились вещи Освальда. В итоге допроса Освальд сообщил капитану Фритцу, что большая часть его личных вещей, включая брезентовый мешок, находилась в гараже г-жи Пэйн, проживающей на 5-й ул. Вест, дом № 2515, в Ирвинге.

Допрос был закончен в 1 ч. 10 мин. дня. Немедленно после этого сотрудниками бюро по расследованию убийств и грабежей был получен судебный ордер на производство обыска, и вещи Освальда были взяты из дома г-жи Пэйн. Среди вещей были найдены два фотографических снимка Освальда, снятого в двух различных положениях. Освальд был изображен с винтовкой в одной руке и с газетами «Милитант» и «Уоркер» – в другой. На поясе Освальда, с правой стороны, был револьвер в кобуре. Этот снимок был увеличен в

лаборатории далласской полиции и был использован как основание для дополнительного допроса Освальда, состоявшегося около 6 ч. вечера того же дня.

23 ноября 1963 г. в 6 ч. вечера, в канцелярии начальника Бюро по расследованию убийств и грабежей Далласского полицейского управления капитана Фритца состоялся допрос Освальда, при котором, помимо меня, присутствовали: капитан Фритц, агент ФБР Джеймс Букхаут и четыре полицейских из Бюро по расследованию убийств и грабежей. При этом допросе надлежало выяснить историю увеличенных фотографий, на которых Освальд изображен с винтовкой и револьвером. Фотографии были найдены при обыске гаража г-жи Пэйн, проживающей на 5-й ул. Вест, дом № 2515, в Ирвинге. Когда фотографические снимки были показаны Освальду, он насмешливо улыбнулся, сказав, что эти фотографические снимки – подделка; что накануне он был несколько раз сфотографирован полицией и что, сделав снимки, они, по-видимому, наложили на фотографии винтовку и всунули в его карман револьвер. Он завел длинный спор с капитаном Фритцем о своих познаниях в области фотографии и несколько раз спрашивал Фритца, были ли малые снимки сделаны с больших или же большие снимки сделаны с малых. Он заявил, что в свое время он докажет, что фотографии поддельные. Фритц сказал ему на это, что меньший снимок был взят из его вещей в гараже. Освальд стал дерзить и отказался отвечать на дальнейшие вопросы, касающиеся фотографий, и признать, что фотографии изображают лично его. Капитан Фритц проявил большое терпение и настойчивость, пытаясь выяснить адрес бывшего местожительства Освальда, задний двор которого, по-видимому, изображен на фотографии, но стало очевидно, что Освальд, хотя и слегка потрясенный уликами, не намеревался давать какую бы то ни было информацию.

Допрос был закончен в 7 ч. 15 мин. вечера.

Томас Келли, инспектор

Библиография

Печатные источники, использованные при работе над книгой

Американский характер: Очерки культуры США. – М.: Наука, 1991.

Бабичев Н.Т., Боровский ЯМ. Словарь латинских крылатых слов. 2500 единиц. – М.: Русский язык, 1986.

Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. – Л.: Наука (Ленинградское отд.), 1981.

Балле Р., Фрелинг Н. Зарубежный детектив. Вып. 3 / Р. Балле. Прощай, полицейский! Н. Фрелинг. Смерть контрабандиста. – Вильнюс: Полина, 1991.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов / В рус. пер. с прил. – М: Жизнь с Богом, 1973.

Блейк Дж. Иного выбора нет. – М.: Международные отношения, 1991 (Blake G. No other choice. An Autobiography. Jonatan Cape. – L.).

Блоч Д., Фитцджералд П. Тайные операции английской разведки. – М.: Политиздат, 1987.

Геевский И.А., Червонная С.А. Под кодовым названием и без… За кулисами американской политики: Документально-художественные очерки. – М.: Агентство печати «Новости», 1985.

Герэн А., Варэн Ж. Люди из ЦРУ. – М.: Международные отношения, 1985.
Громыко А.А. Памятное. Книга первая. – М.: Политиздат, 1988.
Ефимов И. Кто убил президента Кеннеди. – М.: Терра – Terra, 1991.
Жуков Ю. СССР – США. Дорога длиною в семьдесят лет, или Рассказ о том, как развивались советско-американские отношения. – М.: Политиздат, 1998.
Зегет В. Элементарная логика / Пер. И.И. Морозовой. – М.: Высшая школа, 1985 (Segeth W. Elementare Logik. – Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften; 1973).
Ивин А.А. По законам логики. – М.: Молодая гвардия, 1983 (серия «Эврика»).
Логика / Под ред. Д.П. Горского и П.В. Таванца. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.
Лосев С., Петрусенко В. США: операции по уничтожению. – М.: Советская Россия, 1984.
Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. – М.: Прогресс, 1989.
Питер Л. Дж. Принцип Питера, или Почему дела идут вкривь и вкось. – М.: Прогресс, 1990.
Правительство Соединенных Штатов Америки. Отчет комиссии, назначенной президентом для расследования дела об убийстве президента Джона Ф. Кеннеди / P. Lawrence. – William Morrow & Company, 1964 (пер. на рус. яз. 1965 г.).
Сагателян М. Вашингтонская карусель. – М.: Советский писатель, 1987.
Сергеев Ф.М. Если сорвать маску… ЦРУ как оно есть. – М.: Политиздат, 1983.
Словарь русского языка. Т. I. II, III / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Русский язык, 1981.
Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки // Министерство безопасности России. – 1993. – № 1,2.
Тарасов Д. Жаркое лето полковника Абеля. – М.: Советский писатель, 1987.
Формальная логика: уч. для филос. факуль. ун-тов. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977.
ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. – New York: Liberty Publishing House, 1989.
Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. – М.: Nota Bene, 1992 (Andrew Ch., Gordiewsky O. KGB. The inside story of its foreign operations from Lenin to Gorbachev. Sceptre edition, 1991).
Яковлев Н.Н. Преступившие грань. – М.: Международные отношения, 1971.
Agee Ph. Inside the Company: CIA Diary. – N. Y.: Stonehill Publishing Company, 1975.
Barron, J. KGB. The secret work of soviet secret agents. – N. Y.: Reader's Digest Press. 1974.
Barron J. Compot contra Mexico «175» // Reader's Digest. – December 1971.
Barron J. The Soviet plot to destroy Mexico // Reader's Digest. – November 1971.
Blakey G, Billings R., Richard N. Fatal Hour. The assassination of president Kennedy by organized crime (Published in hardcover as The plot to the President). – N. Y.: Berkley Books, 1992.
Beschloss M.R. The Crisis years. Kennedy and Khrushcev. 1960–1963. – Edward Birmingame Books an Imprint of Harper Collins Publishers, 1991.
Crenshaw Ch. A., M.D. with Hansen, Jens and Shaw, Gary J. J.F.K. Conspirasy of Silence. – N. Y.: A Signet Book, 1992.
Davison J. Oswald's Game. – N. Y.: L.: W. W. Norton & Company, 1983.
Dictionary of American Slang / Second Supplemented Edition Compiled and Edited by Harold Wentworth & Stuart Berg Flexuer Thomas Y. Crowell, Publishers Established 1834. – N.Y.,

1975.
Duffy J.P., Ricci V.L The assassination of John F. Kennedy. – N. Y.: A Complete Book of Facts Thunder'Mouth Press, 1992.
Eddowes M. The Oswald File. – N. Y.: Clarkson N. Potter, Inc. Publisher, 1977.
Epstein E.J. Legend. The secret world of Lee Harvey Oswald. – N. Y.: Reader's Digest Press McGraw-Hill Book Company, 1978.
Epstein E.J. The Assassination Chronicles. – N. Y.: Inguest, Counterplot, and Legend Carrol & Graf Publishers, Inc., 1992.

Final Report of the Committee to Study Governmental operations with respect to intelligence activities. V. S. Senate.
The Investigation of the Assassination of President John F. Kennedy: Performance of the Intelligence Agencies. Book V. – Washington, 1976.
Garrison Jim. On the Trail of the Assassins. – Penguin Books, 1992.
Halpern S., Peake H. Did Angleton Jail Nosenko? // Internatinal Journal of lutelligence And Counterintelligence. Vol. 3. No. 4. – N. Y.: Jntel Publishing Croup, Inc., 1989.
Hinckle W., Turner W. The Fish is Red. The story of the secret war against Castro. – N. Y.: Harper and Row Publishers, 1981 (пер. с англ. М.: Прогресс, 1983).
Hougan J. Secret agenda. Watergate, Deep. Throat and the CIA. – N.Y.: Random House, 1984.
Kessler R. Inside the CIA. Revealing the Secret of the World's Most Powerful Spy Agency. – N. Y.: Pocket Books Adivision of Simon & Schuster Inc., 1992.
Knightley Ph. The Life and Views of the K.G.B. Masterspy. Andre Deutsch. M.: Республика, 1992.
Lifton D.S. Best Evidence, Disguise and Deception in the Assassination of John F. Kennedy. – N. Y.: Carrol & Graf Publishers, 1980.
Marrs J. The Plot that killed Kennedy. – N. Y.: Carrol & Graf Publishers, Inc., 1989.
McDonald H., Moore R. L.B.J, and the J.F.K. Conspiracy. – Westport, Connecticut: Washington: Condor Publishing Company Inc., 1978.
McMillan P.J. Marina and Lee. – N. Y.: Hagerstown: San Francisco: L.: Harper & Row, Publishers, 1977.
Meagher S. Accessories after the Fact The Warren Commission // The Authorities, and the report Vintage Books. – N. Y.: Adivision of Random Flouse, Inc., 1992.
Olgesby C. The J.F.K. Assassination. The facts and the Theories. – N. Y.: A Signet Book, 1992.
Ostrovsky V., Hoy C. By Way of Deception. – N. Y.: St. Martin's Press, 1990.
O'Toole G.J.A. The Encyclopedia of American Intelligence and Espionage from the Revolutionary War to the Present Facts on File. – N.Y.: Oxford, 1988.
The Oxford Russian-English Dictionary / By Marcus Wheeler Oxford at the Clarendon Press, 1972.
Phillips D.A. The Night Watch Atheneum. – N. Y.: 1977.
Prouty L.F. The Secret Team. The CIA and its Allies in Control of the United States and the World. – N. Y.: Prentice-Hall, Inc.: Engle-wood Cliffs, 1973.
Report of the Select Committee. On Assassinations V. S. Flouse of Representatives Ninety-Fifth Congress Second session // Union Calendar № 962. Flouse Report № 95-1828. Part 2. March 29. – Washington, 1979.

Report of the Warren Commission. On the assassination of President Kennedy // Bantam Books. – October 1964.
Rusell D. The man who knew too much. – N. Y.: Carroll & Graf Publishers / Richard Gallen, 1992.
Sauvage L. The Oswald affair. An Examination of the Contradictions and Omissions of the Warren Report. – Cleveland: N. Y.: The World Publishing Company, 1966.
Smith J. B. Portrait of a Cold Warrior. – N. Y.: G.P. Putnam's Sons, 1976.
Stone O., Sklar Z. J.F.K. The Book of the Film. The Documented Screenplay. – N. Y.: Applause Books 211 West 71 Street, 1992.
Summers A. Conspiracy. – N. Y.: Paragon Flouse, 1989 (Paperback ed.).
Summers A. Official and Confidential. The secret life of J. Edgar Floover. – L.: Victor Gollancz, 1993.
Ungar S.J. FBI. – Boston: Toronto: An Atlantic Monthly Press Book Little, Brown and Company, 1975.
Webster's New World Dictionary / David B. Guralnik (Gen. ed.) – Oxford & JBFI Publishing Co., 1975.
Wise D. Molehunt. The Secret Search for Traitors that Shattered the CIA. – N.Y.: Random Flouse, 1992.
Woodward R. Las guerras secretes de la CIA. – Mexico, S.A.: Editorial Grijalbo, 1988.

Периодические издания

Кто такой Юрий Носенко?// Совершенно секретно. – 1992. – № 6.
Газеты «Правда», «Известия» за ноябрь – декабрь 1963 г.
Отдельные статьи советских и зарубежных периодических изданий по проблеме убийства президента США Джона Кеннеди.
А также архивные материалы Службы внешней разведки Российской Федерации, Министерства безопасности Российской Федерации, КГБ Республики Беларусь.